М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в.

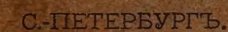
СЛОВО И ДѢЛО!

1700—1725.

Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ. — Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамильтонъ. — Петръ I-й какъ юмористъ.

Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное.

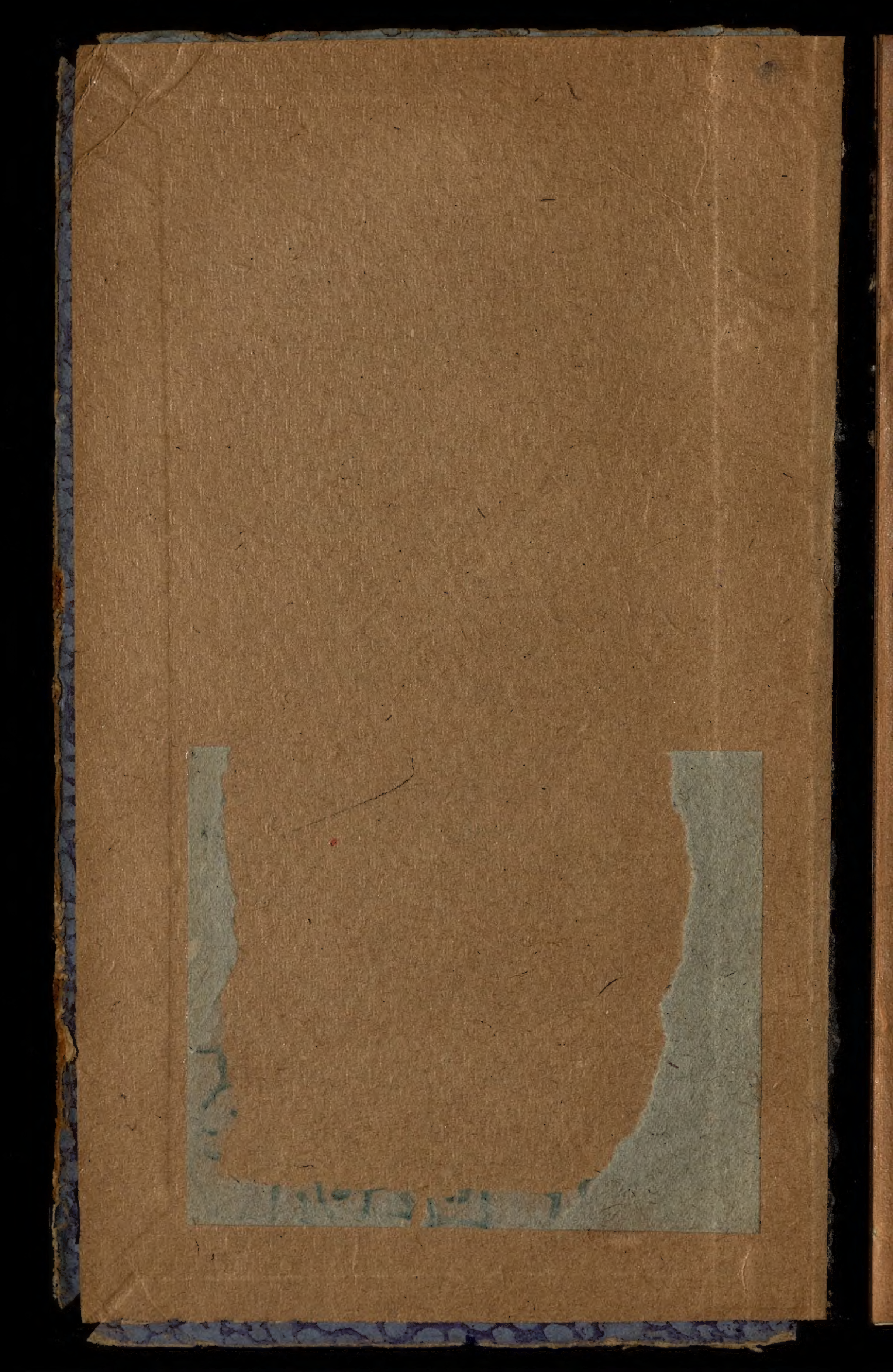
ЦѢНА **ДВА** РУБЛЯ.

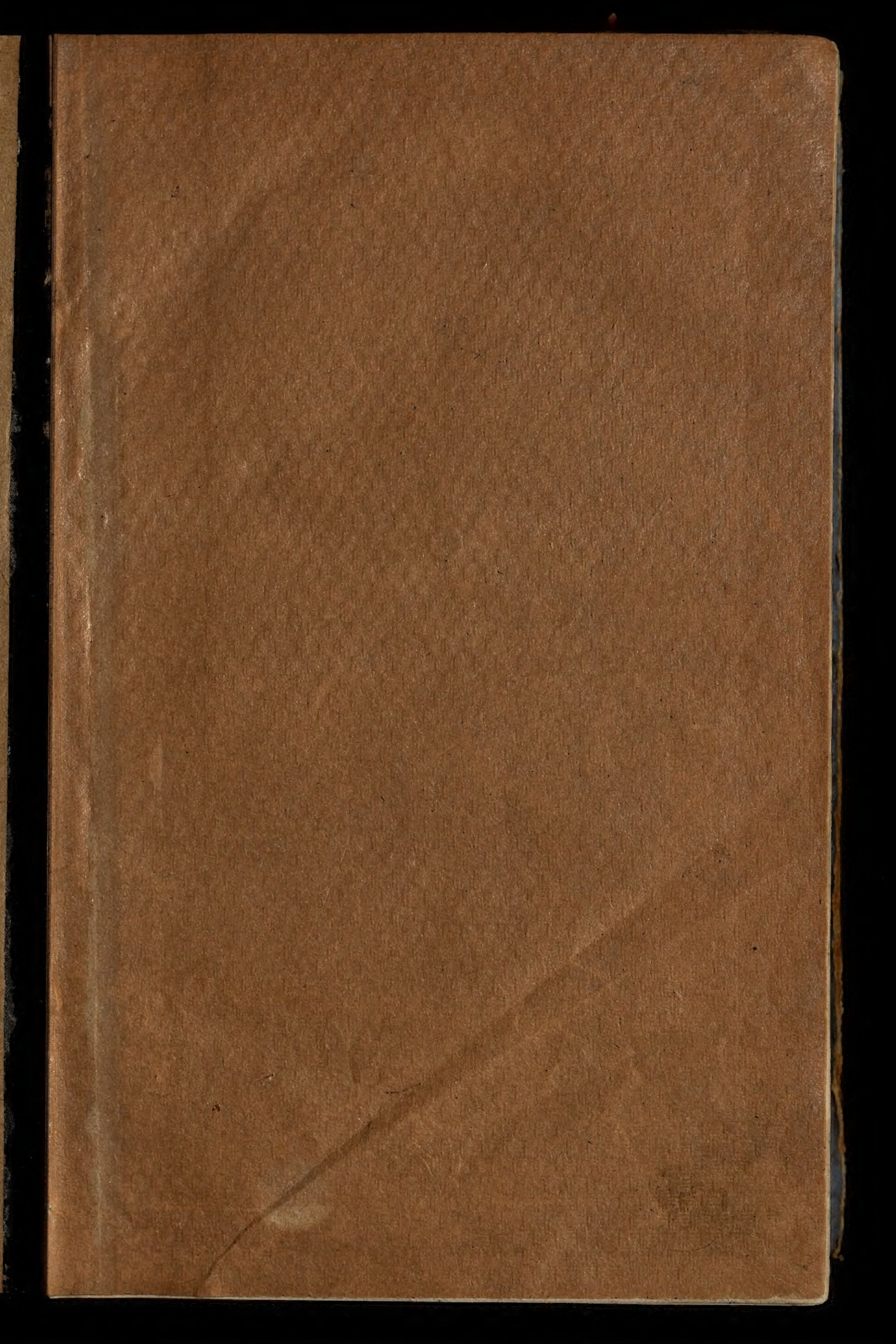

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатер. кан., № 78.
1885.

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина".

Екатерин. кан., д. № 78.
9608

Содержаніе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ настоящей книгѣ собраны историческіе очерки и разсказы изъ эпохи Петра Великаго, составленные нами болѣе двадцати четырехъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1860—1862 гг.

Всѣ эти статьи тогда же были напечатаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: „Отечественныя Записки" изд. А. А. Краевскаго, „Время" изд. М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ, „Свѣточъ" изд. Д. И. Калиновскаго и А. П. Милюкова, „Вѣкъ" изд. А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина и П. И. Вейнберга, „С.-Петербургскія Вѣдомости" изд. В. Ѳ. Корша, „Русская Рѣчь" изд. Евгеніи Туръ и „Иллюстрація" изд. г. Баумана.

Если настоящіе очерки и разсказы не утратили и по истеченіи двадцати четырехъ лѣтъ своего значенія и интереса, то, главнымъ образомъ, потому, что всѣ они составлены по подлиннымъ, до того времени неизданнымъ документамъ. Матеріалы эти суть бумаги Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи времени Петра Великаго, болѣе ста лѣтъ хранившіяся въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, но при императорѣ Николаѣ Павловичѣ перенесенныя, по его волѣ, въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ зданіе главнаго штаба, и разобранныя по картонамъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ графа Дмитрія Николаевича Блудова.

Взявъ въ основаніе нашихъ очерковъ архивный матеріалъ, передавая его съ наивозможно бо́льшею точностью, мы старались обставить его всѣми данными, какія нашли въ печатной исторической литературѣ до 1860-хъ гг., русской и иностранной, относительно времени императора Петра Великаго.

Читатели, конечно, замѣтятъ легкое, живое изложеніе, быть можетъ не всегда соотвѣтствующее серьезности предмета, о которомъ мы повѣствуемъ въ томъ или другомъ очеркѣ. Это явленіе объясняется какъ молодостью автора (23 года) въ то время, когда писались настоящіе очерки, такъ и увлеченіемъ—явить нѣкоторый протестъ противъ той сухой и напыщенной фразировки, которою отличались покойные академикъ Николай Герасимовичъ Устряловъ и его предшественники И. И. Голиковъ, даже Н. А. Полевой и проч. лица во всѣхъ тѣхъ статьяхъ и книгахъ, въ которыхъ трактовали они о Петрѣ Великомъ, размалевывая этотъ историческій, истинно величавый, образъ такими бѣлилами и румянами, въ которыхъ онъ вовсе не нуждался, да никогда и не будетъ нуждаться.

Превосходный трудъ С. М. Соловьева о Петрѣ I и эпохѣ преобразованія Россіи не существовалъ еще, когда мы углубились въ изученіе преимущественно бытовой исторіи времени царя Петра Алексѣевича.

Съ тѣхъ поръ, когда настоящіе наши очерки были впервые напечатаны,—явилась, кромѣ труда С. М. Соловьева, цѣлая литература, болѣе или менѣе важныхъ по значенію и интересу, книгъ, монографій, очерковъ, цѣлыхъ сборниковъ матеріаловъ, посвященныхъ изученію Петра Великаго и его царствованія.

Много данныхъ, въ этомъ отношеніи, представилъ, въ ряду прочихъ изданій, и нашъ историческій журналъ „Русская Старина" въ пятнадцать лѣтъ его изданія, съ 1870 по 1884 г. включительно.

Все это дало бы намъ возможность восполнить настоящіе наши очерки и разсказы, но мы воздержались отъ дополненій.

Мы удовольствовались только пересмотромъ и исправленіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, замѣченныхъ нами погрѣшностей. Намъ жаль было отнимать у нашихъ разсказовъ именно тотъ особый колоритъ, которымъ они отличаются и который, быть можетъ, и незаслуженно привлекъ къ нимъ въ свое время вниманіе многихъ читателей настолько по крайней мѣрѣ, что мы даже въ послѣдніе годы получили много писемъ отъ подписчиковъ „Русской Старины"

съ выраженіями пожеланій видѣть наши историческіе очерки и разсказы 1860-хъ годовъ собранными въ новомъ и отдѣльномъ изданіи.

Въ удовлетвореніе этихъ пожеланій мы выпустили въ свѣтъ, въ 1883 году, изданіе книги „Царица Прасковья“, 1664—1723 гг, а затѣмъ представили сборникъ нашихъ-же историческихъ очерковъ и разсказовъ изъ эпохи Петра I-го подъ заглавіемъ: „Слово и дѣло“.

Впослѣдствіи времени надѣемся представить и остальные наши историческіе труды изъ области русской исторіи XVIII вѣка, подготовившіе насъ къ изданію „Русской Старины“, посвященной, почти исключительно, изученію отечественной исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій.

С. Мерекюль. 5-го сентября 1883 г.

Изданная нами въ концѣ 1883 г. настоящая книга нашихъ очерковъ и разсказовъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка „Слово и дѣло“—разошлась сполна, до послѣдняго экземпляра, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. —По требованію многихъ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, мы напечатали нынѣ эту книгу третьимъ изданіемъ. Оно выходитъ въ свѣтъ безъ всякихъ, противъ второго изданія, перемѣнъ, съ тѣмъ лишь однако, что многіе подлинные документы, въ ней напечатанные, весьма тщательно вновь свѣрены съ подлинниками; замѣченныя описки и типографскія погрѣшности исправлены;. такъ въ особенности провѣрены съ подлинниками письма, замѣтки и разные собственноручные наброски Петра Великаго, см. стр. 298—320 и друг.

Михаилъ Семевскій.

Спб. 1-го февраля 1885 г.

Изданія „Русской Старины“:

„Русская Старина“ 1870 г. въ трехъ изданіяхъ; послѣднее изд., въ трехъ систематическихъ томахъ, вышло въ 1875 г. Спб. 8 д., томы I и II.

„Русская Старина“ 1871 г. Спб. 8 д., томы III и IV.

„Русская Старина“ 1872 г. Спб. 8 д., томы V и VI.

„Русская Старина“ 1873 г. Спб. 8 д., томы VII и VIII.

Приложенія къ этихъ четыремъ годамъ „Русской Старины“ составляютъ „Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1796 гг.“, 29 частей, въ четырехъ томахъ.

„Русская Старина“ 1874 г. Спб. 8 д., томы IX, X и XI.

„Русская Старина“ 1875 г. Спб. 8 д., томы XII, XIII и XIV.

Приложеніе къ этому году составляютъ „Записки генерала Манштейна о Россіи“, 1727—1744 гг., переводъ съ подлинной рукописи.

Примѣчаніе: „Русская Старина“ 1870 г. (первыя два изданія), 1871—1875 гг., а также Записки Болотова и Манштейна разошлись сполна до послѣдняго экземпляра.

„Русская Старина“, каждый годъ въ трехъ томахъ, 1876 г., изд. первое и второе; 1877 г., 1878 и 1879 гг., томы XV—XXVI.

„Русская Старина“ 1880 г., втор. изд., томы XXVII—XXIX.

„Русская Старина“ 1881 г., въ трехъ томахъ, XXX—XXXII.

Приложеніе къ изд. 1881 г. составляютъ „Записки Семена Андреевича Порошина“, 1764—1766 гг.

„Русская Старина“ изданіе 1882 г., тт. XXXIII—XXXVI.

„Русская Старина“, изданіе 1883 г., тт. XXXVII—XL.

„Русская Старина“, изданія 1884 г. и 1885 г., каждое въ четырехъ томахъ, XLI—XLVIII.

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга I-я: „Царица Прасковья“, 1664—1723 гг. Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками. С.-Петербургъ, 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256. Цѣна два руб. съ пересылкой. (Напечатано 3000 экз., осталось немного экземпл.).

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга II-я: „Слово и дѣло“, 1700—1725 гг. Изданія второе и третье, 8 д., стр. VI + 344. Цѣна два руб. съ пересылкой. (Напечатано 2600 + 2400 экз.).

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга III-я: „Царица Катерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“, 1690—1724 гг. Спб. 1884 г., съ портретами и рисунками. Цѣна 2 р. 50 к. (Напечатано 4000 экз.).

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

1720—1725 гг.

„Слово и дѣло!!“

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

„Слово и дѣло!!“

I.

Вершеныя дѣла Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи (полное развитіе которой, безспорно, принадлежитъ Петру Великому) представляютъ неисчерпаемый драгоцѣннѣйшій матеріалъ для знакомства съ духомъ времени, съ законодательствомъ его эпохи, съ сподвижниками великаго монарха, а главное—съ обществомъ, съ русскимъ людомъ того времени.

Въ самомъ дѣлѣ, за громкими и славными побѣдами Петра, за дивнымъ основаніемъ пышнаго города на тряскихъ болотахъ, въ пыли, поднявшейся при ломкѣ всего стараго, за пристройками и постройками новаго зданія, пышными декораціями всевозможныхъ учрежденій, пересаженныхъ съ иноземной почвы, мы рѣшительно не видимъ того народа, ради котораго дѣлалось все это.

Гдѣ же онъ, съ своимъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи? Что не слыхать его толковъ и разсужденій по поводу преобразованій? Какъ принимаетъ онъ тотъ, либо другой указъ, что толкуетъ онъ объ этомъ нововведеніи, о начатой войнѣ, о заключенномъ мирѣ, о казняхъ стрѣльцовъ, о заточеніи царицы Авдотьи, о казни царевича Алексѣя, о лютыхъ истязаніяхъ сотень людей, его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ и согласниковъ? Какъ принимаетъ этотъ народъ указы о перемѣнѣ одеждъ, нравовъ и обычаевъ, освященныхъ давностью и духовными властями? Какъ принимаетъ этотъ народъ вѣсти о неудачахъ царскихъ, о его немощи; насколько онъ понимаетъ его великія идеи, насколько сочувствуетъ имъ?...

Находимъ ли мы отвѣты на нескончаемый рядъ подобныхъ вопросовъ хоть у кого-нибудь изъ длинной фаланги писателей о Петрѣ и петровской эпохѣ? Заглянемъ въ сочиненія Крекшина, въ дневники и записки Нащокина, Гордона, Гизена, Желябужскаго, Корба, Неплюева, въ сочиненія и записки Бергмана, Галема, Шотлея, Мовильона, Ѳеофана Прокоповича, Рабенера, Туманскаго, Катифора, Ѳеодозіи, Коха, Шелля, въ достопамятныя сказанія Штелина, въ толстые томы Голикова, Устрялова, въ разсказы Вольтера, Леклерка, Левека, Полеваго... Ну, да пересмотрите хотя всѣ сочиненія о Петрѣ, какія только собраны (а ихъ нѣсколько шкафовъ) просвѣщеннымъ начальствомъ Императорской Публичной Библіотеки. Что-жъ? Много ли вы найдете въ нихъ отвѣтовъ на наши вопросы? При вашемъ пересмотрѣ, вы найдете болѣе или менѣе искусные разсказы о дипломатическихъ сношеніяхъ дворовъ, о походахъ, битвахъ, осадахъ, о постройкахъ крѣпостей, городовъ, о путешествіяхъ, празднествахъ, увеселеніяхъ, нерѣдко о всякаго рода казняхъ, наконецъ, зачастую встрѣтите длинныя разсужденія авторовъ о нравахъ, объ обществѣ того времени, о важности либо вредѣ того или другого указа. Большинство этихъ творцовъ записокъ, разсужденій, исторій, обзоровъ, повѣствованій, взглядовъ и т. п. произведеній падаетъ во прахъ предъ великимъ преобразователемъ, съ умиленіемъ лобызаетъ его державную руку, дивится его генію, превозноситъ его величіе... меньшинство же пускается въ насмѣшки, доходящія до брани, нерѣдко ни на чемъ не основанной.

За всѣмъ тѣмъ, вы почти нигдѣ не видите русскаго человѣка петровскаго времени. Мало того, вы не видите даже главныхъ дѣятелей эпохи иначе, какъ либо поставленныхъ на высокія ходули, такъ что шапка валится съ головы, при одномъ взглядѣ на „сіи знатныя персоны“, либо персоны эти брошены въ грязь, такъ что на нихъ не видать лица человѣческаго...

Но оставимте великихъ людей.—Для нихъ есть историки искусные, патентованные... нѣтъ, мы хотимъ ограничиться людьми „подлой породы“; мы хотимъ сойтись сколь возможно ближе съ мелкимъ людомъ того времени. Вѣдь эта мелочь, эта забытая историками толпа—основаніе картины, вѣдь безъ нея она мертва, она не имѣетъ смысла!...

Ради этого знакомства, мы поспѣшимъ зайти въ келейку тогдашняго затворника, пройдемъ путемъ-дорогой со странникомъ да

странницей въ дальнюю пустынь, побесѣдуемъ съ отцемъ-монахомъ о грозныхъ небесныхъ знаменіяхъ, о тайныхъ видѣніяхъ, смущающихъ его и на яву, и во снѣ... Пошепчемся „безъ утайки“, тѣмъ не менѣе за затворенною дверью, съ боязливою оглядкою, со старикомъ-раскольникомъ о нѣмецкомъ оборотнѣ, о томъ, что пришелъ антихристъ, что рушитъ и валитъ онъ все направо да налѣво—и близится, близится паденіе матушки-Руси, а съ ней и всего грѣшнаго міра... А вотъ кабакъ,—то „царское кружало“. На многихъ изъ нихъ мы видимъ портретъ великаго монарха; мы не пройдемъ мимо пріюта радости и горя русскаго человѣка. Не побрезгаемъ. Сядемте, да выпьемте кружку хмѣльнаго пивца, либо стаканчикъ винца... Не бойтесь, мы не потеряемъ время; вотъ этотъ мужичекъ сообщитъ намъ, „подъ утайкой“, весьма важную новость: пришли-молъ тучи тучей цесарскіе корабли, требуютъ-де они либо великаго князя, либо измѣнниковъ, погубившихъ царевича (см. далѣе II-й разсказъ); а то вотъ и хохолъ, простодушный малороссъ, чокнемся съ нимъ—онъ поговоритъ о новомъ титулѣ, принятомъ государемъ, объ императорѣ всероссійскомъ, досконально объяснитъ свой взглядъ на этотъ предметъ (IV-й разск.).

Вотъ ссорятся пьяный мужъ съ женой (VI-й разск.); бранится „вельми шумный“ подъячій (VII-й разск.); оретъ подгулявшій старецъ, отче Антоній (IX-й разск.); кричитъ слово и дѣло! солдатская женка Ирина (V-й разск.); въ тиши ночной, на нарахъ, ведутъ зазорный разговоръ „школяры“, представители тогдашней учащейся молодежи (см. далѣе XVI-й разсказъ), и проч. и проч. и проч. Остановимтесь, послушаемъ. Они пьяны, говорятъ „внѣ ума“; но вѣдь не даромъ же сложилась на Руси пословица: „что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ“. Не даромъ же ведутъ ихъ за тѣ рѣчи „непотребныя“ въ вертепы Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи... Если бы никто не находилъ въ тѣхъ словахъ смысла и значенія, зачѣмъ же вести болтуновъ на пытку, подъ кнутъ, на эшафотъ...

Кто же доставитъ намъ знакомство со всѣмъ этимъ людомъ, до сихъ поръ почти всегда забываемымъ изслѣдователями петровской эпохи?

— Вершеныя дѣла Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.

Доносы, подметныя письма, справки, отношенія, промеморіи, частныя письма, допросы, показанія, очныя ставки, застѣночные документы, объявленія, приговоры,—что ни листъ въ нихъ, что ни страница, то, будьте увѣрены, новая черта для обрисовки нашей

картины.—Здѣсь мы найдемъ цѣлыя біографіи лицъ самаго разнообразнаго рода жизни, сословій, возрастовъ и пола; здѣсь мы отыщемъ разсказы объ обычаяхъ и повѣрьяхъ этихъ людей, отсюда узнаемъ ихъ задушевныя мысли, ихъ скорби о прошедшемъ, негодованье на настоящее, затаенныя надежды на лучшее будущее...

А это что за люди, по другую сторону? Предъ кѣмъ стоятъ наши новые знакомые, наши разсказщики?

Тѣ люди—важные сановники, то сподвижники Преобразователя. Они передовые люди,—имъ выпала слава и честь вести впередъ дорогую отчизну. Но здѣсь не подходите къ нимъ, не мѣшайте—они заняты дѣлами, по тогдашнему воззрѣнію, первой важности... Въ этихъ мрачныхъ и затхлыхъ застѣнкахъ они допрашиваютъ, они записываютъ показанія, они грозятъ подсудимымъ, они весело болтаютъ межъ собой, они розыскиваютъ о государственныхъ противностяхъ...

Тсъ... Тише... Слышите эти вопли?—Кого-то пытаютъ... Выйдемъ поскорѣй на чистый воздухъ, да и кстати поговоримъ о допросахъ съ пристрастіемъ.

Послѣднее время[1]) въ различныхъ историческихъ розысканіяхъ, съ легкой руки академика Устрялова и съ его тяжеловѣснаго VI-го тома „Исторіи царствованія Петра“, мало по малу начали обнажаться темные углы, мрачныя стороны великаго царствованія. До сихъ поръ ослѣпленные блескомъ всего великаго, геніальнаго, смѣлаго, героическаго въ дѣяніяхъ Петра Великаго, мы (говорю о нѣкоторыхъ) съ отвращеніемъ стали приглядываться къ изнанкѣ этихъ дѣяній, и, не успѣвъ еще хорошенько приглядѣться, испугались и закричали: къ чему это, для чего, что пользы въ томъ, что намъ стали разсказывать, да показывать! Вотъ, напримѣръ, пытки—для чего намъ знать, что онѣ были, для чего разсказами объ этихъ звѣрствахъ—класть пятно на великое имя, на славное время? Развѣ въ другихъ государствахъ было лучше?... развѣ... и т. д.

О пользѣ изслѣдованій, не обходящихъ темные углы исторіи, мы не станемъ трактовать; это увлекло бы насъ слишкомъ далеко, да и мы, по обыкновенію обѣгая голословныя разсужденія, спѣшимъ перейти къ фактамъ,—къ цѣли и содержанію настоящихъ очерковъ; но не можемъ обойти послѣдней замѣтки: мы не понимаемъ почему

[1]) Писано въ 1860 г.

именно въ пыткахъ находятъ какой-то упрекъ времени, лицамъ, обществу, а прежде всего—упрекъ Петру? Для чего отворачиваться отъ страшныхъ подробностей и упрекать тѣхъ, кто по мѣрѣ силъ и возможности рѣшается приподнять доселѣ опущенную надъ ними завѣсу? Вѣдь рано или поздно надо же будетъ узнать истину; вѣдь изъ того, что дѣйствительно было—ничего не выкинешь. Для чего же только внукамъ да правнукамъ нашимъ предоставить право знать историческую истину петровской эпохи во всей ея наготѣ, а самимъ закрыть глаза и наивно повторять высокопарныя, надутыя фразы историковъ?—Неужели же полтораста протекшихъ лѣтъ мало, чтобы дерзнуть, наконецъ, стряхнуть пыль съ прошедшаго?... Пытки... Пытки были неотъемлемою принадлежностью тогдашнихъ судопроизводствъ; были онѣ въ Россіи, и еще утонченнѣе, если хотите, еще ужаснѣе были въ Европѣ. Осуждать за нихъ Петра Великаго—все равно, что осуждать его за то, что онъ не имѣлъ того гуманнаго взгляда на человѣческое достоинство, какое явилъ Александръ I, обнародывая 27 сентября 1801 года знаменитый указъ противъ пытокъ.

Точно также негодовать на сподвижниковъ Петра—все равно, что желать, чтобы князья Ѳедоръ Юрьевичъ и Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскіе, Петръ Андреевичъ Толстой, гг. Скорняковъ-Писаревъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ съ товарищи, дѣятели 1700-хъ годовъ, походили бы на Мордвинова, Сперанскаго, Строгановыхъ, Воронцовыхъ (Семена Михайловича и Михаила Семеновича), Кочубея, Н. Румянцева, Новосильцева, Витгенштейна, А. Шишкова и другихъ доблестныхъ сподвижниковъ Александра I-го. Притомъ петровскія пытки были игрушками противъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ истязаній, какія выработала цивилизованная Европа... Изъ слѣдующаго документа прошлаго столѣтія совершенно ясно видно, какъ немногосложенъ былъ „обрядъ, како обвиненный пытается“. Обрядъ этотъ былъ у насъ во всей силѣ въ продолженіи всего XVIII вѣка до временъ Александра I-го.

Обрядъ како обвиненный пытается [1]).

„Для пытки приличившихся взлодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ полисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи и секретарь, и для за-

[1]) Мы приводимъ этотъ документъ буквально изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи, 1735—1754 гг., карт. XVII, № 9.

писки пыточныхъ речей подьечей; і, въ силу указу 742-го году, велено, записавъ пыточныя речи, крѣпить судьямъ, невыходя іззастенка.

Взастенке же для нытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третей сверху, поперегъ.

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачь явится долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оные есть: хомутъ шерстяной, хкоторому пришита веревка долгая; кнутья, і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

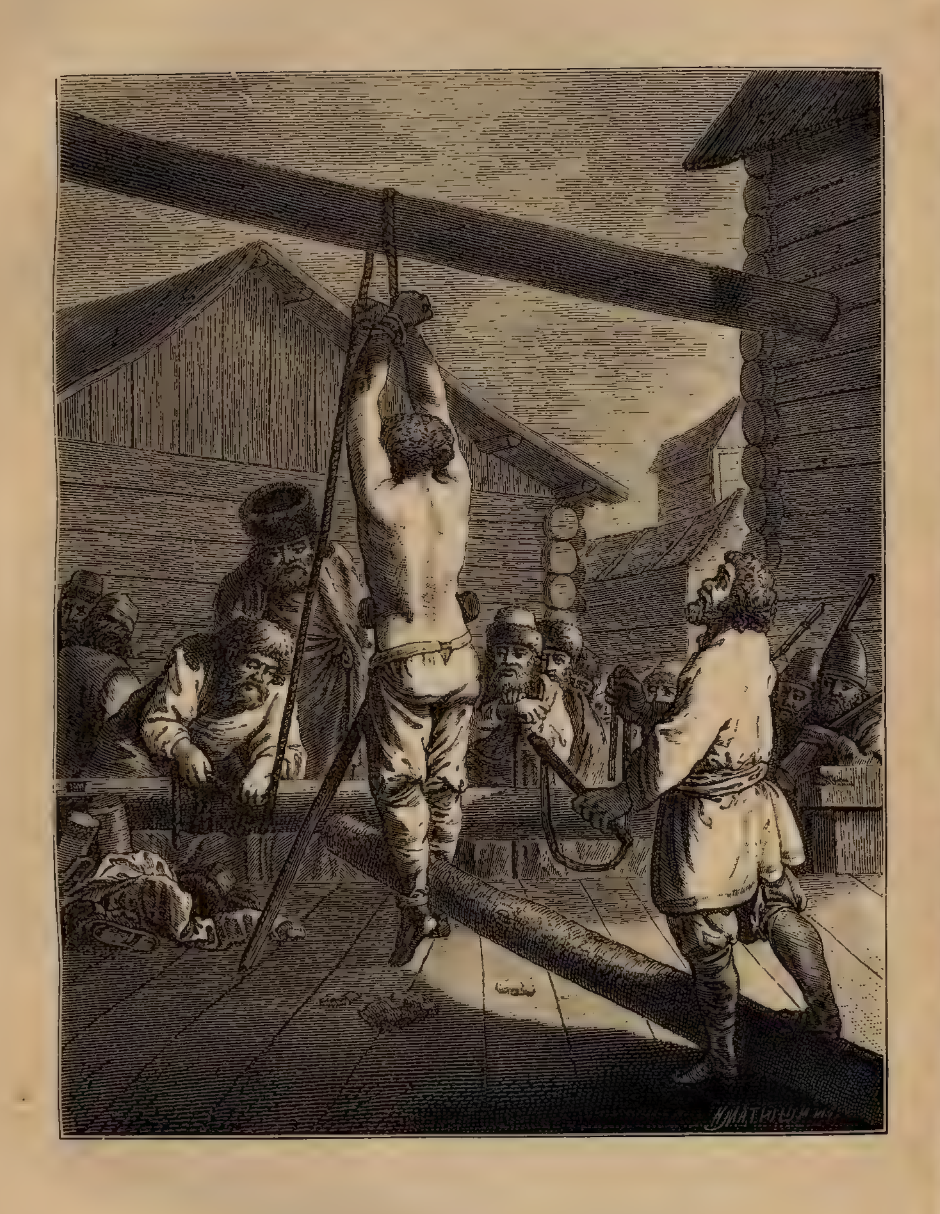
По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной в дыбѣ столбъ і взявъ подлежащаго к пытке, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягивается, дабы пытаной на земле не стоялъ. У котораго руки і выворотитъ совсемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы к столбу; і растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станетъ.

Естьли-жъ іс подлежащихъ к пытке такой случитца, которой ізобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія істины употребляются нарочно:

1-е тиски, здѣланныя із желѣза в трехъ полосахъ с винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножныя два; и свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать.

2-е наложа на голову веревку і просунувъ кляпъ і вертятъ такъ, что оной ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на голове волосы до тѣла, і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, от чего также въ изумленіе приходитъ.

3-е при пыткѣ, во время таково-жъ запирательства і для изысканія істины, пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно і на оное палачь становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть ево, дабы болѣе истязанія чув-

ВИСКА ИЛИ ДЫБА ВЪ РОССІИ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

М. И. Семевскій: «Слово и Дѣло», изд. третье.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 февраля 1885 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумаг

ствовалъ. Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытаннаго з дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу таким же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытанной на второй іли на третей пытке речи переменитъ, то еще трижды пытается.

I есть-ли переговаривать будетъ в трехъ пыткахъ, то пытки употребляютца до тѣхъ поръ, пока с трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли в чемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачь, отвязавъ привязанныя ноги от столба, висячего на дыбе ростянетъ і зажегши веникъ с огнемъ водитъ по спине, на что употребляетца вениковъ три или болше, смотря по обстоятельству пытанаго.

Когда пытки окончатся і пытаной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ, а при посылке также ноздри вырезываются. I сверхъ того особливыми присланными стемпелями на лбу і на щекахъ кладутся знаки (:воръ:) в техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і ими палачь бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і от того слова видны бываютъ“.—

Нечего и говорить, что каждый порадуется тому, что нынѣ нѣтъ ни этихъ истязаній, ни вырыванія ноздрей, ни татарскаго обычая брить головы, ни кнутовъ, ни нещаднаго сѣченія батогами, уменьшилось употребленіе клеймъ, плетей и шпицрутеновъ [1])...

Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы, восхваляя настоящее, умалчивать о прошедшемъ? Только тогда и хорошо настоящее, только тогда и цѣнимъ мы его свѣтлыя стороны, когда знаемъ тотъ историческій процессъ, какимъ онѣ выработались, когда знаемъ темныя стороны доброй старины..

[1]) Писано въ 1860 г., то есть до Высочайшаго указа императора Александра II-го, 1863 г., освободившаго Россію отъ тѣлесныхъ наказаній.

Слово и дѣло! Обращаемся къ нему. Мы не имѣемъ въ виду разсматривать юридически этотъ обычай обвиненій въ государственныхъ преступленіяхъ; въ настоящихъ очеркахъ мы только хотимъ познакомить нашихъ читателей съ фактами, возникшими изъ слова и дѣла! Изъ множества дѣлъ мы выбираемъ эпизоды небольшіе по объему, но довольно интересные по содержанію и дѣйствующимъ въ нихъ лицамъ.

II.

Цесарскіе корабли [1]).

Продолжительная борьба съ Швеціей сильно утомила народъ и войско; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали мира, и отъ Петербурга до дальнихъ странъ сибирскихъ всѣ толковали, каждый по своему, о тягостяхъ войны, о времени заключенія мира, объ условіяхъ, на которыхъ онъ можетъ быть заключенъ, и проч. Нечего и говорить, что на подобныхъ толкахъ и пересудахъ, совершенно впрочемъ невинныхъ, отпечатывались воззрѣнія простодушныхъ и суевѣрныхъ простолюдиновъ, тѣмъ не менѣе и они, проникая въ „Тайную Канцелярію“, вызывали аресты, допросы и штрафованья говоруновъ: „не толкуй-молъ, не твое дѣло, жди да молчи; что повелятъ, то и будетъ; не тебѣ вѣдь разсуждать“!...

Какъ ни велика была острастка, а говоруны не унимались; жажда толковъ и новостей быстро распространялась.

Вотъ, напримѣръ, два собесѣдника... О чемъ они толкуютъ съ съ такимъ жаромъ? Подойдемъ, да послушаемъ.

— ...Куда-жъ ты ѣдешь? спрашиваетъ содержатель шинка Барышниковъ, нагнавъ по дорогѣ въ Пошехонскомъ уѣздѣ слугу ингерманландскаго полка офицера—солдата Малышникова.

— Послалъ меня баринъ къ поручику нашего же полка, къ Кольчугину, въ село Погорѣлое.

— Зачѣмъ?

— А вотъ ѣду къ Кольчугину, для того, что намъ, по указу, велѣно идти въ Ревель...

---

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XX, д. № 43.

— Вотъ что! стало быть опять же война, да страженіе будетъ? (Разговоръ происходилъ лѣтомъ 1720 года).

— Ничего вѣдь не подѣлаешь, отвѣчалъ деньщикъ: пришли къ Кроншлоту цесарскихъ и шведскихъ девяносто кораблей, и просятъ у его царскаго величества бою; а буде-де бою не будетъ, такъ чтобъ отдали великаго князя. А буде его не отдадутъ, чтобъ отдали измѣнниковъ...

Между тѣмъ собесѣдники подъѣхали къ селу Погорѣлому, далѣе ѣхать было не по дорогѣ и разстались.—Барышниковъ, жалѣючи, что не успѣлъ разспросить, „какихъ измѣнниковъ возжелалъ нѣмецкій цесарь“,—проѣхалъ далѣе, въ село Богоявленское, на рѣку Шекену, гдѣ имѣлъ свой откупной кабакъ.

Дня два спустя Барышниковъ отправился въ село Петровское, и по дорогѣ остановился перекусить въ подмонастырской Германовой слободкѣ.

Въ тамошнемъ кабакѣ встрѣтилъ онъ крестьянина Дмитрія Салтанова. Салтановъ былъ посланъ въ Галицкій уѣздъ, отъ Бергъ-коллегіи, розыскать мѣдную руду. Лицо, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ административное. Барышниковъ весьма любезно предложилъ ему „выкушать“ пивца и, не утерпя, сталъ разтабарывать о политикѣ.

— Слышалъ ты, говорилъ Барышниковъ, что цесарскихъ сто кораблей пришли въ Кроншлотъ и просятъ у царскаго величества великаго князя, а потомъ и измѣнниковъ? Поэтому самому, сказываютъ, и миръ состоится?

— „Слово и дѣло!“ закричалъ въ отвѣтъ Салтановъ и, въ качествѣ лица довѣреннаго у правительства, препроводилъ Барышникова въ Пошехонь, гдѣ и просилъ воеводу взять его подъ караулъ и допросить о противныхъ словахъ. Доноситель замѣтилъ при этомъ, что онъ не имѣлъ съ Барышниковымъ никакой ссоры и до настоящей бесѣды не былъ съ нимъ знакомъ.

Стольникъ и воевода Д. А. Бестужевъ-Рюминъ принялъ челобитье и поспѣшилъ снять допросъ въ присутствіи нѣсколькихъ чиновниковъ.—Болтунъ сознался во всемъ, сослался на деньщика, но отрекся отъ словъ: „поэтому самому и миръ состоится“. Барышникову казалось, что вина его уменьшится, если онъ отречется отъ этихъ словъ; съ этою же цѣлью онъ стоялъ на томъ, что вмѣсто 100 цесарскихъ кораблей имъ было сказано 90.

Скинутый десятокъ не спасъ его отъ Тайной Канцеляріи: Барышникова заковали въ ножныя и ручныя кандалы и, какъ тяжкаго преступника, препроводили въ столицу, подъ крѣпкимъ карауломъ, съ донесеніемъ воеводы на высочайшее имя. Съ арестантомъ посланъ былъ и доноситель.

Передопросивъ обоихъ, Тайная Канцелярія не нашла нужнымъ отыскивать неизвѣстнаго деньщика, — первоначальнаго передатчика новости о цесарскихъ корабляхъ, но положила:

— „Крестьянину Ивану Барышникову за продерзостныя, непристойныя слова учинить жестокое наказаніе; вмѣсто кнута бить плетьми и освободить съ проѣзднымъ листомъ до Пошехони".

Въ этомъ эпизодѣ батоги замѣнились плетью. Наказаніе было строже, какъ кажется, только потому, что говорунъ-мужичекъ дерзнулъ намекнуть о великомъ князѣ, — вѣроятно, сынѣ злополучнаго царевича Алексѣя Петровича.

Любопытно, что Салтановъ, столь безкорыстно донесшій на Барышникова, обуреваемый страстью къ доносамъ, — сталъ дѣятельно подвизаться на этомъ поприщѣ; но при успѣхахъ неминуемо были и неудачи: въ 1723 году за ложный извѣтъ онъ былъ посланъ на каторгу и предоставленъ въ распоряженіе адмиралтейскаго вѣдомства. Не унялся онъ и здѣсь, крикнулъ слово и дѣло! на матроса Мѣшкова и по изобличеніи въ ложномъ, воровскомъ извѣтѣ, битъ кнутомъ, потерялъ ноздри въ клещахъ палача и въ февралѣ 1724 г. сосланъ въ Сибирь, въ дальніе города, въ государеву работу вѣчно [1]).

III.

Необычный поклонъ [2]).

27 іюня 1721 года, Петръ праздновалъ годовщину полтавскаго боя. Троицкая площадь, на Петербургской сторонѣ, служила мѣстомъ празднества. Въ обширной палаткѣ, съ алтаремъ внутри, собралось знатнѣйшее духовенство: литургія шла торжественно, вся площадь внимала ей въ гробовомъ молчаніи и стройное пѣнье боль-

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XVIII, д. № 20.
[2]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVIII, д. № 51.

шого хора далеко разносилось по улицамъ да пустырямъ Петербургской стороны.

Шагахъ въ пятидесяти отъ церкви стоялъ мужчина громаднаго роста—въ старомъ зеленомъ кафтанѣ, съ небольшими красными отворотами, поверхъ которыхъ была надѣта кожаная портупея; на ногахъ у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки, въ одной рукѣ палка, въ другой старая, поношенная шляпа. Гигантъ этотъ былъ полковникъ гвардіи, Царь Петръ Алексѣевичъ, въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ разгромилъ Карла XII на поляхъ Полтавы.

Его окружали главные военачальники и офицеры гвардіи; далѣе въ строю, парадомъ, вытянуты были гвардейскіе полки. Государыня Екатерина Алексѣевна, а также вдовствующая царица Прасковья Ѳедоровна, царевны и весь дворъ присутствовали на площади, а тамъ, за рядами гвардейцевъ, толпился народъ...

Этотъ день для Петра былъ вдвойнѣ радостенъ: къ пріятнымъ воспоминаніямъ о славной побѣдѣ присоединилось удовольствіе встрѣчи съ герцогомъ голштинскимъ (будущимъ мужемъ старшей его дочери); государь давно ждалъ герцога, и тотъ, чтобъ доставить ему удовольствіе, пріѣхалъ какъ разъ въ годовщину полтавскаго боя.

Послѣ молебна, отпѣтаго съ колѣно-преклоненной площадью, при громѣ пушечной и ружейной пальбы,—государь пожелалъ похвалиться гвардіей предъ дорогимъ гостемъ, сталъ въ ея главѣ и съ музыкой, блестящимъ строемъ, повелъ ее по площади...

Заѣзжій гость былъ въ восторгѣ, народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ полюбоваться на бравую гвардію великаго преобразователя.

Особенно пріятное впечатлѣніе парадъ произвелъ на мужичка-работника Максима Антонова. Еще предъ литургіей, ради полтавской побѣды, завернулъ онъ съ братомъ въ „австерію“, выпилъ винца денегъ на шесть, а по крѣпости и дешевизнѣ пѣнника выпитаго было достаточно, чтобъ „учиниться шумнымъ“.

„Шумнымъ“ явился мужичокъ и на площадь; солнышко припекло его обнаженную голову, пальба ошеломила, хмѣль сталъ бродить да туманить голову, и Максимъ пришелъ въ восторженное состояніе.

Заиграла музыка, двинулись полки. Мужикъ глядѣлъ на Петра, глядѣлъ на тѣлохранителей и до того умилился, что возжелалъ лично засвидѣтельствовать монарху свое искреннее къ нему расположеніе. Съ этою цѣлью, не слушая никого, ни на что не обращая

вниманія, Максимъ приблизился къ Петру—отвѣсилъ поклонъ „самый необычный“, тѣмъ не менѣе отъ полноты души, затѣмъ другой и третій...

Тѣлохранители скоро замѣтили человѣка, такъ странно выдѣлившагося изъ толпы, а еще скорѣе обратили вниманіе на небольшой ножикъ съ костяною ручкою, висѣвшій у него на пояскѣ. Человѣкъ съ ножикомъ — подходитъ къ государю, кланяется необычно, что это—не умыселъ ли какой? Слово и дѣло!

— „Схвати, возьми мужика подъ караулъ“, закричалъ одинъ изъ адъютантовъ преображенскому солдату Аракчееву.

Дѣтина здоровый, Аракчеевъ отволокъ Максима; но мужичокъ заспорилъ, закричалъ и отъ „шумства“—ударилъ преображенца по уху до крови. Тотъ сталъ отымать ножъ, Максимъ и его отстаивалъ со всѣмъ пыломъ краснорѣчія кулаковъ; ихъ осилили гвардейцы. Максима связали и отдали подъ караулъ.

Два дня спустя мы его видимъ предъ грознымъ судилищемъ Тайной Канцеляріи.

Судилище поспѣшило познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ преступника. Максимъ Антоновъ оказался крѣпостнымъ гвардіи прапорщика князя Черкасскаго; пріѣхалъ въ Петербургъ на баркахъ работникомъ, ходилъ по заработкамъ у купецкихъ людей и наконецъ нанялся въ адмиралтейство чистить пеньку. Онъ разсказалъ, съ кѣмъ и когда пріѣхалъ, гдѣ и у кого работалъ, назвалъ хозяина той избы, гдѣ въ настоящее время съ другими работниками нанимаетъ уголъ, и затѣмъ съ такою же опредѣленностью отдалъ отчетъ въ пропитыхъ деньгахъ ради полтавскаго праздника.

— „Необычнымъ же образомъ подходилъ я къ царскому величеству, говорилъ Максимъ, безъ всякаго умысла, токмо отъ единаго моего шумства. И дурнò учинить персонѣ его царскаго величества меня никто не научалъ. Ножъ у меня, каялся чистосердечно Максимъ, давно виситъ на поясѣ для употребленія къ пищѣ во время работной поры, а дрался ли съ кѣмъ, какъ брали меня подъ караулъ, того за пьянствомъ не помню“.

Дѣло, кажется, было просто, но не для суровыхъ членовъ тайнаго трибунала: необычный поклонъ на площади, ножикъ на поясѣ, хоть бы и такой невинный, какой былъ у Максима, все-таки въ нѣкоторомъ родѣ оружіе опасное... все это были обстоятельства противныя... Не было-ли тутъ умысла на персону? Не раскольникъ-ли,

не фанатикъ-ли, не государственный-ли это злодѣй? Для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли онъ былъ пьянъ, потребовали показанія Аракчеева. Преображенецъ письменно засвидѣтельствовалъ, что пощечина Максима сокрушила его ухо до крови, а билъ-ли тотъ его съ пьяна или трезвый, того онъ не призналъ.

Привели къ допросу трехъ поденщиковъ, жившихъ вмѣстѣ съ арестованнымъ. Козьминъ, Сергѣевъ и Ивановъ, одинъ за другимъ, повѣдали о мѣстахъ своей родины, родѣ занятій, времени переѣздовъ изъ города въ городъ и прочихъ обстоятельствахъ, только по пустой формальности внесенныхъ судьями въ допросные листы. Что касается до Максима, то сожители его отозвались, что живутъ съ нимъ около шести недѣль и въ это время видѣли его „весьма пьянымъ“ раза три; а въ хмѣлю, свидѣтельствовали мужички, онъ „здорливъ, бранитъ кого прилучится и насъ бранивалъ; ножикъ при немъ былъ постоянно и служилъ ему при употребленіи пищи, но ни въ какихъ другихъ случаяхъ тотъ ножикъ не бывалъ“.

Показанія работниковъ, разспрашиваемыхъ со всею осторожностью, порознь, не обличили однако ничего, чтобы могло обвинить Максима въ томъ, въ чемъ подозрѣвали его неумытные судьи. Дѣлать нечего — Козьмина, Сергѣева и Иванова на другой же день освободили.

—„А ты, Максимъ, вновь допрашивали судьи,—подъ опасеньемъ истязанія и потери живота, покажи все, что знаешь за собой, безъ утайки: ходишь-ли въ церковь, православія крѣпокъ-ли, какъ крестишься, кто былъ у тебя отецъ духовный, знаешь-ли ты грамоту?“

Эти вопросы были не пустая формальность: затрогивалась религіозность Максима, съ цѣлью извѣдать не фанатикъ-ли и не раскольникъ-ли онъ?

Ожиданія судей не оправдались.

— Я ушелъ отъ своего барина изъ Козельскаго уѣзда, отвѣчалъ Максимъ, тому лѣтъ восемь, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Москву. Ходилъ съ нимъ въ бѣгахъ по заработкамъ. Крещусь я трехперстнымъ сложеніемъ; въ церковь хожу, расколу не имѣю; исповѣдывался и причащался въ молодыхъ лѣтахъ, а послѣ того лѣтъ съ десять отца духовнаго не имѣлъ и грамоты не знаю.

Нѣтъ, все не то, не того нужно Петру Андреевичу Толстому съ товарищи. Имъ непремѣнно нужно открыть замыселъ, заговоръ,

иначе для чего-жъ учреждена Тайная розыскныхъ дѣлъ Канцелярія?

Привели помѣщика. Князь Егуповъ-Черкасскій призналъ своего бѣглаго крестьянина, но объявилъ, что расколу за нимъ не вѣдаетъ.

Нечего дѣлать, коли никто не вѣдаетъ, такъ розыщемъ!

Максимъ въ застѣнкѣ, его раздѣли предъ орудіями пытки.

— А за что у тебя спина бита кнутомъ и жжена огнемъ и тобой розыскивано? спрашивали судьи, разсматривая сине-багровые рубцы и почернѣлыя язвы на спинѣ Максима.

Въ ожиданіи отвѣтовъ — мужика подымаютъ на дыбу: руки хрустятъ, вывертываются изъ суставовъ; кнутъ, по пословицѣ: „кнутъ не Архангелъ, души не вынетъ", подновляетъ зажившія раны.

— „Битъ я въ городѣ Почепѣ... показываетъ между криками и стонами Максимъ, — въ бытность въ Украйнѣ въ бѣгахъ, битъ кнутомъ и жженъ съ шестью бурлаками... разбилъ съ ними попа Юскова... пыталъ насъ комендантъ Павловъ... А къ царскому величеству подходилъ конечно съ пьяна, самъ собою... безъ умыслу..."

Дано 17 ударовъ.

Новые поиски и справки. Нужно спросить почепскаго коменданта: правду-ли показалъ о первой пыткѣ Максимъ? Кстати, комендантъ оказался въ Петербургѣ—управляющимъ акцизной каморы.

Онъ объявилъ, что въ бытность свою въ Почепѣ перепыталъ такое множество всякаго рода людей, преступныхъ и оговоренныхъ по разнымъ дѣламъ, что о Максимѣ Антоновѣ положительно ничего не помнитъ.

Желаніе судей добраться до нити небывалаго заговора было такъ сильно, что необычно поклонившагося поденщика выдержали въ крѣпостномъ казематѣ пять мѣсяцевъ.

Въ теченіи этого времени—государь, по случаю ништадтскаго мира, имяннымъ указомъ изъ Сената въ Тайную Канцелярію (13-го сент. 1721 г.), повелѣлъ составить вѣдомость всѣмъ государственнымъ преступникамъ для того, чтобъ положить рѣшенія болѣе снисходительныя.

Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ Тайной Канцеляріи удалось составить требуемую вѣдомость. За множествомъ нумеровъ трудъ былъ не легкій. Между прочимъ былъ вписанъ сюда и Максимъ Антоновъ съ экстрактомъ изъ его „важнаго и противнаго дѣла".

19-го октября 1721 г. государь, будучи въ Сенатѣ, толковалъ о необходимости составить милостивый манифестъ.

—„Понеже Всевышній, говорилъ Петръ, во время прошедшей тяжкой и долгой протяжной войнѣ, такъ многократно побѣдами благословлять изволилъ и напослѣдъ такой славный, и всему государству полезный миръ даровалъ; чего ради, я по достоинству мыслилъ: какъ-бы Ему въ показаніе своей благодарности, за толикую божію милость, какое милосердіе къ народу своему показать? Того ради, всемилостивѣйше разсудя, указалъ такимъ образомъ учинить: генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ явить всѣмъ тѣмъ, которые въ тяжкихъ и другихъ преступленіяхъ, въ наказаніе впали или къ онымъ осуждены суть...“

Генеральное прощеніе распространилось и на работника Максима. Правительствующій Сенатъ, обще съ государемъ, разсматривая вѣдомость, отмѣтилъ въ ней: Максима Антонова въ Сибирь.

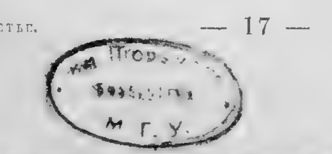
На основаніи этой отмѣтки, Тайная Канцелярія составила приговоръ: крестьянина Максима Антонова за то, что „27-го іюня 1721 г. къ высокой особѣ его царскаго величества подходилъ необычно и онъ же въ Малой Россіи, въ городкѣ Почепѣ, былъ на разбоѣ и пытанъ, въ чемъ съ розыску винился, послать въ Сибирь и быть ему тамъ при работахъ государевыхъ до его смерти неотлучно“.

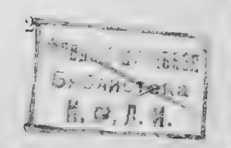
IV.

Новый титулъ [1]).

22-го октября 1721 года, при торжественномъ празднованіи ништадтскаго мира, Өеофанъ Прокоповичъ сказалъ хвалебную рѣчь. Вычисляя необыкновенно мудрыя распоряженія и благодѣянія его величества въ пользу его подданныхъ, архіепископъ объявилъ: что государь заслужилъ названье отца отечества и великаго императора. За рѣчью духовнаго витіи слѣдовало длинное слово великаго канцлера Гаврилы Ивановича Головкина. Онъ говорилъ во главѣ всего Сената, и отъ лица всѣхъ государственныхъ сословій просилъ при-

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 9.

нять, въ знакъ ихъ вѣрноподданнической благодарности, титулъ: Петра Великаго, отца отечества и императора всероссійскаго.

Сначала государь изъ скромности отказывался отъ „подноса"; но на другой день свѣтскіе и духовные сановники повторили свою просьбу съ такимъ жаромъ, съ такими горячими слезами умиленія и благодарности, представляли такіе доводы, что монархъ рѣшился, наконецъ, оказать имъ новую неизрѣченную милость — и принялъ титулъ: „Великій, отецъ отечества и императоръ всероссійскій".

Иноземное слово императоръ, смѣнившее привычное слово царь—возбудило много толковъ въ простомъ народѣ. Много уколовъ, много обвиненій, много текстовъ изъ разныхъ писаній подведено было противъ этого иноземнаго титула въ раскольническихъ скитахъ въ лѣсахъ, въ глухихъ деревушкахъ. Эти укоры и обвиненія произносились, разумѣется, шопотомъ, въ ежеминутной опасности — жестоко поплатиться за страшное преступленье. Но были и такіе простяки, которые выговаривали противъ новаго титула слово противное только потому, что вовсе его не понимали и не соединяли съ нимъ понятія о русскомъ государѣ — царѣ-батюшкѣ.

16-го ноября 1722 года въ мѣстечко Конотопъ, въ Малороссіи, пріѣхалъ съ дровами гетманскій мужикъ, хохолъ Данило Бѣлоконникъ. Продалъ онъ небольшой свой возикъ дровецъ, да на вырученные гроши пошелъ купить для семейки соли.

Повстрѣчался съ нимъ гренадеръ Спицынъ.—„Дядя, дядя,—молвилъ гренадеръ: пойдемъ-ка въ шинокъ, да выпьемъ винца".

Простодушный хохолъ не устоялъ противъ соблазна, забылъ, что бѣдная семья ждетъ вырученныхъ грошей, что въ хатѣ нѣтъ ни крупинки соли...

Началъ, впрочемъ, угощеніе солдатъ. Купилъ онъ винца на копѣечку (вино было дешево) и налилъ Данилѣ. Между тѣмъ подошли хохлы Игнатъ Михайловъ да Тихонъ Антоновъ, и нашъ мужичекъ раскошелился для пріятелей, да для царскаго солдатика. Купилъ онъ вина на два алтына... Пирушка закипѣла... Бѣлоконникъ крѣпко угостился...

— „Вотъ тебѣ еще стаканчикъ, говорилъ гренадеръ подливая, выпьемъ!... Я вотъ выпью про здоровье императора!"

— На... (крѣпкое, непечатное слово) де твоей.... съ императоромъ, болтнулъ въ отвѣтъ пьяный; такихъ императоровъ много!

Чортъ васъ знаетъ, кто такой вашъ императоръ! — Я знаю праведнаго государя, за кѣмъ я хлѣбъ и соль ѣмъ!

— „Слово и дѣло!“ крикнулъ Спицынъ и поспѣшилъ съ доносомъ къ своему подпоручику. Тотъ препроводилъ его, Данилу Бѣлоконника, и свидѣтелей происшествія при рапортѣ къ командиру полка, „высокородному господину и высокопочтенному полковнику“.

Высокородный господинъ отослалъ ихъ въ Малороссійскую Коллегію. Малороссійская Коллегія сняла допросы и отправила Бѣлоконника скованнымъ, подъ конвоемъ, въ Сенатъ. Правительствующій Сенатъ при указѣ отослалъ его для изслѣдованія въ Тайную Канцелярію.

Въ этихъ пересылкахъ изъ тюрьмы въ тюрьму прошло два мѣсяца.

Канцелярія положила допросить колодника „съ пристрастіемъ“.

Но допрашивать нечего: отвѣтъ Бѣлоконника былъ совершенно согласенъ съ показаніями солдата и свидѣтелей; между прочимъ простодушный хохолъ, каясь въ непристойныхъ словахъ, объявилъ:

— „Молвилъ я, Данило, такія слова, не вѣдаючи того, что гренадеръ про государево здоровье пьетъ. А мыслилъ я, что онъ пьетъ за какого боярина и называетъ его императоромъ, а не про государя. Не зналъ я, Данило, по простотѣ своей, что его царское величество соизволитъ зваться императоромъ“.

Неумолимые судьи заглянули въ воинскій артикулъ и прочитали въ IV главѣ пунктъ 43-й: „Когда кто пьянъ напьется и во пьянствѣ своемъ что злаго учинитъ, тогда тотъ, не токмо чтобъ въ томъ извиненьемъ прощеніе получилъ, но по винѣ вящею жестокостью наказанъ быть имѣетъ. И особливо, ежели такое дѣло приключится, которое покаяніемъ однимъ отпущено быть не можетъ: яко смертное убивство и сему подобное. Ибо въ такомъ случаѣ, пьянство никого не извиняетъ, понеже онъ во пьянствѣ уже непристойное дѣло учинилъ“.

Приговоръ состоялся четыре мѣсяца спустя послѣ преступленія:

— „Данило Бѣлоконникъ, писалъ Петръ Андреевичъ Толстой, распросомъ показалъ, что непристойныя слова говорилъ онъ отъ простоты своей, не зная, что его величество—императоръ; знаетъ-де онъ — государя, а мыслилъ, что солдатъ пьетъ за какого-нибудь бояpина и называетъ его императоромъ, а что у насъ есть императоръ—того онъ, Данило, не знаетъ. И хотя два свидѣтеля показали сходно простотѣ Данилы, однакожъ безъ наказанія вину

Бѣлоконника отпустить невозможно, для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежитъ. Того ради, бить его Бѣлоконника батоги нещадно, а по битьѣ освободить, и дать ему на проѣздъ пашпортъ...“

Расквитался Данило за незнанье, да непониманіе новаго титула государева, и спѣшитъ хохолъ на родину, въ милую Украйну. Тамъ въ Нѣжинскомъ полку, въ Конотопской сотнѣ, въ деревушкѣ Гутъ, четвертый мѣсяцъ ждетъ да поджидаетъ Данилу горемычная семейка. Въ толкъ не возьмутъ ни парни, ни дивчаты, ни батько, ни матка,—куда онъ запропастился?... Его взяли по государеву дѣлу! И эта вѣсть—какъ громомъ поражаетъ семью: не вернуться ужъ Данилѣ, такъ думаетъ она; не родное село въ привольной Украйнѣ, а Сибирь да каторга — ждутъ его. Вѣдь не первый, не послѣдній онъ: вѣдь сотни да тысячи чубатыхъ казаковъ должны были смѣнить Малороссію на дальнюю и студеную страну Сибирскую. Но вотъ является Данило — живъ, здоровъ и невредимъ... Постегали его маленько... дали острастку, и вся родня благодаритъ Бога, что такъ дешево поплатился онъ за государево дѣло!

V.

Волокитство полицейскаго [1]).

5-го мая 1720 года въ канцелярію Антона Мануиловича Девіера, с.-петербургскаго оберъ-полиційместера, одинъ изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ сотскихъ представилъ солдатскую жену Ирину Иванову.

„Вчерашняго числа вечеромъ, доносилъ сотскій, былъ я на Петербургской сторонѣ, въ Мокрушиной слободѣ, и проходилъ я вмѣстѣ съ десятскимъ—для того, чтобъ приказать жителямъ выставлять на ночь рогатки. Проходя мимо дома солдатки Ирины, услыхали мы въ томъ домѣ крикъ немалый. Вошли во дворъ и стали тамъ крикъ запрещать, чтобы крику не было. А выбѣжали на ту пору изъ избы два бурлака и стали насъ бить; того ради взяли мы подъ караулъ ту солдатку Ирину, да съ нею-жъ взяли двухъ

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XVIII, д. № 38.

бабъ, что были у нея, и бурлаковъ. А какъ повели ихъ на съѣзжую—солдатка и закричи за собой: слово и дѣло!“

— Неправда, не такъ, все неправда, не такъ было дѣло, голосила въ оправданіе Ирина. Былъ у меня и крикъ, и шумъ великій, а чего ради? — того ради, что пришли на дворъ сотникъ съ десятникомъ. Вошли они въ избу, а въ избѣ сидѣли сестра моя родная, да жена преображенскаго солдата Устинья. Сталъ имъ говорить сотскій непристойныя слова къ блуду, а я стала гнать его вонъ со двора; онъ не слушалъ, не шелъ. На то время вошли въ избу два брата монхъ, родной да двоюродный, принесли кружку вина насъ подчивать; а какъ увидали сотскаго съ десятскимъ и ихъ со двора столкали. Тѣ закричали на улицѣ, собрали народу не мало, взяли насъ всѣхъ подъ караулъ и повели на съѣзжую. Ведучи дорогою, сталъ меня сотскій бить смертнымъ боемъ и я, не стерпя того бою, закричала государево „слово и дѣло!“

Разобрать было нетрудно, кто правъ, кто виноватъ: виноваты были всѣ. Но полиціи надо было только поскорѣй узнать допряма: дѣйствительно-ли есть за солдаткой какое-нибудь важное дѣло, чтобъ доложить о томъ, куда слѣдуетъ, „безъ умедленія“. Руководствуясь печатною формою допроса, полиціймейстеръ задалъ Иринѣ слѣдующіе вопросы:

— Какъ зовутъ и какого чину?

— Сего мая 5-го дня на дворѣ у тебя шумъ и крикъ великій былъ-ли?

На эти вопросы Ирина отвѣчала разсказомъ о волокитствѣ сотскаго, о заступничествѣ за нее братьевъ, наконецъ повинилась: „государева слова и дѣла за мной нѣтъ и ни за кѣмъ не знаю, и въ той моей винѣ воленъ великій государь“.

— Пристанища ворамъ, продолжали допрашивать, бѣглымъ солдатамъ и матросамъ не держала-ли, и для непотребства, для блуднаго воровства бабъ и дѣвокъ не держала-ли?

Та, разумѣется, отвѣчала отрицательно, причемъ нелишнимъ сочла замѣтить: „и сама я ни съ кѣмъ блудно не живу“.

— Живучи въ Петербургѣ, какое пропитаніе имѣешь?

— „Получаю деньги отъ мужа солдата, да мою на людей бѣлье“.

— Противъ вопросовъ все-ли правду сказала?

Клятвы и увѣренія, что все сказанное правда, а буде что ложно, указалъ-бы государь зато казнить ее смертію; — послѣднія

слова были обычнымъ припѣвомъ всѣхъ отвѣтовъ при допросахъ того времени.

Какъ ни ничтожно было происшествіе, но такъ какъ здѣсь замѣшано было слово и дѣло, то оберъ-полиціймейстеръ не рѣшился самъ учинить расправу, а препроводилъ виновную для „подлинаго розыска“ въ Тайную Канцелярію.

Послѣдней очень часто доводилось имѣть дѣло съ такими, которые, сказавъ слово и дѣло, отступались отъ него, за неимѣніемъ что сказать. Расправа съ такого рода преступниками была коротка.

Въ тотъ-же день, какъ привели солдатку Ирину, побили ее вмѣсто кнута батогами нещадно и отпустили съ напамятованіемъ: ничего не зная, не сказывать за собой государева слова.

VI.

Нѣжная укоризна [1]).

— За что, за что ты меня бьешь?! Зачѣмъ бьешь напрасно? голосила Авдотья Тарасьевна, тщетно силясь защититься отъ побоевъ вельми шумнаго супруга своего, Петра Борисовича Раева.

— Я тебя... бивалъ... въ Москвѣ... ты ушла... Я тебя... сыскалъ здѣсь... а за то тебя я нынѣ бью, приговаривалъ супругъ то опуская, то подымая кулакъ, что ты сказала противныя слова.... Зачѣмъ... сказывала... ты... мнѣ... противныя слова про его царское... величество... да для чего также молвила... худо о царевичѣ.

— Что ты, что ты, что съ тобой?—вопила въ отвѣтъ Авдотья: статное-ли дѣло мнѣ такія слова говорить? когда-жъ я тебѣ это говорила?

— Помнишь... сверху, сверху-то ты пришедши говорила?.. а тогда-жъ сказывала, что тѣ слова слышала отъ зятя, отъ Матвѣя Короткаго, и отъ сестры своей Аграфены Тарасьевны?

Новые побои Петра Борисовича, новые стоны, слезы и крики Авдотьи Тарасьевны...

Эта сценка изъ вседневной супружеской жизни тогдашняго общества происходила 7-го октября 1721 г., послѣ обѣда, въ суб-

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVIII, д. № 54.

боту, въ Петербургѣ, въ домѣ купца Короткаго, въ людскомъ подклѣтѣ. Къ несчастію для вельми шумнаго Раева, въ избѣ было нѣсколько свидѣтелей его нѣжныхъ укоризнъ.—Здѣсь были двѣ бабы работницы, повивальная бабка и хозяйскій батракъ Карнауховъ.

Послѣдній, парень сметливый, познавъ, что то дѣло государево, разсказалъ о немъ хозяину.

Хозяинъ былъ родня Раеву; они были женаты на родныхъ сестрахъ. Раевъ—сынъ боярскій, человѣкъ грамотный, былъ служителемъ крутицкаго архіерея и пріѣхалъ въ Петербургъ на побывку, за женой, для взятья ея съ собой въ Москву. Человѣкъ вѣчно пьяный и буйный, онъ никакъ не могъ съ ней ужиться, и она часто укрывалась отъ ласкъ супруга въ домѣ сестры.

Но это свойство не спасло однако Раева. Тесть далъ зятю проспаться и на другое утро сталъ спрашивать обо всемъ случившемся. Петръ Борисовичъ помнилъ дѣло смутно; не только вчерашняя хмѣль все еще сильно туманила голову, но и въ это утро онъ успѣлъ уже сходить со двора и былъ „очень шуменъ“; вотъ почему отступиться отъ своихъ словъ при свойственникѣ, а главное при женѣ ему казалось дѣломъ крайне обиднымъ, и на вопросъ Короткаго:

— Для чего ты такія слова говорилъ?

Раевъ отвѣчалъ: „Какъ для чего?—говорилъ я всю сущую правду!“

Лгалъ онъ и теперь: ни Авдотья, ни сестра ея Аграфена, ни мужъ послѣдней никогда и не думали говорить того, что взбрело на умъ вельми шумнаго архіерейскаго служителя.

Дѣло оставить безъ доноса было нельзя. Того и гляди Карнауховъ, получающій отъ хозяина въ годъ 6 рублей жалованья, захочетъ получить наградныхъ за извѣтъ 10 рублей и явится съ словомъ и дѣломъ въ Тайную.

Хозяинъ предупредилъ батрака и въ тотъ-же день ударилъ слѣдующимъ челобитьемъ:

„Живетъ у меня, писалъ онъ въ Тайную Канцелярію, изъ работы Крутицкаго архіерея сынъ боярскій Раевъ. И сего, 7-го октября, пришелъ онъ въ домъ пьянъ, и говорилъ слова непотребныя. Отчего я имѣю опасеніе, чтобъ не причлось впредь мнѣ въ вину. А о вышеписанномъ мнѣ сказывалъ работникъ мой Иванъ Ивановъ, который прибылъ въ Петербургъ за виномъ подряднымъ. О семъ доноситъ петербургскій житель, купецкой человѣкъ Матвѣй Ивановъ сынъ Короткой“.

Доношеніе принято; по обыкновенію записано въ книгу и тутъ-же положено: „показанныхъ людей сыскать и разспросить съ обстоятельствомъ, по указу“.

Отыскали виновнаго, его жену, доносчика-работника и вмѣстѣ съ тремя бабами свидѣтельницами, всѣхъ привели къ допросу.

Карнауховъ и бабы передали подробности описанной сцены; причемъ одна изъ бабъ весьма наивно замѣтила: „а какого царевича Раевъ обзывалъ непристойными словами — того онъ не выговаривалъ“. Шумный служитель струсилъ и присмирѣлъ, каялся во всемъ, старался оправдываться въ „важныхъ непотребныхъ словахъ“ большимъ шумствомъ, за которымъ ничего не упомнитъ, что говоритъ и дѣлаетъ, и наконецъ объявилъ, что на него покажутъ работникъ и бабы, и онъ имъ въ томъ вѣритъ.

— А ты почему словъ Раева про царевича не показалъ въ первомъ допросѣ? спрашивали судьи Карнаухова.

— Не сказалъ я суще отъ забвенія, отвѣчалъ тотъ.

Не обошлось дѣло и безъ очной ставки. Раевъ стоялъ на томъ, что „непотребныя слова говорилъ-ли — то не помнитъ, понеже весьма былъ шуменъ, и утверждается въ томъ, даже до смерти“. Съ подтвердительными показаніями бабъ и работника не разладился разсказъ жены виновнаго. Госпожа Раева добавила только одно, что супругъ не только былъ вельми шуменъ въ субботу, но напился и на другой день, съ ранняго утра.

— „Словъ непотребныхъ ни отъ жены, ни отъ зятя я никогда не слыхалъ — каялся Петръ Борисовичъ на очной ставкѣ съ Авдотьей Тарасьевной, говорилъ я отъ себя, ничего не помня, отъ шумства“.

Слѣдствіе продолжалось нѣсколько дней. По истеченіи ихъ всѣхъ свидѣтельницъ и свидѣтеля выпустили на росписку, съ подтвержденіемъ царскаго указа, подъ страхомъ смерти никому и ничего не сказывать, о чемъ ихъ допрашивали. Что-же касается до Раева, то его протомили въ колодничьей палатѣ болѣе полтора мѣсяца, и только 1-го декабря 1721 года, по опредѣленію Тайной Канцеляріи, учинено ему „жестокое наказаніе вмѣсто кнута, бить батоги нещадно съ напамятованіемъ, чтобъ впредь такихъ непристойныхъ словъ не говорилъ, опасаясь большаго истязанія и ссылки на каторгу“.

VII.

Царевъ указъ [1]).

Въ канцеляріи мирнаго городка Карачева, 23-го ноября 1720 года, вспыхнула ссора между фискаломъ Веревкинымъ и поручикомъ Шишкинымъ. Озлобленные противники, по поводу ношенія русскаго платья, осыпали другъ друга самыми отборными, скаредными словами. Дѣло однако пока не дошло до государственныхъ противностей.

Но вотъ въ жару перебранки лукавый попуталъ фискала и онъ при свидѣтеляхъ брякнулъ:

— „Ты, Иванъ Шишкинъ—царемъ ошибаешь и царевымъ указомъ—играешь!“

Довольно: Веревкинъ государственный преступникъ — слово и дѣло!

Карачевскій судья Коптевъ спѣшитъ доносомъ: „у насъ де въ канцеляріи, такого-то де числа, фискалъ—такой-то и проч.“. Доносъ посланъ въ Курскъ, въ надворный судъ; оба противника отправлены туда же. Начинается дѣло; снимаются допросы.

— Я не говорилъ, оправдывается Веревкинъ, что онъ, Шишкинъ, царемъ ошибаетъ, я просто сказалъ: царевымъ ты указомъ играешь.

Проходитъ годъ. Фискалъ подъ арестомъ. Заключается ништадтскій миръ, и на основаніи милостиваго указа, объявлявшаго генеральное прощеніе, Веревкинъ проситъ отпустить его продерзостныя слова.

„Сего ради“, спустя еще годъ, курскій надворный судъ препроводилъ и дѣло, и Веревкина въ государственную Юстицъ-Коллегію.

Здѣсь обвиняемый просилъ допросить еще разъ одного изъ свидѣтелей ссоры, поручика Ергольскаго.

Привезли-ли поручика нарочно для допроса изъ Курска или онъ былъ въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ, какъ-бы то ни было, но его допросили — и тотъ на св. Евангеліи присягнулъ, что доносъ судьи Коптева справедливъ.

---

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 10.

Коллегія, руководствуясь указомъ 18-го января 1722 г., по которому дѣла о фискалахъ вѣдались у оберъ-прокурора, г. Скорнякова-Писарева, препроводила къ нему Веревкина при промеморіи.

Писаревъ далъ пріютъ провинившемуся фискалу въ колодничьей палатѣ Тайной Канцеляріи.

На этотъ разъ приговоръ состоялся скоро: 10-го ноября 1722 года, т. е. ровно два года спустя послѣ ссоры въ г. Карачевѣ—фискалу Веревкину за продерзостныя слова учинено наказанье: „вмѣсто кнута бить батоги нещадно", но бить съ сохраненіемъ чести, какъ сказано въ приговорѣ: „не снимая рубахи".

VIII.

Холопъ царевича Алексѣя [1]).

Въ 1722 году проживалъ въ Воронежѣ Иванъ Михайловичъ Завѣсинъ. Сынъ площаднаго подьячаго, Иванъ Михайловичъ—имѣлъ многочисленную родню, жившую и служившую въ Воронежѣ, и подъ ея покровомъ записался въ городскую службу—подъячимъ. Служба его шла плохо. Завѣсинъ рано пристрастился къ лютому ворогу русскаго человѣка—къ вину, пилъ до безпамятства, а въ трезвыя минуты, какъ истый подьячій, ябедничалъ да сутяжничалъ, — по поводу закрѣпленія крестьянъ. Онъ имѣлъ нѣсколько крѣпостныхъ и, между прочимъ, не безъ выгоды, занимался скупкой и распродажей ихъ въ розничную. Съ этими операціями неизбѣжно сопряжены были маленькія непріятности. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году, за одну изъ операцій онъ судился въ Воронежѣ болѣе года и содержался подъ карауломъ; четыре года спустя попался опять въ тюрьму, по дѣлу подобнаго же рода: гулящаго человѣка Худякова, проживавшаго у одного изъ его крестьянъ, Завѣсинъ вздумалъ записать въ крѣпостные и составилъ фальшивый документъ. Гулящій человѣкъ не захотѣлъ промѣнять волю на неволю, началъ дѣло и Иванъ Михайловичъ—угодилъ въ тюрьму. Вино также не разъ доводило его до бѣды; одна изъ нихъ была для него крайне непріятна. Пріѣхалъ Завѣсинъ однажды въ Москву, по дѣламъ помѣстнаго при-

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 2.

каза. Въ какой-то праздникъ зашелъ онъ съ своимъ дядей,—сыномъ боярскимъ, — въ шинокъ, прикушали не мало и отправились къ обѣднѣ, къ Воскресенію Христову въ Барашахъ. Обѣдня кончалась. Иванъ Михайловичъ стоялъ смирно; но вотъ хмѣль затуманилъ голову и онъ преспокойно, съ невозмутимою торжественностью, снялъ съ чаши святой воды крышку и покрылъ ею свою голову; затѣмъ вылилъ воду на полъ. Міряне и церковные служители избили шалуна изрядно, связали руки и отвели въ Земскій Приказъ, по распоряженію котораго Завѣсину учинено наказаніе—битъ кнутомъ нещадно...

Августъ и сентябрь 1722 года онъ провелъ подъ арестомъ при Воронежской губернской канцеляріи, по дѣлу фальшивыхъ крѣпостей. 5-то числа онъ отпросился съ карауломъ къ дядѣ; дядюшку не засталъ дома и Иванъ Михайловичъ зашелъ съ конвойнымъ въ кабакъ. Двухъ-алтынная выпивка совершенно его ошеломила и онъ нашелъ нужнымъ зайти въ Надворный Судъ.

Было три часа пополудни; въ Судѣ оставались дневальный подканцеляристъ Есауловъ, два его товарища, да драгунъ на часахъ.

— Кто-де вашъ государь! заоралъ пьяный, относясь непосредственно къ дневальному.

— Нашъ государь, отвѣчалъ дневальный, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій.

— Вашъ... государь... Петръ... Великій... а... я... я... холопъ государя своего Алексѣя Петровича... и за... него голову... свою положу... хотя... меня... разпытай...

Слово и дѣло!

Подканцеляристъ настрочилъ доносъ,—воевода рѣшился снять допросъ и самъ испугался своей дерзости. На разспросы по государеву дѣлу о противностяхъ—предоставлено было въ то время исключительное право Тайной и Преображенской Канцеляріямъ. Нарушители ея подвергались большой отвѣтственности, вотъ почему Измайловъ, воронежскій воевода, поспѣшилъ оправдаться.

„Я допрашивалъ Завѣсина, писалъ воевода въ Тайное судилище, не въ обстоятельствѣ показаннаго на него дѣла, а токмо для того, что не имѣются-ли въ упомянутомъ же дѣлѣ другихъ ему единомышленниковъ, которыхъ немедля надо-бы было арестовать. На вопросы Завѣсинъ отвѣчалъ, что за великимъ шумствомъ,—говорилъ-ли какія слова того не упомнитъ, единомышленниковъ-же никакихъ у него нѣтъ. А свидѣтели всѣ порознь подтвердили из-

вѣтъ. Того ради, я спѣшу исполнить указъ: „гдѣ въ городахъ, селахъ и деревняхъ злодѣи съ злыми словами явятся и ихъ въ самой скорости провожать въ городъ къ правителямъ; а тѣмъ правителямъ заковывать ихъ въ ручныя и ножныя желѣза; не распрашивая затѣмъ, вмѣстѣ съ извѣтчиками присылать либо въ Тайную Канцелярію, либо въ Преображенскій приказъ“ (ук. 27 апр. 1722 г.).

Строго выполняя повелѣніе, воевода заковалъ политическаго преступника и препроводилъ его за крѣпкимъ карауломъ въ Москву, гдѣ была въ то время Тайная Канцелярія, туда же отправленъ и доносчикъ Есауловъ.

— „Ничего не помню,—говорилъ Завѣсинъ, стоя раскованнымъ предъ г. Скорняковымъ-Писаревымъ. — Ничего не помню, говорилъ-ли что-нибудь или нѣтъ, для того, что былъ весьма пьянъ. А въ трезвомъ умѣ—никогда и ни съ кѣмъ государственныхъ, противныхъ словъ не говаривалъ и отъ другихъ не слыхалъ. У присяги-жъ царевичу Петру Петровичу въ 1718 году—на наслѣдство престола—не былъ (объ этомъ сдѣланъ былъ ему вопросъ) для того, что держали меня въ то время подъ карауломъ въ Воронежѣ, по дѣлу о закрѣпленіи крестьянъ. Со мною, продолжалъ Завѣсинъ, случается, что болѣзнь находитъ: бываю я внѣ ума, и что въ то время дѣлаю, да говорю, того ничего не помню. Болѣзнь та со мной—лѣтъ шесть“.

Въ подтвержденіе справедливости словъ, Завѣсинъ разсказалъ о надѣваніи на себя крышки съ церковной чаши и о непріятныхъ послѣдствіяхъ этого головного убора.

Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ приказалъ сдѣлать справку, и отвѣтъ Земскаго Приказа подтвердилъ разсказъ Завѣсина.

— Ну, ты можешь ѣхать назадъ въ Воронежъ, сказалъ судья, отпуская доносчика, а съ колодникомъ мы раздѣлаемся; его надо допросить съ пристрастіемъ, надо имъ розыскать. Хотя онъ и говоритъ, что будто тѣ слова не помнитъ говорилъ-ли, нѣтъ-ли, за великимъ пьянствомъ, но его распроса за истину причесть невозможно; можетъ быть онъ, отбывая вину свою, не покажетъ самой истины безъ розыску.

— А при розыскѣ, положила Канцелярія, спрашивать: съ чего онъ такія слова говорилъ и не имѣетъ-ли онъ въ нихъ какихъ-нибудь согласниковъ?

Ноги въ ремень, руки вывернуты въ хомутъ, тѣло вздернуто,—кнуту работа...

Стоны, крикъ—показанія тѣ же: ничего не помню за безумствомъ и опьяненіемъ. У трезваго же и мысли никакой противной царской персонѣ не было и согласниковъ не имѣю...

Дано 10 ударовъ.

Иванъ Михайловичъ провелъ въ тюрьмахъ, по этому важному дѣлу, болѣе полугода; во все это время онъ получалъ кормовыхъ 4 деньги на день,—то было обычное содержаніе „тайныхъ“ колодниковъ. Участь его разрѣшилась приговоромъ 11 марта 1723 года. Приговору предшествовало слѣдующее разсужденіе:

„..... Извѣтчикъ и свидѣтели показали, что Завѣсинъ говорилъ непристойныя слова пьяной; обвиняемый въ распросахъ и съ пытки показалъ, что словъ тѣхъ не помнитъ отъ пьянства; да къ тому-жъ съ нимъ случается болѣзнь; бываетъ онъ ней безъ ума; Земскій Приказъ согласно съ этимъ извѣстилъ, что онъ, Завѣсинъ, отъ безумія пролилъ въ 1718 году въ церкви воду святую и надѣлъ на себя крышку; но такъ какъ въ Уложеніи (гл. IV, ст. XIV) напечатано: „которое всякихъ чиновъ люди учнутъ за собою сказывать государево дѣло или слово, а послѣ того они же учнутъ говорить, что за ними государева дѣла или слова нѣтъ, а сказывали они его за собой, избывая отъ кого побои или пьянымъ обычаемъ, и ихъ за то бить кнутомъ... того ради, воронежцу Ивану Завѣсину учинить наказаніе: бить кнутомъ нещадно“.

Какимъ образомъ вязалась выписка изъ Уложенія съ настоящимъ дѣломъ, когда и гдѣ Завѣсинъ говорилъ за собой слово и дѣло—обо всемъ этомъ некому было спросить Петра Андреевича Толстаго;—можетъ быть главный судья, въ свой чередъ, „пьянымъ обычаемъ“ подмахнулъ этотъ приговоръ.

Впрочемъ выписки изъ законовъ приводились рѣдко. „Инквизиторы“,—такъ именовали членовъ Тайной Канцеляріи,—обыкновенно почти никѣмъ и ничѣмъ не связанные въ своемъ произволѣ, зачастую судили да рядили по своему „разсужденію“. Вотъ почему, предъ многими ихъ приговорами оставливаешься въ тупикъ: почему этому наказаніе было строже—а тому легче? *А*—наказанъ батоги нещадно, а *Б*—вырваны ноздри и битъ кнутомъ, *С*—битъ кнутомъ и освобожденъ, а *Д*—битъ плетьми и сосланъ въ каторгу, въ государеву работу вѣчно и т. п. И нельзя сказать между тѣмъ, чтобы внимательный разборъ всѣхъ обстоятельствъ далъ отвѣтъ на нашъ вопросъ. Будь извѣстны обстоятельства, при которыхъ судили и ря-

дили инквизиторы, о, тогда другое дѣло! мы бы знали сильныя пружины, руководившія судьями въ произнесеніи ихъ приговоровъ...

Но мы заговорились, а Завѣсинъ—ждетъ экзекуціи; проведемте его на Красную площадь. Здѣсь Ивана Михайловича привязали къ столбамъ, прочли ему приговоръ и отсчитали нещадныхъ 25 ударовъ кнутомъ.

Придя съ площади, взволнованный Иванъ Михайловичъ дрожащею рукою далъ росписку: „ежели я впредь какія непристойныя слова буду говорить, то по учиненіи жестокаго наказанія сосланъ буду на каторгу, въ вѣчную работу, или учинена мнѣ будетъ смертная казнь".

Росписавшись и запомнивъ смыслъ поученія, „холопъ царевича Алексѣя" отправился во-свояси.

IX.

Непристойное желаніе [1]).

Если бы въ концѣ 1720 года мы отправились въ мирную Хутынскую обитель, то пріѣхали-бы туда какъ-разъ кстати; вечеркомъ, 23 ноября, у уставщика отца іеромонаха Никона Харкова была маленькая пирушка. Настоятель, достопочтенный архимандритъ Веніаминъ, далъ ему съ клирошанами пива, и отецъ Никонъ созвалъ въ келейку нѣсколько друзей. Мы-бы увидѣли вокругъ ведра головщика лѣваго клироса монаха Антонія, іеромонаха Кипріана Лучанина, и гостя изъ Спасской Старорусской обители, іеромонаха Еѳимія. Отцы чокались другъ съ другомъ не мало, пили еще болѣе и стали шумны; пиво, развязавъ языки, оживило бесѣду.

— А вотъ что, заговорилъ вдругъ тихо Никонъ: сказывалъ настоятель, что архимандритъ Александроневской лавры Ѳеодосій умеръ! Да вотъ молите Бога за государя: нынѣ-де слышатъ, что онъ немоществуетъ. Сказывали мнѣ то проѣзжіе молебщики изъ С.-Петербурга.

— Да пускай себѣ немоществуетъ, возразилъ отецъ Антоній, какъ кажется болѣе другихъ отвѣдавшій пива. — Пускай его... умретъ... Государь вѣдь человѣкъ не безсмертенъ, воля божія придетъ—умретъ; а ужъ тогда... царицу-то я за себя возьму!...

Почти три года прошло со времени этой бесѣды. Три года

---

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К, к. XV, д. № 35.

„противное“ слово отца Антонія не проникало въ Тайную Канцелярію; три года участники бесѣды вели жизнь спокойно, по-прежнему, въ мирной Хутынской обители: пивцомъ да бражкой встрѣчали праздники, стройнымъ хоромъ распѣвали псалмы и можетъ быть не разъ еще послѣ этого либо отцемъ Антоніемъ, либо кѣмъ-нибудь другимъ изъ его сотоварищей сказано было не одно противное слово противъ ненавистнаго имъ Преобразователя и его семейки. Все, что было послѣ говорено, осталось въ неизвѣстности; но „непристойное желаніе“ отца Антонія дошло, наконецъ, до чуткихъ ушей свѣтскихъ инквизиторовъ—такъ, какъ мы уже замѣтили выше, называются во многихъ петровскихъ бумагахъ члены Тайной Канцеляріи.

18 сентября 1723 явился къ нимъ іеромонахъ Еѳимій. Его прислали изъ Синода, куда по прошествіи трехъ почти лѣтъ, онъ обратился съ доносомъ...

Что было причиною столь долгаго молчанія?

„Въ тогдашнее время, объяснялъ Еѳимій въ Тайной, нигдѣ я не доносилъ простотою своею, отъ убожества, и никому, и нигдѣ тѣхъ словъ ни говаривалъ“.

Невольно сомнѣваешься въ простотѣ отца Еѳимія. Почему-же теперь простота эта исчезла, и именно тогда, когда и самыя слова „непристойныя“, какъ кажется, должны были совершенно забыться?— Нѣтъ, они не забыты. Но только не поладивши со старцами, или вѣрнѣе—пожелавъ выслужиться и очистить для себя вакансію въ настоятели какой-нибудь обители побогаче, онъ наконецъ рѣшился на доносъ. Послѣднее предположеніе кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что доносчикъ замѣшалъ въ дѣло архимандрита Веніамина, объявивъ, что съ нимъ говорилъ Антоній о немощи государя.

Впрочемъ трехлѣтняя давность въ глазахъ ревностныхъ судей не имѣла значенія: отъ доноса вѣяло свѣжестью дѣла „важнаго, противнаго, государственнаго“.

Всѣ четыре старца, мирно попившіе настоятельское пиво, теперь вновь сошлись,—но уже въ Тайной Канцеляріи. Изъ допросовъ узнали весь немногосложный составъ преступленія. Антоній покаялся въ непристойныхъ словахъ: „молвилъ ихъ я, каялся головщикъ лѣваго клироса, отъ безумія, съ простоты, а паче отъ большаго шумства,—не для чего иного“. При этомъ сознаніи, виновный тутъ-же поспѣшилъ выгородить изъ дѣла архимандрита Веніамина, отъ котораго, по его словамъ, никакихъ онъ, Антоній, словъ

о его императорскомъ величествѣ и ея императорскомъ величествѣ не слыхалъ; да и самъ никогда, кромѣ настоящаго случая, ничего противнаго не говорилъ. Никонъ съ Кипріяномъ также поддержали своего настоятеля.

Тайная Канцелярія, довольствуясь тремя старцами, оставила настоятеля въ покоѣ и поспѣшила истребовать отъ Святѣйшаго Сvнода достойнаго человѣка для разстриженія монаха Антонія.

А по растриженіи, опредѣлено: бить его кнутомъ и сослать въ Сибирь на три года въ каторжную работу.

Надежды Ѳѵимія на награду должны были разсѣяться. По закону, онъ имѣлъ на нее полное право: доносъ, повѣренный слѣдствіемъ, оказался совершенно справедливымъ. Но судьи положили, что „за долговременное необъявленіе о тѣхъ важныхъ словахъ іеромонахъ Ѳѵимій—награды не достоинъ“.

Никонъ съ Кипріяномъ за вѣдѣніе и молчаніе о преступленіи должны были быть также наказаны; но Тайная Канцелярія смущалась въ дѣлѣ расправы ихъ іеромонашествомъ, почему предоставила самому Сvноду взыскать съ обоихъ старцевъ, а потомъ донести ей, въ чемъ состояло взысканіе.

Какъ всегда, дѣло облеклось въ покровъ гробовой тайны и всѣ лица, наказанныя и ненаказанныя, обязались подпискою никому не сказывать о томъ, что происходило съ ними въ гостяхъ у Толстаго, Ушакова и Писарева.

23-го октября 1723 года Антоній былъ „обнаженъ отъ монашества“. Достойный для сего обряда человѣкъ сыскался въ лицѣ троицкаго протопопа Семенова. Немедля за обнаженіемъ — спина отшельника покрылась кровавыми полосами... Ему дано было опредѣленное число ударовъ кнутомъ.

Отцы Никонъ и Кипріянъ подверглись взысканію болѣе умѣренному, но не менѣе ощутительному: они биты плетьми въ Тіунской Канцеляріи, о чемъ члены Тайной были извѣщены своевременно.

За Антоніемъ, какъ мы сказали, — вѣроятно было нѣсколько подобныхъ преступленій; по крайней мѣрѣ уже въ бытность его на каторгѣ, въ концѣ 1724 года, Преображенская Канцелярія (вѣдомства князя Ромодановскаго) въ одномъ изъ своихъ дѣлъ нашла его замѣшаннымъ и просила Тайную Канцелярію дать ей знать: въ чемъ состояло дѣло шумнаго отца Антонія?

X.

Таинственныя литеры [1]).

Въ началѣ 1719 года въ Перновскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Фемингѣ, на посадѣ, мирно проживалъ съ женой Андрисъ Ланге, лифляндецъ, уроженецъ города Дерпта. Вдругъ стряслась надъ нимъ бѣда и странная, и страшная. Странная потому, что вышла не болѣе, не менѣе какъ изъ пивного чана, страшная—потому что привела его въ Тайную Канцелярію и къ преждевременной смерти.

Однажды осенью, по первозимкѣ, былъ онъ въ гостяхъ въ вотчинѣ генерала Шлиппенбаха, у генеральскаго прикащика, своего свояка Крея. Сытно и весело провелъ здѣсь Андрисъ четыре дня. Дома его встрѣтила жена, озабоченная и встревоженная.

— Что случилось?

— А вотъ что, стала разсказывать супруга:—въ небытность твою здѣсь, заглянула я въ нашъ пивной чанъ, что стоитъ въ сѣняхъ, и увидѣла внутри его, на стѣнкѣ, у края, черною краскою или чернилами, Богъ вѣсть, написаны вотъ такія литеры:

Я списала ихъ углемъ на окончину, а въ чану стерла мокрою рукою. Въ какую силу литеры и кто ихъ написалъ— не знаю. Вѣдомо-жъ тебѣ, что чанъ нашъ пивной лѣтъ шесть какъ стоитъ въ сѣняхъ, на ночь сѣни запираются, войти значитъ некому, а днемъ онѣ отперты; кто туда входилъ—не знаю. Разсмотри хорошенько, что это за литеры, вотъ я ихъ списала на бумагу.

Простодушный поселянинъ долго разсматривалъ таинственныя буквы, наконецъ откровенно замѣтилъ:

— Не знаю! худыя-ли это литеры или хорошія, про то Богъ знаетъ; а я разсудить не могу.

Нужно было обратиться къ человѣку разсуждающему, и мужъ,

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., картонъ XX, д. № 48.

по совѣту жены, перевелъ литеры на другую бумагу и отправилъ ихъ къ своей свояченицѣ, бывшей замужемъ за шлиппенбаховскимъ прикащикомъ. У Крея нанятъ былъ для обученія дѣтей Гилтерманъ, мужъ ума ученаго. Что за литеры, въ какой онѣ силѣ писаны?—вотъ попросъ, который задалъ педагогу Андрисъ Ланге.

Отвѣта не было. Андрисъ пошелъ самъ къ свояку.

— „Не могъ, никакъ не могъ я разсудить твоихъ литеръ", отвѣчалъ на разспросы Ланге Гилтерманъ.

Любопытный много говорилъ съ учителемъ и хозяиномъ, пили пиво, разсуждали всячески—но ни одинъ изъ нѣмцовъ, послѣ продолжительныхъ бесѣдъ и обсужденій, ничего не рѣшилъ.

Дѣло въ томъ, что въ Лифляндіи, въ странѣ только что успокоившейся послѣ продолжительныхъ и упорныхъ битвъ, набѣговъ, осадъ, и опустошеній; въ странѣ, постояно переходившей изъ рукъ въ руки шведовъ, поляковъ, саксонцевъ, наконецъ, подпавшей во власть Россіи — броженіе умовъ было сильное. Лица безпокойныя (а были и они между флегматическими лифляндцами) алкали перемѣнъ, смутъ, безпорядковъ и не переставали волновать умы простодушныхъ. То вдругъ облетала молва о какомъ-нибудь наступающемъ грозномъ событіи, то начинались чудеса, появлялись таинственныя необъяснимыя литеры.... и простолюдины безпокоились, сходились, толковали, кричали, разсуждали, каждый по своему; затѣмъ расходились, чтобы снова сойтись и потолковать о томъ же.

Такъ, напримѣръ, съ весны того же года въ рижской сторонѣ, по Перновскому уѣзду, шла молва, что странныя литеры являлись въ разныхъ мѣстахъ, на стѣнахъ домовъ; писаны то чернилами, то красными красками, на стѣнахъ хоромъ и на воротахъ; всѣ обыватели вѣдали ту молву, нѣкоторые увѣряли, что даже видѣли такія литеры, но никто не могъ растолковать ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, увѣряла Анна Ланге, на мызѣ Гольстъ-Бреръ, на стѣнѣ дома Гавика Михеля явилось надъ дверми, написанное съ улицы, красною краскою, неизвѣстное слово. Михель говорилъ о томъ прикащику. А у прикащика мнѣ въ то время быть случилось, и я это слышала. „По донесенію мужика смотрѣлъ тѣ литеры прикащикъ, но къ добру или къ худу онѣ, того онъ разсудить не могъ".

Болтали люди, что вотъ и на мельницѣ, при мызѣ капитанши Гове, въ полъ-мили отъ мѣстечка Феминга,—надъ дверьми жилища мельника также явились какія-то буквы; ихъ видѣли, о нихъ толковали....

Толки народные не могли не дойти до подозрительнаго мѣстнаго начальства, зорко слѣдившаго за страной, столь недавно пріобрѣтенной. Вѣсть-ли о находкѣ Анны Ланге, записка-ли ея съ литерами, чтобы то ни было, но слово и дѣло сказалось, и прямымъ слѣдствіемъ было то, что во дворъ Андриса прилетѣлъ царскій курьеръ, арестовалъ его, жену и мальчика Юрья Андреева, жившаго у нихъ. Всѣхъ трехъ, по высочайшему повелѣнію, помчали на изслѣдованіе въ Питеръ.

— Не доѣзжая Нарвы, такъ разсказывалъ впослѣдствіи Андрисъ Ланге, на одной изъ станцій, во время перемѣны лошадей, подошелъ ко мнѣ высокаго роста коммисаръ, иноземецъ.

— Чего ради везутъ васъ? спрашивалъ незнакомецъ.

— Явились у насъ въ домѣ, отвѣчалъ Андрисъ, литеры въ пивномъ чану; а въ какой силѣ, того мы и сами не знаемъ.

— А вотъ и здѣсь также сказываютъ, замѣтилъ коммисаръ, что въ киркѣ Гевилбѣ были написаны неизвѣстныя литеры...

Лошади были готовы, арестантовъ повезли далѣе. На одной изъ слѣдующихъ станцій, по словамъ мужа и жены, хозяинъ корчмы, узнавъ причину ихъ ареста, не утерпѣлъ, чтобъ не разсказать землякамъ (по-нѣмецки) о собственной находкѣ.

— „У меня въ каморѣ, говорилъ онъ, внутри, на дверяхъ, красною краскою явились ночью буквы. И диковинное дѣло,—камора была заперта, войти въ нее было невозможно, да и постороннихъ людей у меня въ то время не было. Изъ тѣхъ литеръ я нѣкоторыя уже стеръ, а вотъ, посмотрите, одно слово осталось“.

Ланге съ женой, какъ увѣряли, видѣли таинственное слово.

Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ они должны были разсказать въ Тайной Канцеляріи. Сюда ихъ и препроводилъ, по волѣ Петра, Александръ Ивановичъ Румянцевъ при письмѣ отъ 7-го марта:

„Превосходительнѣйшій господинъ тайный дѣйствительный совѣтникъ! писалъ Румянцевъ къ Петру Андреевичу Толстому. Царское величество указалъ въ Канцелярію розыскныхъ Дѣлъ, вѣдѣнія вашего превосходительства, отослать иноземца Андриса Ланге съ женою. О дѣлѣ его, уповаю, что ваше провосходительство извѣстны, однакожъ симъ моимъ покорно доношу: у Ланге въ домѣ, въ небытность его тамъ, явились вымышленныя литеры, написаны въ пивномъ чану. Дома кромѣ жены его, да сожителя ихъ Юрья, никого не было; и по всему видно, что такія литеры вымыслила написать женка Ланге“.

Румянцовъ приложилъ къ письму записку съ литерами; о нихъ тутъ-же было подано Анной на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее показаніе: „въ субботу, по-полудни, нашлись въ пивномъ моемъ чану, какъ то пиво сливала, вверху, на краю, сіи слова или литеры. Анна Елизавета Ланге“.

Ни Анна, ни ея мужъ не говорили и не понимали по русски; вопросы и отвѣты переводилъ переводчикъ изъ каммеръ-коллегіи.

При первыхъ допросахъ (14-го марта 1720 г.) и мужъ, и жена передали свои разнообразные толки о таинственныхъ явленіяхъ въ разныхъ мѣстахъ литеръ; что-же до своей находки, то Анна показала, что первый примѣтилъ ее мальчикъ Юрій...

Петръ Андреевичъ Толстой и его сотрудники по застѣнку были отчаянные скептики; ни во что сверхъестественное не вѣрили, и подозрѣвая Анну въ изобрѣтеніи тайныхъ шифровъ, пригласили нѣмку на дыбу.

Руки въ хомутѣ... Анна виситъ на веревкахъ, спина оголена— кнутъ бороздитъ ее кровавыми рубцами...

Новый переводчикъ переводитъ показаніе:

— „Осмотрѣла литеры въ чану я сама, а не хлопецъ мой, я ему только показала ихъ. Кто ихъ написалъ, въ какую силу— подлинно не знаю. Сама ихъ не писала, а къ учителю ихъ послала, чтобы быть о нихъ свѣдомой. Если же въ первомъ показаніи записано, что литеры усмотрѣны хлопцомъ, то это вѣрно оттого, что тотъ переводчикъ переводилъ мои слова неисправно“.

Дано 5 ударовъ.

Любопытно, что пытка была 14-го іюня 1720 года, т. е. три мѣсяца спустя послѣ перваго допроса. Что было причиной такой медленности въ производствѣ слѣдствія? Многотрудныя и разнообразныя-ли занятія „инквизиторовъ“, или справки, за которыми они быть можетъ посылали въ Лифляндію о другихъ подобныхъ случаяхъ? Впрочемъ, при дѣлѣ справокъ этихъ нѣтъ.

Дѣло вообще тянулось какъ-то вяло, но кончилось трагически.

22-го сентября 1720 г., послѣ шестимѣсячнаго, страшно томительнаго пребыванія въ тюрьмѣ, Анна Елисавета Ланге умерла подъ карауломъ въ казематѣ.

Спустя три недѣли отдалъ Богу душу и простодушный супругъ ея Андрисъ...

Подобные случаи смерти подъ стражей были дѣломъ въ то время

весьма обыкновеннымъ. Причины смертности понятны: мучительное ожиданіе пыточныхъ истязаній, холодъ, голодъ, недостатокъ въ одеждѣ, крайняя скудость въ пищѣ, сырость и мерзость помѣщенія, наконецъ, что всего хуже, продолжительность ареста и неизвѣстность времени освобожденія,—все это могло сокрушить самую крѣпкую, чуть не желѣзную натуру.

У мальчика-иноземца спросили только его имя по русски (вѣроятно онъ выучился русскому языку въ казенкахъ Тайной Канцеляріи), и затѣмъ въ концѣ ноября 1720 года сдали его на росписку въ домъ генерала Шлиппенбаха для пересылки на мѣсто жительства.

Въ 1860-хъ годахъ, при рытіи земли близь одной изъ церквей на Петербургской сторонѣ, въ Колтовской улицѣ, нашли нѣсколько скелетовъ въ оковахъ. Тутъ хоронили колодниковъ изъ Тайной Канцеляріи—не было ли между ними скелетовъ Анны и Андриса Ланге?

XI

Небесное видѣніе [1]).

Тайныя видѣнія, смущавшія лифляндцевъ, не менѣе смущали и простодушныхъ малороссіянъ. Здѣсь только разсказы о нихъ передавались еще съ большею скоростью; необыкновенно быстро и письменно переходили они отъ хутора къ хутору, отъ монастыря въ монастырь. Изобрѣтатели небывалыхъ видѣній зачастую принадлежали къ сословію лицъ духовныхъ: черницы, священники, странники, затворники и затворницы не переставали волновать умы всевозможными баснями. Онѣ любопытны для насъ, какъ порожденія народнаго суевѣрія и невѣжества, на нихъ лежитъ отпечатокъ времени. Всѣ видѣнія имѣли смыслъ предсказательный, всегда угрожающій на цѣлый рядъ бѣдъ: войну, моръ, неурожаи, нашествіе иноплеменниковъ и проч., всегда они облекались въ религіозную, мистическую форму. Что они выдумывались большею частью лицами духовными—дѣло понятное: духовенство, въ особенности низшее, ни чуть не было выше уровня народнаго развитія, а имѣя на него большее или меньшее вліяніе, пользуясь досугомъ, изъ желанія прибытка, не за-

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVII, д. № 13, также Кабинетскія дѣла, II-я половина, т. XLVII, лл. 101—103.

думывалось надъ изобрѣтеніями слуховъ и толковъ о всевозможныхъ чудесахъ. Достаточно было одной вѣсти, что въ такой-де обители видѣли особое знаменіе на небесахъ—и народъ толпами валилъ къ старцамъ съ разспросами, просилъ показать рисунокъ небеснаго видѣнія, растолковать его значеніе, и послѣдній грошикъ клалъ хуторянинъ, чтобы послушать ловко сложенную басню.

Строгія мѣры правительства, ссылки, пытки и казни не останавливали лживыхъ пророковъ; источники разсказамъ о тайныхъ видѣніяхъ и чудесахъ не прекращались, и нѣтъ ничего удивительнаго, что даже въ концѣ царствованія монарха, строгаго карателя всякой неправды, мы находимъ лжецовъ-фанатиковъ въ дальнихъ монастыряхъ.

27-го января 1720 года, въ Спасскомъ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ, послѣ заутрени, на разсвѣтѣ, іеромонахъ Порфирій вошелъ въ хлѣбню. Здѣсь былъ монастырскій экономъ монахъ Іезекіиль, служка Грицко и нѣсколько другихъ послушниковъ.

— Братія! вскричалъ Порфирій, только что сподобилъ меня Господь видѣть на небѣ видѣніе! Пойдемте, я вамъ его покажу.

Іезекіиль съ братіей поспѣшили на дворъ. Утро было морозное, начиналъ брежжить свѣтъ, изъ-за облаковъ выглядывалъ мѣсяцъ, но никакого видѣнія не было видно.

— Должно быть заволокло его облаками, замѣтилъ старецъ, вишь ты сколько ихъ нагнало.

— Какъ ты высмотрѣлъ то знаменіе, какимъ подобіемъ его видѣлъ? стали спрашивать чернецы, проводивъ разскащика въ его келью. Монастырь всполошился,—въ кельи стали собираться любопытные отцы-монахи.

— А вотъ какъ я его примѣтилъ, говорилъ между тѣмъ Порфирій: пришедъ отъ заутрени и отправя келейное правило, вышелъ я изъ кельи, чтобъ не спать, и вдругъ узрѣлъ на западной сторонѣ комету. Глядѣлъ я на нее съ четверть четверти часа (минуты четыре). Видѣлась мнѣ именно голова; по одну сторону той головы сабля и два палаша крыжомъ (крестомъ), а третій стоймя; по другую сторону головы было двѣ ноги и двѣ руки, а надъ руками два мѣсяца; надъ мѣсяцами виднѣлись мнѣ двѣ звѣзды; противъ же головы, пониже ея немного, литера покой (П); послѣ литеры, съ обѣихъ сторонъ, по мѣсяцу; далѣе крестъ, особо, безъ мѣсяцевъ. А было то видѣніе на синемъ небѣ — одними желтыми колерами порознь, а настоящаго мѣсяца въ то время не видалъ.

не мало не надлежитъ, и за то — сослать его въ Соловецкій монастырь и держать тамъ до его смерти, отнюдь никуда не выпуская".

Арестанта сдали подъ росписку комиссару Савинову для доставленія на мѣсто ссылки; но еще долго шла переписка—изъ какихъ суммъ выдать ему прогоны? Она кончилась опредѣленіемъ Тайной Канцеляріи—выдать изъ ея суммъ проводнику прогонныхъ денегъ на одну ямскую подводу на 1,040 верстъ до города Архангельска... сколько бы вы думали!... 3 рубля, 23 алтына!

Поступокъ черниговскаго архіерея, дерзнувшаго сослаться на церковныя правила и не послушавшагося могущественнаго Меншикова, не остался безнаказаннымъ. Владыку вытребовали, по высочайшему повелѣнію, въ Сенатъ, который и обратился съ распросомъ о немъ въ Розыскныхъ дѣлъ Тайную Канцелярію. Въ чемъ состоялъ приговоръ грознаго судилища относительно епископа Антонія — изъ дѣлъ не видно.

XII.

Кликуши [1])

Кто бывалъ въ нашихъ дальныхъ монастыряхъ да пустыняхъ, кто часто заходилъ въ приходскія церкви людныхъ селъ въ праздничный день, когда въ храмѣ тѣснятся толпы народа, тому случалось, можетъ быть, замѣтить иногда у дверей съежившуюся женщину, нерѣдко съ передернутымъ, сильно скосившимся лицемъ, съ безсмысленно мигающими глазами... Она охаетъ, кряхтитъ, судорожно осѣняетъ грудь крестнымъ знаменіемъ и бьетъ земные поклоны. Ее не тѣснитъ, не душитъ толпа народа, напротивъ, на нее и ея проводницу обыкновенно смотрятъ съ какимъ-то уваженіемъ и сторонятся съ страннымъ подобострастьемъ.

— Что это за женщина? спрашиваете вы.

— Кликуша, батюшка, кликуша, — отвѣчаетъ сосѣдняя старуха: — кликаетъ нелѣпымъ гласомъ, вотъ какъ понесутъ дары и ее станетъ бить...

Дѣйствительно, запоютъ ли „достойную", либо „херувимскую"

---

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XVII, д. № 45

либо вынесутъ дары—и вдругъ церковь оглашается какимъ-то дикимъ воплемъ: слышится то собачій лай, то лягушечье кваканье, то какой-то вой; что-то визжитъ, пищитъ и стонетъ.

Народъ, привычный къ этимъ явленіямъ, большею частію даже не оглядывается и, продолжая молиться, только сторонится, чтобъ дать мѣсто кликушѣ.

Подойдемъ, посмотримъ на нее. Зрѣлище дѣйствительно странное. Бабу колотитъ, дергаетъ какая-то нечистая сила, поводитъ судорога; она кричитъ самыми нелѣпыми голосами; платокъ свалился, платье въ безпорядкѣ, волосы разсыпались безобразными космами — и баба мечется на полу. Надъ ней заботливо суетится проводница, неизмѣнная спутница кликуши; она покрываетъ ея голову платкомъ, придерживаетъ на одномъ мѣстѣ, чтобъ не металась, поправляетъ платье, либо иной разъ проситъ накрыть ее какимъ-нибудь церковнымъ платомъ....

Минутъ двадцать спустя, много черезъ полчаса,—кликуша стихаетъ, и только тяжкое, громкое дыханіе показываетъ, что съ ней былъ припадокъ...

Кончилась обѣдня. Народъ валитъ изъ церкви, и многіе мужики да бабы, проходя мимо кликуши, долгомъ считаютъ подать ей грошикъ на ея „убожество болѣзное“.

Что за причина подобныхъ припадковъ? Дѣйствительная ли болѣзнь, желаніе ли прибытка, корысть, особый ли родъ выпрашивать милостыни?

И то, и другое. Иногда это кликанье — дѣйствительная болѣзнь особаго рода (не одинъ ли изъ видовъ падучей, или какъ называетъ ее народъ — родимчикъ?). Объ этой болѣзни кликушъ любопытные могутъ найти учено-медицинскую монографію, изданную на русскомъ языкѣ въ 1860-хъ гг. Тѣмъ не менѣе однако не можетъ быть сомнѣнія, что между кликушами попадаются такія, которыя изъ кликанія сдѣлали особаго рода выгодный для нихъ промыселъ. Ѣдучи на нижегородскую ярмарку (въ 1860 г.), мнѣ случилось видѣть на пароходѣ кликушу. Это была женщина лѣтъ сорока пяти, съ сморщенною, желтою физіономіею и бойкимъ, осмысленнымъ взглядомъ. Она была одѣта, какъ одѣваются жены богатыхъ фабричныхъ, и я невольно удивился, заслышавъ, какимъ приторно-гнусливымъ голосомъ стала она разсказывать о своемъ кликаніи по церквамъ, о тѣхъ видѣніяхъ, какія бываютъ съ нею,

и стала просить денегъ, будто бы собираемыхъ ею для богомольнаго путешествія въ Соловки! Но на пароходѣ большею частію были купцы да мѣщане, народъ болѣе или менѣе отрѣшившійся отъ нѣкоторыхъ вѣрованій простолюдина, и потому на гнусеніе кликуши отвѣтили ругательствами, и та стихла...

Въ настоящее время правительство благоразумно представляетъ самому народу вести себя какъ онъ хочетъ относительно кликушъ, юродивыхъ, всякаго рода дураковъ... Каждый знаетъ, что преслѣдованіе въ этомъ случаѣ неумѣстно. Дѣлая изъ этихъ жалкихъ больныхъ и не больныхъ уродовъ какихъ-то мучениковъ, преслѣдованія еще болѣе усиливаютъ суевѣріе черни...

Но полтораста лѣтъ тому назадъ не было, да и не могло быть такого взгляда на вещи. Достаточно было обличенія двухъ, трехъ кликушъ въ притворствѣ, чтобъ вызвать Петра на энергическое, постоянное и упорное преслѣдованіе кликушъ, заурядъ со всѣми чудодѣями, странниками, странницами, предсказателями, затворниками, учителями раскола и прочими людьми, волновавшими народъ и словомъ, и дѣломъ.

Кликушъ хватали вездѣ и, по высочайшему повелѣнію, держали въ тюрьмахъ; пытали, сѣкли, наконецъ, разсылали въ работу по прядильнымъ дворамъ и фабрикамъ...

Вотъ партія кликушъ—три бабы. Ихъ прислалъ изъ Москвы—17 августа 1720 г.—вице-губернаторъ Воейковъ: дочь харчевника, Авдотья Яковлева, Тихвинской Сущевской богадѣльни слѣпая дѣвка Арина Иванова, да мѣщанской слободы купецская жена—Авдотья Акимова. Всѣ три кликали по разнымъ московскимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ кликаніи взяты подъ караулъ.

— Въ семъ году, показывала Акимова на допросѣ при губернской канцеляріи въ Москвѣ, — была я точно въ большомъ Успенскомъ соборѣ и во время божественнаго пѣнья кричала нелѣпымъ голосомъ: лаяла собакою. Случилась со мной эта скорбь лѣтъ ужъ съ сорокъ, еще младенцемъ. Находитъ она на меня въ мѣсяцъ по однажды, по дважды, по трижды и болѣе,—прилучается въ церквахъ и дома. Вѣдаютъ о той скорби многіе посторонніе люди, а также духовникъ мой, священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, за Москвой рѣкой. А буде я, Авдотья, сказала что ложно, и за то указалъ бы великій государь казнить меня смертью...

Невольно улыбаешься, слыша изъ устъ бабы-старухи эту обыч-

ную, заключительную фразу. Здѣсь она какъ-то особенно неумѣстна и смѣшна...

Справились у духовника кликуши: вѣдаетъ ли онъ за ней ту скорбь?

— Не вѣдаю, кликала ли она въ церкви,—отвѣчалъ священникъ,—но живучи у меня въ дому, почасту лаяла собакою, кричала лягушкою, пѣсни пѣла, смѣялась, да приговаривала: охъ, тошно мнѣ, охъ тошно!

— Кричала и я нелѣпымъ голосомъ, — показывала Авдотья Яковлева, — въ разныхъ церквахъ и дома почасту: въ храмѣ Положенія ризы Богородицы, идѣже лежатъ мощи Іоанна блаженнаго на рву, да Козмы и Демьяна въ нижнихъ Садовникахъ, кричала во время божественнаго пѣнія, а покаковски—того не упомню. А та скорбь приключилась не давно и съ чего—не знаю.

— А мнѣ довелось часто кричать нелѣпымъ гласомъ,—каялась слѣпая Иванова,—во время слушанія чтенія св. Евангелія въ Никитскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, да въ Тихвинской церкви въ Сущевѣ; что кричала—того не вѣдаю, и была та скорбь со мной въ богадѣльнѣ по днямъ и ночамъ; приключилась она отъ рожденія матери моей, что-де слыветъ въ народѣ: тихая и родимецъ; мать и другіе свойственники отъ той скорби меня не уберегли...

Какъ бы то ни было—скорбь ли, не скорбь, но кликушъ подозрѣвали въ сообществѣ съ расколомъ; всѣ онѣ являлись ослушницами царскаго указа: „ни по церквамъ, ни по домамъ не кликать и народъ тѣмъ не смущать“, и потому онѣ—государственныя преступницы.

Слово и дѣло!

Что преступленіе ихъ съ точки зрѣнія тогдашняго правительства было важно, можно уже видѣть изъ того, что царское величество, получивъ кликушъ изъ Москвы, немедленно отослалъ всю партію для розыску къ его превосходительству Петру Андреевичу Толстому съ товарищами.

Трибуналъ не мѣшкалъ: прочелъ копіи съ московскихъ допросовъ и на другой же день пригласилъ кликушъ въ застѣнокъ, къ дыбѣ.

Первую вздернули кверху Авдотью Акимову.

— Съ чего у тебя сдѣлалась та скорбь, не притворяешься ли, кто научалъ тебя кричать?

— Кричала лягушкою и лаяла собакою безъ притвору въ болѣзни своей, а та болѣзнь у меня лѣтъ сорокъ и какъ схватитъ— и въ то время ничего не помню; кликать же меня не научали...

Дано 7 ударовъ.

Подняли на виску Авдотью Яковлеву.

— Говори безъ утайки: по чьему наученію и съ чего ты кликала?

— Кричала въ безпамятствѣ, безъ всякаго притвору, ничего не помня; съ чего учинилась скорбь—не знаю, а научать, никто меня не научалъ.

Было ей 11 ударовъ.

Подвели слѣпую Арину Иванову: руки въ хомутъ, ноги въ ремень—веревку дернули и она виситъ на дыбѣ.

— Говори правду: съ чего кликаешь?

— Болѣзнь у меня падучая: какъ схватитъ — все запамятую, кричу безъ притвору и безъ сторонняго наученія.

Отсчитали 5 ударовъ.

Четыре дня спустя, вся партія кликушъ приведена въ тотъ же застѣнокъ. Одну за другой ставили ихъ по другому разу въ ремень, вздергивали на дыбу, и съ подъему, безъ кнута, снимали новыя показанія.

Онѣ ничѣмъ не рознились отъ прежнихъ.

— Вотъ и вчерашняго числа, — говорила одна изъ кликушъ, Авдотья Яковлева, болтаясь на веревкахъ: схватила меня скорбь та, кликаніе, въ тюрьмѣ, при караульномъ солдатѣ: вскричала и упала о-земь въ безпамятствѣ.

— Правда то или нѣтъ?—спрашивали судьи у часового, солдата лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

— Заподлинно правда, отвѣчалъ часовой:—вчерашняго числа, во время св. литургіи, молилась эта баба въ караульнѣ, что въ равелинѣ, и вдругъ вскочила, упала, затряслась и стало ее гнуть. Лежала она отъ того на землѣ замертво часа полтора—и я пришелъ въ страхъ немалый.

Тюремное кликанье спасло Яковлеву отъ дальнѣйшаго штрафованія. Судьи положили: такъ какъ та болѣзнь была съ нею въ крѣпости, въ бытность ее за карауломъ, того ради ее освободить, но не иначе какъ съ порукою и роспискою ея мужа, что она „впредь во святыхъ храмахъ кричать, кликать и смятенія чинить не будетъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія кнутомъ и ссылки на прядильный дворъ въ работу вѣчно“.

Послѣднее опредѣленіе показываетъ, что инквизиторы остались при своемъ убѣжденіи, что кликанье ея притворство; иначе бы они не стали требовать невозможнаго: не кликать тогда, когда скорбь отъ Яковлевой вовсе не зависѣла.

Что до остальныхъ двухъ кликушъ, то ихъ препроводили къ оберъ-полиціймейстеру для опредѣленія на С.-Петербургскій прядильный дворъ. Девіеръ возвратилъ ихъ при письмѣ: „прядильный-де дворъ состоитъ въ вѣдомствѣ Бергъ-Коллегіи, по мануфактурнымъ дѣламъ“.

Тайная Канцелярія, принявъ обратно кликушъ, пристроила ихъ наконецъ на одномъ изъ полотняныхъ заводовъ, въ вѣдомствѣ кабинетъ-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова.

XIII.

Прапорщикъ Скобѣевъ [1]).

Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.
(Поговорка).

Весело и шумно проводитъ русскій человѣкъ Рождество, Святую недѣлю и прочіе годовые праздники: любитъ онъ—и винца испить, и поговорить, да покричать, а зачастую—и подраться въ тѣ минуты, когда хмѣль сильно затуманитъ его голову... И на всемъ громадномъ пространствѣ матушки-Руси: въ свѣтлыхъ хоромахъ помѣщика, въ тѣсной келейкѣ затворника, на улицѣ, да на площади, наконецъ въ лачугѣ крестьянина, русскій человѣкъ одинаково любитъ въ эти минуты, подъ шумокъ винца да пива, поболтать на распашку; за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, и путаетъ, и кричитъ, берется толковать обо всемъ, ни надъ чѣмъ не задумываясь, ни на чемъ не останавливаясь.

Но было время, когда и въ минуты „пьянственнаго веселья“ надо было держать себя на-сторожѣ, надо было говорить съ оглядкой, страшась извѣтчиковъ. То было время царствованія преобразователя Россіи, Петра Алексѣевича. Каждое неосторожное слово, сказанное о лицахъ высокихъ, о событіяхъ важныхъ; каждая мысль,

[1]) Вершеныя дѣла Роз. Д. Т. Канцел.

выданная злодѣемъ языкомъ, слишкомъ развязаннымъ роднымъ пѣнникомъ—все влекло въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, нерѣдко въ застѣнокъ, руки въ хомутъ, на дыбу, и во всякомъ случаѣ пошла работа заплечному мастеру...

Послушаемъ-же эти вольныя рѣчи, посмотримъ на двухъ, на трехъ изъ этихъ страшныхъ „политическихъ преступниковъ“, прочитаемъ приговоры надъ ихъ преступленіями. Тогда мы увидимъ, дѣйствительно-ли были такъ опасны — вольныя рѣчи, много-ли зависѣла отъ нихъ цѣлость россійскаго государства, колебали-ли онѣ тронъ великаго монарха, наконецъ среди какихъ людей, въ какихъ мѣстахъ находилъ онъ недовольныхъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ: Тимофѣй Савельевичъ Скобѣевъ, прапорщикъ разкосованнаго ландмилицкаго полка, отпущенный генералъ-аудиторомъ Иваномъ Кикинымъ въ отпускъ, проживалъ въ 1721 году въ *Боровскомъ* уѣздѣ, въ сельцѣ Фроловскомъ. Въ этомъ сельцѣ жило нѣсколько мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ; между домиками ихъ было два двора Скобѣева. Человѣкъ онъ былъ весьма небогатый; но двухъ дворовъ крестьянъ, да землицы было достаточно настолько, чтобы частенько покупать вино, да пить зачастую чашу горькую, не разбирая ни скоромныхъ дней, ни постныхъ, ни среды, ни пятницы. Спокойно-бы текла жизнь Тимофѣя Савельевича, еслибы Провидѣніе не даровало ему, въ лицѣ его благовѣрной Матрены Прокофьевны, женщину своеобычную, крутую, которая съ негодованіемъ смотрѣла на поведеніе супруга. Она непрестанно удерживала Тимошу, не давала вина, не давала денегъ, бранилась, ссорилась, не брезгала и рукопашной схваткой—все было тщетно. У Скобѣева было досугу много: разъ въ годъ являлся онъ на смотръ въ Москву, въ столовую палату; на службу, за болѣзнью-ли, или за старостью—его не записывали, и онъ совершенно свободно отдавался своей страсти.

Наступали праздники Рождества, 1721 года. Тимофѣй Савельичъ съ радости не могъ ихъ выждать и уже за недѣлю пилъ непомѣрно. Въ одинъ изъ такихъ дней, рано утромъ, послѣ шумно проведенной ночи, Тимофѣй Савельичъ попросилъ у жены винца опохмѣлиться. Но тщетно представлялъ онъ ей на видъ тѣ обстоятельства, что онъ былъ весьма пьянъ, что голова его тяжела, во рту, Богъ знаетъ, что такое,—Матрена Прокофьевна не хотѣла ничего слушать и вина не дала.

Огорченный супругъ осыпалъ жену сильными упреками, затѣмъ

бранью, а отъ рѣзкихъ словъ дѣло дошло до ручной схватки. По праву сильнаго, Тимоша сталъ бить нещадно,—Матрена Прокофьевна заголосила. Свидѣтельницею супружескаго объясненія была служанка Авдотья Васильева. Не зная, какъ разнять господъ, она побѣжала за Акимомъ Ивановымъ, дворовымъ человѣкомъ Скобѣевыхъ.

Когда Ивановъ вошелъ въ горницу, бой стихъ; утомились-ли бойцы, или совѣстно стало помѣщику и помѣщицѣ, какъ-бы то ни было, но они разошлись. Мужъ взлѣзъ на печь, жена усѣлась на лавкѣ.

Но слабая женщина въ пылу горячки никогда не можетъ остановиться на первомъ объясненіи; не взявши силою, она прибѣгаетъ къ слову. Матрена Прокофьевна и на этотъ разъ, не успѣвъ еще оправиться отъ схватки, растрепанная, помятая, осыпала мужа самыми отборными выраженіями.

— Для чего ты пьешь, для чего буянишь? говорила она между прочимъ: пьешь, да безобразничаешь, а отъ того пьянства меня бьешь, въ среду да въ пятницу блудишь. Побойся Бога, у насъ и челядинцы того не дѣлаютъ.

Больно обидною показалась Скобѣеву выходка жены. Схватка отрезвила его совершенно, и, не утерпя „тѣхъ ея словъ", онъ сталъ жену бранить, наконецъ весьма положительно замѣтилъ:

— Что ты мнѣ указываешь? Вѣдь такъ самъ государь, Петръ Алексѣевичъ, дѣлаетъ!

— Ну, что ты про государя говоришь, отвѣчала Матрена: вѣдь государь Петръ Алексѣевичъ не наша персона. Вѣдь онъ — какъ изволитъ!

— Врешь жена, я знаю, что говорю...

— Нѣтъ, не знаешь, заключила супруга: заврался ты съ пьяна-то.

Бесѣда стихнула. Акимъ Ивановъ вышелъ изъ горницы, его взяло раздумье. Мужикъ, какъ видно, былъ онъ толковый, читать не читалъ за безграмотностью, но слышалъ и зналъ про царскіе указы, въ которыхъ такъ щедро сулили награды извѣтчикамъ по дѣламъ, до персоны царской, либо до интересовъ его касающимся; зналъ и угрозы тѣмъ, кто, свѣдавъ о чемъ нибудь изъ такихъ дѣлъ — не доносили. Съ одной стороны соблазняла награда, даже надежда на освобожденіе на волю, съ другой пугала мысль: что если Васильева, по бабьей натурѣ, болтнетъ кому-нибудь на селѣ, и вольныя рѣчи помѣщика дойдутъ до начальства?

Долго однако не рѣшался Акимъ выдать барина; наконецъ 17 апрѣля—явился онъ на пикетъ къ караульному офицеру и сказалъ за собой: слово и дѣло! Обличителя препроводили въ Преображенское. Его царское величество соизволили допустить къ себѣ Акима на объясненіе въ кабинетъ. Передалъ служитель дѣло важное; записали его разсказъ, и 21 апрѣля 1721 г. вмѣстѣ съ запискою препроводилъ его кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ въ Тайную, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

„И хотя то дѣло, приписывалъ секретарь въ P. S., его императорское величество изволилъ ставить за неважное, однако по доношенію—помѣщика того надобно сыскать и допросить въ томъ: къ какому случаю онъ такія слова говорилъ?“

Андрей Ивановичъ отобралъ подробныя показанія отъ служителя, затѣмъ внимательно выслушалъ барина. Его схватили на мѣстѣ жительства и привезли подъ стражею. Скобѣевъ сознался; разсказалъ все происшествіе, затѣмъ клялся, что „иныхъ важныхъ продерзостныхъ и непристойныхъ словъ ни прежде, ни послѣ того не было; про его величество съ женой никогда не говаривалъ, а что было имъ сказано, то спроста, а ни въ какую силу“.

Сознаніе спасло отъ пытки, смягчило и наказаніе:

1 мая 1722 г. Тайная Канцелярія, по указу его императорскаго величества, рѣшила:

— „Прапорщика Тимофѣя Скобѣева за глупыя и непристойныя слова, бить батоги нещадно, затѣмъ освободить. А доносителю Акиму Иванову, за его извѣтъ, дать паспортъ, въ которомъ написать, что ему Акиму съ женой и съ дѣтьми отъ Скобѣева быть свободну и жить гдѣ похочетъ“.

XIV.

На дворянской пирушкѣ.

Послушавъ утреннюю бесѣду Тимофѣя Савельевича Скобѣева съ Матреной Прокофьевной, отправимтесь на вечерокъ къ помѣщику Новгородскаго уѣзда, къ Петру Ивановичу Баранову, въ Николо-Дымской погостъ.

На второй день праздника, 26 декабря 1721 года, въ усадьбѣ

Петра Ивановича, Гора-Чироля, собралась большая компанія. Здѣсь былъ гвардіи капитанъ Петръ Наумовичъ Мельгуновъ, онъ пріѣхалъ для описи всѣхъ лицъ мужского пола; гренадерскаго пѣхотнаго полка поручикъ И. Г. Телѣгинъ, коммисаръ Н. П. Арцыбашевъ, дворянинъ, призванный для подписки объ опрошенныхъ душахъ, Василій Семеновичъ Харламовъ, подьячіе Чекмаревъ и Збургской.

Бесѣда была шумная, угощеніе славное, вино да пиво хмѣльное развязало языки. За ужиномъ гости просидѣли до четырехъ часовъ утра. Болѣе всѣхъ опьянѣлъ помѣщикъ Харламовъ. По мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе хмѣлѣлъ Василій Семеновичъ, рѣчи его дѣлались шумнѣй да шумнѣй; слова непотребныя, скверныя да бранныя чаще и чаще слетали съ его устъ. Толковалъ онъ о многомъ, добраться въ рѣчахъ его смыслу дѣло было нелегкое, болѣе всего ругалъ онъ присутствующихъ.

—囗уракъ ты, дуракъ, кротко замѣтилъ поручикъ Телѣгинъ, будетъ тебѣ врать-то!

— А что за бѣда, болтнулъ въ отвѣтъ пьяный, въ Санктпетербургѣ и государь Петръ Алексѣевичъ вретъ.

— Взять его подъ караулъ!—закричалъ Мельгуновъ.

Болтунъ проснулся подъ арестомъ, но слово не воробей: вылетѣло—пропало, воротить его было нельзя.

Мельгуновъ отобралъ у всѣхъ свидѣтелей подписку о видѣнномъ и слышанномъ и приложилъ ее къ рапорту на имя командира своего, генералъ-маіора и гвардіи маіора М. Я. Волкова.

— „Онаго же Харламова, писалъ между прочимъ капитанъ, посылаю при семъ съ гвардейскимъ солдатомъ Расторгуевымъ, понеже опасенъ, ежели онаго не объявить, чтобъ впредь какого худа не произошло“.

16 января 1722 г. мы находимъ уже Харламова въ Тайной Канцеляріи. Стоитъ и трепещетъ предъ неумытными судьями новгородскій помѣщикъ и ведетъ рѣчь повинную.

Онъ кается въ томъ, что пировалъ 26 декабря у Баранова, видѣлъ тамъ Мельгунова, но были-ль тамъ кто другіе—того онъ не упомнитъ, да и изъ словъ-то про его величество не помнитъ, понеже былъ онъ, Василій, въ то число весьма пьянъ.

Дѣло-ли было слишкомъ ясно, разбирать-ли его не стоило труда, какъ бы то ни было—только въ тотъ же день Тайная Канцелярія, по указу его величества, опредѣлила:

— „Новгородцу Харламову за непристойныя слова учинить наказаніе: бить батоги нещадно. Потому именно, писали Толстой, Ушаковъ да Писаревъ, что хотя онъ, Харламовъ, былъ весьма пьянъ и словъ своихъ не помнитъ, но Мельгуновъ и другіе свидѣтели показали, что онъ въ пьянствѣ бранился и означенныя непристойныя слова говорилъ. Того ради и учинить ему наказаніе, дабы онъ впредь, хотя и въ пьянствѣ, никакихъ непристойныхъ словъ не говорилъ; а по наказаніи свободить“.

XV.

Портной царевича Алексѣя.

Не такъ легко отдѣлался другой государственный преступникъ, не потому, чтобы его преступленіе было важнѣе,—нѣтъ, а потому, что къ его дѣлу примѣшивалось воспоминаніе о царевичѣ Алексѣѣ; а всѣ дѣла, при совершеніи которыхъ невольно подымалась предъ судьями окровавленная тѣнь наслѣдника престола, рѣшались не въ примѣръ суровѣе и грознѣе.

15 апрѣля 1722 г., вечеромъ въ 8-мъ часу, по Тверской улицѣ, въ Москвѣ, ѣхалъ нашъ старинный знакомый, прапорщикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Иванъ Михайловичъ Орловъ, герой трагическаго романа и любовникъ фрейлины Марьи Даниловны Гамильтонъ (см. о ней въ этой книгѣ, далѣе). Орловъ ѣхалъ въ каретѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Танѣевымъ. Противъ двора вдовы княгини Анны Долгоруковой наскочилъ на нихъ какой-то пьяница и сталъ на лошадей „шататься“.

— Что это за шалунъ? закричали офицеры, хватая лошадь незнакомца.

— А я... я... не шалунъ, говорилъ пьяный, размахивая тростью: я не шалунъ... я служилъ при государѣ царевичѣ вѣрно... да, вѣрно... А судитъ того Богъ... кто... насъ обидѣлъ...

Уже одно упоминаніе о царевичѣ (разумѣется—Алексѣй Петровичъ) въ устахъ незнакомца, на улицѣ, было преступленіе, и офицеры сочли долгомъ, вопервыхъ, преизрядно поколотить пьяницу—не шатайся молъ на лошадей, а затѣмъ за непристойныя слова сдать его подъ караулъ близъ Воскресенскихъ воротъ.

Въ тотъ же вечеръ Орловъ, въ качествѣ царскаго деньщика, нашелъ удобную минуту и всеподданнѣйше донесъ о преступленіи и преступникѣ.

Государь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ дѣло изслѣдовать, и на другой день Орловъ доставилъ арестанта въ Тайную Канцелярію.

Арестантъ, вполнѣ уже трезвый, въ отвѣтъ на распросы судей, познакомилъ ихъ съ своей біографіей:

— „Родомъ я шведъ, говорилъ обвиняемый, родился въ Финляндіи, въ городѣ Сердоболѣ. Отецъ мой, Еремѣй Силинъ, былъ шапочникомъ, мое же нѣмецкое имя было Габріель. Въ 1702 году графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ напалъ съ казаками на нашъ городъ; я былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Олонецъ, гдѣ и выпущенъ за малолѣтствомъ на волю. Попалъ я въ Петербургъ; явился въ домъ кронъ-принцессы и у портного Пипера прожилъ въ ученьи три года; въ это время узналъ меня камердинеръ царевича Алексѣя Петровича, Иванъ Афанасьевъ, взялъ къ себѣ и поручилъ убирать платье царевича. Тутъ я и жилъ до 1716 года; въ этомъ году, 8-го ноября, царевичъ мнѣ отказалъ за умноженіемъ числа служителей. Я переѣхалъ въ Москву, занимался портняжествомъ, сначала въ домѣ князя С. Голицына, потомъ у князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, наконецъ поступилъ въ услуженіе къ княгинѣ Аннѣ Долгорукой. 15 апрѣля сего года былъ я въ гостяхъ у синодскаго секретаря Семенова; поѣхалъ я отъ него пьяный. На Тверской, противъ дома своей госпожи, наѣхалъ я на карету неизвѣстныхъ мнѣ людей“.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, Силинъ разсказалъ свою встрѣчу, но объявилъ, что только тогда, когда офицеры стали его бить, онъ, не стерпя побоевъ, сказалъ Орлову: „суди тебя Богъ, что насъ обидишь!“

Такихъ-же словъ, увѣрялъ Силинъ, „суди того Богъ, кто насъ обидѣлъ“, я вовсе не говорилъ.

Все дѣло, лучше сказать, вся важность преступленія состояла въ томъ, какое именно мѣстоимѣніе употребилъ пьяный портной: тебя или того, и въ какомъ времени поставилъ глаголъ обидѣть, въ настоящемъ или будущемъ. Если въ его рѣчи было тебя и обидишь, то эти слова относятся къ деньщику-прапорщику; если же того и обидѣлъ... тогда... тогда преступленіе слишкомъ важно, оно имѣетъ громадное значеніе!

Для рѣшенія столь серьезнаго грамматическаго вопроса Петръ Андреевичъ Толстой, да Андрей Ивановичъ Ушаковъ 25 апрѣля 1722 г. отправились въ застѣнокъ: Силина спрашивали съ пристрастіемъ, вложили руки въ хомутъ и вздернули на дыбу.

Портной висѣлъ на дыбѣ, въ ожиданіи кнута, „довольно“ и во все это время продолжалъ стоять на мѣстоимѣніи тебя вмѣсто того и спрягалъ глаголъ обижать не въ прошедшемъ, а въ будущемъ времени: вмѣсто обидѣлъ — обидишь!

Такая однако стойкость Силина спасла его спину отъ кнута; тѣмъ не менѣе приговоръ состоялся строгій: Тайная Канцелярія, по указу царскому, повелѣла Сибирской канцеляріи отправить Силина въ ссылку въ Сибирь.

4-го сентября 1722 г. Тайная Канцелярія почему-то нашла нужнымъ справиться, дѣйствительно-ли высланъ Силинъ,—и ей отвѣтили, что бывшій портной и служитель царевича еще 21 іюня отправленъ въ Тобольскъ, подъ конвоемъ поручика Микулина.

XVI [1]).

Школяры.

27 сентября 1722 года, въ среду, поздно вечеромъ, у Гаврилы Павлова, прозваніемъ Лысаго, старшаго дьячка церкви св. Ильи, что въ городѣ Глуховѣ, собралась веселая компанія. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ только что пришли изъ шинка, гдѣ отвѣдали винца, и разговоръ сдѣлался живѣе и одушевленнѣе.

Хмѣль одолѣлъ: собесѣдники разбрелись по угламъ, разлеглись по лавкамъ. Било два часа ночи. Свѣча, догорая, мерцающимъ свѣтомъ освѣщала спящихъ и засыпающихъ. Разговоръ сталъ стихать, и скоро храпъ да кряхтѣніе переворачивающихся съ боку на бокъ нарушали тишину.

Пользуясь этимъ временемъ, познакомимся съ хлопцами, нашедшими пріютъ въ школѣ Лысаго: вотъ на верхней лавкѣ, у печки,

[1]) Предлагаемый разсказъ, показывая до чего и до кого доходили въ Петровское время обвиненія въ государственномъ преступленіи, даетъ, въ то же время, понятіе о жизни школьниковъ въ южной Россіи. См. вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., карт. XXXI, д. № 4.

улегся Лукьянъ Васильевъ Нечитайло, сынъ истаго казака, хлопецъ дюжій, болтливый, родомъ онъ изъ города Галича; на десятомъ году отъ роду потерялъ отца, прибрелъ въ Глуховъ и жилъ по разнымъ школамъ „для обученія“; Лукьянъ изучилъ премудрость часослова, умѣлъ подписать свое имя, затѣмъ обученіе шло плохо: шинки, да дивчаты отбивали отъ него грамоту и онъ за-частую сознавался, что пора ученія прошла для него невозвратно. На другой день Успенья 1722 года, онъ перебрался въ ильинскую школу къ дьячку Лысому, съ тѣмъ разумѣется, чтобъ мало „помѣшкавъ“, перейти въ другую.

Подъ забулдыгой Нечитайло, на нижней лавкѣ, спалъ уроженецъ села Сенча, города Лоховца — Игнатій Емельяновъ Кривецкій. Года три тому назадъ, отецъ его, „черкашенинъ“, умеръ—и двадцатилѣтній парень сталъ бродить изъ одной школы въ другую „для работы“; грамоту не уразумѣлъ, добрался до Глухова и почти въ одно время съ пріятелемъ своимъ Нечитайло поступилъ къ Лысому.

Противъ печки, на лавкѣ, спалъ хлопецъ Степанъ, а за столомъ въ переднемъ углу, на парадномъ мѣстѣ, улегся гость, лѣтъ пятидесяти, въ рясѣ чернеца. Монахъ, какъ самъ увѣрялъ школьниковъ и гостепріимнаго Лысаго, пробирался изъ дальнихъ мѣстъ въ Кіевъ на богомолье, по обѣщанію.

Въ смежной горенкѣ вмѣстѣ съ дьячкомъ, директоромъ школы, разлеглись по лавкамъ три школяра: Митрофановъ, Салочинковъ и Григорьевъ. Первый изъ нихъ, Григорій Митрофановъ, изъ города Сурджи, остался послѣ отца трехъ лѣтъ, и когда подросъ, ходилъ по малороссійскимъ хуторамъ, да городамъ, останавливаясь вездѣ, гдѣ только находилъ школу.

Въ школахъ за пристанище, да за пищу, Митрофановъ отправлялъ церковную службу. Лѣтъ пять тому назадъ, онъ явился въ Глуховѣ, долго отчитывалъ псалтыри, да часословы въ разныхъ школахъ, толкался по монастырямъ, наконецъ пріютился у Лысаго.

Митрофановъ былъ не столько школяромъ, сколько профессоромъ: его лѣта, а главное—познанія въ церковной грамотѣ, давали ему мѣсто въ ряду наставниковъ въ народныхъ школахъ; такимъ же педагогомъ былъ Никита Григорьевъ, въ настоящій вечеръ сильно захмѣлѣвшій отъ пріятельской попойки и крѣпко спавшій въ горенкѣ Лысаго. Родиной Никиты было село Красное, близъ города Батурина. Онъ долго жилъ при отцѣ-казакѣ и только годъ тому назадъ пришелъ въ Глуховъ съ тѣмъ, чтобы учить, въ школахъ „ма-

лыхъ хлопцевъ". У Лысаго онъ началъ лекціи съ августа мѣсяца 1722 года. Около того же времени появился у Лысаго — также одинъ изъ членовъ настоящей компаніи—Кипріянъ Максимовъ Садочинковъ, „черкашенинъ изъ-подъ Чернигова", лѣтъ тринадцать тому назадъ потерявшій отца и теперь посвящавшій свои досуги на странствія изъ школы въ школу, изъ монастыря въ монастырь, какъ то дѣлала бо́льшая часть его беззаботныхъ товарищей.

Всѣ названные хлопцы-школяры, за исключеніемъ Кривецкаго, настолько ужъ владѣли грамотою, что могли подписывать свои имена, и всѣ читали болѣе или менѣе бойко, разумѣется, книги церковной печати. Познакомившись съ этой молодежью, подойдемте, пока свѣча еще не погасла, къ Нечитайло: подъ вліяніемъ крѣпкаго вина, онъ никакъ не могъ угомониться, ворчалъ, болталъ, кряхтѣлъ и, находя верхнюю лавку у печки ложемъ не совсѣмъ покойнымъ, не переставалъ воро́чаться съ боку на бокъ. При одномъ изъ такихъ поворотовъ, Нечитайло потерялъ равновѣсіе и кувырнулся внизъ на ноги Кривецкаго.

Толчокъ разбудилъ безграмотнаго школяра.

— „Чего ты не спишь? заговорилъ онъ съ сердцемъ:—кажись время бы ужъ спать?"

— Какое не спишь, бормоталъ полупьяный Лукьянъ, карабкаясь на прежнее мѣсто: я упалъ... Э, э, эхъ, продолжалъ онъ „зажартъ" [1]), укладываясь на полатяхъ: полно мнѣ валяться по школамъ! Или оженюсь, или въ чернецы постригусь! Ей-Богу.

— „Куда-де въ чернецы постригаться, отвѣчалъ Кривецкій: нынѣ есть указъ государевъ. А по тому указу, кто хочетъ постригаться, тотъ послужи на монастырѣ годовъ съ десятокъ, а тогда-де, пожалуй, и постригутъ; да опричь того, сперва-на-перво явиться надо предъ его императорское величество и объявить о себѣ для опросу: не бѣглый ли ты и какого чина; а буде кто не явится, того, по тому указу, разпытаютъ [2]).

---

¹) Въ азартѣ.

²) Незадолго до этой бесѣды, 21 мая 1722 года, св. синодъ, по волѣ государя, воспретилъ монахамъ и монахинямъ переходить изъ монастыря въ монастырь; власти не имѣли права безъ указа разрѣшать этотъ переходъ и не должны были принимать къ себѣ приходящихъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія. Въ скоромъ времени повелѣно было переписать всѣхъ монаховъ и монахинь съ тѣмъ, чтобы „отнынѣ впредь никого не постригать, на убылыя-жъ мѣста принимать отставныхъ солдатъ и на строеніе монастырское денегъ не давать".

На упрекъ сотоварища, пьяный Лукьянъ не нашелъ что сказать и скаредной бранью, какъ сказано въ дѣлѣ, „избранилъ его величество".

Скаредная брань вырвалась у Нечитайло громко, свободно, внятно, такъ что, за исключеніемъ школяровъ Никиты и Кипріяна, да дьячка Лысаго, вся остальная компанія услыхала крупную рѣчь.

Первый отозвался на нее богомольный старецъ Іона. Вечерняя пирушка не вполнѣ смежила его вѣжды...

— Какой тамъ бездѣльникъ, закричалъ чернецъ:—такія непстовыя слова говоритъ?

Школьники стихли. Всѣ молчали. Лукьянъ уже спалъ.

— Такой ты, да этакой, бранился Іона: — какъ ты смѣешь, враль ты этакой, и для чего такія безумныя слова говорить про его императорское величество? Вѣдь за это и голова долой слетитъ, положительно заключилъ старецъ.

Монахъ, дѣйствительно, человѣкъ бывалый, опытный, на своемъ вѣку видѣлъ не одно штрафованіе и собственными ноздрями купилъ эту опытность. Онъ оставилъ ноздри въ рукахъ палача—и это непріятное событіе совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Отецъ его былъ священникомъ близь Казани, въ Сарайскомъ уѣздѣ, въ селѣ Черемшинѣ, и умеръ въ 1682 году, оставивъ восьмилѣтняго сына Ивана.

Иванъ прожилъ нѣсколько лѣтъ съ матерью; а, схоронивъ ее, ушелъ въ пригородъ Манскъ къ пріятелю своего отца, старшему подьячему Василію Воронову. Иванъ началъ здѣсь службу въ качествѣ молодого подьячаго; служилъ не безъ ловкости и сноровки, такъ что въ скоромъ времени обзавелся собственнымъ дворомъ и полнымъ хозяйствомъ. Счастіе скоро, однако, отвернулось отъ него. Въ іюнѣ 1712 года, поѣхалъ онъ для сбора „конскихъ денегъ", то есть пошлинъ, въ село Кандалы. Здѣсь, если вѣрить его же разсказу, онъ погрѣшилъ немного: у крестьянина Ивана Самары купилъ платье, вѣдая, что то платье украдено имъ отъ разбойниковъ.

Воръ былъ уличенъ, черезъ него перехватали разбойниковъ, а, наконецъ, добрались и до покупателя подьячаго. Арестанты отправлены въ Казань; долго содержались они при канцеляріи; ихъ допрашивали, пытали и, наконецъ, осудили на разныя наказанія. По тому осужденію, подьячій Иванъ, вынесшій пытку, былъ битъ кнутомъ на площади, лишился ноздрей и назначенъ къ ссылкѣ на каторгу.

Штрафованный имѣлъ милостивцевъ и заступниковъ: не спасши ноздрей отъ клещей и спины отъ кнута, онъ спасъ себя, однако, отъ каторги: побилъ онъ челомъ Тихону, митрополиту казанскому, моля его о спасеніи.

Тихонъ принялъ участіе и просилъ губернатора П. М. Апраксина. Иванъ былъ освобожденъ и поспѣшилъ съ благодарностью въ архіерейскій домъ, гдѣ и просилъ не медля постричь его въ монахи. Владыка отправилъ его въ Богородицкую пустынь, отстоящую въ двадцати верстахъ отъ Казани съ „памятью“ (запиской) къ „построителю“ той пустыни, отцу Макарію; въ памяти сдѣлано было распоряженіе о пріемѣ и постриженіи бывшаго подьячаго.

Иванъ, вмѣстѣ съ рясой, получилъ имя Іовы, но жилъ въ обители не менѣе двухъ лѣтъ, послѣ чего пустился странствовать по Руси; переходилъ изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, кормясь отъ сборовъ на свою обитель, отъ милостыни доброхотныхъ дателей, и вездѣ находя радушный пріемъ. Въ маѣ 1722 г., по дорогѣ въ Кіевъ, онъ зашелъ въ Глинскій монастырь, Сѣвскаго уѣзда, отъ Глухова въ двадцати верстахъ. Монахъ и „инквизиторъ“ Сѣвско-Спасскаго монастыря Милетій бесѣдовалъ съ странникомъ и вручилъ ему доносъ на строителя Глинскаго монастыря „въ непослушаніи“, прося передать его кіевскому архіерею. Іона съ удовольствіемъ принялъ порученіе, тѣмъ болѣе, что получилъ за это отъ Милетія подорожную или видъ, который спасалъ отъ могущихъ встрѣтиться задержекъ. Въ силу неоднократныхъ повелѣній государя, бродягъ-монаховъ въ это время хватали чаще и чаще, и тѣмъ труднѣе было чернецамъ скитаться. Придя въ Глуховъ, Іона встрѣтилъ толпу намъ знакомыхъ хлопцевъ; зазвалъ ихъ въ шинокъ; шумно и весело, за чарками, провелъ съ ними вечеръ, а тѣ, въ благодарность, отвели ему ночлегъ въ школѣ дьячка Лысаго.

Такъ судьба привела Іону быть участникомъ разсказанной нами сцены. Какъ человѣкъ, прошедшій огонь и воду, не мудрено, что онъ прервалъ брань Нечитайло и еще разъ напомнилъ: „за это-де и голова долой слетитъ!“

Слова Іоны подняли съ лавки Григорія Митрофанова.

— И впрямь, заговорилъ онъ, выходя изъ сосѣдней горенки: для чего ты, злодѣй Лукьянъ, такія скаредныя слова про его императорское величество говоришь?

Вмѣшательство товарища не понравилось Степану. Онъ нашелъ нужнымъ пугнуть Гришку.

— Тебѣ-то что нужно? заговорилъ онъ, приподнявшись съ лавки и замахиваясь:—ужъ ты сейчасъ тутъ донощикъ. Дадимъ мы тебѣ себя знать, какъ доносить.

Гришка притихъ, стихла и вся компанія.

На утро, только одинъ Митрофановъ ясно помнилъ вчерашнюю бесѣду и уже обдумывалъ доносъ. Остальные, вмѣстѣ съ старцемъ, больше думали какъ бы опохмѣлиться, чѣмъ „о скаредныхъ словахъ“ Нечитайло.

— Эхъ, братцы! хочу я браги испить, заговорилъ старецъ.

— Такъ чего-жъ, отвѣчали Лукьянъ и Григорій Митрофановъ; пойдемъ въ шинокъ, тамъ и напьемся.

Сходили, испили браги и вернулись въ школу.

— А что, братцы, спрашивалъ Іона: кто у васъ „ночесь“ про его императорское величество безчестныя слова говорилъ?

— Вотъ онъ, что съ тобой ходилъ опохмѣляться, тотъ и говорилъ;—указывалъ на Лукьяна Григорій.

— Нѣтъ, и знать ничего не знаю, никакихъ словъ я не говорилъ.

— Для чего-жъ ты запираешься, уличалъ Григорій. — Вотъ, какъ я пойду, да на тебя о тѣхъ словахъ донесу, такъ всѣмъ бѣда будетъ! Ты, отче Іона, какъ станутъ-те спрашивать, и ты въ тѣхъ словахъ не заприся?

— Ступай, донеси, одобрялъ отче:—а я ужъ въ тѣхъ словахъ не запрусь.

— Что-жъ ты жить съ нами не будешь, что-ль? вмѣшался Степанъ. Коли ты жить съ нами хочешь, такъ чего-жъ доносить идешь?—Съ этими словами хлопецъ хватилъ раза три доносчика по шеѣ, сбилъ съ ногъ и „выбилъ“ его въ дверь. — „Ступай теперь, доноси!“

— Постой, постой! не унимался Григорій, вновь входя въ школу: я тебя, Степанъ, лихо доведу!

Протестъ Степана поддержали Кипріанъ съ Никитой; хотя они и не слышали вчерашней бесѣды, но, узнавъ о намѣреніи Григорія отправиться съ доносомъ, осыпали его самыми отборными выраженіями.

— Ежели ты доносить идешь,—заключили школяры:—то похватаешь ты у насъ кія, спрѣчь палки.

Молодежь горячилась, кричала, и тѣмъ свободнѣе, что директоръ школы, дьячекъ Лысый, ушелъ куда-то по дѣламъ. Брань готова была перейти въ кулаки, но вмѣшался отче Іона, и для успокоенія страстей, предложилъ сходить въ другой шинокъ и испить винца.

Предложеніе было принято, за исключеніемъ Лукьяна, ушедшаго разгуляться на рынокъ; отправились въ шинокъ; протестующіе Степанъ съ Никитой не переставали осыпать Митрофанова бранью, насмѣшками, а Кипріянъ пріобщилъ нѣсколько тумаковъ.

— Вотъ тебѣ двѣ чарки, сказалъ Іона, угощая Кривецкаго: испей, да ступай въ школу припасать обѣдать, а мы тутъ посидимъ.

Брань да насмѣшки школяровъ не испугали Григорія; онъ еще болѣе на нихъ озлобился.

— Ты-то, донощикъ! говорили ему товарищи:—погоди, ужо мы тебя, донощика, въ школѣ розгами побьемъ и изъ школы вонъ выгонимъ.

Энергичнѣе всѣхъ говорилъ противъ доноса и донощика Степанъ; находя слова не вполнѣ убѣдительными, онъ подкрѣплялъ ихъ частыми кулаками и нѣсколько разъ „выбивалъ“ Гришку изъ шинка.

— Будетъ, будетъ вамъ не одному! грозился тотъ каждый разъ, возвращаясь.

Ему отвѣчали прянными выраженіями: „для чего ты насъ, Гришка, такими словами угроживаешь—мы ничего вашего дѣла не знаемъ!“

Въ это время мимо шинка проходилъ капралъ. Григорій зазвалъ его и, чевствуя виномъ, говорилъ: „хочу я тебѣ сказать слово, и то слово скажу послѣ. Теперь ужъ вамъ нельзя уйти—продолжалъ онъ, обращаясь къ школьникамъ:—вотъ я пойду солдатамъ объявлю, чтобъ караулили васъ по дорогамъ; буде вы задумаете уйти, такъ за вами погоня будетъ“.

— Что ты грозишься? Мы не боимся, да и не для чего намъ уходить отъ погони.

Зазвонили къ обѣднѣ, и школяры Кипріянъ съ Никитой пошли въ церковь. На паперти встрѣтили они Лукьяна и передали ему перебранку съ Гришкой.

Между тѣмъ, Гришка уже спѣшилъ съ доносомъ къ бригадирскому двору; встрѣтивши какого-то маіора, онъ объявилъ ему: слово

и дѣло!" Маіоръ отрядилъ съ нимъ солдата и послалъ на гауптвахту приказъ капитану послать людей для поимки школяровъ. Команда изъ шести человѣкъ, вслѣдъ за извѣтчикомъ, направилась въ школу...

Тамъ стряпалъ въ это время Кривецкій и только что пришелъ изъ шинка отче Іона.

— Нельзя ли, братъ, чего поѣсть? говорилъ старецъ.

— Ничего еще не поспѣло, отче.

При этихъ словахъ пришли солдаты и арестовали собесѣдниковъ. Никиту взяли на мосту, онъ попался имъ навстрѣчу. За Кипріяномъ пошли въ церковь св. Иліи. Школьникъ пѣлъ на клиросѣ, его свели оттуда, и повели всѣхъ вмѣстѣ въ малороссійскую коллегію.

Лукьянъ въ это время, по просьбѣ дьякона Протопопко, ходилъ въ загородную церковь Рождества Богородицы (Верегино) за чернецомъ и пономаремъ. Приведя ихъ къ священнику, Лукьянъ завернулъ въ школу. Здѣсь онъ нашелъ только малыхъ хлопцевъ, они учились грамотѣ.

— Гдѣ Кривецкій? спросилъ у нихъ Лукьянъ.

— Приходили сюда солдаты съ Григорьемъ, Кривецкаго и чернеца Іону взяли подъ караулъ и тебя солдаты спрашивали. Сказывали, что Степанъ побранился, да подрался съ Гришкой, такъ и Степана солдаты хотѣли взять, да онъ отъ нихъ ушелъ.

Отвѣтъ мальчиковъ сильно смутилъ Нечитайло. Онъ поспѣшилъ провѣдать: за что именно взятъ Кривецкій. Не доходя до коллегіи, Лукьянъ нагналъ команду съ арестантами. По указаніямъ Григорія и Іоны, его тотчасъ арестовали.

Донощика, школяровъ и чернеца Іону — всѣхъ шестерыхъ немедленно забили въ колодки въ гетманской караульнѣ и разсажали по казенкамъ.

Григорья спрашивали въ коллегіи и тотъ отвѣчалъ: „что имѣетъ за собой и за взятыми людьми его императорскаго величества слово и дѣло о его величества высокой монаршеской чести".

Преступленіе было важное, секретное, политическое; ни коллегія, ни ея первенствующій членъ, бригадиръ Вельяминовъ — не смѣли задерживать преступниковъ, и дней черезъ пять, всѣхъ шестерыхъ, въ колодкахъ, подъ конвоемъ, отправили въ Москву. Правительствующій Сенатъ, на основаніи указа, повелѣвавшаго рѣшать дѣла, до

чести его величества касающіяся, въ Тайной канцеляріи, 18-го октября 1722 года, препроводилъ туда и колодниковъ, за крѣпкимъ карауломъ, и бригадирское доношеніе.

На другой же день, члены тайнаго судилища, или, какъ ихъ называли въ то время во многихъ бумагахъ: „инквизиторы“, сняли съ каждаго „преступника“ порознь самые подробные допросы.

Изъ показаній допрашиваемыхъ, дополнявшихся одно другимъ, мы узнали тѣ подробности, которыя привели выше. Каждый изъ подсудимыхъ разсказывалъ сперва о собственной жизни, затѣмъ объяснялъ, при какихъ обстоятельствахъ легли они спать за три дня до Покрова (27-го сентября) въ школѣ Лысаго; какъ шла у нихъ вечерняя бесѣда, потомъ утренняя перебранка и, наконецъ, кто и гдѣ былъ арестованъ.

Главный преступникъ Нечитайло покаялся во всемъ съ перваго же допроса, не выжидая пытки, которая грозила ему неминуемо, если бы онъ вздумалъ запираться.

— Что показали на меня разспросами Григорій Митрофановъ, Кривецкій и старецъ Іона, винился Лукьянъ:—и въ томъ я передъ его императорскимъ величествомъ приношу вину свою, что его императорское величество я бранилъ скаредною бранью такимъ случаемъ, какъ они показываютъ... А отвѣчалъ ли я что на слова Іоны и Григорія, того не помню, для того, что я былъ пьянъ. И слова тѣ про его императорское величество говорилъ я суще въ пьянствѣ и безпамятствѣ. Мысли же у меня о его императорскомъ величествѣ напредь сего никогда не бывало, и другихъ таковыхъ, согласныхъ себѣ въ тѣхъ словахъ, никого не знаю“.

Что касается до слушателей Лукьяновыхъ словъ, то Никита съ Кипріяномъ также сослались на то, что были весьма пьяны и ничего не слыхали; затѣмъ утреннюю перебранку свою и драку съ Григоріемъ всячески старались представить въ болѣе смягченномъ видѣ. Такимъ образомъ, и тотъ и другой запирались въ угрозахъ „бить Григорія розгами и кіемъ, и выгнать его изъ школы“; также Кипріянъ, вопреки доносу послѣдняго, утверждалъ, что не билъ его по щекѣ, а двинулъ въ грудь, да по шеѣ, и то не ради того, чтобъ тотъ не доносилъ на Лукьяна, но по слѣдующему обстоятельству:

„Когда шли они съ старцемъ Іоною въ шинокъ, то я, Кипріянъ, отсталъ отъ нихъ не много. Остановился съ человѣкомъ изъ г. Королевца; искалъ тотъ человѣкъ утерянныхъ листовъ въ лубкѣ. На

меня прикрикнулъ Григорій: — Чего ты отстаешь? — А тебѣ что за дѣло? молвилъ я въ отвѣтъ и толкнулъ его въ грудь, а въ щеку не бивалъ".

Столь важныя противорѣчія требовали разъясненія. Извѣтчику Григорію и старцу Іонѣ со школярами Никитой и Кипріяномъ въ спорныхъ рѣчахъ дали очную ставку. Обвиненія были тѣ же; но школяры повинились, что изъ сожалѣнія о Лукьянѣ грозили: извѣтчика бить и кіемъ, и розгами, и изъ школы „выбить". Затѣмъ, Кипріянъ все-таки остановился на томъ, что двинулъ доносщика не въ щеку, а въ грудь. Ему казалось, что это обстоятельство смягчитъ вину и степень наказанія.

Обстоятельство осталось, однако, нерѣшеннымъ, и все изслѣдованіе окончено въ три дня. 22-го октября 1722 года, тайная канцелярія, въ лицѣ Григорія Скорнякова-Писарева и секретаря Казаринова [1]), приговорила:

1) Доносщику Григорію Митрофанову за его правый извѣтъ дать жалованья десять рублей, также кормовыя и прогонныя деньги до Петербурга (?), по указу.

2) Школьника Игнатія Кривецкаго отпустить, попрежнему, въ Глуховъ съ паспортомъ, что онъ бранъ былъ только для обличенія по сему дѣлу.

3) Школьниковъ Никиту Григорьева и Кипріяна Максимова отослать при указѣ въ малороссійскую коллегію и учинить на мѣстѣ публичное наказаніе за то, что они заступились за плута Лукьяна, и хотѣли бить Григорія розгами; а Кипріянъ и въ щеку его ударилъ.

4) Школьника Степана, который билъ и бранилъ Григорія за то, что тотъ хотѣлъ донести на Лукьяна, сыскать въ Глуховѣ, или гдѣ надлежитъ; а какъ сыщутъ, и его, Степана, публично наказать, также какъ наказанъ будутъ Никита и Кипріянъ. А по штрафованіи, всѣхъ трехъ выгнать вонъ изъ школы и вѣдѣнія отписать въ тайную канцелярію.

5) Старца Іону для слѣдованія, за какія именно вины учинено было ему наказаніе и сосланъ на каторгу, бѣглый ли онъ съ каторги или прощенный — о всемъ этомъ слѣдовать въ св. синодѣ, а что по слѣдованіи явится, о томъ прислать извѣстіе.

---

[1]) Государь былъ въ это время въ Астрахани, а члены тайной канцеляріи въ разъѣздахъ, по разнымъ дѣламъ.

Наконецъ, 6) школьнику Лукьяну Васильеву Нечитайло, за его непристойныя слова, учинить наказаніе: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную каторжную работу.

1-го ноября 1722 года, рано утромъ, Нечитайло вывели на Красную площадь.

Его окружили конвойные солдаты; сбѣжалась толпа любопытныхъ зрителей.

„Школьникъ Лукьянъ Васильевъ!—громко прочелъ секретарь:—въ нынѣшнемъ 1722 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ г. Глуховѣ, въ троицкой школѣ, въ третьемъ часу ночи, говорилъ ты школьнику Игнатію Кривецкому про его императорское величество нѣкоторыя непристойныя слова, о которыхъ ты въ Тайной Канцеляріи винился, что тѣ слова говорилъ ты будто въ пьянствѣ.

„И сего октября 22-го дня, его императорское величество указалъ: за тѣ твои непристойныя слова учинить наказаніе: бить тебя кнутомъ нещадно, вырѣзать ноздри и сослать на каторгу, въ вѣчную работу“.

Преступника привязали близь лобнаго мѣста къ столбамъ, разъ навсегда утвержденнымъ для подобныхъ случаевъ, и казнь началась...

Нечитайло отсчитали тридцать нещадныхъ ударовъ кнутомъ и вынули клещами ноздри.

Такимъ образомъ, не довелось ему выполнить ни одного изъ своихъ задушевныхъ желаній: ни жениться на красавицѣ-дивчатѣ, ни постричься въ чернецы. Одно неосторожное слово вывело Нечитайло изъ школы: и какая страшная казнь постигла его, какъ оскорбителя чести великаго Преобразователя Россіи!

XVII.

Двойни царицы Натальи [1]).

10-го февраля 1725 года—два мѣсяца спустя послѣ отправки въ Пустоозеро двухъ старухъ, Өедоры Ивановой и Авдотьи Журавкиной, которыя мужественно вынесли восемь пытокъ со вспаркой горячими вѣниками за нескромно-высказанное желаніе: „поубавили-бъ-де у насъ боярской толщи“ (т. е. поуничтожили-бъ бояръ) [2]),—

[1]) Верш. Дѣл. Роз. Дѣл. Тайн. Канц., карт. XXV, № 1, лл. 1—52.

[2]) См. далѣе разсказъ XXIII.

по той же дорогѣ, на Пустоозеро, провезли новую болтунью... Событіе, доведшее престарѣлую Маримьяну до грустнаго путешествія въ Архангелогородскую губернію, не лишено интереса; въ немъ, какъ и во всѣхъ почти эпизодахъ „слово и дѣло", мы находимъ любопытныя подробности для исторіи розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи петровскаго времени, новыя черты для обрисовки тогдашнихъ нравовъ, а главное—знакомимся съ толками народа о Преобразователѣ Россіи...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1722 года, въ Кронштадтѣ, у писаря Козьмы Бунина, домашняго секретаря вице-адмирала Сиверса, жена его Варвара Екимовна родила дочь. Еще дня за два, ради этого „натуральнаго" случая, призвана была въ качествѣ акушерки вдова бывшаго квартирмейстера матросовъ, Маримьяна Андреевна Полозова. Это была словоохотливая старушка, давнишняя знакомая и пріятельница хозяевъ, и Бунинъ почасту проводилъ съ ней время въ болтовнѣ о разныхъ разностяхъ—у одра родильницы... Однажды ночью хозяинъ особенно разговорился; ему сгрустнулось, при мысли о своей небогатой жизни и о томъ, что нужда-де ростетъ по мѣрѣ увеличенія семейства.

— Что мнѣ теперече чинить? говорилъ Бунинъ;—Богъ далъ мнѣ дочь, а чѣмъ сего младенца будетъ крестить? денегъ нѣтъ! Мало хлѣба нынѣ имѣю, нежели (не только) денегъ, а его величества денежнаго жалованья не дано еще морскимъ служителямъ за восемь мѣсяцевъ...

Рѣчь перешла на самую персону его царскаго величества:

— Говорятъ, продолжалъ Бунинъ, какъ царица Наталья Кириловна родила царевну, и въ то время сыскали изъ слободы (Нѣмецкой) младенца мужскаго пола и объявили царю Алексѣю Михайловичу, что двойни-де родились; а тотъ подмѣненный младенецъ — не русскій, но изъ слободы Нѣмецкой. Вы люди старые, болѣе знаете,—правда ли все это?

— Ну, вы живете при начальныхъ людяхъ, отвѣтила уклончиво старушка, вамъ болѣе извѣстно... А что государь лучше жалуетъ иноземцевъ и добрѣе до нихъ, нежели до русскихъ — и то вѣрно; а довелось мнѣ объ этомъ слышать у города Архангельскаго отъ нѣмчина Матиса, что государь-де его императорское величество Петръ Алексѣевичъ—природы не русской. Слышала я все это такимъ образомъ: мужъ мой покойный былъ на службѣ въ Архан-

гельскѣ, и жила я съ нимъ въ томъ городѣ, лѣтъ тому тринадцать назадъ (т. е. въ 1710 году); хаживала я для работы къ агличанину Матису. Прихаживали къ Матису иноземцы и разговаривали то по-нѣмецки, то по-русски. „Дуракъ-де русакъ! говаривалъ агличанинъ, не вашъ-де государь, а нашъ! вамъ (русскимъ) нѣтъ до него дѣла!..“

Болтовня какого-то Матиса изъ Архангельска, повторенная тринадцать лѣтъ спустя его работницей, даже и въ петровское время, не представляла ничего еще такого, чтобъ подвергнуть ее розыску и прочимъ непріятностямъ допроса съ пристрастіемъ, но зато эта-то именно болтовня старушки и внушила Бунину мысль попытать счастья добыть деньженокъ; заработать ихъ теперь дѣло, казалось, легкое, стоило только написать поискуснѣе извѣтъ въ словѣ и дѣлѣ!

И вотъ, по зрѣломъ размышленіи въ продолженіе цѣлой недѣли, Бунинъ написалъ доносъ бойкій и размашистый. Онъ былъ составленъ съ замѣчательнымъ искусствомъ: быль съ небылицей сведены и перепутаны въ немъ какъ нельзя лучше, все сочиненіе, (а извѣтъ Бунина, что можно замѣтить по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, не что иное, какъ сочиненіе), написано языкомъ бойкимъ съ ловкимъ вступленіемъ и краснорѣчивыми замѣчаніями.

Съ этимъ фискальскимъ произведеніемъ, послѣ предварительнаго соглашенія въ показаніяхъ съ женой, Бунинъ явился къ начальнику. Вице-адмиралъ препроводилъ въ государственную Адмиральтейсъ-коллегію какъ Бунина, такъ и оговоренную имъ Маримьяну,— обоихъ „по важному дѣлу, касающемуся ко многому поношенію высочайшей персоны его величества“. Адмиральтейсъ-коллегія была въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ посредница между Сиверсомъ и Тайной Канцеляріей; въ нее и отправлены въ тотъ же день колодники „по согласному опредѣленію всей коллегіи—для подлиннаго о дѣлѣ изслѣдованія и надлежащаго о томъ указу“.

Но прежде, нежели и обвинителя, и обвиняемую привезли въ Тайную и посадили въ отдѣльныя казенки „за особыми порознь часовыми, чтобы они ни съ кѣмъ разговоръ не имѣли“, Маримьяна нашла случай шепнуть нѣсколько словъ доносщику. Это было въ то время, когда ихъ обоихъ за карауломъ везли съ Котлина острова.

— По какому дѣлу меня взяли? робко спрашивала Маримьяна, сидя въ свѣтлицѣ, на предшпективѣ, что на устьѣ Невы рѣки, по какому дѣлу меня взяли, развѣ по попову?

— Не свѣдомъ я о томъ, отдѣлывался Бунинъ отъ пытливыхъ разспросовъ.

Дѣйствительно, Маримьяна чувствовала за собой грѣхъ по попову дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, что не задолго до болтовни съ Бунинымъ она какъ-то промолвилась одному изъ знакомыхъ ей котлинскихъ поповъ: „какъ вамъ исповѣдываться? вѣдь вы насъ (бабъ) браните к...“,—да тутъ же къ слову, какъ тогда же жаловался попъ отцу протопопу, Маримьяна назвала всѣхъ „поповъ смердовичами“...

Но старуха напрасно опасалась. Бунинъ еще ничего не писалъ о ея поповомъ дѣлѣ; въ его краснорѣчивомъ извѣтѣ разсказъ шелъ по преимуществу о двойняхъ царицы Натальи.

Вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ пробѣжимъ и мы сочиненіе вице-адмиральскаго писаря:

— „Хотя-бъ въ регламентѣ морскомъ, писалъ Бунинъ, и въ указѣхъ его императорскаго величества о предохраненіи чести и здравія его величества положено не было, то мню, что не стерпитъ человѣческая совѣсть, ежели кто сущій христіанинъ и не нарушитель присяги, въ себѣ заключить, слыша нижеписанныя поношенія противъ персоны его величества, яко же азъ слыша, всенижайше, безъ всякихъ притворовъ, но самою сущею правдою при семъ доношу, оставя всѣ простоглаголивые страхи во всемилостивѣйшую волю его императорскаго величества“.

Вслѣдъ за этимъ красноглаголивымъ вступленіемъ донощикъ повѣствуетъ о родинахъ жены, о ночной бесѣдѣ съ Маримьяной, причемъ начинаетъ бесѣду съ своей жалобы на бѣдность. На эту жалобу Маримьяна, по увѣренію Бунина, отвѣчала такъ:

— „Когда война была, то вамъ (морскимъ служивымъ) деньги всегда давались безъ задержанія; а нынѣ войны нѣтъ, такъ и денегъ нѣтъ! Да, царя далъ намъ Богъ воина: все-бъ ему воевать! Ужъ и то вся чернь отъ войны раззорилась; можно-бъ ужъ нынѣ дать людямъ и покой“.

„На слова эти, пишетъ Бунинъ, я отвѣтствовалъ тако: „что ты, баба, бредишь? сіе не отъ государя, но Богу тако быти соизволившу“. Но она вяще умножила рефлекціи на персону его императорскаго величества, говоря тако: „сей-де царь не царской крови и не нашего русскаго роду, но нѣмецкаго“. Что мя, продолжаетъ Бунинъ, зѣло устрашило и удивило, и понудило немедленно отъ

оной требовать яснаго объ томъ доказательства, видя такую велію причину: что како сему быти мощно? Она же мнѣ рекла: „тако-де сіе учинилось: когда-де блаженныя памяти царь Алексѣй Михайловичъ изволилъ сказать царицѣ Натальѣ Кириловнѣ: уже-де ты родила осмь дщерей! а ежели-де нынѣ паки родишь дщерь, то-де велю тебя постричь; а въ то-де время оная царица была чревата [1]). И когда-де случилось ей родить, то-де родила еще дщерь, и убоясь-де того гнѣва, велѣла немедленно сыскать младенца мужеска полу, который въ тѣ часы родился. И въ то-де время посланные не могли нигдѣ такого младенца русскаго сыскать, но сыскали-де у иноземца мальчика, нынѣшняго государя, и объявили-де, будто родились двойни: одинъ мужеска и другой женска полу младенцы. Такъ-то-де его и подмѣнили!“ Что мя, повѣствуетъ далѣе извѣтчикъ, еще болѣе въ страхъ и удивленіе привело, и вопросилъ ее паки:—„какіе случаи она вѣдаетъ о семъ?“ Она же мнѣ рекла тако: „нетолько-де я вѣдаю, вѣдаютъ-де и многіе господа и другіе, но не смѣютъ о семъ говорить. Еще-жъ-де, когда я была у города Архангельскаго, сказывалъ-де мнѣ иноземецъ съ клятвою, что сей-де царь подлинно нашъ (т. е. иноземецъ) природный, и посмотри-де какая отъ него къ намъ будетъ милость; къ тому-же-де (и мнѣ сказала), и ты посмотри, кого онъ такъ жалуетъ, что иноземцевъ!“ На что я ей отвѣтствовалъ: „что его величество жалуетъ всѣхъ за вѣрность и за заслуги, не смотря на персоны, кто-бъ какого званія ни былъ“.—Она же мнѣ сказала: „нѣтъ-де, до русскихъ не таковъ, какъ до иностранцевъ“. На что я ей паки сказалъ: „какъ вышеписанному случиться можно, ибо былъ у его величества блаженныя и вѣчнодостохвальныя памяти братъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, то како-бъ онъ о семъ не могъ увѣдать? тако-жъ и министры умолчать! а болѣе, что которыхъ за преступленія, по указу его величества, всенародно казнятъ, како бы и они не могли о семъ изглаголать?“ Она же, богомерзкая, еще сказала: „братъ-де (т. е. Иванъ Алексѣевичъ) былъ скорбенъ, и сего-де не для чего было ему

---

[1]) Народныя толки, какъ и всегда, не могли быть точны; не говоря уже о мнимой угрозѣ царя Алексѣя царицѣ Натальѣ, даже цифра дѣтей государя не вѣрна.—Алексѣй былъ два раза женатъ: отъ царицы Марьи онъ имѣлъ четыре сына и восемь дочерей, но это отъ первой жены; вторая же Наталья родила ему двухъ дочерей, Наталью и Ѳедосью; и одного только сына, этотъ сынъ былъ—Петръ I.

производить, ибо-де (онъ) не хотѣлъ владѣть престоломъ, и при животѣ-де ему (т. е. Петру) власть свою всю сдалъ; а бояре-де за тѣмъ не смѣютъ говорить, что лишь-де кто на него (Петра) какое зло подумаетъ, то онъ-де тотчасъ и узнаетъ; а коли-бъ не то, то они (т. е. бояре) давно-бъ его уходили". Объ чемъ я оной еще спросилъ: „почему его величество можетъ (узнать мысль) у человѣка, не видя явнаго дѣла".—„Онъ-де сему научился!"

„И тако, заключаетъ доносщикъ, отъ оной сіи непотребные разговоры, яко отъ ехидны зло изліянный ядъ, слыша больше не могъ за страхомъ и непотребностію спрашивать, и сказалъ ей тако (чтобъ она больше сего не говорила мнѣ): „вѣдаешь-ли ты, баба, что тебѣ за сіе мало, что голову отсѣкутъ?" Она же мнѣ сказала: „здѣсь-де лишнихъ никого нѣтъ и проносить-де некому"; понеже въ то время только было насъ въ свѣтлицѣ трое: я нижайшій съ женою, да оная, Маримьяна. — И сего ради, видя, что отъ оной сіи вреды могутъ распространяться болѣе, дабы прекратить, я нижайшій... (поспѣшилъ)..., донесть.—Государственной Тайной Канцеляріи, ловко росписывался извѣтчикъ, всенижайшій слуга, обрѣтающій при господинѣ вице-адмиралѣ Сиверсѣ за секретаря, писарь Козьма Бунинъ. С.-Петербургъ, 8 января 1723 г.".

Безъ всякаго сомнѣнія, въ доносѣ была доля правды, но эта часть едва ли значительна; все остальное принадлежитъ фантазіи и бойкому перу вице-адмиральскаго писаря. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, видя необыкновенную гладкость, послѣдовательность разсказа, наконецъ, прислушиваясь къ тѣмъ эпитетамъ, рѣзкимъ словцамъ насчетъ Маримьяны, которыя какъ будто невольно срывались съ устъ Бунина; все это, сильное и ловкое на бумагѣ—не могло бы быть на дѣлѣ. Обзови онъ старушку „богомерзскою" и другими „скаредными" словами—„богомерзская" естественно остановилась бы, и такимъ образомъ прекратила бы бесѣду прежде, нежели домашній секретарь вице-адмирала закричалъ: „вѣдаешь ли ты, баба, что тебѣ за сіе мало что голову отсѣкутъ!" Баба, какъ видно изъ дѣла, не такъ была глупа, чтобъ самой расточать „непотребныя" слова предъ человѣкомъ, съ перваго же слова ставшимъ предъ ней въ положеніе изобличителя. Съ другой стороны, что изобличеніе во многомъ было ложно, можно догадываться и изъ того, что Бунинъ обошелъ устную, обычную форму тогдашнихъ доносовъ; нѣтъ, онъ не ждетъ, пока рѣчь его будетъ внесена въ протоколъ Тайной Кан-

целяріи, онъ самъ предъявляетъ ее обточенную, обчищенную, кудреватую, съ патетическими обращеніями насчетъ „богомерзской“ старухи. Солгать бойкому писарю-секретарю на бумагѣ было гораздо сподручнѣе... И такъ, мы сомнѣваемся, чтобъ всѣ непристойныя розсказни, отнесенныя Бунинымъ къ Маримьянѣ, дѣйствительно принадлежали бы ей: но въ такомъ случаѣ какой же имѣютъ онѣ интересъ: выдуманные Бунинымъ, бродили ли эти нелѣпые толки въ черни, принадлежали ли они тогдашнему сѣрому народу? Принадлежали — и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; объ этомъ свидѣтельствуютъ другія дѣла Тайной Канцеляріи, дѣла, именно возникавшія по поводу сомнѣнія народа: не выродокъ ли Петръ изъ Нѣмецкой слободы? Бунину стоило только прислушаться къ подобнымъ толкамъ, а они, такъ сказать, носились въ воздухѣ, и свести весь этотъ бредъ, имѣвшій впрочемъ основаніе въ непонятности народу дѣяній Петра, свести эти толки въ одно сочиненіе; вице-адмиральскій писарь, въ чаяньи награды, и выполнилъ эту задачу съ немалымъ искусствомъ.

Но наградныя за извѣтъ деньги добывались не однимъ только ловкимъ доносомъ; отъ доносчика требовалось, какъ извѣстно, не меньшей ловкости: закрѣпить доносъ на допросахъ съ пристрастіемъ. Подвергся ли этому пристрастію Бунинъ? Посмотримъ въ дѣлѣ.

Выслушавъ прочитанный ей громогласно доносъ, Маримьяна разсказала объ архангельскомъ говорунѣ агличанинѣ Матисѣ; отчество и прозваніе его она забыла, но слово объ иноземческомъ происхожденіи государя сохранила въ своей памяти въ теченіе тринадцати лѣтъ; что-де Бунинъ, показывала Маримьяна, — то не я, а онъ самъ сталъ выспрашивать о двойняхъ царицы Натальи Кириловны; не отъ меня, а отъ него тѣ слова сперва начались...— „А что государь лучше жалуетъ иноземцевъ, нежели русскихъ, говорила-ль, не помню; прочихъ же всѣхъ словъ, что въ Козьминѣ доношеніи написаны — не говаривала; въ чемъ подтверждаю себя лишеніемъ живота“.

Очная ставка, данная немедленно, не обнаружила, кто правъ, кто виноватъ: и тотъ, и та остались каждый при своемъ.

Теперь, по обычному вершенію подобныхъ дѣлъ, доносчика слѣдовало бы подъ кнутъ; не напрасно и говорилось всегда въ народѣ — „на доносчика первый кнутъ“; но хитрый и находчивый, Бунинъ устраняетъ отъ себя подобную непріятность. На другой же день послѣ подачи доноса — онъ проситъ попа для исповѣди. Вовсе не видно, чтобы Бунинъ страдалъ какимъ-либо другимъ недугомъ, кромѣ кнуто-

боязни; не смотря на эту, не совсѣмъ важную въ глазахъ инквизиторовъ, болѣзнь,—отказу въ священникѣ не было, да и въ другихъ случаяхъ не бывало никогда, такъ какъ исповѣдь служила для судей однимъ изъ средствъ развѣдать истину.

Понятно, что Бунинъ очень хорошо зналъ о томъ, что все сказанное имъ на духу будетъ передано судьямъ; вотъ почему, съ божбой и клятвами, завѣрялъ онъ отца протопопа: „все-де написанное мною вчера на бабу Маримьяну самая истина; учинилъ же я доношеніе на нее безъ всякой страсти и злобы, прямою христіанскою совѣстью, въ чемъ состою непремѣнно, даже до смерти“.

Трудно однако допустить, чтобъ Ушаковъ только ради исповѣди Бунина не повлекъ его въ застѣнокъ; нѣтъ, тутъ безъ сомнѣнія было и желаніе со стороны инквизитора угодить вице-адмиралу, по возможности щадя его секретаря. Вмѣсто него повлекли въ застѣнокъ Маримьяну. Старуха повторила то же, что говорила и прежде; „рѣчь о царицыныхъ двойняхъ началъ самъ Бунинъ, а я-де только говорила про слова нѣмчина Матиса, что сказывалъ онъ въ Архангельскѣ“.

— И въ этихъ словахъ, стонетъ старуха съ дыбы, утверждаюсь... что показалъ на меня Бунинъ... конечно того не говаривала... словъ, что слыхала отъ агличанина, ни отъ кого другого еще не слыхала... тѣхъ Матисовыхъ словъ никому другому, кромѣ Бунина, не сказывала... а гдѣ нынѣ Матисъ, не знаю... отца же духовнаго имѣю котлинскаго попа Петра... на исповѣди была у него... тому три года...

Пытка первая... 11 ударовъ.

Бунинъ долженъ былъ присутствовать при розыскѣ старухою, и чувство самосохраненія не позволило ему признаться въ лживости доношенія.

Посылаютъ въ Синодъ требованіе выслать къ допросу попа Петра съ Котлинскаго острова. Святѣйшій Синодъ спѣшитъ, по обыкновенію, выполнить требованія Тайной Канцеляріи, и попа привозятъ въ Петербургъ, въ инквизиціонное судилище.

— Оная женка, говорилъ попъ, глядя на старуху,—дочь моя духовная; исповѣдывалъ я ее нынѣ тому третій годъ, а по исповѣди пріобщена она была святыхъ таинъ, а послѣ того оная женка на исповѣди у меня не бывала, для того, что я былъ въ отлученіи въ Бѣлъ-городѣ, въ домѣ своемъ.

Подтвержденіе попомъ словъ Маримьяны не спасло послѣднюю отъ истязанія въ другой рядъ.

— Кузьма затѣялъ на меня все напрасно... говоритъ она, вздернутая на виску и повторяя прежнія показанія.

...20 ударовъ.

Твердость Мариньяны можетъ дать худой оборотъ дѣлу для Бунина; и вотъ вице-адмиральскій секретарь спѣшитъ подать дополнительное показаніе:

„Сказывалъ я Маримьянѣ: въ прошлыхъ годахъ, а въ которомъ именно не помню, на Котлинѣ острову какъ его императорское величество изволилъ иттить во флотъ, въ то время гулялъ государь на яхтѣ, и при томъ были ея величество государыня императрица Екатерина Алексѣевна и блаженныя памяти царевичъ Алексѣй Петровичъ, да царица Прасковья Өедоровна. И его императорское величество прощался и ее, царицу, цѣловалъ и жестоко плакали, знатно-де зѣло Прасковью Өедоровну любитъ и жалуетъ“. — „А для того государь ее любитъ и жалуетъ, отвѣчала Маримьяна, по увѣренію Бунина, что онъ, государь, не русской природы и не царской крови. Какъ же ему до невѣстушки быть недобру, коли онъ иноземческаго поколѣнія?..“

Старуха и въ этихъ дополнительныхъ словахъ съ розыску заперлась. Но для насъ все равно, писарю или бабѣ принадлежали толки объ отношеніяхъ царя Петра къ царицѣ Прасковьѣ; важно здѣсь то, что никакое обстоятельство, до высшихъ персонъ относившееся, не ускользало отъ вниманія народа; народъ подмѣтилъ любовь и уваженіе государя къ невѣсткѣ и поспѣшилъ объяснить по своему причину этой любви: „иноземецъ-де по своему происхожденію, Петръ и любилъ Прасковью за то, что та не отвращалась ни отъ чего иноземнаго“ [1]).

Между тѣмъ двукратно пытанная старуха, вельми разболѣвшись, испросила отца духовнаго: „все, что я при розыскѣ показала, говоритъ она между прочимъ на исповѣди, и то самая сущая правда; стою въ томъ непремѣнно, даже до смерти“.

Недѣлю спустя Маримьяна, еле живая, вторично проситъ исповѣдника; допросчикъ въ рясѣ не развѣдалъ, впрочемъ, и на второй исповѣди ничего новаго.

---

[1]) О царицѣ Прасковьѣ, 1664—1723 гг., см. особую нашу книгу. М. С.

Новое берется сообщить Бунинъ: „сверхъ сказаннаго мною, пишетъ онъ въ дополненіе, доношу о поповомъ дѣлѣ Маримьяны“, и затѣмъ передаетъ извѣстныя уже намъ выходки старухи противъ котлинскаго попа „въ поношеніи священническаго чина“, о чемъ писарь и просилъ розыскать: „изъ чего можетъ быть, увѣрялъ онъ, что и явится обстоятельнѣе для лучшаго слѣдованія Маримьяновыхъ неправыхъ и непотребныхъ въ христіанской должности поступковъ... А что я прежде сего о семъ не доносилъ, то для того положилъ, просто мня, что сіе дѣло до моего не касается“.

Справки по попову дѣлу, тянувшіяся въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, не обнаружили ничего особеннаго, и къ допросу призвали наконецъ единственную свидѣтельницу бесѣды Бунина съ Маримьяной, жену Бунина, Варвару. Долгій непризывъ ея къ допросу опять таки наводитъ на мысль, что Сиверсъ всячески хлопоталъ за своего секретаря; видимо ободренная заступничествомъ одного изъ „сильныхъ“—Варвара подтвердила извѣтъ мужа, впрочемъ съ нѣкоторыми варьянтами противъ его доношенія, но на эту рознь не обратили вниманія будто-бы потому, что Варвара послѣ родинъ была больна. На этомъ основаніи ее безъ дальнѣйшихъ распросовъ тотчасъ освободили на росписку отца ея съ обычнымъ заклятіемъ: „о чемъ она спрашивана, о томъ ни съ кѣмъ ей разговоровъ не имѣть подъ страхомъ смертной казни“.

Что до искалѣченной уже пытками Маримьяны, то приведенная въ третій разъ въ застѣнокъ, на очную ставку съ писаремъ, она сознавалась въ рѣзкомъ отзывѣ о попахъ, но относительно Бунинскаго доношенія осталась при прежнемъ показаніи; не измѣнялъ, разумѣется, своему доносу и самъ Бунинъ. Старуху готовы были потащить на дыбу въ „третій“, но отложили пытку; злополучная женщина чуть была жива...

Бунинъ такъ, наконецъ, и отдѣлался отъ розыска: высидѣвъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, онъ дождался освобожденія, съ запретомъ впрочемъ отлучаться изъ Петербурга; полгода спустя, вопросъ о томъ отпустить или не отпустить его въ Кронштадтъ, на мѣсто служенія, предоставленъ былъ на разсужденіе Адмиральтейсъ-коллегіи.

Между тѣмъ объ оговоренной имъ состоялось рѣшеніе: „въ непристойныхъ словахъ розыскивать и пытать ее еще накрѣпко, чтобъ показала самую истину, только сіе чинить въ то время, какъ она отъ болѣзни выздоровѣетъ, и о состояніи ея (здоровья) караульному сержанту рапортовать повсядневно“.

8-го декабря 1724 года, по именному указу его величества, отправлены на неисходное пребываніе въ Пустоозеро двѣ старухи Ѳедора да Авдотья, „за важныя непристойныя слова;“ пропитаніе имъ предоставлялось имѣть отъ своихъ трудовъ. Та же участь предоставлена была и Маримьянѣ. Тюремное заключеніе не способствовало возстановленію ея силъ; караульные сержанты постоянно рапортовали инквизиторамъ, заботящимся о ея здоровьи, что-де старуха-колодница больна и ходитъ на костыляхъ. Какъ Петръ Андреевичъ Толстой, такъ и Андрей Ивановичъ Ушаковъ ждали ея выздоровленія довольно терпѣливо: Маримьяна содержалась въ тюрьмѣ два года, съ 26-го января 1723 по 23-е декабря 1724 года. Въ этотъ день Тайная Канцелярія, въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ дѣятелей, опредѣлила: „вдову квартирмейстера Полозову, Маримьяну Андрееву, сослать въ ссылку въ Пустоозеро и велѣть ей тамъ быть вѣчно; а вина ея такова: говорила она писарю Бунину весьма важныя непристойныя слова про его императорское величество, о чемъ на нее тотъ писарь доносилъ; а она въ разспросѣ и съ двухъ розысковъ созналась, что изъ означенныхъ словъ говорила Бунину нѣкоторыя слова, токмо не всѣ“... Затѣмъ приведена ссылка Маримьяны на слова англичанина Матиса, да улика ее котлинскимъ попомъ въ поношеніи священническаго чина, послѣ чего въ опредѣленіи сказано: „А что 27-го ноября 1723 г. велѣно Маримьяною еще розыскивать и пытать накрѣпко, но токмо ею (послѣ того)... не розыскивано за ея болѣзнію; и нынѣ ею не розыскивать-же, понеже она весьма отъ старости въ здоровьѣ слаба... А такъ какъ, по именному его величества указу, отъ 11-го ноября 1724 года, бабы Ѳедора да Авдотья за важныя непристойныя слова, по четырехъ розыскахъ, посланы въ ссылку на Пустоозеро, то и ее, Маримьяну, по силѣ того-же именнаго указу, послать туда-же въ Пустоозеро, въ ссылку; а пропитаніе ей (т. е. искалѣченной старухѣ) имѣть отъ своихъ трудовъ, какъ возможетъ; и отправить за карауломъ отъ гвардіи съ солдатомъ“.

На эту командировку, конвойному солдату и государственной преступницѣ выданы были прогоны на одну ямскую подводу до Москвы; кромѣ того на кормъ старухѣ отпущено было—полтина. Изъ Москвы же она должна была быть отправлена съ новымъ солдатомъ, изъ отставныхъ гвардейцевъ; на пропитаніе отпущено—рубль, всего-же съ прогонами 5 р. 84 коп. съ полушкою; этихъ

денегъ полагалось совершенно достаточно на прокормъ въ теченіе пути отъ Москвы до Пустоозера.

Пустоозерскъ или Пустоозерскій острогъ, куда зачастую ссылали въ то время столь тяжкихъ преступницъ, находится въ Архангельской губерніи, въ Мезенскомъ уѣздѣ, въ 100 верстахъ отъ Ледовитаго моря на Пустомъ озерѣ, соединяющемся истокомъ съ рѣкой Печорою, и заложенъ въ XVI столѣтіи для сбора ясака съ самоѣдовъ. Пустоозерскій острогъ заброшенъ въ страшнѣйшую глушь: отъ него до Мезени 500 верстъ, до Архангельска—1,980, до Москвы—3,253 версты. „Пустоозерскъ, гласитъ старинное описаніе, хотя ни величиною своею, ниже особливымъ какимъ обывателей рукодѣліемъ, или искусствомъ отъ прочихъ не отличается, но есть знаменитѣе другихъ селеній Мезенскаго уѣзда, потому что около онаго находящаяся страна въ древнія времена называлась Югоріею“... Разумѣется, не ради этого историческаго воспоминанія, а для лучшаго сбора ясака съ дикихъ инородцевъ, здѣсь было довольно долго воеводское правленіе, замѣненное въ началѣ XVIII вѣка комисарствомъ... „Пустоозерскіе жители, по тому-же описанію, по неимѣнію пахатной земли, всегда упражняются въ звѣриныхъ, морскихъ и тундряныхъ промыслахъ и въ рыбной ловлѣ. Здѣшнихъ же жителей хлѣбомъ снабдѣваютъ купцы изъ Соликамска, привозя его по Печорѣ, на каковой путь употребляются отъ 2 до 3 мѣсяцевъ“ [1]).

Въ этой небогатой столицѣ великой Югорской страны мы и оставимъ нашу старуху.

Что до Бунина, то всѣ его литературно-фискальскія способности и посильные труды въ дѣлѣ доноса не привели къ вождѣленному результату: денегъ онъ не получилъ, вѣроятно, потому что старуха созналась въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ, на нее взведенныхъ словахъ; и все, что было сдѣлано для него, такъ это—два года спустя послѣ начала дѣла, отъ 5-го января 1725 года, Толстой съ Ушаковымъ отписали въ Адмиральтейсъ-Коллегію для вѣдома: „дѣло, о которомъ извѣщалъ Козьма Бунинъ на вдову Маримьяну Полозову въ важномъ государевомъ дѣлѣ—нынѣ рѣшено, а по тому рѣшенію Бунинъ явился свободенъ“.

---

[1]) Щекатовъ „Географич. словарь“, т. IV, стр. 1342—1343.

XVIII.

Многолѣтіе царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Праздникомъ мы начали, подъ шумокъ праздничнаго веселья и окончимъ настоящій очеркъ. Мы въ городѣ Переяславлѣ. Предъ нами Даниловская обитель. Зайдемте въ келейку отца Іоакима...

На дворѣ прекрасная декабрьская ночь, съ 30 на 31 число 1721 г. Въ кельѣ нѣсколько человѣкъ; всѣ они, какъ русскіе люди, весело провожаютъ праздники—и нѣтъ ничего удивительнаго, что отецъ Іакимъ еще до вечерни послалъ псаломщика Никиту за виномъ на три алтына.

Въ келью собрались отцы Даніилъ, Іраклимъ, Ефремъ, Іосафъ, Евстафій и Маркелъ. Послѣдніе два, рано утомившись излишнимъ угощеніемъ, крѣпко спали, первый—тутъ-же на лавкѣ, второй ушелъ куда-то въ чуланъ, на дворѣ. Шумно и весело говорило собранье; наконецъ утомились и разлеглись спать. Задули свѣчу. Не спалось отцу Іакиму. Трехъ-алтынная покупка произвела свое дѣйствіе, и вдругъ ему, ни съ того, ни съ сего, пришла мысль спѣть многолѣтіе.

— Благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю нашему, Петру Алексѣевичу—многая лѣта! такъ загремѣлъ отецъ Іакимъ; многолѣтіе подхватилъ Іраклимъ.

— И святѣйшему, правительствующему Синоду, продолжалъ Іакимъ—многая лѣта!

— Многая лѣта! подтянулъ Іраклимъ.

— А ну его... заговорилъ первый.

— Нѣтъ, ты постой, началъ Іраклимъ: для чего-жъ мы о царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ многолѣтіе не помянули?

— Да она какая-жъ намъ царица?—отвѣчалъ Іакимъ... Намъ царица старая, что была... первая супруга царя...

Услыхавъ такое мнѣніе, Іраклимъ благоразумно замѣтилъ: „что ты врешь!“ оставилъ товарища и „отбѣжалъ въ другое мѣсто“.

— Полно тебѣ тамъ орать, прикрикнулъ на Іакима Даніилъ:— перестань пѣть, да кричать, ложись спать.

Легли спать крикуны, но не легъ отецъ Іосафъ, одинъ изъ свидѣтелей событія. Онъ тихо выбрался изъ темной кельи и поспѣшилъ къ архимандриту Варламу; въ его кельѣ, наединѣ, тайно донесъ Іосафъ о всемъ случившемся. А три дня спустя Варламъ уже передонесъ

въ Синодъ; 4-го января 1722 г. всѣ виновные и свидѣтели были на лицо въ Синодѣ; съ каждаго изъ нихъ порознь сняли допросы [1]).

Отецъ Іакимъ при первомъ показаніи сознался только въ томъ, что онъ весьма шумно провожалъ праздники, что этому не мало способствовала трехъ-алтынная покупка, но многолѣтія никакого и ни съ кѣмъ не пѣвалъ, замѣчанія отъ Іраклима: для чего не поешь многолѣтія Екатеринѣ Алексѣевнѣ, не слышалъ, и ему въ отвѣтъ про государыню ничего не говорилъ. „Въ подтвержденіе словъ моихъ не шлюсь я на Іосафа, говорилъ Іакимъ, для того, что онъ на меня доноситъ, на Іраклима не шлюсь—онъ былъ въ ту ночь вельми шуменъ; я шлюсь на Даніила, Ефрема, Евстафія и Маркіана“.

Между тѣмъ пока Іакимъ запирался, его хористъ Іраклимъ сознался во всемъ, указалъ на состояніе, въ какомъ они были оба въ ночь на 31 декабря 1721 г., сообщилъ порядокъ пѣнья многолѣтія, разговоръ по поводу Екатерины Алексѣевны и проч. Затѣмъ тотъ-же Іраклимъ, какъ видно крѣпко струсившій, опровергъ ссылку Іакима на Евстафія и Маркіана: ни тотъ, ни другой ничего не могли слышать, ибо спали крѣпчайшимъ сномъ, первый въ кельѣ, а послѣдній—на дворѣ въ чуланѣ.

Разсказъ откровеннаго Іраклима вполнѣ подтвердился показаніями Іосафа, Ефрема и Даніила; послѣдніе добавили о рѣзкой выходкѣ Іакима на счетъ Синода, послѣ чего его сотоварищъ отошелъ въ сторону.

Послѣ отбора показаній дана очная ставка Іакиму, съ его обвинителями. Улики были такъ ясны и сильны, что обвиняемый поспѣшилъ принесть во всемъ вину—и повторилъ все то, что уже было извѣстно изъ показаній его сотоварищей. „А все это, каялся Іакимъ, говорилъ я въ пьянствѣ, понеже въ тотъ-же вечеръ, купя пилъ

---

[1]) Невѣжество нашего низшаго духовенства полтораста лѣтъ тому назадъ извѣстно изъ многихъ сочиненій, между прочимъ изъ замѣчательной книги профессора Аф. Прокоп. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“. Казань. Изд. 2-е, 1860 г. Указывая па новые факты, обличающіе печальное состояніе сего сословія въ старое время, взглядъ нашъ отдыхаетъ на мужахъ, составляющихъ украшенье русской исторіи и исторіи нашего духовнаго образованія. Въ петровское время мы видимъ Дмитрія Ростовскаго, Іова Новгородскаго, Иларіона Суздальскаго, Стефана Яворскаго, Гавріила Бужинскаго, наконецъ Ѳеофана Прокоповича—человѣка громадныхъ недостатковъ, но въ то же время высокаго ума и обширнаго образованія! Имъ обязаны тѣмъ, что въ настоящее время въ низшемъ духовенствѣ мы найдемъ немного недостойныхъ пастырей, которые-бы напомнили 1700-ые года.

11 декабря 1860 г. М. С.

вино; а въ трезвости ни противныхъ словъ, ни помышленія подобнаго никогда не бывало“.

За обнаруженіемъ преступленія послѣдовало обнаженіе виновнаго отъ монашескаго чину; вмѣсто Іакима онъ наименованъ именемъ, которое имѣлъ въ бѣльцахъ—Яковъ Венедиктовъ.

Въ одинъ день покончено было духовное изслѣдованіе, совершенъ и духовный судъ; и уже 5 января 1722 г. архіепископъ Ѳеодосій отправилъ арестанта и при немъ весьма любезное письмо къ Петру Андреевичу Толстому.

Письмо это начиналось словами: „Изящный и превосходительный господинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Петръ Андреевичъ!“ Затѣмъ Ѳеодосій вкратцѣ излагалъ результатъ дѣла, также послалъ подлинные разспросы до „его изящества“, „для надлежащаго слѣдованія и учиненія указа (т. е. экзекуціи), понеже оное дѣло надлежитъ до Тайной Канцеляріи; а прочіе іеродіаконы и монахи, чрезъ которыхъ доношеніе и свидѣтельство оный обличился—отданы до указу архимандриту Варламу съ роспискою. О чемъ объявивъ, пребываю вашего изящества всегдашній доброжелатель молитвенникъ, святѣйшаго Синода послушникъ Ѳеодосій, архіепископъ Новгородскій и архимандритъ Александро-Невскій“.

8 января разстрига Яковъ приведенъ въ застѣнокъ. Онъ во всемъ покаялся, не входя еще въ Тайную Канцелярію. Казалось-бы не о чемъ бы его и спрашивать.

Не такъ думали однако неизмѣнные три дѣятеля кнута да застѣнка—Петръ Толстой, Ушаковъ да Писаревъ. Имъ нужно было знать: почему именно, изъ какихъ видовъ, на какомъ основаніи сказалъ разстрига непристойное слово.

И вотъ плететъ допрашиваемый, стоя предъ орудіями пытки:

— „Сказалъ я суще для того, что въ Евангеліи отъ Матѳея написано: аще пуститъ мужъ жену и поиметъ иную, прелюбы творитъ. И эти слова про нея, великую государыню императрицу, я говорилъ; а въ мысли пришли мнѣ эти слова въ то время, какъ сталъ со мной говорить Іраклимъ о многолѣтствіи ея императорскому величеству. А прежь этого ни съ кѣмъ я такихъ словъ не говорилъ и ни отъ кого не слыхалъ; а говорилъ-ли еще что—того не помню, ибо былъ вельми пьянъ“.

Всего сказаннаго было мало — Якова Венедиктова вздернули на дыбу.

Говорилъ онъ тѣ-же рѣчи,—дано 15 ударовъ кнутомъ.

Послѣ двухъ-дневной отдышки новая пытка.

Яковъ говорилъ то-же — дали 25 ударовъ, но фантазіи его этимъ не оживили.

20 января пытали, какъ и слѣдовало по закону, въ третій разъ; истязуемый ни слова не показалъ новаго, его спустили, и не нашли нужнымъ записать число ударовъ.

Приговоръ состоялся 5 февраля 1722 г.: „Якова Венедиктова за непристойныя слова, говоренныя въ пьянствѣ, сослать въ монастырь, по назначенію Синода“. Подписали: Толстой, Ушаковъ и Скорняковъ-Писаревъ.

Проводивъ въ ссылку новаго либерала петровскаго времени, остановимся пока и переведемъ духъ. Предъ нами громадный, нескончаемый рядъ подобныхъ дѣлъ, и мы-бы никогда не кончили, еслибы вздумали на основаніи ихъ подымать всѣ политическія преступленія первой четверти XVIII вѣка. А между тѣмъ, кто не согласится съ нами, кто не пожелаетъ, чтобы эти дѣла всѣ, одно за другимъ, явились на свѣтъ божій? Они во многомъ отношеніи проливаютъ свѣтъ на русское общество той переходной эпохи... Толки и разсужденія пьянаго и трезваго русскаго люда знакомятъ насъ со взглядомъ различныхъ сословій на личность Преобразователя, на его супругу, его приближенныхъ, наконецъ на самыя преобразованія...

XIX.

Богохульникъ [1]).

Лютыя пытки въ то суровое время какъ-бы порождали людей, способныхъ переносить самыя ужасныя истязанія, натуры желѣзныя, которыя сами, очертя голову, какъ-бы напрашивались на рядъ всевозможныхъ мученій. Безъ всякаго повода, нерѣдко безъ особой причины и умысла, эти люди извергали хулу на все святое, бранили земнаго владыку и тѣмъ самымъ дѣлались преступниками первой важности, для которыхъ, по тогдашнимъ законамъ, не могло существовать пощады.

Нельзя сказать, чтобъ эти люди всегда были раскольниками,

[1]) Вершеныя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXIII, д. № 15.

постоянныя преслѣдованія которыхъ невольно вызывали ожесточеніе. Нѣтъ. Предъ нами, напримѣръ, посадскій человѣкъ яицкаго (уральскаго) городка Гурьева, Иванъ Орѣшниковъ. Онъ вовсе не раскольникъ, но ожесточенъ неловко сложившеюся жизнью, неудачами, да можетъ быть и горькимъ пѣнникомъ—утѣшителемъ русскаго человѣка.

Въ 1721 году донесъ онъ въ Астрахани на посадскаго человѣка Яковлева, торговца изъ кружевнаго ряда. „Отпускаетъ онъ, говорилъ Орѣшниковъ,—въ Хиву, между прочими товарами, свинецъ да порохъ“. Яковлева допросили въ таможнѣ—извѣтъ оказался ложнымъ. Орѣшникова били кнутомъ и сослали на три года въ Гурьевъ.

Здѣсь среди ссыльныхъ поселенцевъ, естественно нерасположенныхъ къ правительству, новый ссыльный нѣсколько разъ выражался насчетъ высокихъ лицъ и предметовъ въ самыхъ крупныхъ, непристойныхъ выраженіяхъ: поносилъ вѣру, богохульствовалъ и избранивалъ „скаредною бранью“ его царское величество.

Такое поведеніе при крутомъ, неуживчивомъ характерѣ поселенца не могло остаться безнаказаннымъ, и на него посланъ въ Астрахань доносъ „въ богохуленіи и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его царскаго величества“.

Слово и дѣло!

Виновнаго привезли въ маѣ того-же года въ Астрахань, бросили въ тюрьму и, по приказу губернатора Артемія Петровича Волынскаго, пытали въ застѣнкѣ. Орѣшниковъ сознался во всемъ, а Артемій Петровичъ поспѣшилъ препроводить въ Тайную Канцелярію экстрактъ изъ дѣла, съ просьбой учинить резолюцію.

Тѣмъ временемъ арестантъ сидитъ въ особой казенкѣ, получаетъ кормовыхъ по двѣ деньги въ сутки, и, не видя исходу изъ своего положенія, какъ-бы обезумѣвъ отъ пытки и заточенія, рѣшается на новое преступленіе.

При одной изъ караульныхъ смѣнъ, при сдачѣ, капралъ приказалъ ему встать; Орѣшниковъ отвѣчалъ ругательствомъ, схватилъ капрала за галстухъ, сталъ душить, укусилъ руку, и тутъ-же, при всемъ караулѣ, всячески поносилъ вѣру и царское величество.

Новое преступленіе повлекло за собой новое объясненіе въ застѣнкѣ съ свѣжей пыткой.

Допрашиваемый сознался себя виновнымъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Волынскій получилъ изъ Тайной Канцеляріи указъ:—„освидѣтельствовать Орѣшникова посторонними

людьми: не безуменъ-ли онъ? если окажется, что онъ въ здравомъ умѣ, то его пытать трижды, вывѣдывая, по чьему наущенію онъ говорилъ? оговоренныхъ лицъ пытать на крѣпко-жъ. А если то онъ учинилъ самъ отъ себя, и зато, въ силу первой статьи I главы Уложенія, казнить его въ Астрахани: „сжечь живаго".

Артемій Петровичъ не рѣшился однако учинить расправу, и на основаніи высочайшаго указа: всѣхъ, сказывающихъ за собой и за другими слово и дѣло, отсылать въ Преображенскій приказъ либо въ Тайную Канцелярію,—послалъ его въ Петербургъ, подъ строгимъ карауломъ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Провожавшему его капитану дано кормовыхъ и прогоновъ отъ Астрахани до Петербурга 5 руб. 13 алтынъ.

Вмѣстѣ съ государемъ и дворомъ, отправившимся въ Москву праздновать Ништадтскій миръ со Швеціей, перевезли сюда важнѣйшихъ колодниковъ Тайной Канцеляріи. Между ними былъ Орѣшниковъ. Судьи при первомъ съ нимъ свиданіи положили: разспросить его въ застѣнкѣ подъ пыткой, такъ какъ онъ нѣсколько разъ и въ разное время говорилъ злыя слова о Пресвятой Богородицѣ и про его царское величество.

Человѣкомъ опытнымъ шелъ Орѣшниковъ на дыбу; ему хорошо были знакомы и ремень, туго охватывавшій ноги, и ручной хомутъ, вывертывавшій руки, и бревно, просовывавшееся между ногъ, и кнутъ, столь часто кровавымъ слѣдомъ бороздившій его спину.

— Для чего ты говорилъ тѣ злыя слова? не было-ли у тебя въ тѣхъ словахъ согласниковъ, кого ты знаешь? Скажи безъ утайки.

Надо думать, что пытка была страшная, со всѣми тонкостями: со встряской на дыбѣ, съ ошпариваніемъ спины горячимъ вѣникомъ, съ растравленіемъ язвъ солью, съ завинчиваніемъ пальцевъ и тому подобное. Орѣшниковъ, изнемогая отъ боли, выкрикивалъ Богъ знаетъ что —все это записывали; но лишь только давали ему отдыхъ,— онъ отпирался отъ своихъ словъ.

— Бранилъ я... Бога... Пресвятую Богородицу... бранилъ его царское величество... а съ того сталъ бранить... мысль мнѣ та пришла... въ Гурьевѣ городкѣ... Зимою, предъ сырною недѣлею... въ станишной избѣ... довелось говорить—съ работными людьми... съ Мѣшковымъ, съ Кулпою, да съ толмачемъ... имя его забылъ... Всѣ три живутъ домами въ томъ городкѣ... Былъ разговоръ... работные люди... скаредно бранили царское величество... послалъ-

де онъ въ Хиву Черкаскаго[1]) и хоть... бы... де и самъ онъ (царь) пошелъ... было-бы... де и ему тамъ... мѣсто... Всѣ три работные человѣка... также и другіе жители города... всѣ богоотступники... и въ церковь не ходятъ... и я, того ради... злыя слова свои говорилъ...

Дали Орѣшникову перевести духъ—и онъ спѣшилъ сознаться, что тѣхъ людей оговорилъ напрасно: они де ничего подобнаго не говорили.

Снова заговорилъ кнутъ—и истязуемый плететъ: „я... еретикъ... богоотступникъ... чернокнижныя письма у меня въ Астрахани... дома, въ коробкѣ“.

Дано 25 ударовъ.

— Нѣтъ, я не еретикъ, не богоотступникъ, заговорилъ несчастный, спущенный съ дыбы,—я ничего того не знаю, а говорилъ все это, не стерпя розыску. Никакихъ ни дѣлъ, ни умыслу противъ здравія его императорскаго величества ни за собой, ни за кѣмъ не знаю.

Прошло недѣли три. Раны стали подживать... Орѣшникова вновь повлекли въ застѣнокъ.

— Хулилъ я Пресвятую Богородицу, бранилъ его императорское величество, а съ какого умысла—самъ не вѣдаю... да и умыслу не было, ни съ кѣмъ я о томъ не говорилъ... Не еретикъ я... не богоотступникъ...

Было ему—23 удара.

Дальнѣйшія истязанія были-бы дѣломъ совершенно излишнимъ. Судьба колодника была уже рѣшена; но судьи находились въ недоумѣньи по поводу одного обстоятельства, за разрѣшеніемъ котораго обратились въ Синодъ:

— Богохульника Ивана Орѣшникова допускать-ли предъ смертной казнью къ исповѣди и причастію?

— „Ежели онъ кается, отвѣчалъ Синодъ послѣ цѣлаго мѣсяца толковъ и разсужденій по этому поводу, — если кается, то исповѣдовать его искуснымъ священникомъ, по обыкновенію. А буде на исповѣди принесетъ чистое покаяніе, то и причастить“.

Искусный исповѣдникъ, наряженный отъ Синода, былъ Рижскаго

[1]) Князь Александръ Бековичъ Черкаскій отправился въ іюлѣ 1717 года съ экспедиціею въ Хиву—и тамъ погибъ, вслѣдствіе своей неосторожности. Смотри „Опис. Каспійскаго моря“ Соймонова изд. 1763, стр. 15—27.

корпуса оберъ-іеромонахъ Радышевскій. Отецъ Маркелъ всячески увѣщевалъ заблудшую овцу, употребилъ все искусство для наставленія его на путь истины и добродѣтели. Орѣшниковъ внималъ душеспасительному слову, каялся въ богохульствѣ и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его императорскаго величества, говоренныхъ внѣ ума, но ничего новаго не прибавилъ къ прежнимъ отвѣтамъ.

— „Приношу во всемъ, говорилъ онъ на духу,—чистое покаяніе, и нынѣ по чистой совѣсти вѣру содержу, какъ христіанинъ, и во св. церковь вѣрую и его величество несомнѣнно почитаю и исповѣди съ причастіемъ несомнѣнно желаю".

Всѣ желанія переданы были духовникомъ и внесены въ дѣла Тайной Канцеляріи. Они не остались втунѣ.

На другой-же день командированъ былъ новый священникъ. Попробовалъ онъ было еще попытать духовнымъ допросомъ, но не узнавъ ничего новаго, поспѣшилъ напутствовать раба грѣшнаго въ жизнь лучшую, загробную.

Законы, приличные дѣлу, были уже подведены; сдѣланы выписки: изъ Уложенія гл. I ст. 1, на основаніи которой богохульники обрекаются сожженію; гл. II ст. 1: оскорбителей чести царскаго величества казнить смертію; изъ Воинскаго Артикула, гл. I арт. 3: богохульнику прожигать языкъ раскаленнымъ желѣзомъ и потомъ отсѣкать голову; арт. 4: поносителей Пречистой Матери Божіей и св. угодниковъ наказывать тѣлесно; либо, по винѣ смотря, отсѣкать имъ суставы, либо вовсе казнить смертью; гл. III арт. 20: у хулителей царскаго величества отсѣкать голову.

Измученный рядомъ всевозможныхъ пытокъ, Орѣшниковъ готовился совсѣмъ уже отдать Богу душу: изъ горла и нижняго прохода, такъ доносили караульные, била у него кровь почасту; однажды течь была такъ сильна и несчастный до того ослабѣлъ, что просилъ священника для новой исповѣди. Внимательные члены тайнаго судилища спѣшили выполнить его просьбу: вновь командировали священника, съ подтвержденіемъ отобрать, буде можно, какія-нибудь свѣжія показанія. Но ничего важнаго, по-крайней-мѣрѣ пригоднаго къ дѣлу, духовный пастырь не провѣдалъ и не могъ выполнить желанія судей. Къ прежнему показанію Орѣшниковъ присоединилъ разсказъ о бывшемъ съ нимъ припадкѣ во время содержанія подъ карауломъ.

— „На этихъ дняхъ, говорилъ арестантъ, — нашло на меня обычное безумство: дралъ я на себѣ рубаху, кусалъ руки, метался и бился, и говорилъ-ли, нѣтъ-ли какія-нибудь непотребныя слова— того не помню, понеже у меня животная, тяжкая болѣзнь. А какъ та болѣзнь меня схватитъ, тогда бываю внѣ ума и что говорю, того не помню. Дѣла же за собой его императорскаго величества никакого не знаю“.

Объ этомъ припадкѣ, дѣйствительно, въ свое время доносили караульные, причемъ согласно свидѣтельствовали, что арестантъ метался, рвался, кусалъ руки и кричалъ: слово и дѣло!

Мѣсяца два спустя припадокъ повторился... Удивительно, чего мѣшкали экзекуціей достопочтенные судьи?...

— „Братцы, а братцы! кричалъ колодникъ караульнымъ солдатамъ.—За мной государево слово и дѣло! Вѣдаю я его за астраханскимъ вице-губернаторомъ Иваномъ Кикинымъ. Онъ хочетъ убить его императорское величество! Я это подлинно знаю. Онъ злодѣй! Ведите меня. Я скажу, кому слѣдъ, что для этого посылалъ Кикинъ въ Хиву порохъ да свинецъ! Донесите, донесите о всемъ этомъ его величеству!“

Караульные струсили—и въ доношеніи обо всемъ случившемся прямо говорили Тайной Канцеляріи: „просимъ мы то наше доношеніе принять, опасаяся, чтобъ намъ отъ такихъ словъ Орѣшникова не пострадать“.

На этотъ разъ судьи не оставили безъ вниманія безпокойнаго Орѣшникова и сняли допросъ, что за причина была его крику и новаго сказыванія за собой государева слова?

— А я ничего не знаю, отвѣчалъ арестантъ:—за Кикинымъ злаго дѣла не вѣдаю; кричалъ-ли, нѣтъ-ли—того не помню.

Были-ли эти припадки слѣдствіями дѣйствительнаго сумасшествія; кричалъ-ли несчастный изъ притвору, въ слабой надеждѣ смягчить тѣмъ наказаніе — неизвѣстно. Извѣстно только то, что смягченія не было, да и не могло быть.

Инквизиторы столько пропустили мимо себя самыхъ разнородныхъ людей, отправляя ихъ на такія наилютѣйшія истязанія и казни, что не могли снисходить ни къ кому. Сердца ихъ были чужды жалости, не вѣдали состраданія; слово отмѣна, либо только смягченіе наказанія — были имъ незнакомы. Да имъ было некогда и разбирать дѣло подробно: при какихъ обстоятельствахъ сказано

то-то, пьянъ-ли былъ человѣкъ, не безуменъ-ли онъ — все едино. Слово сказано, слѣдовательно, преступленіе сдѣлано,—а преступнику можетъ-ли быть пощада?

Не для пощады, а для страшной и постоянной кары надъ провинившимися сдѣланы они членами могущественнаго тайнаго судилища!

5 іюня 1722 г. застало богохульника городка Гурьева въ Москвѣ на Красной-площади у позорныхъ столбовъ, на помостѣ, среди собравшагося народа. Въ этотъ день рѣшалась его судьба послѣ четырнадцатимѣсячныхъ пересылокъ изъ тюрьмы въ тюрьму, передергиваній съ виски на виску, съ дыбы астраханской на петербургскую, съ петербургской на преображенскую...

— „Иванъ Орѣшниковъ! возгласилъ секретарь, развертывая приговоръ. Въ бытность свою въ Астрахани за карауломъ, на полковомъ казенномъ дворѣ говорилъ ты нѣкоторыя весьма злыя слова противъ Бога, Пресвятой Богородицы и его императорскаго величества. О семъ преступленіи какъ свидѣтели, такъ и самъ ты въ разспросахъ и съ розысковъ показалъ именно. И за тѣ слова надлежало было тебя сжечь, но оной казни его императорское величество тебѣ чинить не указалъ для того, что ты временно не въ твердомъ умѣ бываешь и многажды показывалъ за собою его императорскаго величества слово и дѣло, а какъ придешь въ память, то тѣхъ словъ ничего не показывалъ, объявляя, что все говорилъ внѣ памяти. А вмѣсто жженія тебя живаго, государь всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ учинить тебѣ, Орѣшникову, смертную казнь—отсѣчь голову“.

Палачъ приблизился къ жертвѣ... Разорвана рубашка, шея оголена, голова пригнута къ плахѣ; сверкнулъ топоръ — и обезглавленный трупъ тихо скатился на помостъ...

Тѣло лежало на площади два дня; послѣ чего Тайная Канцелярія позаботилась отправить его для погребенія въ убогій домъ за Петровскими воротами, къ Воздвиженской церкви. При этой посылкѣ Тайная Канцелярія въ особой отписи успокоивала мѣстнаго іерея, чтобъ онъ хоронилъ безбоязно по чину, для того, что казненный и исповѣдывался, и причащался святыхъ таинъ.

Бросимте горсть земли на гробъ преступника, искупившаго свою вину или заключившему душевный недугъ страшнымъ тюремнымъ заточеніемъ и рядомъ пяти или шести пытокъ, на которыхъ онъ долженъ былъ вынести около полутораста нещадныхъ кнутовыхъ

ударовъ. — Проводимъ его грѣшное тѣло въ могилу вздохомъ сожалѣнія и—переведемте, переведемте духъ.

Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь!...

2 февраля 1861 г.
Спб.

XX.

Кикимора [1]).

Вечеромъ, 8-го декабря 1722 г., не безъ страха и смущенія сталъ солдатъ Даниловъ на караулъ къ соборной церкви, во имя животворящей Троицы, что на Петербургской сторонѣ. Страхъ и смущеніе часоваго были понятны: въ городѣ ходили толки о томъ, что недѣли три тому назадъ въ церковной трапезѣ стучалъ и бѣгалъ невидимый духъ... То не были сказки, такъ толковали въ городѣ, нѣсколько часовыхъ солдатъ сами слышали этотъ стукъ: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. Соборный псаломщикъ Максимовъ положительно увѣрялъ, что стукъ нѣсколько разъ повторялся; разсказчикъ ссылался на солдата Зиновьева и солдатъ поддерживалъ псаломщика.

— „Состоялъ я въ караулѣ при соборной Троицкой церкви, говорилъ Зиновьевъ, съ самыхъ Петровокъ 1722 г., по зимняго Николу 1723 г., и недѣли этакъ за три до Николина дня, ночью, подлинно довелось мнѣ слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ то время въ трапезѣ застучало опять такъ, яко бы кто упалъ“.

Всѣ эти разсказы не могли не пугать простодушныхъ, и можно себѣ представить, съ какою боязнью прислушивался новый караульный собора къ каждому звуку.

Однако, ночь на 9-е декабря 1722 г. проходила спокойно; предъ часовымъ лежала пустая площадь; въ австеріяхъ и вольныхъ

---

[1]) „Верш. дѣла Розыскн. дѣлъ Тайн. Канцел.“, картонъ VII, дѣло № 16-й, лл. 1—13.

домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухли огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ „ординарные часы“ глухо прогудѣли полночь [1]).

Еще послѣдній ударъ часоваго колокола не успѣлъ замереть въ морозномъ воздухѣ, какъ Даниловъ съ ужасомъ заслышалъ странные звуки. По деревянной лѣстницѣ, въ колокольнѣ, кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжелыми шагами, привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи... „Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣганія“ то умолкалъ, то снова начинался... Такъ продолжалось съ часъ... Испуганный часовой не оставилъ своего поста, онъ дождался заутрени, но за то лишь только явился Дмитрій Матвѣевъ благовѣстить, солдатъ поспѣшилъ ему передать о слышанномъ.

Дмитрій сталъ оглядывать колокольню и скоро усмотрѣлъ, что стремянка-лѣстница, по которой карабкались обыкновенно для осмотра къ самымъ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена на-земь; „порозжій“ канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое, наконецъ, веревка, спущенная для благовѣсту въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

Псаломщикъ передалъ о видѣнномъ и слышанномъ всему соборному причту; утреня и обѣдня проведены были въ толкахъ о странномъ привидѣніи.

— Никто другой, какъ кикимора, говорилъ попъ Герасимъ Титовъ, относясь къ дьякону Ѳедосѣеву.

Тотъ расходился въ мнѣніяхъ по этому предмету: „не кикимора, говорилъ онъ, — а возится въ той трапезѣ... чортъ“...

Между тѣмъ, служба идетъ своимъ чередомъ; знакомый уже намъ псаломщикъ толкается въ народѣ съ кошелькомъ въ рукахъ и звонкомъ напоминаетъ православнымъ о посильныхъ даяніяхъ на церковь Божію. Отзвонивши, онъ входитъ въ алтарь и застаетъ іереевъ и дьякона, бесѣдующихъ о той же кикиморѣ.

— Что-жъ, съ чего возиться-то чорту въ трапезѣ?

— Да вотъ съ чего возиться въ ней чорту... Санктъ-Петербурху пустѣть будетъ.

Дѣло получаетъ огласку.

---

[1]) На Троицкую колокольню перевезены были часы изъ Москвы съ Сухаревой башни въ 1720 г. Пушкаревъ, „Описаніе Петерб.“, I, стр. 166.

— Что у васъ за черти возятся? спрашиваетъ протопопъ Симеоновъ попа Титова.

— „Не знаю, отвѣчаетъ тотъ, не знаю, самъ не слыхалъ, а вотъ сказываетъ псаломщикъ"... и слѣдуютъ затѣмъ подробности о таинственномъ явленіи.

— Пожалуй, что и впрямь кикимора, замѣчаетъ протопопъ.

— „Питербурху, Питербурху пустѣть будетъ", вмѣшивается отецъ дьяконъ.

— Полно тебѣ врать! кричитъ на неосторожнаго толкователя отецъ протопопъ.

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на Троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, Питербурхъ запустѣетъ, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы. Болтовня іереевъ вызвала въ черни „непристойные разговоры" и попечительное правительство (государь былъ въ то время въ Москвѣ) спѣшило зажать рты говорунамъ.

Синодъ свѣдалъ о кикиморѣ отъ своего ассесора, троицкаго протопопа; его преподобіе къ извѣстію о кикиморѣ долгомъ почелъ присоединить и замѣчанія, которыя были высказаны по этому поводу попомъ и діакономъ. Замѣчаніе послѣдняго особенно было преступно—слово и дѣло! и преступниковъ приглашаютъ къ объясненію; оно началось съ разсказа псаломщика. Обстоятельно передавъ св. Синоду о видѣнномъ и слышанномъ, Матвѣевъ заключилъ обычнымъ призывомъ на свою голову царскаго гнѣва, буде сказалъ что ложно, а о чемъ допрашивали, о томъ обѣщался никому не сказывать, подъ лишеніемъ живота. За нимъ дьяконъ съ полной искренностью сознавался въ нескромномъ толкованіи событія.

— Съ чего-жъ ты это толковалъ?

— „А толковалъ съ простоты своея, въ такой силѣ: понеже-де императорскаго величества при С.-Питербурхѣ не обрѣтается, и прочіе выѣзжаютъ, такъ Питербурхъ и пустѣетъ".

— Не имѣлъ ли ты съ кѣмъ вымыслу о пустотѣ Питербурха?

— „О пустотѣ С.-Питербурха вымыслу я, дьяконъ, ни отъ кого не слыхалъ, и о себѣ того не знаю".

Главное, что особенно интересовало членовъ синодальнаго судилища: не было ли-де вымыслу на запустѣніе тѣмъ либо инымъ способомъ любимаго созданія монарха.

Вымыселъ, впрочемъ, за отцемъ дьякономъ не объявился; по

крайней мѣрѣ его не оказалось изъ отвѣтовъ попа Титова. Соборный псаломщикъ, наконецъ, караульный солдатъ—всѣ были допрошены порознь, съ обычными пріемами, всѣ толковали о кикиморѣ и ничего о вымыслѣ на запустѣніе Петра-бурха.

Разсказчика-псаломщика заарестовали, но отца дьякона отпустили, до окончательнаго вершенія дѣла, на „знатную росписку" нѣсколькихъ церковниковъ и типографскихъ справщиковъ; такого рода снисхожденіе дѣлалось ради того, что при Троицкомъ соборѣ обрѣтался одинъ діаконъ, а дни наступали „знатныхъ господскихъ праздниковъ Рождества Христова". Не трудно представить, съ какими чувствами долженъ былъ праздновать Рождество неосторожный діаконъ: застѣнки Петропавловской крѣпости были отъ него такъ близки, и онъ хорошо зналъ, что какъ туда, такъ и оттуда на эшафотъ, подъ кнутъ, да клещи, всего чаще вело единое „неприличное" слово...

XXI.

Шведъ-вѣдунъ [1]).

Въ то время, когда кикимора шалитъ по ночамъ на Троицкой колокольнѣ, а отецъ діаконъ возсылаетъ теплыя мольбы: да пройдетъ грозная туча, имъ самимъ на себя накликанная, въ это время, въ вольномъ домѣ [2]) на Выборгской сторонѣ, въ приходѣ Самсона страннопріимца, пляшутъ, поютъ, играютъ и болтаютъ веселые гости у радушнаго Питера Вилькина...

Но прежде нежели подслушаемъ ихъ болтовню, познакомимся съ хозяиномъ заведенія.

Питеръ Юрьевичъ Вилькинъ, природы шведской, вѣры лютерской, родился въ Ригѣ и занимался торговлею; въ 1708 году, въ качествѣ маркитанта, послѣдовалъ онъ за отрядомъ генерала Левенгаупта и въ баталіи подъ Лѣснымъ попался въ плѣнъ. Поло-

---

[1]) Верш. дѣла Розыск. дѣлъ Тайн. Канцел. Карт. VII, д. № 15-й, лл. 1—24.

[2]) Во времена Петра вольные дома замѣняли прежнія водочныя кружала; вывѣски вольныхъ домовъ гласили такъ: „Казенный питейный домъ". Цѣловальники сначала выбирались изъ иногороднаго купечества, потомъ изъ старообрядцевъ и только послѣ этихъ опытовъ найдено было, что вовсе не зазорно допускать въ содержатели вольныхъ домовъ столичныхъ купцовъ. Рубанъ. Описаніе Петерб., 1779 г., стр. 152.

женіе шведскихъ плѣнныхъ въ московскомъ государствѣ было незавидно. Петръ считалъ вполнѣ справедливымъ вымѣщать на нихъ тяжесть содержанія русскихъ плѣнныхъ въ Стокгольмѣ; шведовъ держали въ тюрьмахъ, нерѣдко въ оковахъ, наконецъ, толпами ссылали въ Сибирь, въ тяжелыя работы. Не многіе спасались тѣмъ, что находили среди вельможъ милостивцевъ; тѣ брали ихъ на свой страхъ и въ свое, разумѣется, услуженіе. Вилькинъ взятъ былъ въ казначеи графомъ Андреемъ Апраксинымъ. Подержавъ казначея довольное время, графъ передалъ его купецкому человѣку, агличанину Горцыну, въ качествѣ прикащика. Только по прошествіи шести лѣтъ Вилькинъ освободился отъ обязательной службы и занялся браковкой юфти и содержаніемъ вольныхъ домовъ.

Въ одномъ изъ нихъ, на Выборгской сторонѣ, мы застаемъ особенно веселую „вечерину“, 15-го января 1723 года. Множество гостей, откармливаемыхъ хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой на гусляхъ и скрипицѣ Рубана, Чайки и Лещинскаго, императрицыныхъ пѣвчихъ. Поздно ночью разбрелись гости, но пѣвчіе, опоенные до положенія ризъ, заночевали.

На другой день, за утреннимъ чаемъ, музыканты вновь стали тѣшить хозяина игрой да пѣніемъ; Вилькинъ, подъ вліяніемъ ли музыкальной мелодіи, или со вчерашняго похмѣлья, пустился въ задушевную болтовню.

— „Болятъ у меня ноги, жаловался Чайка,—есть на нихъ раны, хотя я, какъ пошелъ нынѣ на стужу, обертѣлъ ноги тряпичками“.

— Недолго-жъ, недолго тебѣ жить, говорилъ хозяинъ, стоя за стуломъ и глядя на пѣвчаго,—признаваю я, что проживешь ты всего только годъ, много три, понеже лицо у тебя пухлое, къ тому-жъ на ногахъ есть раны; а буде три года проживешь, то станешь долго жить.

Музыканты перестали играть.

— Врешь ты, замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—врешь; почему ты знаешь, сколько кому прожить?

— „Вѣдаю я съ того, отвѣчалъ Вилькинъ,—какъ былъ боленъ на почтовомъ дворѣ иноземецъ, купецкой человѣкъ Дистервалъ. Къ оному больному сошлись я, да лекарь Раткинъ. Я лекаря спрашивалъ: будетъ-ли живъ тотъ иноземецъ? и лекарь молвилъ: а Богъ-де знаетъ! А на тѣ слова молвилъ я: смотри-жъ, какъ у больнаго животъ поднимается, знатно у него уже сердце повредилось, а потому болѣе трехъ часовъ жить не будетъ. И такъ, болящій по

трехъ часѣхъ умеръ... А сколько лѣтъ императорскому величеству? внезапно спросилъ Вилькинъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— „Много; много ему лѣтъ, молвилъ въ отвѣтъ шведъ,—а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь, продолжалъ Вилькинъ, въ такихъ уже трудѣхъ станетъ обращаться, и паки такою же болѣзнью занеможетъ, какъ четыре года тому назадъ въ С.-Петербургѣ былъ боленъ, то болѣе трехъ лѣтъ не будетъ его жизни".

Заслышавъ „непотребныя" слова, испуганные музыканты поспѣшно встали, завернули инструменты и послали за извощикомъ. Присмотря ихъ страхъ и суетливость, Вилькинъ началъ съ Чайкою „отъ книгъ разговоры имѣть".

— Врешь ты все, дуракъ! изругали хозяина испуганные музыканты.

Вилькинъ же спѣшилъ увѣрить ихъ, что его предсказанія не отъ дурости: „который человѣкъ родился на Рождество Христово, увѣрялъ шведъ, иль на Пасху въ полуночи, и тотъ, какъ выростетъ, можетъ видѣть діавола и станетъ признавать, сколько кому лѣтъ жить; самъ я, напримѣръ, проживу лѣтъ съ десять"... и пошелъ говорить отъ библіи.

— „Я библіи не читывалъ", отдѣлывался Чайка.

— Полно тебѣ съ нимъ и говорить-то, останавливалъ Чайку его товарищъ Рубанъ.

Рубанъ рѣшительно струсилъ. Казалось, Тайная Канцелярія выросла предъ его умственнымъ взоромъ со всѣми своими принадлежностями, а прежде всего съ любезнымъ генераломъ заплечныхъ мастеровъ—Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ. Двѣнадцать бутылокъ ренскаго, выданныя Вилькинымъ въ подарокъ пѣвчимъ, ни мало не залили страха и смущенія Рубана.

Дня два спустя послѣ гульливой вечерины, онъ уже стоитъ предъ Мошковымъ [1]), своимъ непосредственнымъ начальникомъ, и заявляетъ за собою грозное слово и дѣло! Не корысть, а чувство сохраненія собственной спины отъ розыска вызывало извѣтъ пѣвчаго.

---

[1]) Вѣдалъ весь придворный штатъ высочайшаго двора, былъ нѣчто въ родѣ нынѣшняго министра императорскаго двора. Мошковъ переулокъ—отъ Конюшеннаго моста до набережной—напоминаетъ объ этомъ домоправителѣ Петра Великаго.

То же чувство заставляетъ Мошкова того жъ часа, какъ явился предъ нимъ извѣтчикъ, препроводить его въ Тайную, безъ всякихъ разспросовъ.

И только Тайная начинаетъ дѣйствовать обычнымъ въ то время порядкомъ: отрядъ солдатъ съ извѣтчикомъ или языкомъ командированъ арестовать нѣмчина-болтуна подъ крѣпкій караулъ.

— „*И* во всѣхъ тѣхъ непотребныхъ словахъ Вилькина про его императорское величество шлюсь *я*, заканчивалъ показанье языкъ,— шлюсь на своихъ товарищей, что и они все то слышали. Въ правомъ же своемъ показаніи на Питера подписуюсь подъ лишеніемъ живота безъ пощады, ежели я какой ради страсти да ложно доношу“.

Животомъ своимъ (т. е. жизнью) Рубанъ, однако, не рисковалъ, такъ какъ товарищи почти слово отъ слова повторили его показанія. За то была маленькая рознь съ ними въ отвѣтѣ вѣдуна-шведа.

— Сказывалъ я все то пѣвчимъ, объяснялъ Вилькинъ,—въ такую силу, что могу я отчасти признавать болящихъ. Лѣтъ тому съ двадцать, въ Ригѣ учился я такой наукѣ признавать чрезъ человѣческіе признаки, сколько кому жить и много-ль будетъ у кого дѣтей и о прочемъ къ гадательству. А говорилъ я, по тѣмъ человѣческимъ признакамъ, что государю болѣе жизни его не будетъ, какъ лѣтъ десять“.

Такимъ образомъ, шведъ-вѣдунъ, въ надеждѣ, если не вполнѣ избыть, то, по крайней мѣрѣ, значительно облегчить свое наказаніе, накинулъ жизни императору Петру Алексѣевичу лишку семь лѣтъ.

Слѣдователи не могли удовольствоваться ни этою прибавкою, ни ссылкою подсудимаго на какіе-то „человѣческіе признаки“; они рѣшительно требовали, чтобы тотъ объяснилъ: на какомъ знаніи пророчитъ онъ столь мало жизни государю?

— „Съ того знанія, отвѣчалъ вѣдунъ, что когда его величество, года тому съ четыре, былъ боленъ и о то время всѣ дохторы и лекари отъ него не отлучались, и между собою имѣли коллегіумъ, на которомъ и учинили приговоръ: которыя нынѣ его величеству лекарства отъ болѣзни пользу учинили, а впредь буде государю прилучится паки такая болѣзнь, то уже тѣ лекарства его пользовать не будутъ для его великихъ трудовъ и безпокойствъ, и оттого можетъ чрезъ десять лѣтъ жизнь его скончать. Объ этомъ консиліумѣ сказывали мнѣ лекаря государыни, Раткинъ да Лейнъ.

А чтобъ только три года жить его императорскому величеству, такихъ словъ я, Питеръ, не говаривалъ".

Очная ставка только и могла разрѣшить столь важное противорѣчіе: сколько лѣтъ предсказатель давалъ на прожитіе его императорскому величеству: десять или только три года?

— „Молвилъ я, или нѣтъ, колеблется на очной ставкѣ шведъ-вѣдунъ,—что государю только три года жить, конечно, не говаривалъ".

Преступность его въ глазахъ инквизиторовъ ростетъ; цѣлая коммисія, по указу его императорскаго величества и по приказу канцеляріи Тайныхъ дѣлъ, отправляется на Выборгскую сторону, перерываетъ все добро шведа, запечатываетъ шкафы, ящики, амбары, даже погреба и кладовыя съ сельдями и красными напитками; все это отдается подъ караулъ, стаскиваютъ въ одну кучу весь бумажный хламъ, разбираютъ его, силятся найти въ немъ что-нибудь злокозненное и преступное „въ государственномъ важномъ дѣлѣ". Наконецъ, такъ какъ бо̀льшая часть переписки хозяина велась на нѣмецкомъ языкѣ, то Тайная Канцелярія выписываетъ для ея разборки особаго переводчика изъ Синода.

Какъ мы ни стараемся стать на ту почву, на которой стояли дѣятели петровскихъ застѣнковъ, какъ ни стараемся возсоздать въ своемъ воображеніи тѣ обстоятельства, среди которыхъ они дѣйствовали, рѣшительно не можемъ разрѣшить вопроса: съ какихъ побужденій, для какихъ цѣлей инквизиторы вдавались въ самыя мелочныя, зачастую совершенно ребяческія разслѣдованія. Разслѣдованія эти касались такого дѣла, которое людямъ мало-мальски толковымъ, а Петръ Андреевичъ Толстой и Андрей Ивановичъ Ушаковъ были далеко не глупы, съ перваго же раза должны были представиться въ настоящемъ своемъ ничтожествѣ. А между тѣмъ, эти отъ природы умные люди влекутъ всѣхъ и каждаго къ допросамъ и передопросамъ, пишутъ инструкціи, требуютъ справокъ и объясненій отъ разныхъ учрежденій, плодятъ переписку, словомъ, бьются и хлопочутъ, повидимому, Богъ-знаетъ изъ чего. Да, но это только повидимому: всѣ эти распоряженія, старательно выполняемыя, клонились къ одному: являть предъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ императоромъ Петромъ какъ можно больше усердія и преданности его особѣ. Отличія, земли, крестьянскія души были щедрыми воздаяніями за скромные и посильные труды вѣрныхъ холопей.

Обратимся однако къ нашему вѣдуну. Дѣло его ясно: шведъ Вилькинъ — болтунъ, не совсѣмъ удачно разболтавшійся; сознаніе въ проступкѣ почти полное; казалось-бы, что за справки, къ чему онѣ?

Но нѣтъ: идетъ переписка о томъ, гдѣ обрѣтаются доктора Раткинъ и Лейнъ? Оказывается, что первый отпущенъ, за старостью лѣтъ, за границу, втораго-же не существуетъ, но есть вмѣсто него Гейнъ.

— Не Гейнъ-ли? спрашиваютъ судьи.

— „Дѣйствительно такъ: докторъ, про котораго я говорилъ, не Лейнъ, а Гейнъ“.

Идутъ справки, запросы и отписки—гдѣ обрѣтается Гейнъ? Онъ лежитъ при смерти въ Москвѣ и отвѣтить на какой либо запросъ не въ состояніи. Тайный трибуналъ, скорбя объ этомъ, посылаетъ государю обычный всеподданнѣйшій экстрактъ изъ дѣла.

Нѣсколько мѣсяцевъ томятся въ казематахъ шведъ-вѣдунъ и соборный псаломщикъ; къ нимъ присоединяютъ и Троицкаго діакона, толковавшаго о кикиморѣ.

По минованіи большихъ праздниковъ, отца-діакона отлучили отъ священнослуженія и препроводили въ Петропавловскую крѣпость.

Только на четвертомъ мѣсяцѣ—12-го апрѣля 1723 года—дѣла и шведа-вѣдуна, и діакона, чающаго запустѣнія Питербурха, вершены государемъ и, по его обычаю, вершены крутенько:

— „Иноземца Питера Вилькина за то, что при другихъ словахъ говорилъ про его императорское величество: ему-де болѣе трехъ лѣтъ не пережить и за тѣ слова непотребныя учинить наказанье: бить батоги нещадно и отпустить съ запискою: битъ нещадно и свобожденъ по всемилостивѣйшему указу.

— „А дьякона Троицкаго собора Ѳедосѣева, за непристойныя слова: „пустѣть-де С.-Питербурху“—послать на три года въ каторжную работу, чтобъ на то смотря, впредь другимъ такихъ непотребныхъ словъ говорить было неповадно“.

Продолжала-ли возиться на колокольнѣ кикимора—изъ подлиннаго дѣла не видно, но великій императоръ и впрямь скончался на третьемъ послѣ того году—почти такъ, какъ о томъ предсказалъ шведъ-вѣдунъ.

XXII.

Колодникъ [1]).

Шалости кикиморы на Троицкой колокольнѣ, послужившi пищей многихъ „непристойныхъ разговоровъ“ въ петербургской черни,— послужили поводомъ къ гибели не одного только дьякона Θедосѣева.

Кикимора доконала одного изъ колодниковъ Петропавловской крѣпости.

Камкинъ давно уже шелъ къ погибели. Дворовый одного изъ аристократовъ, молодой парень, онъ взятъ былъ въ солдаты. Четырнадцать лѣтъ теръ онъ лямку, вынося всѣ трудности и лишенія походовъ и битвъ въ низовыхъ городахъ Россіи. Это былъ солдатъ старательный, смышленый и способный; онъ выучился, между прочимъ, токарному мастерству, но этимъ не избавился отъ безвыходнаго положенія вѣчнаго работника. Его, какъ способнаго мастероваго, препроводили въ столицу, въ адмиралтейство, къ блочному дѣлу, и здѣсь началась для него еще бо́льшая страда.

Камкинъ не устоялъ и палъ... Ничтожный проступокъ, затѣмъ первое взысканіе толкали и толкали его къ дальнѣйшимъ преступленіямъ...

Подгулявъ однажды, Камкинъ потерялъ или пропилъ мѣдный точильный инструментъ овалъ; изъ боязни штрафовки бѣжалъ, но вскорѣ пойманный, опредѣленъ въ комендантскій полкъ. Едва-ли новое положеніе было лучше прежняго. По крайней мѣрѣ Камкинъ и его не вынесъ, бѣжалъ и пріютился у государева повара Степана Грача.

Камкинъ уже сдѣлался полнѣйшимъ пьяницей и негодяемъ. Съ годъ жилъ онъ завѣдомо, что бѣглый, у государева повара. Поваръ, усмотря на рукѣ гостя рекрутское клеймо, посовѣтывалъ ему назваться боярскимъ отпущенникомъ, или дворцовымъ крестьяниномъ, и вообще берегъ его, съ странною для того времени смѣлостью. Камкинъ отплатилъ ему черною неблагодарностью: онъ укралъ пять рублей, жемчужный перлъ, разворовалъ довольно припасовъ, прогулялъ все это и явился самъ въ гварнизонную канцелярію.

---

[1]) Верш. дѣла Розыск. дѣлъ Тайн. Канцеляр. Картонъ XXI, д. № 25.

Пытанный въ побѣгѣ и въ воровствѣ, преступникъ препровожденъ для дальнѣйшаго рѣшенія въ надворный судъ.

Толкаясь между колодниками, Камкинъ надоумился попытать счастія отдѣлаться отъ кнута и каторги.

Легчайшимъ, весьма обыденнымъ, но въ то же время и опаснѣйшимъ для этого средствомъ было крикнуть—слово и дѣло! О чемъ же крикнуть? Камкинъ сталъ подыскивать „государево слово и дѣло“.

Колодниковъ выводили на сворахъ и цѣпяхъ по городу просить милостыню [1]). Каждый разъ арестанты возвращались въ свои подвалы съ даяніями усердствователей и съ разными новостями. Такимъ путемъ проникли въ арестантскія палаты толки о троицкой кикиморѣ и о предсказаніи нѣкоего иноземца о близкой смерти императора Петра. Эти-то толки и дали содержаніе „слову и дѣлу“, которое не замедлилъ закричать Камкинъ... Въ этомъ крикѣ онъ чаялъ спасенія отъ наказанія за прежнія и за новое свое преступленія: онъ укралъ у одного изъ колодниковъ четыре рубля и, жестоко избитый за то палками, ждалъ розыска.

Но вотъ сказалось „слово и дѣло“ и его влекутъ къ допросу въ Тайную Канцелярію, подъ крѣпкимъ карауломъ.

— „Въ то время, какъ былъ я, показывалъ Камкинъ,—держанъ въ надворномъ судѣ, подъ карауломъ, отпускивали меня въ то время съ колодникомъ, новгородцемъ Трохою Власьевымъ, на связкѣ, для милостыни. Пришли мы въ одинъ день за Литейный дворъ, ко двору, а чей не знаемъ, и прокричали (т. е. устали кричать). А у того двора какой-то офицеръ (а подлинно знаетъ его Троха), да стряпчій того дома, говорили межъ себя: „императорскому величеству нынѣшняго года не пережить! А какъ онъ умретъ, станетъ царствовать свѣтлѣйшій князь (А. Д. Меншиковъ); развѣ тогда только намъ будетъ хорошо, а нынѣ все служба“. Заслышавъ тѣ слова, продолжалъ показывать Камкинъ, отошли мы прочь. А придя въ колодничью, я въ тотъ же день сталъ о тѣхъ

[1]) Положеніе арестантовъ въ царствованіе Петра Великаго было самое ужасное. Въ этомъ отношеніи дѣло оставалось въ томъ же видѣ, какъ было въ XVII вѣкѣ: арестантовъ кормили и одѣвали ихъ родственники; у которыхъ же таковыхъ не оказывалось—изъ тѣхъ менѣе важныхъ выпускали каждый день по два человѣка скованными просить милостыню; окруженные солдатами, арестанты вопили по улицамъ, взывая къ состраданію проходящихъ. Всѣ тюрьмы на Руси въ то кипучее время,—время ломки всего строя Россіи—чуть не ломились отъ множества заключенныхъ.

словахъ сказывать караульному капралу. „Полно-де врать, не твое дѣло“, закричалъ на меня капралъ и ударилъ по головѣ палкою. А болѣе того, заключилъ колодникъ, я не за собою, ни за другими, ни за кѣмъ государева дѣла и слова не знаю“.

Но и сказанное было дѣломъ фантазіи колодника, да притомъ дѣломъ, мало обдуманнымъ; караульный капралъ первый обличилъ ложь. Изъ его словъ оказалось, что Камкина давнымъ давно не выпускали „на связкѣ“, т. е. просить милостыню; о подслушанномъ разговорѣ онъ никому и никогда не доносилъ, палкой его никто не бивалъ. Тщетно слался колодникъ на очной ставкѣ съ капраломъ на „всю бѣдность“ (т. е. на арестантовъ)—ему ужъ не вѣрили. Къ довершенію злополучія доносщика, товарищъ его, колодникъ Троха (Трофимъ), сообразивъ, видно, что доносъ придется подтвердить пыткой, измѣнилъ другу и сознался, что никакихъ непотребныхъ словъ ни за Литейнымъ дворомъ и нигдѣ ему не довелось слышать.

Сознаніе друга и очная съ нимъ ставка доконали Камкина.

— „Все, что я говорилъ въ разспросѣ, повинился колодникъ,— на офицера и на сержанта въ важныхъ словахъ, я говорилъ напрасно. Билъ меня палкою офицеръ въ колодничьей палатѣ за воровство, и я, видя свою вину, сказалъ за собой его императорскаго величества—слово и дѣло, отбывая розыску“.

За то теперь онъ самъ на себя навлекъ новый, добавочный розыскъ. Пытанный прежде два раза въ гварнизонной канцеляріи въ покражахъ и побѣгѣ, онъ теперь долженъ былъ подтвердить свое сговариваніе—тремя очистительными пытками.

18-го марта 1723 г. была первая:

— Важныя слова про его императорское величество... простоналъ на вискѣ Камкинъ,—говорилъ я напрасно... затѣялъ изъ себя... сговариваю то сущею правдою... не по засылкѣ... не по скупу...

10 ударовъ.

Нѣсколько дней спустя, второй розыскъ и тѣ же рѣчи.

Недѣлю спустя приговоръ: пытать въ третьи и усѣчь огнемъ.

Колодникъ, однако, не дождался третьей очистки: 4-го мая 1726 года, онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ смрадномъ подвалѣ Тайной Канцеляріи.

Не онъ первый, не онъ послѣдній!..

Повидимому, страданія, имъ вынесенныя, были (по тогдашнему времени) вполнѣ заслуженными. Покойникъ былъ воръ, бѣглецъ и

пьяница. И такихъ было много... Но ихъ-ли мы только осудимъ?... Не было-ли чего въ окружающей средѣ, въ тогдашней администраціи такого, что какъ-бы толкало многихъ и многихъ изъ такъ называвшейся тогда „подлой“ породы на путь порока и погибели?...

Крѣпостное рабство, нѣмецкій педантизмъ, выправка и дисциплина, доведенная до звѣрства въ военной службѣ, презрѣніе тогдашнихъ высшихъ къ личности низшаго и проч. обстоятельства,—дань вѣку и тогдашнимъ нравамъ,—не могутъ-ли они служить объясненіемъ, почему подлая порода не единицами, не сотнями, а тысячами гибла въ преобразовательную эпоху Петра Великаго?

XXIII.

Боярская толща [1]).

Въ концѣ декабря 1724 года, по тракту въ Архангело-городскую провинцію изъ Петербурга гнали партію арестантовъ. Въ толпѣ оборванныхъ, грязныхъ, окоченѣлыхъ отъ морозовъ и мятелей бабъ и мужиковъ особенное вниманіе обращали на себя двѣ женщины. По одеждѣ ясно было видно, что онѣ принадлежали къ „подлой“ породѣ, но лица ихъ, запечатлѣнныя особенными страданіями, рѣзко выдѣлялись изъ другихъ... Изнеможенныя, блѣдныя, изрытыя морщинами—плодъ физическихъ и нравственныхъ мукъ, они краснорѣчиво говорили о томъ, что довелось вынести этимъ женщинамъ прежде, нежели указъ обрекъ ихъ на ссылку въ Пусто-озеро, гдѣ и повелѣно было имъ „быти тамо неисходно съ прочими таковыми же, до ихъ смерти“.

Перелистуемъ же слѣдственное о нихъ дѣло, поищемъ въ немъ причины гибели злополучныхъ женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся отыскать новыя черты для характеристики петровской эпохи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1723 года, на Петербургской сторонѣ, на Оружейной улицѣ, на отписномъ дворѣ, къ Авдотьѣ Журавкиной, проживавшей въ работницахъ у посадскаго человѣка Бобровникова, зашла въ гости солдатка преображенскаго полка Ѳедора Баженова. Ѳедора вылечила отъ какой-то порчи Авдотью, за что послѣдняя была

---

[1]) Верш. дѣл. розыск. дѣлъ Тайн. Канцел., картонъ XVI, д. № 37-й, лл. 1—36.

очень признательна Ѳедорѣ. Между двумя пріятельницами шла болтовня о разныхъ разностяхъ: хозяйка жаловалась на немочи; говорила, что о ту пору, какъ у столба каменнаго человѣка жгли (одного изъ раскольниковъ), она отъ болѣзни своей была вовсе безъ ума.

— Надоть думать, говорила Авдотья, —что та болѣзнь случилась со мной, потому-де я испорчена...

Воспоминаніе о жженіи человѣка—раскольника—дало бесѣдѣ политическое направленіе; сосѣдки съ глазу на глазъ стали судачить „непристойно и непотребно" уже потому, что дѣло, какъ мы увидимъ, шло о царской особѣ и о боярахъ. Авдотья, между прочимъ, пророчила, что тамъ, гдѣ повѣшенъ Гагаринъ [1]), на томъ мѣстѣ явится столбъ огненный и произойдетъ судъ и проч. Переговаривая о всемъ этомъ, ни та, ни другая собесѣдницы не предчувствовали, какія страшныя муки навлекали онѣ на себя.

Проносу, однако, быть не могло: слушателей никого не было, проболтаться только могъ кто-нибудь изъ нихъ. Такъ и случилось.

Въ началѣ декабря 1723 года, на особомъ дворѣ, близъ Преображенскихъ казармъ, между нѣсколькими солдатами, содержавшимися по полковымъ винамъ, находимъ мы Баженова; онъ содержится здѣсь за пьянство и буйство; тутъ же и жена его, добровольная заточеница, Ѳедора Ивановна; Баженова приноситъ мужу вино и угощается вмѣстѣ съ нимъ.

Въ колодничьихъ каморкахъ она какъ у себя дома. Преображенцевъ, впрочемъ, не любитъ; она ихъ называетъ, вслѣдъ за посадскими и крестьянами: самохвалами, да желѣзными носами, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть женой преображенца и сблизиться въ колодничьей палатѣ съ Комаровымъ, деньщикомъ преображенскаго капитана; деньщикъ сидитъ за какой-то не совсѣмъ правый извѣтъ на господина.

Въ Николинъ день, поздно вечеромъ, пріятели и пріятельницы сильно кутнули; Баженовъ мычалъ и вельми шумный чуть бродилъ съ мѣста на мѣсто, безъ всякой опредѣленной цѣли; что до Ѳедоры,

---

[1]) Гагаринъ, князь Матвѣй Петровичъ, губернаторъ сибирскій, за злоупотребленія властью и взятки преданъ былъ суду, нѣсколько разъ пытанъ и 18-го іюля 1721 года повѣшенъ предъ окнами юстицъ-коллегіи (на Васильевскомъ острову, въ ряду прочихъ коллегій, нынѣ зданіе университета); впрочемъ, тѣло его раза три перевѣшивалось на новые шесты въ разныхъ частяхъ города, прежде нежели, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было предано погребенію.

то она, полупьяная, въ отдѣльной каморкѣ, въ углу, вела бесѣду съ деньщикомъ.

— Господи ты Боже мой, печаловалась между прочимъ Ѳедора,— какую я только мужу своему тайну не скажу, онъ, какъ напьется, то безпремѣнно и скажетъ всѣмъ вслухъ. А вѣдомо мнѣ великое дѣло, да ему вишь сказать-то нельзя—выговорится.

Комаровъ былъ парень смышленный, ловкій; одинъ уже извѣтъ его на господина обнаруживалъ, что это былъ пройдоха, не отступавшій ни предъ какими средствами, чтобъ только выйти изъ своего холопскаго положенія. Царскіе указы, чуть не каждый мѣсяцъ возвѣщавшіе о наградахъ и отличіяхъ донощикамъ, открывали людямъ пронырливымъ дорогу—всякаго рода извѣтами добиваться выхода изъ какого-либо стѣсненнаго положенія. Сознаніе всей гнусности шпіонства гасло съ каждымъ указомъ, относившимся до слова и дѣла; подобныя вещи чрезвычайно развращали русскаго человѣка. И такъ, можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ сталъ прислушиваться деньщикъ къ болтовнѣ полупьяной солдатки.

— Скажи же ты мнѣ, Ѳедора Ивановна, сталъ „прилежно“ выспрашивать Комаровъ, скажи, пожалуй, что ты знаешь? а будь же свѣдома—проносу о твоихъ словахъ отъ меня не будетъ.

Какъ ни пьяна была Ѳедора, но она еще сознавала грозящую опасность и долго и упорно отрицалась; деньщикъ не унывалъ и вытянулъ, наконецъ, слѣдующій разсказъ:

— „Государя у насъ изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великій же князь малъ, стоять некому. И будетъ-де у насъ великое смятенье, пророчески замѣтила солдатка. Развѣ же что государь, продолжала она въ видѣ совѣта, развѣ государь толщину убавитъ, сирѣчь бояръ, то, пожалуй, не лучше ли будетъ. А то много при немъ толщины. И кто изведетъ его?—свои! посмотри, скоро сіе сбудется“...

Впился слушатель въ болтунью.

— „Отъ кого ты знаешь это, отъ кого слышала?“ пытливо и прилежно довѣдывался онъ у солдатки.

— Да тотъ отъ кого: пріѣхала къ подьячему изъ Москвы теща, она и сказывала всѣ тѣ слова и про царское величество, и про толщину... Да она къ тому-жъ еще мнѣ говорила, что было на Москвѣ, въ Успенской соборной церкви, явленіе. И то явленіе...

Дверь распахнулась и на порогѣ каморки, при тускломъ свѣтѣ

лучины, появился весьма шумный Баженовъ. Это явленіе оборвало бесѣду. Впрочемъ, для Комарова и сказаннаго было довольно; онъ и не выспрашивалъ болѣе; въ головѣ его округлялся доносъ и всѣ выгодныя для него послѣдствія.

— Хочу я сказать за собой государево слово, шепнулъ онъ въ тотъ же вечеръ сотоварищу-колоднику.

— Слово сказать за собой — то дѣло будетъ великое. Коли знаешь, такъ сказывай. А отъ кого ты то слышалъ? спрашивалъ колодникъ: —отъ нашихъ ли (то есть отъ арестантовъ-преображенцевъ)?

— Нѣтъ, не отъ нашихъ.

— Скажи же мнѣ, какое то дѣло? любопытствовалъ колодникъ.

— Нѣтъ, не скажу, не смѣю сказать, отмѣчалъ Комаровъ, старательно оберегая любезный для себя секретъ.

— Ну, коли не смѣешь, такъ и не сказывай.

Понятна и эта боязливость, и это ревнивое сохраненіе секрета, могущаго быть пригоднымъ извѣтчику. Ему были извѣстны упомянутые нами указы; еще не прошло двухъ лѣтъ, какъ одинъ изъ нихъ былъ опубликованъ, съ особенною торжественностію, во всеобщее вѣдѣніе и руководство. То былъ указъ 22-го апрѣля 1722 года, вызванный дѣломъ Левина [1]). Этотъ раскольникъ, въ фанатическомъ увлеченіи, кричалъ всенародно въ Пензѣ „многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести его величества и весьма вредительныя государству". Фанатикъ погибъ на эшафотѣ послѣ долгихъ предварительныхъ истязаній; что до донощика, посадскаго человѣка Өедора Котельникова, то ему, въ видахъ поощренія всѣхъ таковыхъ вѣрноподданныхъ, пожаловано 300 рублей, сумма по тому времени огромная; ему же дозволено вести торговлю по смерть безпошлинно и всѣмъ командирамъ, какого званія ни есть, ставилось на видъ онаго донощика отъ всякихъ обидъ охранять. Указъ вновь повторялъ всѣмъ и каждому: тщиться немедля доносить мѣстнымъ ближайшимъ начальникамъ о всякихъ непотребныхъ и непристойныхъ словахъ, явно или тайно произносимыхъ; въ то же время напоминалъ донощикамъ, что за всякій правый извѣтъ дано будетъ милостивое награжденіе. Знавшимъ же, да не донесшимъ, грозила „смертная казнь безъ всякой пощады".

Все это вспомнилъ, взвѣсилъ и сообразилъ Комаровъ и лишь

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, томъ VI, № 3,984.

только наступило утро — крикнулъ обычное и грозное: слово и дѣло!

Начальство спѣшитъ препроводить Комарова въ Тайную.

„Благородный и высокопочтенный“ Андрей Ивановичъ Ушаковъ принимаетъ его, отводитъ квартиру въ казематѣ, т. е. сажаетъ доносчика „подъ честный арестъ“ и предписываетъ утре рано приступить къ допросу и аресту имъ оговоренныхъ.

Извѣтчикъ передаетъ слышанное съ полною откровенностью, „не затѣвая и не отбывая ни для чего напрасно“, и только для приданія важности дѣлу увѣряетъ, что какъ онъ, такъ въ особенности солдатка, были совершенно трезвы.

Страхъ отшибъ память у злополучной женщины. Схваченная внезапно и поставленная предъ грознымъ судилищемъ, одно имя котораго заставляло трепетать всѣхъ и каждаго, она совершенно одурѣла:

— Дня, когда былъ разговоръ, лепетала Ѳедора,—не помню; о чемъ былъ разговоръ—и этого не помню... А нѣтъ, погодите, кажися, говорила я про прежніе случаи, какъ бывали бунты и смятенья, да говорила-жъ про Александра Кикина [1]).

Угрозы и строгій запросъ „высокопочтеннаго“ Андрея Ивановича заставляютъ Баженову точнѣе вспоминать, но отвѣтъ ея всетаки не тотъ, какой потребенъ для судьи.

— Молвила я о Николинъ день, говоритъ Ѳедора:—государь-де неможетъ, помилуй его Богъ, да дай Богъ ему здоровья и долги вѣки! А каковъ будетъ часъ, что его не станетъ и государыню императрицу посадятъ на царство, чтобы не было какова смятенья, вѣдь великій-то князь еще малъ... Кто изъ колодниковъ что́ сказалъ, и гдѣ я все это говорила, не упомню; была я гораздо въ тотъ день шумна, а сказывала въ ту силу, что мужики преображенскихъ солдатъ не любятъ, называютъ самохвалами, да желѣзными носами...

Затѣмъ, всю сущность извѣта Ѳедора отрицала. А она-то и интересовала Ушакова; кромѣ того, что дѣло шло о изведеніи ихъ царскихъ величествъ, о великомъ смятеніи и проч. — въ болтовнѣ солдатки была подозрительная двусмысленность: высказывалось желаніе поубавить толстыхъ; правда, тутъ же добавлялось: сирѣчь

---

[1]) Сторонникъ царевича Алексѣя, казненъ 15-го марта 1717 г., въ Москвѣ, на Красной площади.

бояръ, но кто знаетъ, быть можетъ это намекъ на Петра Андреевича Толстаго, первенствующаго члена инквизиціоннаго судилища. И вотъ благородный другъ и его сотрудникъ увѣщеваютъ солдатку быть откровеннѣе.

Кто только имѣлъ случай изучать характеръ Ушакова, тотъ, безъ сомнѣнія, воздастъ полную похвалу необыкновенной ловкости, изворотливости, дару убѣжденія и чутью сего преславнаго сыщика. Справедливо находятъ въ Петрѣ I необыкновенную способность угадывать и назначать на соотвѣтствующія мѣста сановниковъ; выборъ Ушакова въ инквизиторы былъ какъ нельзя болѣе удаченъ; способнѣе его для розыску былъ только одинъ Петръ Андреевичъ Толстой. Удача при постановкѣ лица на такое мѣсто тѣмъ болѣе замѣчательна, что система шпіонства, розыскиванія и преслѣдованія не только за дѣло, нѣтъ, за слово, полу-слово, за мысль „непотребную", мелькнувшую въ головѣ дерзкаго, въ то время только что возникала въ нашемъ отечествѣ. До-петровская Русь, „грубая и невѣжественная", не взростила у себя шпіоновъ, не созрѣла до необходимости „благодѣтельнаго" учрежденія фискаловъ, предъ которыми столь наивно умиляется одинъ изъ историческихъ монографистовъ позднѣйшаго времени,—не выработала, да и не могла выработать столь неподражаемыхъ развѣдчиковъ, какими явились при Петрѣ—Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Петръ Андреевичъ Толстой.

Однако, обратимся къ „многому увѣщанію" Ушакова. Оно подѣйствовало, да и не могло не подѣйствовать: въ немъ были и льстивыя обѣщанія свободы и прощенія—при откровенности, и угрозы пытокъ и истязаній—при упорствѣ; солдатка не устояла: трепещущая, волнуемая то страхомъ, то надеждой, она признала извѣтъ Комарова почти во всемъ справедливымъ, объявивъ при томъ, что противныя слова слышала отъ Авдотьи Журавкиной.

Женка боцмана-мата Журавкина схвачена. Она заявляетъ, что дѣйствительно Ѳедора посѣщала ее, Авдотью, лѣтомъ 1723 года, но въ томъ, что межъ нихъ говорено было нѣчто „непотребное о высокой чести его величества", въ томъ положительно запиралась.

Допросы женщинъ всегда были и будутъ затруднительны. Прекрасный полъ, говоря вообще, по слабости, ему свойственной, болтливъ; допрашиваемая обыкновенно то показываетъ, то оговариваетъ показаніе, путается въ многословіи, впадаетъ въ противорѣчія, забываетъ важнѣйшее, вспоминаетъ невѣрное и проч. Въ петровское

же время, въ виду кнута и пылающаго вѣника—имъ же вспаривалась спина вздернутой на дыбу—показанія женщинъ обыкновенно были особенно спутаны, но въ настоящемъ эпизодѣ обѣ подсудимыя являютъ рѣдкую твердость и постоянство.

На восьми очныхъ ставкахъ, бывшихъ въ теченіи производства дѣла, каждая осталась при прежнихъ показаніяхъ.

— Стоишь ли ты на томъ, спросили Комарова,—что Ѳеклѣ сказывала непристойныя слова пріѣзжая изъ Москвы подьяческая теща?

— Молвила-ль то слово Ѳекла про подьяческую тещу или про кого другого, отвѣчалъ Комаровъ,—памятно сказать не могу.

Послѣднее обстоятельство, могущее спасти отъ розыску Авдотью Журавкину — устранено; Комаровъ сомнѣвается — подьяческую ли жену выдавала Ѳекла за источникъ своихъ росказней, слѣдовательно, источникомъ могла быть и не подьяческая жена, а Журавкина.

Бабъ—въ застѣнокъ!

10-го декабря 1723 г. Ѳедо̀ра на дыбѣ; виска...

9 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 6 ударовъ кнута.

Пытка первая... показанія прежнія.

10-го января 1724 г. Ѳедо̀ра на дыбѣ; виска...

8 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 15 ударовъ кнута...

Пытка въ другорядь; показанія прежнія.

6-го февраля 1724 г. Ѳедо̀ра на дыбѣ; виска...

15 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 15 ударовъ кнута.

Пытка въ-третьи; показанія прежнія.

Каждая новая пытка, какъ видно изъ чиселъ, обозначенныхъ въ дѣлѣ, производилась въ разстояніи другъ отъ друга мѣсяца. Не нужно слишкомъ быть чувствительнымъ, чтобъ представить себѣ, какія физическія и моральныя страданія выносили заточенницы, поправляясь отъ первыхъ язвъ и каждое утро просыпаясь съ мыслью: вотъ-де сегодня доведется идти на новыя раны.

Что же могло поддерживать ихъ упорство и стойкость на первыхъ показаніяхъ?—вотъ вопросъ, передъ которымъ невольно остановится каждый, кому не довелось копаться въ старинныхъ дѣлахъ русско-уголовнаго судопроизводства. А вотъ что: истязуемыя вѣдали, что троекратная пытка, сопровождающаяся одними и тѣми же по-

казаніями, освобождаетъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, а зачастую очищаетъ и отъ обвиненія, и отъ наказанія.

Слабыя женщины, онѣ, однако, дотерпѣли до конца; каждая изъ нихъ троекратно закрѣпила показанія собственною кровью; теперь судьямъ остается исполнить законъ, т. е. освободить и ту, и другую.

Дѣйствительно, подсудимыя хотя не освобождены, но истязанія прекращаются. Въ это время Комаровъ, за доносъ о „злыхъ, важныхъ, непристойныхъ словахъ про его императорское величество и его семейство", получилъ отъ его императорскаго величества жалованья десять рублевъ.

Что же дѣлать съ бабами? Чѣмъ разрѣшить случай, рѣдкій въ тогдашней судебной практикѣ? А для того стоитъ только обойти законъ съ помощью указа его императорскаго величества; на основаніи его, Тайная Канцелярія, на седьмомъ мѣсяцѣ послѣ третьей пытки, приговорила:

— „Өедорою вновь розыскивать на-крѣпко, чтобъ показала истину: конечно-ль тѣ слова слышала отъ Авдотьи или отъ другихъ кого, и въ чемъ будетъ утверждаться и говорить на кого, то тѣхъ людей по тому-жъ спрашивать и пытать и доискиваться истины".

Бабъ привели въ застѣнокъ, имъ объявили, что буде не покажутъ истины, ихъ будутъ жечь огнемъ. Отъ первой требовали показанія: дѣйствительно-ли отъ Авдотьи, а не отъ кого нибудь другого слышала она важныя слова? а вторая должна была признаться, что она именно оскорбляла превысокую честь царскаго семейства.

Угроза не подѣйствовала: показанія остались прежнія.

19-го сентября 1724 г. Өедора на дыбѣ; виска... изборожденная ударами спина вспарена пылающимъ сухимъ вѣникомъ.

Авдотья на дыбѣ; виска... пылающій сухой вѣникъ вспариваетъ спину, изборожденную ударами.

Пытка въ четвертыи... показанія прежнія.

Призываютъ попа.

Къ стыду того времени, на нѣкоторыхъ служителей алтаря зачастую выпадала странная и до эпохи Преобразователя необычная доля—быть пособниками полицейскихъ сыщиковъ и заплечныхъ мастеровъ. Подъ страхомъ лишенія живота, волею-неволею, отцы духовные должны были вымогать признанія у особенно упорныхъ... не пыткою, „но страхомъ будущаго суда божьяго", и добытыя та-

кими средствами показанія немедленно предъявлялись, въ письменномъ доносѣ, сыщикамъ и судьямъ.

На этотъ разъ обѣ женщины и на духу говорили то же, что говорили на огнѣ.

Врача духовнаго смѣнилъ врачъ тѣла. Данила Вольнерсъ, по указу Тайной Канцеляріи, приглашенъ лечить истязанныхъ, лечить казенными лекарствами. Леченіе тѣмъ болѣе было необходимо, что нѣсколько дней спустя состоялся повторительный приговоръ: „продолжать розыскъ“. Естественно, что онъ долженъ былъ кончиться смертью подсудимыхъ; одна изъ нихъ и приготовилась къ ней новою исповѣдью у священника, но всемилостивѣйшій указъ императора отвратилъ дальнѣйшія истязанія.

По указу приговорено: „хотя Авдотья Журавкина запирается въ важныхъ и непристойныхъ словахъ, токмо тому не вѣрить, а послать и ее, и Ѳедору Бажанову, за карауломъ, въ ссылку Архангелогородскую провинцію, въ Пусто-озеро и велѣть имъ тамо быть неисходно съ прочими таковыми, до ихъ смерти“.

19-го декабря 1724 года, партію арестантовъ, и между ними обѣихъ пріятельницъ, Ѳедору да Авдотью, погнали по пустырямъ, по лѣсамъ, по горамъ и оврагамъ, въ морозъ и мятели, въ дальнее, бѣдное и глухое Пусто-озеро.

XXIV.

Антихристъ.

Населеніе Пусто-озера болѣе и болѣе увеличивалось новыми ссыльными. Въ маѣ 1725 года туда проѣхало четыре ямскихъ подводы; на нихъ одинъ гвардейскій и двое гарнизонныхъ солдатъ провезли трехъ бабъ, трехъ новыхъ преступницъ „въ важномъ государевомъ дѣлѣ“, распространявшихъ „зловредье“ въ народѣ своими неосторожными и суевѣрными толками.... Толки, доведшіе ихъ до ссылки, издавна уже бродили въ громадной массѣ народа, росли годъ отъ году больше и больше и, наконецъ, выросли до цѣлаго, систематическаго ученія объ „антихристѣ“, объявившемся, по понятію народа, въ лицѣ его царскаго величества Петра Алексѣевича. Ученіе это имѣло самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ.

Во всѣхъ концахъ Россіи—въ Вологдѣ, въ Астрахани, въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ казацкихъ станицахъ, по всему теченію Дона, вездѣ мы находимъ этихъ проповѣдниковъ: книгописецъ Григорій Талецкій, иконникъ Савинъ, протодьяконъ Матвѣй Непеинъ, монахъ Самуилъ Выморковъ, капитанъ Андрей Левинъ, раскольники Артемій Ивановъ, Денисъ Лукьяновъ, Матвѣй Николаевъ, служебница ихъ Домна [1]), и многія другія лица разнаго сословія, разнаго возраста и обоего пола, дѣятельно распространяли ученіе объ объявившемся съ 1698 года антихристѣ.... Проповѣдь народная находила массу послѣдователей; они были не только среди простаго народа, но мы ихъ находимъ даже между высшими лицами того времени, по преимуществу изъ духовнаго сословія.... Проповѣдники передавали свое ученіе, по большей части среди величайшей таинственности, отдѣльнымъ лицамъ, и только болѣе восторженные шли открыто на тяжкія истязанія, неминуемыя послѣдствія ихъ народной проповѣди.... Такъ, извѣстный пензенскій проповѣдникъ ученія объ антихристѣ, Левинъ, съ клироса деревенской церкви, въ 1721 году, внѣ себя кричалъ народу, собравшемуся къ божественной службѣ:

— „Послушайте, православные христіане! Слушайте: нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ.... Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубитъ.... Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ народу, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ—въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ пятнать, и станутъ они въ него вѣровать....“

„....Нынче, послѣднее время, говорилъ тотъ же Левинъ, явившись погостить въ Жадовскую пустынь,—антихристово пришествіе.... Привезены въ С.-Петербургъ печати.... хотятъ людей печатать.... Въ Петербургѣ, въ Невскомъ монастырѣ монахи мясо ѣдятъ, а все то дѣло не государево, а антихристово, и государь антихристъ!!....“

19-го марта 1722 года въ Пензѣ былъ большой базаръ. Левинъ, не задолго предъ тѣмъ постригшійся въ монахи, въ Предтеченскомъ монастырѣ, подъ Пензою, отпросился у игумена въ городъ, подъ предлогомъ „подаянія по тюрьмамъ милостыни“.... Но не милостыня, а проповѣдь къ народу о послѣднемъ времени, о спасеніи людей отъ антихриста, влекла его въ городъ. Народъ толпился на базарѣ; Левинъ пробрался къ мяснымъ лавкамъ, взлѣзъ

[1]) Вершеныя дѣла роз. дѣлъ Тайной Канцеляріи, карт. XII, д. № 30, карт. XIII, д. № 23, 25; карт. XXV, д. № 11 и проч.

на плоскую крышу одной изъ нихъ, снялъ съ себя клобукъ, поднялъ его на клюкѣ вверхъ и закричалъ окружавшей его толпѣ:

„....Послушайте, христіане, послушайте! Много лѣтъ я служилъ въ арміи.... Меня зовутъ Левинъ.... Жилъ я въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли.... А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ.... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ.... антихристъ!... а въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великой постъ, и весь народъ мужескаго и женскаго пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякой хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будетъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не станутъ.... Бойтесь этихъ печатей, православные!... бѣгите, скройтесь куда-нибудь. Послѣднее время.... антихристъ пришолъ.... антихристъ [1])!...

Страшная кончина Левина—(онъ былъ сожженъ въ Москвѣ живымъ), пытки и казни подобныхъ-же проповѣдниковъ, наводя страхъ на остальныхъ—не уменьшали, однако, а напротивъ увеличили силу и значеніе проповѣди объ антихристѣ. Впослѣдствіи, когда обнародуется побольше вершеныхъ дѣлъ о тѣхъ изъ послѣдователей этого ученія, которымъ довелось побывать въ Тайной Канцеляріи, тогда можно будетъ сдѣлать сводъ этихъ проповѣдей и прослѣдить ихъ постепенный ростъ по содержанію и по мѣстамъ своего распространенія; до тѣхъ же поръ мы должны ограничиться разборомъ каждаго, возникающаго по этому поводу, дѣла въ отдѣльности. При этомъ разборѣ мы не можемъ вдаваться еще въ общій обзоръ этихъ интереснѣйшихъ изъ всѣхъ толковъ народа о Петрѣ, о государѣ, для тогдашней массы непонятномъ, странномъ, болѣе того—вполнѣ неизвѣстномъ.... Его преобразовательный рѣзецъ, съ страшною силой глубоко внущенный въ самую сердцевину народной жизни, съ ея повѣрьями, обычаями, суевѣрьями, съ ея добромъ и зломъ, безжалостно разилъ мѣста наиболѣе чувствительныя, самыя дорогія для народа... Ошеломленный, забитый, народъ не видѣлъ, да и не могъ видѣть цѣлей Преобразователя; для него были только ясны и больны тѣ страшныя средства, которыя вели къ чему-то, для него загадочному.... Онъ видѣлъ измѣненіе коренныхъ своихъ обычаевъ, онъ видѣлъ

[1]) Дѣло роз. дѣлъ Тайной Канцеляріи, карт. XX, д. № 30, лл. 13—35 и проч.

наглыхъ иноземцевъ, ихъ возрастающее значеніе, видѣлъ или слышалъ о безчеловѣчныхъ казняхъ тысячи стрѣльцовъ, слышалъ (какъ ни глухи были застѣнки и какъ ни крѣпки записи, которыя брались съ подсудимыхъ Тайной Канцеляріи о гробовомъ молчаніи), слышалъ о всемъ, что въ нихъ было, слышалъ объ ежедневныхъ истязаніяхъ многихъ и многихъ изъ своихъ собратій; видѣлъ и слышалъ этотъ народъ много и много такого, что въ глазахъ его набрасывало густую тѣнь на личность и на дѣла монарха... И вотъ этотъ народъ жадно прислушивался къ тѣмъ изъ учителей, вышедшихъ изъ его же среды, которые брались разъяснять ему въ чемъ дѣло: Петръ-де не государь, Петръ не русскій человѣкъ, онъ иноземецъ, онъ подмѣненъ въ Швеціи, въ нѣметчинѣ; нѣтъ, онъ ни то, ни другое... онъ антихристъ! онъ приводитъ все и вся къ своей вѣрѣ... онъ и сына запыталъ, „потому-де, что самъ антихристъ приводилъ царевича въ свое состояніе, а тотъ его не послушалъ, и зато его антихристъ этотъ и убилъ до смерти..."

Петръ — антихристъ! теперь для народа все ясно... И чѣмъ сильнѣе вѣровалъ онъ въ это ученіе, тѣмъ рѣже выдавались изъ его среды извѣтчики на проповѣдниковъ сего ученія; проносы были рѣдки, почти случайны — и случались-то они либо отъ людей служилыхъ, болѣе или менѣе поднявшихся уже надъ уровнемъ народнаго развитія, либо отъ женщинъ болтливыхъ на языкъ и менѣе упорныхъ въ сохраненіи тайны... Къ числу ихъ принадлежали и тѣ три бабы, съ которыми мы встрѣтились въ началѣ нашего разсказа на дорогѣ въ Пусто-озеро.

Всѣ онѣ были жительницы небольшого городка Таврова, лежащаго въ двѣнадцати верстахъ отъ Воронежа, при впаденіи рѣчки Тавровки въ рѣку Воронежъ, которая верстъ пять отъ этого мѣста сама впадаетъ въ Донъ. Нынѣ незначительный посадъ, Тавровъ въ петровское время имѣлъ большое значеніе и былъ обязанъ этимъ своему положенію, весьма выгодному для постройки и сплава судовъ въ Азовское море. Еще въ 1699 году Петръ, проведя почти всю зиму въ Воронежѣ, замѣтилъ, что фарватеръ рѣки Воронежа, по причинѣ заносовъ и обмелѣнія, сталъ не очень удобенъ для сплава судовъ; вслѣдствіе этого верфь и адмиралтейство, по волѣ Петра, перенесены были изъ Воронежа ниже, на рѣчку Тавровку. Верфь была обнесена земляною крѣпостью, вокругъ нея растянулся городокъ, куда съ 1703 года, въ бытность здѣсь Петра, перенесены

были изъ Воронежа и остальныя корабельныя строенія. Всѣ эти весьма значительныя работы, производимыя притомъ, по петровскому обычаю, сколь возможно поспѣшнѣе, требовали много рукъ... Народъ со многихъ, по преимуществу съ низовыхъ городовъ, согнанъ былъ сюда и водворенъ въ Тавровѣ тремя слободами: Морскою, Солдатскою и Мастеровою, въ послѣдней жили и купцы. При большомъ стеченіи народа много было, разумѣется, здѣсь и учителей, а еще больше послѣдователей извѣстнаго намъ ученія; недовольство народа, согнаннаго на тяжкія и безъисходныя работы—способствовало еще больше усвоенію тавровцами ученія объ антихристѣ... Оно переходило отъ родителей къ дѣтямъ, передавалось отъ стараго поколѣнія молодому.

— „Слыхала я, дѣтушки, говорила еще въ 1707-мъ году девяностолѣтняя старуха Аксинья Спиридонова своей невѣсткѣ,—слыхала я отъ старыхъ людей, что... мы не доживемъ, а вы дѣтушки, доживете... народится у насъ антихристъ... сойдетъ на землю и будетъ людей мучить... И кто постоитъ за вѣру, тотъ будетъ въ царствѣ небесномъ, а кто къ нему передастся, и тотъ будетъ на вѣки мучиться...“

Старуха умерла, но слова ея глубоко запечатлѣлись въ умѣ ея слушательницы, женщины далеко тоже не молодой. Лѣтъ десять молчала о слышанномъ Авдотья, либо быть можетъ и передавала завѣтъ покойницы, но толки ея не дошли до чуткихъ ушей великихъ инквизиторовъ. Но вотъ въ 1722 году мужъ Авдотьи Кузьминишны, матросъ Тимофѣевъ, усланъ на Каспійское море, въ персидскій походъ, тысячъ за семь верстъ, какъ она думала; отъ него нѣтъ вѣсточки, къ тому-же въ Тавровѣ открылась повальная болѣзнь: по слободамъ умираетъ много дѣтей, старушка печалится, плачетъ и заходитъ излить свою тоску и недовольство на высшую власть, отнявшую у нея мужа, заходитъ къ племянницѣ своей солдаткѣ, Акулинѣ Петровнѣ Наяновой, жившей въ солдатской слободѣ городка Таврова...

— Тоска на меня великая, говорила Авдотья между разными разговорами, въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ послѣднихъ числахъ ноября 1722 года,—а о чемъ-же и сама я не знаю... Дни такіе сумрачные... и младенцевъ много мретъ...

— О чемъ объ этомъ тосковать, отвѣчала племянница,—зачѣмъ тосковать, что младенцы мрутъ... Богъ ихъ любя прибираетъ: видишь,

хлѣбъ не родился, а на новый годъ какъ еще не родится, то и отцы не рады дѣтямъ будутъ...

— Да, старые люди говорили, и моя свекровь говаривала: „мы-де не доживемъ, а вы-де, дѣтушки, доживете: народится-де антихристъ". Вотъ и нынѣ, продолжала Адотья, вѣроятно въ доказательство того, что уже родился антихристъ, вотъ нынѣ и съ могилъ голубцы снимаютъ, и могилы ровняютъ [1]). И для чего тѣ могилы ровняютъ?

— Богъ знаетъ, отвѣчала собесѣдница, никакъ нынѣ остаточные вѣки, вотъ уже и младенцевъ много мретъ, никакъ это уже нынѣ не государь, а антихристъ это нынѣ народился.

— Какъ намъ будетъ мучиться!—и при мысли о мукахъ старушка Авдотья горько заплакала.

— О чемъ объ этомъ тужить, утѣшала племянница,—хотя и народится антихристъ, хотя насъ и мучить станутъ, такъ что за бѣда! здѣсь помучимся, а на томъ свѣту Богъ намъ дастъ свѣтъ! Кто за вѣру христіанскую будетъ терпѣть, тотъ будетъ въ раю, вѣдь за Бога, да за царя мучиться (т. е. за истиннаго царя); вотъ славятъ, что государь будетъ, продолжала солдатка, вспомнивъ, что въ Тавровѣ на дняхъ ждали царя Петра, на обратномъ пути его изъ персидскаго похода,— славятъ, что государь будетъ; никакъ, тетушка, знать это не царь, а антихристъ народился. Я (вѣдь) государя знаю, дай Богъ дождаться государя мнѣ, хотя изъ ста выберу я его, батюшку, лѣтъ съ 20 не видала (т. е. съ 1703 года, когда Петръ былъ въ Тавровѣ), буде онъ государь, то вѣдь онъ, государь, ѣзживалъ и прежъ сего мимо могилъ, да не срывали, а нынѣ будто станетъ онъ на могилы смотрѣть...

Въ избѣ никого не было. Старуха плакала, и между теткой и племянницей долго не умолкала бесѣда о страшномъ пришествіи антихриста, о томъ, дѣйствительно-ли тотъ, кто разъѣзжаетъ теперь по Россіи, воюетъ на Кавказѣ и проч., дѣйствительно-ли онъ государь, или это тотъ... тотъ... о пришествіи котораго давно ужъ имъ, простымъ людямъ, пророчествовали ихъ народные проповѣдники.

---

[1]) Что̀ это было за распоряженіе и было ли оно дѣйствительно, мы не доискались; замѣтимъ только, что народные толки, записанные дѣятелями Тайной Канцеляріи, не разъ передавали намъ извѣстія о распоряженіяхъ тогдашняго правительства,—распоряженіяхъ, не отмѣченныхъ въ другихъ документахъ.

1861 г.

М. С.

Не нужно забывать, что предъ нами матроска и солдатка, та и другая жили постоянно среди матросовъ и солдатъ и трудно думать, чтобы ихъ мысли не находили себѣ пищи и поддержки въ толкахъ остальныхъ обитателей и обитательницъ матроскихъ и солдатскихъ слободъ города Таврова.

Правда, сочувствіе къ мнѣніямъ о воплощеніи антихриста было не у всѣхъ одинаково; къ числу мало вѣрующихъ принадлежала и рудометка Алена Андреева.

Въ первыхъ числахъ декабря 1722 года, дня за три до пріѣзда государя, въ Тавровъ прибыли передовые посланные, служители и разные придворные чины. Алена нашла нужнымъ „для взятія квашни“ забѣжать къ старушкѣ Авдотьѣ.

— Слава Богу, заговорила пришедшая, пріѣхали отъ государя передовые...

При словѣ государь, тоскующая старуха не выдержала: „ихъ, Богъ знаетъ, не велѣно (только) говорить: кажутъ, что государь ѣздитъ, а то не государь, антихристъ ѣздитъ“...

— Э, эхъ, проклятая враговка! изругала пріятельницу Алена и, плюнувъ, вышла изъ избы.

„По трехъ днѣхъ“ послѣ этого разговора государь прибылъ въ Воронежъ и посѣтилъ Тавровъ; пробылъ здѣсь сутки, попировалъ въ выстроенномъ для него дворцѣ [1]), и въ то же время успѣлъ осмотрѣть разныя работы, какъ по корабельной части, такъ и на обширной суконной фабрикѣ, имъ-же основанной; указалъ вице-адмиралу Змаевичу построить нѣсколько судовъ, сдѣлалъ нѣсколько другихъ распоряженій и отправился въ Москву.

Все это время, съ наѣздомъ царя и его свиты, Тавровъ былъ крайне оживленъ; толки о посѣтителѣ и посѣтителяхъ долго не прекращались и по отъѣздѣ Петра.

Въ самый разгаръ этихъ розсказней, 26-го декабря 1722 года, съ Воронежа пріѣхалъ въ Тавровъ, ради метанія отъ болѣзни руды изъ ногъ, инквизиторъ воронежской эпархіи, синодальной команды монахъ Гурій Годовиковъ. Онъ остановился у знакомаго попа Никиты, который поспѣшилъ истопить для гостя баню и послалъ попадью

---

[1]) Дворецъ этотъ, находившійся при крѣпости, состоялъ изъ деревяннаго дома, раскрашеннаго и обставленнаго нѣсколькими статуями. Онъ сгорѣлъ въ 1744 году со многими крѣпостными постройками и пятью стами домовъ, составлявшихъ слободу у Таврова.

за рудометкой, женкой Аленой, вѣроятно извѣстной своею опытностью и искусствомъ въ дѣлѣ пусканія крови. Въ банѣ такимъ образомъ сошлись три лица: отче Гурій, прислужникъ его—архіерейскій служка Логинъ Кузьминъ и женка Алена; рукометка принялась за свое дѣло, пустила кровь рожками, между тѣмъ монахъ-инквизиторъ, нѣжась и парясь, втянулъ лекарку въ бесѣду.

— Благочестивый батюшка у васъ погулялъ въ Тавровѣ?

— Слава Богу, три часа гулялъ.

— Заѣзжалъ-ли онъ въ свои хоромы?

— Онъ изволилъ кушать у поручика нашего Андрея Андреевича, а какъ по прозванію, того не знаю; и къ тому поручику людей много нахлынуло; стали было ихъ отгонять, и ихъ отгонять не велѣли: пускай-де глядятъ! А опосля государь, покушавши, пошелъ на суконный дворъ (на фабрику), а съ суконнаго двора по кораблямъ, и съ кораблей пошелъ къ Москвѣ... И какъ его императорское величество былъ въ Тавровѣ, и въ то время меня съ дѣтьми изволилъ его величество призывать передъ себя, и милость я отъ него получила, имѣлъ онъ со мной разговоръ... И какъ его императорское величество, продолжала Алена, умолчавъ о чемъ былъ царскій разговоръ,—въ Тавровѣ во дворцѣ кушалъ хлѣбъ и мясныя яди и я сама видѣла—онъ, императоръ (а за нимъ), и всѣ господа мясо кушали [1]).

— Что ты, баба, врешь! что тебѣ дѣло про его императорское величество говорить? воспрещалъ инквизиторъ Гурій:—при немъ, императорѣ, и иноземцы есть, можетъ быть что они (только) мясо ѣли.

— Я достовѣрно сама видѣла, что самъ императоръ (а за нимъ) и господа мясо ѣли; а послѣ кушанья, его императорскому величеству изъ головы руду я метала тремя рожками...

— А я сему вѣры не иму, возразилъ отче Гурій, распариваясь на полкѣ,—тебѣ-ль руду метать! аль у нашего государя будто не стало докторовъ? у императора нашего есть доктора свидѣтельствованные, кромѣ тебя; и для чего ты такія слова говоришь про его императорское величество?

— Люди говорятъ, путала баба, не отвѣчая на вопросъ монаха,—люди говорятъ, какъ бѣлому царю всѣ преклонятся, и тогда народится антихристъ... И какой то антихристъ, я не знаю...

[1]) Надо думать, что дѣло идетъ о томъ, какъ господа вслѣдъ за государемъ кушали мясныя яди въ рождественскій постъ, что и должно было показаться тавровцамъ дѣломъ крайне соблазнительнымъ.

— Какое тебѣ дѣло спрашивать, коли ты не знаешь?

— Да вотъ иные люди, продолжала Алена, въ то же число (т. е. въ бытность императора Петра въ Тавровѣ) говорили про его императорское величество: какой-де онъ царь или императоръ, онъ-де антихристъ! И я за тѣ слова хотѣла было и завязаться, и донести его императорскому величеству, да и тужу, что умолчала, а не донесла...

— Ну, снимай, баба, рожки! приказалъ инквизиторъ, сообразивъ важность преступленія рудометки и выгоды доноса на нее. Отче Гурій поспѣшно обмылся, обвязалъ ноги, одѣлся и поскакалъ въ Воронежъ—къ губернатору, съ письменнымъ доносомъ: слово и дѣло!

Бригадиръ Измайловъ, тогдашній воронежскій губернаторъ, арестовалъ доносчика и въ ту же ночь „наскоро“ отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Тавровъ. Преступница рудометка схвачена, поставлена на дворъ къ какому-то маіору и въ тотъ-же часъ, обезумѣвшая отъ страха, приведена на личный допросъ къ губернатору. Первое дѣло, разумѣется, запереться: обычный отвѣтъ русскаго человѣка предъ начальствомъ, допрощикомъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, былъ въ ходу и въ петровское время.

— „Непристойныхъ словъ, показала Алена, я не говаривала, говорила-же ему, инквизитору, только такія слова: мы императорскому величеству о пришествіи его въ Тавровъ только порадовались; а про мясныя яди я сказала: знать-де и всѣ господа мясо кушали, а кромѣ того ничего я не говорила“.—Но свидѣтель былъ на лицо, то былъ служка Кузьминъ, который и не замедлилъ поддержать инквизитора. Показанія его впрочемъ не вызвали рудометку на откровенность; на очной ставкѣ со служкой и монахомъ Алена твердила одно, что „непристойныхъ словъ, которыя на нее инквизиторъ разспросомъ показалъ—не говорила“, и затѣмъ передала начало своей бесѣды о пріѣздѣ государя въ Тавровъ.

Впрочемъ Измайловъ не имѣлъ въ виду, да и не имѣлъ права допытываться до непристойныхъ словъ, —это право всецѣло и исключительно принадлежало Тайной Канцеляріи; губернаторъ долженъ былъ только дознаться, нѣтъ-ли кого прикосновенныхъ къ дѣлу, чтобы и ихъ, „не упустя время“, взять и, по обычаю, „оковавъ“, отправить на розыскъ въ столицу. Но и этого не дознался Измайловъ—Алена твердила одно: другихъ-де въ непристойныхъ словахъ никого не знаю; а съ инквизиторомъ въ банѣ говорила только, что его императорское величество пріѣхалъ въ Тавровъ хорошо и спо-

добилися (всѣ) его видѣть; да еще-жъ говорила я, что на поварни приспѣвали кушанье—мясное, знатно, что кушали (его) всѣ.

7-го января 1723 г. застало отца Гурія, служку Кузьмина и преступницу Алену въ Тайной Канцеляріи въ Москвѣ. Доношеніе губернатора о посылкѣ этихъ лицъ „для разспроса, розыска и изслѣдованія“ прочтено, монахъ инквизиторъ и его служка опрошены, разспросъ дошелъ до Алены: „какъ я у инквизитора кровь пускала, и притомъ свидѣтель Кузьминъ былъ, а я вышеписанныхъ непристойныхъ словъ, запиралась рудометка, которыя на меня оный инквизиторъ показалъ, не говаривала“, и вслѣдъ затѣмъ мнимо невинная баба „въ забвеніи отъ страха“ сознавалась только въ допросѣ, что-де когда „къ бѣлому царю всѣ преклонятся, и тогда народится-ли антихристъ?“

Но вотъ состоялось опредѣленіе: женкою Аленою розыскивать и пытать: непристойныя слова инквизитору говорила-ли, и буде говорила, для чего и отъ кого она тѣ слова слышала и гдѣ, и для чего о томъ нигдѣ не доносила? Опредѣленіе это, не умаляя страха Алены, оживляетъ ея память, и съ 8-го по 20-е февраля оставленная на обсужденіе своей участи, она спѣшитъ наконецъ предстать предъ секретаря Казаринова, и въ его лицѣ какъ „предъ его императорскимъ величествомъ вину свою приноситъ“.

„Принося вину“ — Алена выдала Тайной Канцеляріи старуху Авдотью; весь разговоръ съ ней былъ переданъ и записанъ; „и инквизитору-то говорила-я, Алена, съ тѣхъ ея, Авдотьиныхъ, словъ, что его государя называютъ антихристомъ; а опричь ея, Авдотьи, отъ иныхъ ни отъ кого такихъ словъ я не слыхала“.

Доносъ отца Гурія оправдался; на другой-же день ему, освобожденному, пожаловали именемъ его величества 10 рублевъ изъ канцеляріи Рекрутскаго счета, изъ взятыхъ денегъ по тайнымъ дѣламъ. Что до служебника Кузьмина, то его также свободили и отпустили съ паспортомъ попрежнему въ домъ архіерейскій; съ того и другого взяты были обычныя записи о молчаніи.

Въ то время, когда доносчика и свидѣтеля награждали и освобождали, въ Тавровъ уже скакалъ нарочный лейбъ-гвардіи солдатъ сыскать и взять матроскую женку Авдотью Тимофѣеву.

Около мѣсяца ѣздилъ и искалъ Авдотью нарочный солдатъ; 25-го марта старуха была доставлена, съ первыхъ же словъ сознавалась въ преступленіи и тутъ-же указала на свою племянницу, какъ

на виновницу распространенія ученія объ антихристѣ. Не выдавая своихъ предъ губернаторомъ, трусливыя бабы оговаривали и мѣшали другихъ въ дѣло, стоя предъ застѣночными мастерами.

Новый курьеръ скачетъ за Акулиной. 17-го апрѣля 1723 г. она сыскана и сдана въ Тайную; будучи моложе первыхъ двухъ преступницъ, солдатка явила на допросѣ болѣе твердости и упорства: „когда была у меня тетка Авдотья и какіе разговоры имѣла—того я не упомню; молвила-ль я что объ антихристѣ не упомню; только суще помню, что никакихъ непристойныхъ словъ про его императорское величество ни съ Авдотьею, и ни съ кѣмъ не говаривала и ни отъ кого не слыхала“.

Тетку съ племянницей свели на очную ставку. Первая показывала прежнее, вторая „закрывалась безпамятствомъ“.

Дѣло объ объявленіи антихриста въ лицѣ Петра естественно должно было казаться Казаринову необыкновенной важности: задача изслѣдованія состояла именно въ томъ, чтобы добраться до корня этого ученія, до главнѣйшихъ ея распространителей. Но такое изслѣдованіе, по мнѣнію московскаго розыскателя, могла только предпринять петербургская Тайная Канцелярія, и вотъ онъ извѣстилъ ее, что вскорѣ шлетъ въ Петербургъ всѣхъ трехъ бабъ на дальнѣйшее изслѣдованіе. Это не понравилось Ушакову; обремененный кучей розысковъ, онъ послалъ строгое внушеніе Казаринову.

— „Господинъ секретарь! писалъ Андрей Ивановичъ, 27-го мая 1723 года,—видимъ мы изъ писемъ вашихъ, что вы нѣкоторыхъ колодниковъ по Тайной Канцеляріи сюда и съ дѣлами отправляете, а повелѣнія о томъ письменнаго и словеснаго вамъ отъ Петра Андреевича (Толстаго) и отъ меня не было; и иное вы, не отписався съ нами, не хорошо учинили, точію убытокъ деньгамъ и турбацію людямъ сдѣлали. А можно-бы рѣшеніе чрезъ ордеры наши въ Москвѣ учинить; и по полученіи сего ордера, ежели оные (колодники) не отправлены, которыхъ посылать не надлежитъ, удержи посылкою, а буде и посланы, да недавно, возврати, и что сдѣлаешь, рапортуй. Отъ тебя-же получены выписки... о рудометкѣ Тавровой (т. е. изъ города Таврова), на которыя указъ присланъ будетъ впредь“.

Тавровская рудометка или, по нынѣшнему, фельдшерица съ подругами удержаны въ Москвѣ, гдѣ и полученъ былъ указъ, рѣшившій ихъ участь.

„Тавровскимъ жителямъ, бабамъ, опредѣлили Толстой съ Уша-

ковымъ, по указу его императорскаго величества, за важныя, непристойныя слова, нигдѣ ими не объявленныя, учинить жестокое наказаніе: Алену, да Авдотью въ Москвѣ бить кнутомъ и сослать на прядильный дворъ при Москвѣ-же въ вѣчную работу, а Акулину пытать дважды: отъ кого она такія непристойныя слова слушала, и гдѣ и сколь давно, и для чего о томъ не доносила".

Акулину вздернули на виску... пытка первая.

— „Превосходительный господинъ, господинъ генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ, писалъ къ Ушакову о результатѣ розыска Казариновъ,— премилостивый государь мой! По присланному опредѣленію, Аленѣ и Авдотьѣ наказаніе учинено, а на прядильный дворъ Авдотья не послана, для того, что Акулина съ розыску въ тѣхъ словахъ запирается".

Акулина поднята на дыбы. . пытка въ „другорядь"...

— „Непристойныхъ словъ, кричитъ баба подъ кнутомъ, ни съ кѣмъ я суще... никогда не говаривала. . и ни отъ кого такихъ словъ не слыхала".

„...И хотя оная Акулина и говоритъ, рапортовалъ Казариновъ, что тѣхъ непристойныхъ словъ суще она ни съ Авдотьей, и ни съ кѣмъ никогда не говаривала, и ни отъ кого не слыхала, однако же, государь, ею, Акулиною, буду розыскивать и въ третьи; и что съ розыску покажетъ, о томъ вашему превосходительству донесу впредь, не умедля. И буде, государь, оная Акулина съ тѣхъ розысковъ въ означенныхъ своихъ словахъ устоитъ, то помянутою Авдотьею розыскивать-ли? о томъ требую отъ вашего превосходительства повелительнаго ордера. Вашего превосходительства, премилостиваго моего государя, всепокорный и вѣрный рабъ Василій Казариновъ. 16-го іюля 1723 года".

Пробѣгая эти образчики учтивостей между петровскими палачами, невольно жалѣешь, что едва-ли когда нибудь будетъ возможно собрать полную коллекцію этой переписки, разбросанной по сотнямъ вершенныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи. А каждый согласится, что подобный сборникъ ярко освѣтилъ-бы предъ нами пружины, по которымъ дѣйствовали Ушаковъ съ товарищами, ихъ взаимныя отношенія, взглядъ на преступленія и преступниковъ, закулисную сторону слѣдствій и розысковъ, и много другихъ интересныхъ сторонъ въ исторіи Тайной Канцеляріи петровскаго времени.

— „Господинъ секретарь Казариновъ! отвѣчалъ Ушаковъ на выше-

приведенный запросъ московскаго инквизитора,—письма твои, отпущенныя изъ Москвы... получены здѣсь исправно, на что тебѣ объявляю: по трехъ розыскахъ Акулины, буде въ одномъ станетъ утверждаться, розыскивать и Авдотьею, и что съ розысковъ покажутъ, о томъ насъ рапортуй. 25-го іюля 1723 г.“

„И августа 10-го, гласитъ протоколъ московской Тайной Канцеляріи, означенныя женки, Акулина да Авдотья, вожены въ застѣнокъ и въ непристойныхъ словахъ спрашиваны съ пристрастіемъ, и дана имъ очная ставка, а на очной ставкѣ...“ Но что именно бабы сказали на очной ставкѣ, стоя у дыбы, объ этомъ узнаемъ изъ новаго рапорта секретаря:

— „Превосходительному господину, господину генералъ-маіору и лейбъ-гвардіи маіору, премилостивому государю моему, Андрею Ивановичу, всепокорно доношу: бабою Акулиною розыскивано трижды; а бабою Авдотьею, государь, не розыскивалъ, для того, что оная Акулина при третьемъ розыску въ тѣхъ непристойныхъ словахъ повинилась, и какъ ее стали пытать, говорила тоже, а потомъ въ томъ-же розыску сказала, что она тѣхъ словъ суще не говорила. И о томъ требую отъ вашего превосходительства повелительнаго ордера. Августа 20-го“.

Несчастная женщина повинилась въ чаяньи избѣжать третьей пытки, но при этомъ упустила изъ виду то обстоятельство, что перемѣнное показаніе, хотя-бы то было полное сознаніе, должно было закрѣпиться новымъ розыскомъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ даже и тремя. Вотъ почему поднятая на дыбу въ третьи, Акулина вытерпѣла 13 ударовъ, а затѣмъ, увидавъ, что сознаніе не спасаетъ ее—вновь стала утверждать: „непристойныхъ словъ никакъ-де тетушка, знать-де это не государь, антихристъ-де народился, я съ нею, съ Авдотьею, суще не говорила .. А кромѣ тѣхъ другія рѣчи (онѣ приведены въ своемъ мѣстѣ) говорила; а прежде сего розыску и въ семъ розыску... непристойныя слова говорила я, повѣря въ уликѣ себя Авдотьинымъ словамъ“...

Пытка, какъ и всегда въ перемѣнныхъ словахъ, была жестокая, такъ что на другой-же день, по просьбѣ пытанной, присланъ былъ къ ней врачъ духовный.

Священникъ, говоря языкомъ подьячаго Тайной Канцеляріи, по должности своей, бабу Акулину на исповѣди увѣщевалъ, дабы она по дѣлу, по которому содержится, принесла сущую свою правду, какъ

явиться ей предъ Богомъ. И она, Акулина, между прочими духовными словами попу сказала: „я-де по своему дѣлу, которое имѣется въ Тайной Канцеляріи, терплю напрасно и безвинно, и въ томъ умереть готова“...

Исповѣднымъ словамъ вѣрили въ Тайной только тогда, когда они означали сознаніе, въ противномъ случаѣ вѣры имъ не давалось.

На девятомъ мѣсяцѣ по началу дѣла, что впрочемъ еще довольно скоро по тогдашнему теченію дѣлъ, приговоръ состоялся: въ силу его Авдотью, еще въ іюнѣ высѣченную кнутомъ, опредѣлено сослать на прядильный дворъ въ Москвѣ; затѣмъ солдаткѣ Акулинѣ Петровой, за непристойныя важныя слова про его императорское величество, учинить наказаніе: бить кнутомъ, и сослать на прядильный дворъ при Москвѣ-же въ вѣчную работу.

Сѣкуціи были совершены. Все, что выиграла Акулина своимъ запирательствомъ и перемѣнными рѣчами, такъ это то, что въ ея приговорѣ опустили словечко: жестокое наказаніе.

Какъ-бы то ни было, только и съ не жестокимъ наказаніемъ дѣло тавровскихъ бабъ не кончилось; въ продолженіе девятнадцати мѣсяцевъ не могла состояться ихъ ссылка, а почему, это видно изъ завязавшейся по этому поводу переписки. Переписка эта имѣетъ свой интересъ; она показываетъ, какъ еще много было спутаннаго, не установившагося въ отношеніяхъ разныхъ учрежденій и управленій въ тогдашней администраціи.

Управленіе казенныхъ фабрикъ не приняло ни одной изъ трехъ бабъ, присланныхъ въ ихъ распоряженіе. Толстой съ Ушаковымъ, по нѣкоторомъ времени, приказали вновь разослать въ надлежащія мѣста промеморіи объ отсылкѣ въ работы осужденныхъ женщинъ. „Если-же вновь ихъ не станутъ принимать, то (распоряженіе весьма своеобразное) бабъ, Алену да Авдотью, свободить съ запискою на волю; что до Акулины, то ее приказано было послать въ Александрову слободу, въ Дѣвичій монастырь въ работницы, за присмотромъ до ея смерти неисходно [1]).

[1]) Александровская слобода, нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи, лежитъ въ 101 верстахъ отъ Москвы. Въ тамошнемъ дѣвичьемъ первоклассномъ монастырѣ въ петровское время было нѣсколько невольныхъ заточенницъ. Между прочими тетка государя, царевна Маргарита Алексѣевна, а съ 24-го марта 1718 года здѣсь были заперты игуменья Покровскаго дѣвичьяго монастыря Марфа, знаменитая наперсница царицы Авдотьи Лопухиной — Капитолина и нѣкоторыя другія. Тюрьмы ихъ и до сихъ поръ цѣлы: это подвалы въ два этажа подъ Успенскою церковью. Подвалы сложены изъ бѣлаго

„слово и дѣло“.

Какъ ни страшна была Тайная Канцелярія, какъ ни слѣпо выполнялись ея указы не только отдѣльными лицами, но и разными правительственными учрежденіями, все-таки была иной разъ и оппозиція: такъ въ настоящемъ случаѣ, въ дѣлѣ разсылки штрафованныхъ бабъ, синодъ рѣшительно не согласился дать даже одной изъ нихъ мѣсто въ монастырѣ. „Святѣйшій Правительствующій синодъ, по согласному своему приговору, отписывался въ Тайную оберъ-секретарь синода,—велѣлъ оную бабу Акулину не токмо въ тотъ Успенской, но и въ прочіе дѣвичьи монастыри не принимать, понеже она свѣтскаго чину, а не монахиня. И между монахинями, благочинно житіе препровождающими, таковымъ непотребнымъ за вины ихъ осужденнымъ бабамъ быть весьма неприлично, а особливо оный Успенскій дѣвичій монастырь содержится подъ собственнымъ призрѣніемъ ея величества, императрицы Екатерины Алексѣевны, и безъ указу ея величества, хотя-бы и изъ монахинь, никого туда опредѣлять вновь невозможно. Также и въ другихъ монастыряхъ, которые по духовному регламенту затворены, принимать се не надлежитъ, ибо не токмо такимъ бабамъ, въ излишествѣ присылаемымъ, но и монахинямъ, издавно безпорочно пребывающимъ, зѣло нуждное во многихъ мѣстѣхъ пропитаніе находится. А такихъ бабъ, за вины въ работу опредѣляемыя, надлежитъ отсылать куды пристойно кромѣ монастырей, чтобы монашескому чину напрасной отъ того тщеты не происходило“.

Прочитавъ многоглаголивое объясненіе іерарховъ церкви, объясненіе, впрочемъ, оперщееся на указѣ государя, Тайная Канцелярія опять попыталась предложить въ казенныя работы всѣхъ трехъ бабъ, если-же ихъ опять „примать не будутъ, то всѣхъ трехъ бабъ свободить съ запискою на волю“, сказавъ имъ обычный указъ о молчаніи.

Но отчего-жъ не принять даровыхъ, хотя и сѣченныхъ работницъ?

На предложеніе это мануфактуръ коллегія отвѣчала: „бабы-де эти стары, а у насъ мануфактурныя всѣ фабрики отданы на откупъ кумпанейщикамъ, посадскимъ людѣмъ, и тѣ кумпанейщики оныхъ бабъ за старостію не принимаютъ для того, что работать эти бабы

кашня съ темными, узкими каморами; въ одной изъ нихъ стоитъ стулъ, къ которому прикована желѣзная цѣпь съ такимъ-же ошейникомъ. Въ каморѣ и днемъ нельзя иначе пройти, какъ со свѣчею или лучиною.

1861 г. М. С.

не могутъ, а кормить ихъ кумпанейщикамъ отъ себя безъ работы не можно".

„А у насъ, отозвалась на промеморію адмиральтейсъ-коллегія, прядильныхъ дворовъ нѣтъ, а есть только парусная фабрика, но на тѣ фабрики не токмо тѣхъ старыхъ и притомъ пытанныхъ бабъ, но и моложе ихъ принимать не велѣно".

Этотъ приказъ о непріемѣ штрафованныхъ женщинъ не распространялся на фабрики кумпанейщиковъ, но дѣйствительно они принимали только способныхъ къ работѣ... Вотъ, напримѣръ, зайдемъ вслѣдъ за наблюдательнымъ Берхгольцомъ въ одну изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ то время фабрикъ въ Москвѣ, купца-кумпанейщика Тамсена.

„Предъ нами женское отдѣленіе, разсказываетъ камеръ-юнкеръ, здѣсь работаютъ дѣвушки, отданныя на прядильню въ наказаніе, лѣтъ на десять и болѣе, а нѣкоторыя и навсегда; между ними было нѣсколько съ вырванными ноздрями. Въ первой комнатѣ, гдѣ ихъ сидѣло до тридцати изъ самыхъ молодыхъ и хорошенькихъ, было необыкновенно чисто. Всѣ женщины, находившіяся тамъ и ткавшія одна подлѣ другой вдоль стѣнъ, были одѣты одинаково и даже очень красиво, именно всѣ онѣ имѣли бѣлыя юбки и бѣлые камзолы, обшитые зелеными лентами. Замужнія женщины были въ шапкахъ (сдѣланныхъ у нѣкоторыхъ изъ золотой и серебряной парчи и обшитыхъ галуномъ), а дѣвушки простоволосыя, какъ обыкновенно ходятъ здѣшнія простолюдинки, т. е. съ заплетенными косами и съ повязкою изъ ленты или тесьмы. Между ними сидѣла одна дѣвушка, которая служила семь лѣтъ въ драгунахъ, и за то была отдана сюда. Она играла на балалайкѣ... Послѣ этой музыки двѣ дѣвушки изъ самыхъ младшихъ, по приказанію Тамсена, должны были танцовать, прыгать и дѣлать разныя фигуры. Между прочимъ онъ заставилъ ихъ проплясать одну употребительную у здѣшнихъ крестьянъ свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается граціей, по причинѣ непристойности движеній. Сперва пляшутъ обѣ, слѣдуя одна за другою и дѣлая другъ другу разные знаки лицомъ, головою, всѣмъ корпусомъ и руками; потомъ дѣвушка жестами дѣлаетъ объясненіе въ любви парню, который однако-жъ не трогается этимъ, напротивъ, старается всячески избѣгать ея до тѣхъ поръ, пока она наконецъ утомляется и перестаетъ; тогда парень, съ своей стороны, начинаетъ ухаживать за дѣвушкою и съ большимъ трудомъ

заставляетъ ее принять отъ него, въ знакъ любви, носовой платокъ; послѣ чего она во всю длину ложится на спину и закрываетъ себѣ лицо платкомъ. Парень пляшетъ еще нѣсколько времени вокругъ лежащей, съ разными смѣшными ужимками, прикидываясь очень влюбленнымъ; то онъ какъ будто хочетъ поцѣловать ее, то, казалось, даже приподнять ей юбку,—и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но такъ какъ дѣвушка, представлявшая парня, изъ стыда, не хотѣла докончить пляски, то Тамсенъ (изъ желанія угодить его высочеству герцогу голштинскому, бывшему съ посѣтителями) велѣлъ доплясать ее одному изъ своихъ мальчиковъ, лѣтъ девяти или десяти, который тотчасъ-же очень охотно согласился на это. Проплясавъ, какъ и дѣвушка, раза два вокругъ лежавшей на полу, онъ вдругъ вспрыгнулъ на нее и нѣсколькими движеніями, какихъ вовсе нельзя было ожидать отъ такого ребенка, довершилъ пляску"...

Такимъ образомъ обойдя и осмотря подобное кумпанейское заведеніе, легко было убѣдиться, что битымъ пытаннымъ и притомъ ветхимъ женщинамъ здѣсь рѣшительно быть было неудобно; онѣ здѣсь были-бы только въ тягость хозяину. Но съ другой стороны опасно было и освободить, хотя-бы и съ записью о молчаніи, такихъ важныхъ преступницъ, каковы были Алена, Авдотья и Акулина, гражданки города Таврова. До этого опасенія додумался Ушаковъ и додумался довольно скоро: двѣ недѣли спустя послѣ ордера объ освобожденіи женщинъ, послано уже было, за его подписью, новое опредѣленіе Тайной Канцеляріи:

— „Тавровскихъ бабъ, писалъ онъ къ Казаринову, по нѣкоторому дѣлу не свобождай, а ежели хотя и свободилъ, а сыскать въ Москвѣ можно, то ихъ сыщи и держи подъ карауломъ, и о томъ репортуй; а впредь ежели по дѣламъ государственнымъ весьма важнымъ будутъ являться женскаго пола, въ тяжкихъ винахъ, то о таковыхъ, куда ихъ отсылать предписывалось, отнестись въ сенатъ съ доношеніемъ; въ монастыри по многимъ отсылкамъ таковыхъ бабъ примать синодъ не велитъ, въ фабрики не примаютъ, а освобождать, разсуждалъ въ своемъ ордерѣ Андрей Ивановичъ, нельзя, ибо впредь отъ того въ народѣ зловредіе будетъ".

Такимъ образомъ бабы задержаны были въ Тайной Канцеляріи, а для корму пускали ихъ, по обычаю, въ міръ, за карауломъ

на связкѣ [1]); такъ продолжалось почти полтора года. Въ эти полтора года свершилось многое; главнѣйшее-же событіе состояло въ томъ, что Петра I не стало: новое правительство, готовясь сѣчь и ссылать, въ то же время дѣлало видъ, что желаетъ освободить или по крайней мѣрѣ облегчить судьбу многихъ штрафованныхъ въ прошедшее царствованіе... Этотъ обычай смѣнять наказанныхъ, да ссыльныхъ кончившагося царствованія—новыми страдальцами и страдалицами,—обычай, служившій одной изъ яркихъ особенностей русской исторіи XVIII вѣка, вступаетъ въ свои права именно со смерти Петра.

Облегченіе распространено было и на тавровскихъ преступницъ: 26-го февраля 1725 года, т. е. на третій годъ по началѣ дѣла, вспомнили о нихъ и сдѣлали распоряженіе: „изъ дѣла, какая до нихъ важность касается и что имъ за вины ихъ учинено, и чего ради онѣ подъ арестомъ долговременно содержатся, и куда ихъ нынѣ послать, внесть въ Правительствующій Сенатъ“.

Высшее правительственное мѣсто указало отправить ихъ въ монастырь на постригъ и подвижничество. Тайная Канцелярія поспѣшила отнестись въ синодъ съ требованіемъ послушнаго указа о пріемѣ въ какой-либо монастырь всѣхъ трехъ бабъ тавровскихъ, но если синодъ имѣлъ смѣлость воспротивиться этому опредѣленію еще при Петрѣ, тѣмъ смѣлѣе онъ дѣйствовалъ (впрочемъ мы говоримъ только объ одномъ этомъ дѣлѣ) при Екатеринѣ I-й: синодъ положительно отвѣтилъ, что таковыхъ подозрительныхъ бабъ принимать въ монастыри не велѣно...

Всѣ три отказа привели къ тому, что 29-го апрѣля 1725 года всѣхъ трехъ подвижницъ ученія объ антихристѣ, на четырехъ подводахъ, подъ конвоемъ гвардейскаго и двухъ гарнизонныхъ солдатъ, съ прогонами по рублю на человѣка отъ Москвы до мѣста назначенія, повезли въ Пустоозеро...

1860 — 1861 гг.
С.-Петербургъ.

[1]) Этотъ дешевый способъ кормленія арестантовъ былъ въ силѣ даже до начала нынѣшняго столѣтія. Еще и теперь нѣкоторые помнятъ, какъ въ 1800 годахъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи, какъ напримѣръ въ Ярославлѣ и въ другихъ мѣстахъ, цѣлыя процессіи „бритоголовыхъ“ арестантовъ двигались по улицѣ на желѣзномъ пруту и съ ящикомъ для милостыни; вся связка голосила обычный, тѣмъ не менѣе жалостный, напѣвъ, въ которомъ заключалась просьба милостыни. (1861 г.).

Самуилъ Выморковъ,

проповѣдникъ явленія антихриста

въ 1722—1725 гг.

САМУИЛЪ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ ЯВЛЕНІЯ АНТИХРИСТА

въ 1722 — 1725 гг.

I.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, въ городѣ Тамбовѣ, у церкви Успенія Пресвятой Богородицы, служилъ дьячкомъ Осипъ Выморковъ. Были у того дьячка дѣти; между ними рано сталъ выдѣляться своею охотою къ книжному ученью сынъ Степанъ; взростилъ его отецъ, обучилъ грамотѣ и всему церковному обиходу и опредѣлилъ, едва-ли не на свое же мѣсто, дьячкомъ Успенской церкви.

Предъ молодымъ человѣкомъ лежала дорога торная, мирно пройденная отцомъ его: занимать свое мѣсто на клиросѣ приходской церкви, участвовать въ совершеніи различныхъ церковныхъ требъ, рано, какъ водилось и водится въ духовномъ званіи, жениться, обзавестись домкомъ, и многіе-многіе годы отчитавъ да отпѣвъ несчетное число обѣденъ, всенощныхъ бдѣній, молебновъ и панихидъ—мирно опочить въ оградѣ мѣста своего служенія. Молодого дьячка женили дѣйствительно рано; введя хозяйку въ собственный домикъ свой, Степанъ скоро сдѣлался отцомъ... Но, обзаведясь и домкомъ, и семьей, молодой дьячекъ вовсе не былъ увлеченъ въ суету мірскую и заботы житейскія—нѣтъ, онъ весь погрузился въ чтеніе книгъ, преимущественно религіознаго характера, къ которому съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ необыкновенное влеченіе... Молодой человѣкъ одаренъ былъ натурою необыкновенно впечатлительною, страстною; умъ его постоянно работалъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ сомнѣній,

которыя вызываемы въ немъ были явленіями современной, столь полной всевозможныхъ тревогъ жизни. Пытливо доискивался онъ отвѣтовъ на свои вопросы у лицъ, окружавшихъ его, и мучился новыми сомнѣніями, зараждавшимися въ его пылкой головѣ... Читалъ онъ много и читалъ то, что только могло ему, скромному дьячку одной изъ церквей незначительнаго тогда „провинціальнаго“ города Тамбова [1]), попадаться подъ руку: то были разные, безъ сомнѣнія, рукописные лѣтописные сборники; кромѣ того, книга Баронія, переведенная съ польскаго на славянскій, изъ каковой книги, между прочимъ, какъ извѣстно, дѣлалъ свои выписки, въ осужденіе отца своего, злополучный царевичъ Алексѣй Петровичъ [2]);—читалъ и на память зналъ Выморковъ множество житій святыхъ изъ Четеи-Миней, сочиненія отцовъ церкви, и многія творенія духовныхъ писателей. У священниковъ и монаховъ, родственныхъ ему или просто знакомыхъ, молодой дьячекъ пытливо выспрашивалъ, нѣтъ ли у нихъ чего почитать, рылся у нихъ въ кельяхъ, въ чуланахъ и шкафахъ, и добывая оттуда какую-нибудь книгу, прочитывалъ ее съ особеннымъ вниманіемъ. Такъ, зачитывался онъ разными „повѣстями объ антихристѣ“ и о прочемъ, что попадалось въ рукописныхъ сборникахъ; не пропускалъ безъ вниманія и книгъ гражданской печати; но особенно любезно было молодому дьячку чтеніе старопечатныхъ книгъ: сборниковъ, требниковъ, между прочимъ, наизустъ зналъ и часто ссылался онъ на книгу Ефрема Сирина [3]), на поученія Кирилла, и

---

[1]) Тамбовъ, или какъ называли его при Петрѣ I и писали въ бумагахъ: Танбовъ—былъ въ описываемое нами время провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи. Городъ былъ изъ новыхъ, основанъ при царѣ Михаилѣ, имѣлъ 13 церквей, два монастыря и до 10,000 жителей обоего пола. Географическій словарь Щекатова. М. 1808, ч. VI, стр. 62—64.

[2]) Дѣянія церковныя и гражданскія, отъ Рожд. Господа нашего І. Х. изъ лѣтописаній кесаря Баронія собранная, переведенная съ польскаго языка на славянскій, кромѣ явныхъ съ церковью православною восточною противностей римскихъ, у Баронія и Скарги обрѣтающихся. М. in f°., 2 т. 1719 г., на церк.-сл. языкѣ. Собственноручныя выписки царевича Алексѣя Петровича изъ „Бароніуша“ см. въ изд. Погодина: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ, вновь открытымъ“. М. 1861 г., стр. 144—163.

[3]) Книга сія богоугодныхъ трудовъ: пр. от. наш. Ефрема Сирина: к ней же и внови преведошася с греческихъ харатейных книгъ учителная его и вразумителная словеса, монашескому и мірскому состоянію во изрядную ползу и спасеніе... М. 1701 г., церк. печ., in f°. До этого изданія поученія Ефрема Сирина выдержали у насъ нѣсколько изданій, изъ нихъ первое было въ Москвѣ въ 1647 г.

что вычитывалъ Выморковъ изъ нихъ, то вполнѣ соотвѣтствовало настроенію его духа, возбужденному всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ имъ о дѣяніяхъ Петра... Дьячокъ Степанъ былъ одаренъ натурою далеко недюжинною; это былъ человѣкъ прежде всего мысли и увлеченія. Его голова постоянно работала, постоянно вдумывалась въ смыслъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ, и при возбужденномъ состояніи своего духа молодой человѣкъ не въ силахъ былъ оставаться безъ дѣла: онъ жаждалъ осуществить свою мысль на дѣлѣ и идти противъ того, что, по его мнѣнію, было зло... При другихъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, въ немъ, быть можетъ, выросъ бы пылкій, способный, страстно-преданный дѣлу Петра I-го дѣятель; но изъ той среды, въ которой возросъ герой нашего разсказа, ему суждено было выдти ярымъ противникомъ преобразователя и увеличить собою число лицъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ петровскую реформу.

Для насъ, однако, весьма интересно, въ виду ознакомленія съ состояніемъ умовъ въ эпоху преобразователя, прослѣдить, подъ вліяніемъ какихъ впушеній сложилось враждебное настроеніе Степана Выморкова; вслѣдствіе сего мы и постараемся во всей подробности прослѣдить образованіе Выморкова, какъ одного изъ враговъ преобразованій императора Петра. Ближайшее знакомство съ жизнью безвѣстнаго дьячка Успенской церкви города Тамбова даетъ намъ возможность довольно живо воспроизвести тотъ образъ мысли о дѣлахъ Петра I-го, какой особенно отличалъ въ то время населеніе юго-восточной части нашего отечества [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ первой четверти XVIII вѣка на всемъ обширномъ пространствѣ между Тамбовомъ, Воронежемъ, затѣмъ по всему Дону и влѣво отъ него до Каспія, мы встрѣчаемъ монаховъ, лицъ бѣлаго духовенства, казаковъ, наконецъ людей торговыхъ и простолюдиновъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, почти поголовно съ ужасомъ и негодованіемъ взиравшихъ на дѣянія Петра. Крутыя мѣры его противъ монастырей и чернаго духовенства, кровавыя преслѣдованія старообрядцевъ, заточеніе первой жены, царицы Авдотьи, осужденіе сына, пристрастіе къ иноземцамъ—вотъ тѣ главнѣйшія стороны петровскаго царствованія, которыя вызывали особенно упорное и злое осужденіе

---

[1]) Коротенькая замѣтка о Самуилѣ Выморковѣ была помѣщена С. Соловьевымъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1860 г. № 7, стр. 332.

со стороны тогдашняго населенія Россіи вообще и юго-восточнаго угла ея въ особенности. Этотъ уголъ, какъ извѣстно, издавна питалъ въ себѣ элементы, враждебные правительству: здѣсь не разъ подымалось кровавое знамя вооруженнаго возстанія, здѣсь почти на глазахъ Выморкова по синимъ волнамъ Дона плыли плоты съ висѣлицами, на которыхъ болтались трупы болѣе двухсотъ повѣшенныхъ сподвижниковъ смѣлаго Булавина [1]); сюда, въ этотъ привольный край, несмотря на всѣ мѣры правительства, стекались со всѣхъ сторонъ Россіи „бѣглецы“ отъ „всѣхъ новыхъ порядковъ“; въ придонскихъ станицахъ издавна гнѣздился расколъ, наконецъ въ монастыряхъ этого края питался, несмотря на весь бдительный надзоръ новопоставленныхъ надъ обителями честныхъ отцовъ-инквизиторовъ, духъ особеннаго недовольства всѣми распоряженіями Петра I. Этотъ духъ былъ общій всѣмъ обитателямъ святыхъ пустынь, начиная съ ихъ игуменовъ и кончая послушниками и монастырскими служками... Могъ ли не увлечься тою же ненавистью къ преобразователю и нашъ книжникъ, при его увлекающейся впечатлительной натурѣ, при его „чуткости къ высшимъ вопросамъ жизни и способности не удовлетворяться однимъ разглагольствованіемъ о нихъ“.

1722-й годъ засталъ Степана за его мирными занятіями по должности дьячка. Попы Андрей Ѳедоровъ и Дмитрій, священники Успенской церкви въ г. Тамбовѣ, были расположены къ своему дьячку и не разъ, какъ видно, пускались съ нимъ въ разсужденія по поводу разныхъ вопросовъ, занимавшихъ время отъ времени молодого человѣка, но онъ еще жилъ „безъ сумнительствъ“ какъ по поводу религіи, такъ и относительно дѣяній и личности Петра I-го. Ревность же къ православію со стороны Выморкова и къ обрядамъ церкви была въ немъ въ то время очень сильна; такъ, онъ усердно „заставливалъ лѣностныхъ“ людей къ хожденію въ церковь, и однажды ревность къ православію увлекла его даже къ доносу на одного изъ поповъ своей церкви, будто бы снисходительно отнесшагося къ одной женщинѣ, позволившей себѣ „блевать въ народѣ на святую церковь, на тайны, на святыя иконы и на священный чинъ“.

То же блюденіе чистоты религіи и всего священнаго стало скоро вызывать со стороны Выморкова разныя „сумнительства“: не посл-

[1]) См. Разсказы изъ русской исторіи С. Соловьева: 1) Сто свадебъ въ Астрахани. 2) Булавинъ. 3) Мазепа „Русск. Вѣстн.“ 1860 г. № 15, и Исторія Россіи — его же, т. XV., М., 1865 г., стр. 264, 265 и др.

гаютъ ли на чистоту религіи, на этотъ разъ, уже не какая-нибудь полуумная дѣвка, а самыя власти предержащія? А на тѣ сумнительства навелъ его нѣкій старецъ, монахъ Савва. Старецъ тотъ служилъ въ Тамбовѣ сначала при часовнѣ, а потомъ, какъ часовни лишнія были, по указу Петра, закрыты, Савва поселился въ томъ же городѣ въ Казанскомъ монастырѣ. Вѣроятно, строго подвижническая жизнь Саввы привлекла къ нему Выморкова, и молодой дьячекъ любилъ бесѣдовать съ отшельникомъ.

— Прочелъ я въ книгѣ Ефремовой повѣсть объ антихристѣ, сообщилъ однажды Степанъ своему пріятелю старцу.

— А гдѣ онъ, антихристъ, будетъ? спросилъ старецъ.

— Знатно, что въ Іерусалимѣ, отвѣчалъ Степанъ.

— Нѣтъ, тотъ антихристъ, что нынѣ въ Москвѣ, что царемъ прозывается; для того, что въ Москвѣ было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ Иримъ (какъ и Римъ?), да и потому онъ — антихристъ, что владѣетъ самъ одинъ и патріарха нѣтъ, а то его печать, что бороды брѣютъ и у драгуновъ роскаты.

— Они и погибнутъ такъ! воскликнулъ Степанъ.

— Иные за простоту свою, былъ отвѣтъ старца: — и не погибнутъ...

Этотъ разговоръ повергъ молодого человѣка въ ужасъ. Онъ повѣрилъ отъ всей души, что надъ отечествомъ его властвуетъ антихристъ, что слуги царскіе—слуги антихристовы, что встрѣчаемыя имъ всюду лица съ выбритыми бородами всѣ носятъ на себѣ печать антихристову. И всюду-то эти люди ходятъ, и въ церкви они бываютъ, и тѣмъ церковь, какъ слуги антихристовы, сквернятъ. И тяжко задумался дьячокъ: куда бѣжать отъ тѣхъ слугъ антихристовыхъ? Наступилъ, между тѣмъ, рождественскій постъ въ томъ же 1722-мъ году. Выморковъ, весь погруженный въ думу о слышанномъ имъ отъ Саввы, перечитываетъ Апокалипсисъ, перечитываетъ другія старопечатныя книги, впадаетъ въ разныя сомнѣнія, повторяетъ ихъ старцу Саввѣ, тотъ по-своему ихъ разъясняетъ, говоритъ ему, между прочимъ, объ уничтоженіи Петромъ патріаршества, и все то въ „противномъ“ государю духѣ. Сердце молодого человѣка отъ всѣхъ тѣхъ рѣчей все болѣе и болѣе ожесточается; читаетъ онъ старопечатный требникъ, и къ ужасу своему находитъ, что въ немъ „о брадобритіи пишутъ въ отрицаніе приходящимъ въ православную вѣру“. Сочиненіе Ефрема Сирина, между прочимъ,

было особенно любимою книгою Степана; вдругъ обнародывается распоряженіе синода о томъ, чтобы вмѣсто прежняго чтенія по церквамъ въ великій постъ книгъ Ефрема Сирина, Соборника и прочихъ книгъ, читать новопечатные буквари съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ [1]). Изгнаніе, такимъ образомъ, издревле установленнаго чтенія, и замѣна его — чтеніемъ букваря, должно было весьма поразить многихъ, дать пищу непріязненнымъ правительству толкамъ и повергнуть въ немалое „сумнительство" и нашего подвижника церкви. Болѣе и болѣе сталъ онъ погружаться въ думу, что такія дѣйства не могутъ идти ни отъ кого, какъ отъ слугъ антихристовыхъ; брадобрѣйцовъ онъ уже видѣть равнодушно не могъ, и избѣгая ихъ встрѣчи, упорно не ходилъ въ церковь. Послѣднее обстоятельство не могло не поразить его жену.

— Что ты дѣлаешь? спрашивала она своего мужа: — почему не ходишь въ церковь? Я съ раскольникомъ жить не хочу!

Мнимому раскольнику, казалось, легче было оставить жену, впрочемъ имъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его дѣйствій, нѣжно любимую—нежели отступить отъ своего рѣшенія: не ходить въ церковь, гдѣ онъ встрѣчалъ слугъ антихристовыхъ. И онъ не задумался написать женѣ „распускное, противное письмо въ такой силѣ":

„Я Степанъ, Осиповъ сынъ, Выморковъ, отпущаю жену свою на волю, какъ похощетъ, хотя и замужъ пойдетъ, я не искатель, а я хочу такъ жить, а свидѣтель тому всему всевидящее око".

Жена взяла то письмо, сказала мужу, что отнесла его къ отцу духовному, и не стала раздѣлять съ Степаномъ брачнаго ложа.

Выморковъ спѣшилъ найти утѣшеніе въ книгахъ; сталъ онъ зачитываться извѣстной книгой Кирилла объ антихристѣ и знакахъ его (М. 1644 г.) [2]), и введенный ею въ новое сомнѣніе, вновь пересталъ ходить въ церковь. А нашелъ онъ въ той книгѣ такое выраженіе: „во имя Симона Петра имѣетъ быти гордый князь міра сего антихристъ. Такое предсказаніе для него, уже „смя-

[1]) Новый букварь изданъ былъ въ 1720-мъ году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; таже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней, символа вѣры и девяти блаженствъ". Любопытныя свѣдѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и по поводу введенія ея во всеобщее употребленіе при Петрѣ, см. въ изслѣдованіи Пекарскаго т. I, стр. 178—181 и 501.

[2]) См. „О такъ называемой Кирилловой книгѣ", разсужденіе А. Лилова. Казань, 1858 г.

теннаго духомъ и устрашеннаго въ своей совѣсти", казалось прямымъ указаніемъ, что царствіе антихриста, въ лицѣ государя Петра I, уже осуществилось, и вотъ Выморковъ свое убѣжденіе сообщаетъ дьячку другой тамбовской церкви, Елисею Петрову. Тотъ не только, какъ видно, согласился съ Степаномъ, но еще сообщилъ ему новый поводъ къ его „совѣстному устрашенію", передавъ слухъ о томъ, будто „скоро начнутъ служить на опрѣснокахъ".

Степанъ объявляетъ свое ученіе казаку Старкову. И тотъ, согласясь со Степаномъ, въ свою очередь сообщаетъ ему слухъ о томъ, что „немного-де жить свѣту, въ пол-пол-осьмой тысячѣ конецъ будетъ!"

Степанъ передаетъ этотъ толкъ высокочтимому имъ старцу Саввѣ, и отвѣчалъ тотъ Савва: „нѣтъ, и того недостанетъ!" (т. е. преставленье свѣта еще скорѣй того наступитъ, нежели какъ предполагаетъ то полковой казакъ Старковъ).

Въ виду столь скораго конца свѣта, чтобъ не пострадать напрасно, Степанъ вновь не захотѣлъ ходить въ церковь молиться съ прочими слугами антихристовыми. И мать, и жена, дивясь тому нехожденью, неоднократно его спрашивали:

— Для чего-жъ ты въ церковь не ходишь? другихъ людей заставливалъ, а нынѣ самъ не ходишь?

— Не хочу ходить, отвѣчалъ дьячекъ; — не хочу Бога молить за антихриста, что нынѣ императоромъ прозывается, и за слугъ его.

Жена, имѣя распускное письмо отъ мужа, только дивилась его поведенію, но бѣдная мать не могла смотрѣть на своего Степу спокойно и спѣшила обратиться съ сѣтованіями на его поведеніе къ разнымъ людямъ. Такъ, ходила она къ тамбовскому протопопу Тихону, жаловалась на нехожденіе Степана въ церковь, но протопопъ сказалъ только: „бездѣлуетъ-де сынъ твой!" и никакой затѣмъ нагонки „бездѣлующему" не учинилъ. Мать стала совѣтоваться съ монахиней Киликеей... „Напрасно не ходитъ твой сынъ въ церковь", отвѣчала на жалобы старухи монахиня Киликея, „и съ чего то нехожденье?"

— А ради того не ходитъ Степанъ въ церковь, что бороды брѣютъ...

— „Кто бороды брѣетъ, тому и грѣхъ, не совсѣмъ успокоительно для старухи отвѣчала Киликея: — а все-таки благочестіе еще

есть—потому на пяти просвирахъ служатъ, а какъ станутъ на опрѣснокахъ служить, и мы отречемся, въ церковь не будемъ ходить".

Въ то время, когда старуха мать тоскуетъ и плачется на неблагочестіе своего сына, молодой человѣкъ, осаждаемый тяжелыми думами объ антихристѣ, вспомнилъ, что въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тотоковѣ, у знакомаго ему попа Ивана есть старопечатный требникъ. „Дай посмотрю въ немъ, что-де тамъ объ антихристѣ сказано", думаетъ Выморковъ и спѣшитъ къ отцу Ивану. Случилось на его бѣду такъ, что во время прихода его, къ отцу Ивану пріѣхали пристава изъ Переяславля-Рязанскаго; развозили тѣ пристава попамъ присяги и увѣщанья [1]). Сталъ читать Выморковъ увѣщанье, и вдругъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ „въ похвалу и честь" государя писано такъ: „имѣти-бы яко главы своя и отца отечества, и Христа Господня!" Съ ужасомъ вспомнилъ молодой человѣкъ, что въ Кирилловой, старопечатной книгѣ именно сказано: „Антихристъ—ложно Христомъ прозовется!" И такъ сбылось уже и это пророчество, сталъ думать Выморковъ: антихристъ, возсѣвшій на царскій престолъ, сталъ ужь именоваться Христомъ.

— „Смотри, читай эту книгу Кириллову, говорилъ вскорѣ послѣ этого Степанъ дьячку Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря: — тутъ имя написано антихристово", и передалъ ему все слышанное отъ Саввы [2]):—примѣть и то, продолжалъ Степанъ: „бывало, молятъ Бога за царя Петра Алексѣевича, а нынѣ стали молиться за императора Петра Великаго, отечество-жъ уже не поминается" [3]).

---

[1]) Вѣроятно здѣсь надо разумѣть: „Уставъ о наслѣдіи престола", обнародованный 5 февраля 1722 г. (См. П. С. З. т. VI, № 3,893), по поводу котораго требовалось „клятвенное обѣщаніе" отъ всѣхъ подданныхъ въ признаніи имп того наслѣдникомъ престола, котораго изберетъ самъ государь; или тѣ „Присяги", которыя разосланы были въ 1722 г. всѣмъ священникамъ, при указѣ 17 мая (т. VI, № 4,012), „о объявленіи священниками открытыхъ имъ на исповѣди преднамѣренныхъ злодѣйствъ..." Подъ словомъ же увѣщаніе, безъ сомнѣнія, разумѣется то увѣщаніе синода къ раскольникамъ, которое было издано въ томъ же 1722 г., января 27-го. П. С. З., т. VI, № 3,891.

[2]) Монахъ Савва около этого времени скончался.

[3]) См. въ П. С. З., т. VI, № 3,882 синодскій указъ 18 янв. 1721-го года: о возношеніи высочайшихъ именъ при церковнослуженіяхъ по даннымъ формамъ ...,и тѣ формы указано было: священнослужителямъ твердить со всякимъ прилежаніемъ. . и чтобъ какого противнаго и неусмотрительнаго произношенія не было, но весьма опасно и речивисто, такъ было произношено, какъ во оныхъ формахъ напечатано, и не точію изъясненіе реченій, но и

Степанъ не скрывалъ терзавшихъ его сомнѣній ни отъ кого изъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе не рѣшился онъ скрыть ихъ отъ отца своего духовнаго, Архангельской церкви попа Ивана Аѳанасьева. Не разсѣетъ ли ихъ отецъ духовный? Нѣтъ! отецъ Иванъ еще утягчилъ тревожное состояніе Выморкова разсказомъ: „вотъ, какъ мы бывали на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали предъ государемъ и при компаніи (т. е. его свитѣ) проклинали измѣнниковъ, и дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь въ то число говорилъ тако: „о, воръ Талицкій! ужъ и я антихристъ предъ тобою!“ — къ чему жъ то государь говорилъ, заключилъ священникъ, Богъ знаетъ“ [1]).

Разсказъ попа Аѳанасьева не разсѣялъ недоумѣній дьячка Степана, „къ его сомнѣніямъ приложилъ попъ только новое сомнѣнье“. И нигдѣ-то онъ не встрѣтилъ кого либо, кто бы ему положительно и ясно доказалъ всю нелѣпость его убѣжденій. Напротивъ, всюду онъ слышитъ подтвержденіе своей дикой мысли. Степанъ сталъ подумывать, не обратиться ли къ старообрядцамъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, и сталъ онъ спрашивать предварительно, у знакомаго уже намъ протопопа Тихона, о существѣ разницы крестнаго знаменія первыми тремя перстами, и однимъ первымъ большимъ съ двумя послѣдними: которое изъ сихъ сложеній рукъ болѣе истинно?

— Какъ хочешь крестись, равнодушно отвѣчалъ отецъ Тихонъ:—я крещусь и такъ, и сякъ, въ томъ силы нѣтъ, хоть и кулакомъ крестись.

— Ну, а что то за слово императоръ? допрашивалъ Степанъ.

— Знатно, что больше царя, отвѣчалъ протопопъ.

Возрастающіе толки о томъ, что скоро повелятъ служить на опрѣснокахъ, что скоро и монастыри не будутъ смѣть принимать

просодіи, то-есть гласнаго ударенія употребленіе и строчное препинаніе, безъ погрѣшности наблюдалося, подъ страхомъ жестокаго штрафованія...“ Въ формѣ возглашенія многолѣтія, между прочимъ, значилось... „вѣнчанному и превознесенному, отцу отечества, Петру Великому, императору“ и т. д.

[1]) Имена Талицкаго, Левина и нѣкоторыхъ другихъ раскольниковъ долго и долго вспоминались одними — какъ имена людей, вынесшихъ жесточайшія истязанія за правовѣріе, другими — какъ самыхъ злыхъ и дерзкихъ поносителей государя Петра I-го. См., между прочимъ, дѣло Ѳеофана Прокоповича въ Чт. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., I, стр. 14; „Варлаамъ Левинъ“, статью Есипова въ „Русскомъ Словѣ“ 1861 г.; П. С. З., т. VI, № 3,891; Пскарскаго: Наука и Лит. при Петрѣ Вел., т. II, стр. 80—82, и проч.

къ себѣ новыхъ сподвижниковъ, до того устрашили Степана, что онъ рѣшился постричься въ монахи.

— „Антихристъ скоро велитъ служить на опрѣснокахъ, сказалъ Степанъ своимъ домашнимъ, сидя на Рождество 1722 года за обѣдомъ:—а я не стану того ждать, я уйду въ монастырь“.

— Не спѣши постригаться, останавливала его старица Киликея, которой онъ также сообщилъ свое рѣшеніе:—не спѣши, жена у тебя есть.

— „Да ужъ указы пришли, чтобъ не постригать новыхъ монаховъ, я и потороплюсь, пока указъ не исполненъ, возражалъ Степанъ:—да и монахъ Савва сказывалъ мнѣ, что въ мірѣ у насъ царствуетъ антихристъ“.

— Вретъ онъ, спорила Киликея:—антихристъ женатъ не будетъ...

— „Вѣдь я самъ присмотрѣлъ въ Кирилловой старопечатной книгѣ, стоялъ на своемъ дьячекъ:—что во имя Симона-Петра имать сѣсти гордый князь, міра сего антихристъ“...

— Нѣтъ, не онъ—это нашъ государь... А читала я въ книгѣ, продолжала Киликея;—что первое гоненіе будетъ отъ антихриста на монаховъ, монастыри опустошены и огнемъ пожжены будутъ...

— „Однакожъ, я постригусь; когда что будетъ, тогда и въ горы уйду“...

Сталъ обходить Выморковъ своихъ знакомыхъ, причемъ извѣщалъ ихъ о своемъ рѣшеніи постричься; зашелъ, между прочимъ, онъ къ посадскому человѣку, жителю Тамбова, Котову. Въ бесѣдѣ съ женой его, Анной Обросимовной, сообщилъ Степанъ и ей свое ученье.

— Да вотъ и я скажу на то, замѣтила Анна: — жила я въ городѣ Шуѣ, и случилось сроднику моему быть въ городѣ Суздалѣ, куда сослана царица, и она говаривала людямъ, а въ томъ числѣ и сродники мои слышали: „держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной вышелъ“. А и насчетъ крестнаго знаменія, та-жъ Анна Котова пояснила, „что ей довелось слышать отъ попа или протопопа, а именно не упомнитъ, что въ слаганіи первыхъ трехъ перстовъ сидитъ самъ сатана“...

И услыша отреченіе заточенной царицы отъ своего мужа, Степанъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ вполнѣ повѣрилъ разсказу объ этомъ событіи и „наипаче въ сумнѣніи своемъ объ антихристѣ укрѣпился“. Да и какъ не укрѣпиться, мыслилъ дьячокъ, когда и у Григорія Назіанзина, въ концѣ его книги сказано: „внезапу при-

возстанетъ и превознесется и возлицемѣрствуетъ благостыню!" Въ страхѣ, что-де все равно, при державѣ антихриста жить долго не доведется, Степанъ Выморковъ порѣшилъ окончательно уйти отъ зла и сотворить благо, то есть постричься въ монахи.

II.

Чтобъ поступить въ монахи, какъ можно видѣть изъ указовъ того времени [1]), надо было преодолѣть не мало трудностей. Правда, знаменитое „Прибавленіе къ Дух. Регламенту, о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго", прибавленіе — сдѣлавшее крайне труднымъ, почти невозможнымъ, поступленіе въ монахи, не было еще получено въ Воронежской губерніи, но уже и безъ сего „Прибавленія" предстояло, при поступленіи въ монашество, много разныхъ формальностей... Выморковъ, однако, не убоялся ихъ; онъ рѣшился постричься въ Трегуляевомъ Предтечевомъ монастырѣ, находящемся въ восьми верстахъ отъ города Тамбова. Игуменъ Іосафъ, къ которому онъ обратился съ просьбой постричь его въ монахи, зналъ Степана за человѣка „къ церкви подвижнаго, въ молитвѣ не лѣпостнаго, къ пѣнью на клиросѣ удобнаго", притомъ же изряднаго начетчика. Поэтому, Іосафъ и спѣшилъ утвердить Степана въ его намѣреніи покинуть свѣтъ, и надоумилъ что онъ долженъ былъ для этого сдѣлать. Согласно наставленью отца-игумена, молодой человѣкъ неоднократно словесно просилъ, какъ его, игумена, такъ и всю честную братью монашествующую принять его въ свою среду; затѣмъ, Степанъ подалъ письменное о томъ прошеніе: игуменъ, іеромонахи и іеродіаконы положили, какъ того требовали указы того времени, письменную резолюцію на томъ прошеніи, что они согласны принять въ свою среду просителя. Но Степанъ былъ женатъ; современныя же постановленія, обнародованныя правительствомъ, требовали, чтобъ жена желающаго постричься дала отъ себя „роспускное письмо". Самъ игуменъ взялся то дѣло уладить, отправился къ женѣ Степана, и убѣдилъ ее дать означенное письмо. Въ письмѣ молодая женщина заявляла, что мужъ ея желаетъ постричься, что

[1]) П. С. З., т. III, №№ 1612 п. 16 и 17, 1629; т. IV, №№ 1834, 1839, 1856, 1886, 2394; т. V, №№ 2985 п. 3, 3712; т. VI, №№ 3718, 3858, 3910, 3912, 3964—65, 3975, 4012, 4015 и др.

препятствій къ тому съ ея стороны не имѣется, и что о растриженіи его нигдѣ она бить челомъ не станетъ. Письмо должно было быть засвидѣтельствовано отцомъ духовнымъ,—Іосафъ устроилъ и это: нашъ прежній знакомый, отецъ Дмитрій, скрѣпилъ то письмо своею подписью. Выполняя требуемыя формальности, игуменъ Іосафъ, спустя нѣсколько времени, опросилъ мать и жену Выморкова, при постороннихъ свидѣтеляхъ: дано ли то письмо роспускное добровольно, и дѣйствительно ли отецъ Дмитрій, по ихъ просьбѣ, скрѣпилъ то письмо своею подписью? Обѣ женщины отвѣчали утвердительно, и жена Степана, при игуменѣ, для его увѣренія, протянула руку попу Дмитрію.

— Аще нынѣ не пострижется мужъ твой, говорилъ молодой женщинѣ Іосафъ:—вѣкъ монахомъ не будетъ, потому ужъ теперь, по указу, составляется перепись монаховъ, и когда составится реэстръ и учинится табель всѣмъ имъ, тогда постригать никого не доведется... [1]), а ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ будущаго монаха:—выходи вновь замужъ, за кого похочешь.

— Коли такъ, я пойду замужъ, сказала та Выморкову.

— „Нѣтъ, не ходи“, молвилъ тотъ, мысленно рѣшившись, однако, скорѣе видѣть жену свою за другимъ, нежели вернуться въ свѣтъ.

Такимъ образомъ, Степанъ Выморковъ покончилъ всѣ свои отношенія къ семьѣ, и вскорѣ, по исполненіи надъ нимъ обычной церемоніи, въ братью Предтечева-Трегуляева монастыря поступилъ новый братъ Самуилъ.

III.

Трегуляевъ монастырь въ то время принадлежалъ къ числу довольно богатыхъ монастырей, за нимъ не мало было деревень, земли и всякихъ угодій. Въ монастырѣ была многочисленная братія и новый братъ скоро встрѣтилъ въ ея средѣ нѣсколькихъ лицъ, которымъ довѣрчиво передалъ свои убѣжденія относительно появленія

[1]) Въ январѣ 1723 г. по всѣмъ монастырямъ, вслѣдствіе синодскаго указа, составлялись реестры всѣмъ находящимся въ монастыряхъ монахамъ, съ указаніемъ: сословій, изъ какихъ они поступили въ монастырь, сколько имѣютъ лѣтъ отъ рожденія и какъ долго находятся въ монастырѣ, въ той или въ другой обители приняли постриженіе, какія имѣютъ дѣла послушанія, какому искусны рукодѣлію и т. п. Перепись та скрѣплялась монастырскими властями.

на свѣтъ антихриста; довѣріе съ его стороны къ нѣкоторымъ изъ монаховъ тѣмъ скорѣе было вызвано, что они вполнѣ раздѣляли убѣжденія Самуила, и гораздо прежде его остановились на той мысли, что въ Петербургѣ давнымъ-давно сидитъ антихристъ. Одинъ же изъ братіи, монахъ Филаретъ, разсказалъ Самуилу, по поводу толковъ о томъ, кто таковъ императоръ Петръ, слѣдующую, ходившую въ то время въ народѣ, легенду.

— Надъ нами царствуетъ нынѣ, говорилъ Филаретъ:—не нашъ государь Петръ Алексѣевичъ, но Лефортовъ сынъ. Блаженной памяти государь-царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ женѣ своей, царицѣ: „ежели сына не родишь, то учиню тебѣ нѣкоторое озлобленіе“. И она, государыня, родила дщерь, а Лефортъ сына, и за помянутымъ страхомъ, втайнѣ отъ царя, размѣнялись—и тотъ, Лефортовъ сынъ, и нынѣ царствуетъ! [1])...

Такіе разсказы не могли, разумѣется, разсѣять заблужденій молодого монаха; напротивъ, болѣе и болѣе коснѣлъ онъ въ нихъ, и креститься сталъ по старопечатнымъ книгамъ, что, какъ кажется, не производило смущенія въ честной обители. Только іеромонахъ Никодимъ, инквизиторъ Мигулинскаго Троицкаго на Дону монастыря, дядя родной Самуила, зайдя его провѣдать, замѣтилъ племяннику: „крестись ты первыми тремя перстами, вѣдь и греки тако-жъ крестятся“... Тотъ повелъ съ своей стороны рѣчь объ антихристѣ, что-де царствуетъ онъ надъ ними...

— „Нѣтъ, успокоивалъ его Никодимъ:—то не антихристъ, развѣ—предтеча его“... И это говорилъ инквизиторъ, то-есть лицо должностное, облеченное большою властью надъ монахами, и

[1]) С. М. Соловьевъ приводитъ въ XV-мъ томѣ своего труда народные толки о Петрѣ I-мъ и его преобразованіяхъ, и изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи выписываетъ нѣсколько бродившихъ въ народѣ легендъ о происхожденіи Петра I-го (М. 1865 г., стр. 126—135 и друг.). Такимъ образомъ, составитель „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ призналъ справедливость давно уже и нѣсколько разъ высказанной нами мысли о томъ, что, при изложеніи дѣяній Петра I-го, историкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права обходить молчаніемъ того говора, тѣхъ сужденій и розсказней, съ которыми втрѣчали народныя массы реформы Петра Великаго. Печатая нѣкоторыя изъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи въ разныхъ журналахъ 1860—1862-хъ годовъ, мы постоянно указывали на то значеніе, какое долженъ имѣть этотъ важный матеріалъ для историка эпохи преобразованія, и теперь отъ души радуемся, что и С. М. Соловьевъ не преминулъ воспользоваться этимъ матеріаломъ. (1865 г.).

обязанное о всякомъ „противномъ“ словѣ доносить властямъ предержащимъ!...

Племянникъ не успокоился, не повѣрилъ дядѣ, и пропагандируя въ средѣ молодыхъ братій честной обители ученіе объ антихристѣ, скоро нашелъ себѣ въ молодомъ монахѣ Степанѣ ревностнаго послѣдователя. Степанъ былъ увлеченъ рѣчами Самуила, тѣ рѣчи проникнуты были самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, и повѣрилъ онъ своему сотоварищу во всемъ, и сталъ креститься большимъ перстомъ съ двумя послѣдними, и во всѣхъ, нераздѣляющихъ его и учителя его убѣжденій, сталъ видѣть не кого другого, какъ слугъ антихристовыхъ. Въ другомъ монахѣ, Павлѣ, Самуилъ скоро пріобрѣлъ другого не менѣе ревностнаго послѣдователя своего ученія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1723 года, всю братію трегуляевской обители вмѣстѣ съ игуменомъ, по какому-то важному дѣлу, вызвали въ Воронежъ, гдѣ въ надворномъ судѣ снимали съ нихъ допросы. Самуилъ имѣлъ въ Воронежѣ родныхъ, у которыхъ и проводилъ свои досуги, не оставляя пропаганды своего ученія.

— Богъ то знаетъ, антихристъ-ли онъ, императоръ-то Петръ, замѣтила однажды Самуилу одна изъ его собесѣдницъ, Өеодосья Осипова: — потому, живала я въ Нижнемъ, а про то не слышала, а говорятъ въ Нижнемъ, что нынѣ новая вѣра, а старую вѣру покинули и архіерей нижегородскій, Питиримъ, самъ былъ въ старой вѣрѣ, да переложился, и мучитъ тѣхъ, кто крестится однимъ большимъ перстомъ съ двумя послѣдними...

— „Я и въ книгѣ то присмотрѣлъ, замѣтилъ на это Самуилъ: — это такъ“...

— Вотъ его, продолжала Өедосья: — его, Питирима, нижегородцы точно называютъ антихристомъ [1]). А сама я слагаю руку по старопечатнымъ книгамъ, потому такъ велятъ креститься священники въ Нижнемъ.

---

[1]) Питиримъ, архіепископъ нижегородскій и алатырскій съ 1719 по 1738 г., род. около 1665 г., ум. въ 1738 г. Питиримъ извѣстенъ какъ самый рьяный гонитель раскола и какъ авторъ нѣсколькихъ полемическихъ противъ раскола сочиненій; этотъ человѣкъ былъ весьма замѣчателенъ умомъ, силою воли, необыкновенною ревностью къ православію и необычайнымъ для своего времени безкорыстіемъ. Императоръ Петръ дѣянія Питирима въ защиту православія противу раскола называлъ: „подвигами равноапостольскими“. Весьма обстоятельная біографія Питирима помѣщена архимандритомъ Макаріемъ въ его „Исторіи Нижегородской іерархіи“. Спб. 1857 г., стр. 32—103.

Вскорѣ послѣ того Самуилъ составилъ и своеручно написалъ въ тайнѣ „хулительное письмо"; то было нѣчто въ родѣ воззванія къ священнымъ чинамъ о томъ, что они повинуются не государю, исполняютъ волю не законнаго монарха, а антихриста. Письмо то Самуилъ сохранялъ у себя и, какъ кажется, никому не читалъ, выжидая только удобнаго случая его подбросить кому нибудь такъ, чтобы оно „до священнаго чина дошло". Случай этотъ представился въ день выхода изъ Воронежа. Самуилъ подкинулъ то письмо, безвѣстно отъ своихъ сотоварищей-монаховъ, во дворъ одному изъ жителей города Воронежа. Дошла-ль та грамотка „до священнаго чина" и какая судьба ее постигла—неизвѣстно. Между тѣмъ на пути изъ Воронежа въ Тамбовскій уѣздъ „Самуилъ въ церковь гдѣ ходилъ, гдѣ нѣтъ, крестился противу старопечатныхъ книгъ, и не надѣялся обрѣсти въ молитвѣ, въ церквахъ, никакого для себя спасенія". Перечитывая въ это же время книгу Стефана Яворскаго: „объ антихристѣ", онъ ни мало ей не вѣрилъ и стоялъ на томъ, что книгу сочинилъ преосвященный только съ единственною цѣлью угодить ему, антихристу [1]).

А тутъ, на бѣду Самуила, встрѣтился ему въ селѣ Избердей боярскій сынъ Захаръ Лежневъ; новый знакомый сталъ разъяснять Выморкову, куда дѣлся настоящій государь: „нашъ государь, толковалъ Лежневъ, пошелъ въ Стекъ-холмъ, а тамъ его посадили въ заточеніе, а это, что нынѣ царствуетъ, не нашъ государь, царь Петръ Алексѣевичъ, иной...

„Кто-жъ иной, какъ ни самъ антихристъ!" думалъ Самуилъ, и вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ, монахомъ Павломъ, сталъ

---

[1]) Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка... М. 1703 г. Церк. печ., въ 8 д. Соч. Стефана Яворскаго имѣло послѣ того нѣсколько изданій. Самый выходъ этой книги въ первые же годы царствованія Петра I краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какой степени сильно было распространено въ народѣ ученіе объ антихристѣ. Правительство вынуждено было не только скасовывать проповѣдниковъ того ученія, но и обращаться къ вразумленію массъ народныхъ въ особо составленномъ съ этою цѣлью сочиненіи. Объ означенномъ твореніи Стефана Яворскаго см. у Пекарскаго, т. II., стр. 77—80. Перечень сочиненій раскольниковъ объ антихристѣ см. въ изд. „Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви, собр. тщаніемъ Павла Любопытнаго", въ Спб. 1829 г., изд. В. И. Касаткина. М. 1861 г. №№ 10, 147, 187, 219, 274, 288, 302, 325, 350, 351, 364, 395, 401, 487, 580, 598; другое изд. труда Павла Любопытнаго по другому списку и безъ всякихъ передѣлокъ со стороны издателя см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист." 1863 г., кн. I, стр. 119—178.

гласно разъяснять жителямъ села Избердей—кто таковъ, по ихъ твердому убѣжденію, царь Петръ Алексѣевичъ.

Рѣчи произвели свое дѣйствіе: крестьяне повѣрили. Встрѣтился на дорогѣ дьяконъ. Самуилъ тотчасъ сообщаетъ и ему свое ученіе.

Пришли въ свой монастырь. Здѣсь Самуила ждалъ новый тяжкій ударъ. Полученъ былъ „Духовный Регламентъ“ [1]). Случилось такъ, что инквизиторъ тамбовскихъ монастырей Александръ велѣлъ именно монаху Самуилу читать братіи присланный Регламентъ, читать во время „трапезнаго яденія“...

Самуилъ Выморковъ, по окончаніи чтенія, дошелъ до такого изступленія, какъ самъ потомъ разсказывалъ, что готовъ былъ бросить „Регламентъ“ на полъ и тутъ же, въ трапезной, предъ лицомъ всей братіи, потоптать его ногами. Только присутствіе грознаго „инквизитора“ удержало его отъ поступка безумнаго. Но за то послѣ трапезы и чтенія Самуилъ поспѣшилъ излить свои чувства и думы другу своему Степану.

— „Вотъ помнится мнѣ, говорилъ Самуилъ:—въ Кирилловой книгѣ именно написано, что антихристъ вся заповѣди святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ сокрушитъ, и своихъ заповѣданій заповѣстъ держати, и вотъ то его заповѣданія... и то къ тому стало, какъ прочь отвесть отъ монашества... бѣжимъ изъ монастыря въ пустыню!“...

— Я въ твоемъ мнѣніи тебѣ помощникъ, съ полною довѣренностью къ учителю отвѣчалъ Степанъ, и они оба положили покинуть навсегда монастырь, ограда котораго не могла укрыть ихъ отъ ненавистныхъ имъ „заповѣданій антихриста“.

Бѣгство рѣшено. Степанъ, подъ предлогомъ работы, ушелъ въ одно изъ подмонастырскихъ селъ. Самуилъ, между тѣмъ, „великое свое страшное сумнѣніе“ и причину своего бѣгства спѣшилъ изъяснить въ письменномъ воззваніи къ братіи.

„Увѣдалъ я—писалъ Самуилъ на полулистѣ „среднимъ письмомъ“, запершись въ своей кельѣ—увѣдалъ я отъ свѣтлыхъ писа-

[1]) Объ изданіяхъ „Духовнаго Регламента“ см. у Пекарскаго, т. II, стр. 520—526; 543—545; П. С. З. т. VI, № 4022. Духовный Регламентъ съ его прибавленіемъ распубликованъ, то есть разосланъ былъ по епархіямъ гораздо позже его составленія и напечатанія. Въ Тамбовѣ, напримѣръ, означенный Регламентъ былъ полученъ въ маѣ 1723-го года.

ній, что попущеніемъ Божіимъ принялъ область антихристъ прельстити весь міръ, зане умножися нечестіе вездѣ и повсюду злая содѣвается";... приведя затѣмъ нѣсколько мѣстъ изъ повѣсти въ книгѣ Ефремовой объ антихристѣ, и слова писанія: „егда же узрите мерзость запустѣнія, стоящую на мѣстѣ святѣ, тогда сущіи во Іудеи да бѣжать на горы", Самуилъ разъяснялъ, что и онъ бѣжитъ по слову тому въ пустыню, затѣмъ вмѣнялъ „печати антихристовой быть брадобритіе" и много и долго еще писалъ, а все о томъ же возросшемъ въ лицѣ императора Петра антихристѣ; воззваніе заканчивалось словами: „се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка, аминь".

IV.

Самуилъ поспѣшилъ съ воззваніемъ къ другу и ученику своему Степану, въ подмонастырскую вотчину. Тамъ они вмѣстѣ прочли „письмо", потомъ ушли въ монастырскій пчельникъ, гдѣ ихъ ждалъ знакомый нашъ монахъ Павелъ, и тутъ же друзья нашли двухъ другихъ монаховъ изъ своего монастыря, Киріона и Марка; первый былъ старъ и глухъ, второй безграмотенъ. Воззваніе было передано Павлу и онъ вслухъ прочелъ его всѣмъ предстоящимъ... Содержаніе его вызвало большіе толки и разсужденія между тремя друзьями; долго совѣтовались они, между прочимъ, о томъ, какъ и когда уйти въ горы. Необходимость бѣгства была признана.

— Я теперь, говорилъ Павелъ: — какъ на ножевомъ остреѣ, на которую сторону свалюсь, въ ту и пойду...

— Богъ-знаетъ, говорили между тѣмъ прочіе собесѣдники, отцы честные Киріанъ и Маркъ:—а мы токмо знаемъ, что Господи помилуй!

Молодой монахъ Степанъ, сильно возбужденный воззваніемъ Самуила и твердо рѣшившійся бѣжать, душою болѣлъ, что его родные въ Шацкѣ живутъ и гибнутъ въ слѣпотѣ [1]), въ невѣдѣніи, что надъ ними властвуетъ врагъ Христовъ. Юноша молилъ своего учи-

[1]) Шатскъ или Шацкъ, съ 1779 г. уѣздный городъ Тамбовской губерніи, въ 158 верстахъ отъ Тамбова. Въ описываемое нами время, Шацкъ былъ провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи, см. Щекатова, т. VI, стр. 216—220.

теля написать въ Шацкъ посланіе, просвѣтить невѣдущихъ. Учитель охотно согласился и писалъ къ роднымъ Степана нѣсколько писемъ, въ которыхъ разъяснялъ имъ о подлинномъ крестномъ знаменіи противъ старопечатныхъ книгъ и о прочемъ, то-есть объ остереженіи отъ антихриста. Письма, однако, не дошли по своему назначенію; люди, которымъ молодые пріятели вручили ихъ для доставки въ Шацкъ, „присмотрѣли, что письма тѣ были безголовныя“, и ихъ изодрали.

По написаніи тѣхъ писемъ, отправился Самуилъ въ городъ; зашелъ на степи во дворъ тамбовскаго Казанскаго монастыря, заночевалъ здѣсь и не упустилъ случай къ пропагандѣ. Разговоръ длился у него съ однимъ монахомъ долго; слушатель съ своей стороны приводилъ свидѣтельства о рожденіи врага Христова. Подошелъ къ собесѣдникамъ іеродіаконъ Изосима, онъ незадолго предъ тѣмъ былъ въ Москвѣ.

— „Ну, какъ имѣется въ Москвѣ, началъ Самуилъ разспрашивать пріѣзжаго,—какъ ходятъ тамъ старообрядцы?“

— Ходятъ въ бородахъ и съ козырями, отвѣчалъ Изосима:—и носятъ особливое платье, а другимъ запрещено указомъ бороды носить, и платье носятъ нѣмецкое; раскольникамъ же приказано надзирать у воротъ и на кабакахъ у всякихъ сборовъ... [1]).

— Для чего книгу Ефремову и Соборникъ отставили? [2]).

— Присланъ указъ, въ чемъ (то-есть въ чтеніи его и исполненіи) подписалися игумены...

— „Теперича, перебилъ Самуилъ:—стало сущее невѣрствіе, знатно имъ, императору да синоду, Ефремъ-отъ пишетъ въ противность... Онъ—не царь-отъ, Петръ, онъ антихристъ! сущую правду старообрядцы говорятъ, что нашего государя нѣтъ — онъ въ полону, а этотъ иной... Вонъ и царицу оставилъ, а другую поялъ... Надобно за то, что отставлены книги Ефремова и Соборникъ, умереть!“ ...

— Что тебѣ дѣйствовать, отвѣчалъ іеродіаконъ:—не надобно умирать, пропадешь душою и тѣломъ... А что точно чтеніе книги Ефрема и Соборника по церквамъ отставлены, часовни ломаютъ, оклады образовъ—посодрали... и хотя не антихристъ онъ, импера-

[1]) См. указъ Петра I о раскольникахъ въ П. С. З., т. IV, № 2015; т. V, № 2874; т. VI, №№ 3914, 4034, 4041, 4121; т. VII, №№ 4245, 4256, 4596 и проч.

[2]) „Соборникъ сі есть собраніе словъ нравоучительныхъ и пр.“ изд. 2; печ. въ 1642, 1647 и 1700 гг.

торъ-то, потому и въ писаніи сказано: „нѣсть и не бывало еще на земли“ его, антихриста, — однако знатно по всему, что онъ предтеча антихриста...

Пришелъ Самуилъ на утро въ Тамбовъ, вошелъ въ домъ свой и объявилъ роднымъ и женѣ: „не хочу быть монахомъ у отступниковъ, хочу дома жить, да въ церковь не ходить и носить платье старообрядцевъ, и окладъ готовъ платить за это“...

Пришли пристава отъ инквизитора, арестовали Выморкова и привели въ Казанскій монастырь. Инквизиторъ вмѣстѣ съ игуменомъ Измаиломъ встрѣтили арестанта на крыльцѣ игуменской кельи. Взглянулъ на нихъ Самуилъ, вспомнилъ, что эти самые начальные люди подписались подъ указомъ о нечитаніи книгъ Ефремовой и Соборника, и не пошелъ подъ благословеніе.

— Для чего ты подъ благословеніе не идешь? закричалъ инквизиторъ.

— „А для чего вы, отвѣчалъ помолчавъ Самуилъ, обращаясь къ игумену: — для чего вы подписываетесь въ нечитаніи книгъ?“

— Не мы первые, отвѣчалъ тотъ; и архіереи въ началѣ подписались...

— Надо-ть его отстегать плетьми, говорилъ инквизиторъ:—за то, что подъ благословеніе не идетъ—пошлите сюда приставовъ съ плетьми...

— „Въ духовномъ регламентѣ, говорилъ между тѣмъ игумену Самуилъ:—въ регламентѣ написано: проклятъ, кто жену покинулъ; я хотѣлъ-было себѣ спасеніе достигнуть—постригся, а нынѣ по (той) клятвѣ (регламенту) не хочу монахомъ быть, а хочу съ женою жить“...

— Ну, и скинь монашество, насмѣшливо отвѣчалъ игуменъ.

Самуилъ снялъ камилавку и положилъ ее на крыльцо... „Постригся я у отступниковъ“, думалъ онъ про себя: „и то постриженіе теперь отложа, уйду въ пустыню къ монахамъ въ горы и тамъ вновь постригусь“...

— Вотъ и дьяконъ сталъ, хохоталъ игуменъ: — дуракъ ты, дуракъ, въ регламентѣ написано: кто нынѣ покинетъ жену, тотъ проклятъ, а вѣдь ты уже монахъ! не бойся клятвы!...

Взялъ Самуилъ камилавку, надѣлъ ее и перекрестился по армянскому слаганію... „Ужъ (ничего не подѣлаешь), умру въ монахахъ“. Подошли пристава съ плетьми и началось битье нещадное...

Высѣченнаго сдали подъ караулъ въ духовный приказъ, оттуда на утро перевели въ Казанскій же монастырь въ хлѣбню. Вчерашнее наказаніе было сильное—бѣднякъ стоналъ.

— Что покряхтываешь? спросилъ его іеродіаконъ Изосима.

— „Битъ плетьми за укореніе игумена и инквизитора въ подписаніи о нечитаніи книги Ефремовой".

— Не надобно было тебѣ укорять...

— „Духъ бодръ, а плоть немощна".

Не былъ, однако, въ избитомъ тѣлѣ и духъ бодръ; несчастный продолжалъ терзаться своими обычными тяжкими сомнѣніями и, не видя исхода изъ нихъ, рѣшился уморить себя голодомъ... Дня съ два пролежалъ онъ въ монастырской банѣ безъ пищи, въ чаяніи—замучиться, наконецъ плоть одолѣла надъ духомъ, и Самуилъ вкусилъ монастырскаго брашна и питія...

Изъ Трегуляевскаго монастыря явился за нимъ отъ Іосафа посланный. Самуила посадили, по приказу инквизитора, на цѣпь. Несчастный сидѣлъ на цѣпи много дней и сильно тосковалъ о томъ, что ему не удалось убѣжать изъ сѣтей антихристовыхъ. И отъ „великой своей ревности противъ антихриста и сумнительнаго страха"—сталъ Самуилъ кричать злыя слова въ хулу и поношеніе Петра I.

Впрочемъ, фанатикъ нашъ не пострадалъ за „злыя слова"; дѣло въ томъ, что самъ игуменъ Іосафъ не только снисходилъ къ томящемуся на цѣпи монаху, но видимо раздѣлялъ его образъ мыслей о Петрѣ. По крайней-мѣрѣ, когда Самуилъ и ему, игумену—впрочемъ съ глазу на глазъ—высказалъ свое мнѣніе о томъ, кто таковъ императоръ Петръ—Іосафъ отвѣтилъ только на это: „поди зѣвай на торгу (то-есть кричи на площади), а не здѣсь!" Говорили они, на единѣ же, и о ненавистномъ имъ обоимъ духовномъ регламентѣ.

— „Мню я, говорилъ арестантъ:—до коихъ мѣстъ здравствуетъ государь, до тѣхъ мѣстъ и регламентъ будетъ, а какъ его не станетъ, то и уничтожится"...

— Вонъ царь говорилъ, сказываютъ, сообщалъ отъ себя Іосафъ:—съ Степаномъ (Яворскимъ), съ митрополитомъ: я, молъ, сдѣлалъ регламентъ генеральный, а ты сдѣлай регламентъ духовный, насъ и будутъ поминать...

— „Государь-то императоръ, онъ пишется не просто, разсуж-

далъ между прочимъ съ игуменомъ Самуилъ:—и прежніе греческіе цари, какъ вычиталъ я въ книгѣ Баронія, писывались императорами“...

О чемъ шла еще бесѣда у Іосафа съ Самуиломъ, намъ неизвѣстно, но что первый не питалъ ни малѣйшаго нерасположенія къ послѣднему, это онъ доказалъ, выхлопотавъ у инквизитора освобожденіе Самуила. „Ну, будешь ли безъ вѣдома изъ монастыря бѣгать?“—спрашивалъ послѣ того игуменъ Выморкова. Тотъ предъ образомъ „далъ вѣру“, что изъ монастыря безъ вѣдома уходить не будетъ. Іосафъ успокоился и, отправляясь въ городъ нѣсколько дней спустя, взялъ съ собой и Самуила, откуда и отпустилъ его одного въ монастырь. Въ тотъ же вечеръ Выморковъ сошелся съ друзьями своими, монахами Павломъ и Степаномъ, да съ жителемъ Сокольскаго уѣзда, бѣльцомъ, Захаромъ Лежневымъ, „молодымъ еще молодчикомъ“.—Долго и долго они бесѣдовали и объ общемъ злодѣѣ „антихристѣ“, и о томъ, какъ бы уйти въ горы „свои души спасать“, и всѣ-то четверо хвалили старопечатныя книги и радовались о нихъ и пѣли противъ тѣхъ книгъ тропари: „помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!..

Поздно ночью друзья, поужинавши, разошлись по кельямъ. Самуилу не спится, голова воспалена бесѣдой, и онъ идетъ на колокольню помечтать о своемъ побѣгѣ въ горы. Душа молодого монаха жаждетъ бесѣды, и все о томъ же „сумнительствѣ объ антихристѣ“, неотвязно днемъ и ночью преслѣдующемъ его.—Приходитъ на колокольню пономарь Іоаннъ. Самуилъ, съ обычною ему смѣлостью, начинаетъ говорить: „какъ намъ быть, вѣдь церкви-то божіи осквернены антихристовою скверною“... и отхватываетъ цѣликомъ раскольничью рѣчь, вычитанную имъ въ служебникѣ, временъ царя Алексѣя Михайловича.

— Воля божья, отвѣчаетъ пономарь:—хотя и брадобритый (а пущай) ходитъ въ церковь, мы его покропимъ святою водою, такъ и ничего не будетъ.

Въ ту же ночь, на 29-ое іюня 1723 года, бѣжалъ Самуилъ въ степь. За нимъ послѣдовалъ и преданный ему монахъ Степанъ. А такъ какъ бродяжничество монаховъ въ то время строго на строго воспрещалось указами и безъ паспорта нельзя было выходить изъ монастыря, то Самуилъ самъ написалъ себѣ видъ и подписалъ его вмѣсто игумена Іосафа.

V.

Ночью бѣглецы пришли на пчельникъ близь монастырской вотчины, не далеко отъ ихъ обители. Сюда же явился и Павелъ. — Пошли толки и планы о побѣгѣ. Степанъ и Самуилъ убѣждали Павла бѣжать съ ними, тотъ что-то все еще не рѣшался. Тогда друзья развернули книгу Ефремову и стали читать рѣчь, приведенную въ повѣсти объ антихристѣ, въ которой, между прочимъ, особенно останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ: „егда же узрите весь міръ смущенъ и когожде бѣжаща скрытися въ горы и о всѣхъ гладомъ умирающихъ и иныхъ жаждою истающихъ, яко воскъ, и не будетъ помогающаго“ и проч. Все это мѣсто чтецы приводили въ подтвержденіе необходимости бѣгства.

— Я уже рѣшился, отвѣчалъ Павелъ: — но еще погожу...

На пути встрѣтился имъ монахъ изъ Преображенской пустыни Ефремъ. Бѣглецы не сочли нужнымъ скрывать отъ него, что пробираются въ горы къ какимъ-нибудь людямъ, чтобы укрыться у нихъ и жить тайно.

— Заѣзжайте вы, посовѣтовалъ имъ встрѣчный инокъ: — заѣзжайте на рыбную ловлю, тамъ есть у меня товарищъ, монахъ Варсонофій; скажите, что вы отъ меня, онъ васъ укроетъ, и вы меня тамъ дождитесь, а я съ вами готовъ самъ уйти хоть въ Царьградъ...

На рыбной ловлѣ отецъ Варсонофій принялъ бѣглецовъ дѣйствительно радушно. Пробыли они здѣсь, въ ожиданіи Ефрема, съ недѣлю и не потеряли время для пропаганды. Познакомилъ ихъ Варсонофій съ жителемъ деревни Бротки, бѣльцомъ Григоріемъ, и имъ обоимъ друзья наши съ обычнымъ жаромъ передавали свое ученіе, приводили свидѣтельства отъ писанія, учили креститься „противъ старопечатныхъ книгъ“. — Оказалось, что тѣ уже крестятся, по старообрядчески, и книги старопечатныя любятъ; тѣмъ не менѣе бѣглецъ Григорій до того былъ умиленъ поученіями Самуила и Степана, что сказалъ имъ:

— Сыщите себѣ мѣсто гдѣ отъ меня не въ дальности, въ горахъ, и, вырывъ пещеру, живите въ тайнѣ; я васъ кормить готовъ, а въ даль не ходите; я бы самъ куда шолъ, да жаль жены и дѣтей.

Пришелъ, между тѣмъ, и новый пріятель нашихъ бѣглецовъ,

монахъ Ефремъ, и всѣ четверо: „многими умышленными разговорами“ открыли ему все ученіе о явившемся антихристѣ; между прочимъ, Самуилъ ссылался въ подтвержденіе своего мнѣнія на Кирилову книгу, гдѣ сказано, что антихристъ явится подъ именемъ Симона-Петра, что царство его можетъ быть въ Римѣ и во Іерусалимѣ, „а въ Кириловой книгѣ, толковалъ Самуилъ:—помнится мнѣ, написано тако: или отъ Рима или отъ инуда (?) такую воспріиметъ власть (антихристъ), и потомъ, и во Іерусалимѣ будетъ царемъ“...

— Такъ оно и будетъ, вполнѣ согласился Ефремъ:—онъ, государь-то, Петръ, а при себѣ сдѣлалъ—синодъ, тоже стало и выходитъ: Симонъ да Петръ... А и креститься, заключилъ Ефремъ:—противъ старопечатныхъ книгъ я люблю и готовъ.

Увидалъ у новообращеннаго Самуилъ святцы новаго изданія, развернулъ ихъ, а на заглавномъ листѣ напечатана обыкновенная оголовка: „во славу Святыя Троицы и проч. повелѣніемъ всепресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго государя нашего Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, благословіемъ же святѣйшаго правительствующаго сѵнода“... Не стерпѣлъ фанатикъ и, руководимый „безмѣрною ревностью и сумнительствомъ“, вырвалъ листъ изъ книги, „изщипалъ его и бросилъ въ рѣку“ [1]).

— Напрасно ты это дѣлаешь, замѣтилъ Ефремъ.

— „Видѣть я того не хочу, горячился Самуилъ;—вѣдь вотъ содержитъ все онъ, государь, яко православный христіянинъ, а между тѣмъ, какъ ни на есть прельститъ онъ насъ и отведетъ отъ вѣры... Правду сказану въ повѣсти Ефремовой объ антихристѣ: „образъ пріиметъ истиннаго пастыря, да прельститъ овецъ стада“ и проч., а и Григорій Назіанзинъ что̀ пишетъ: „внезапу превозстанетъ и возцарствуетъ и возлицемѣрствуетъ благостыню и потомъ поженетъ церковь Божію“ и проч.

Проповѣдникъ съ сотоварищемъ собрались въ путь, идти дальше искать „спасенье душъ своихъ“. Между тѣмъ, какъ пропаганда Самуила и Степана шла такимъ образомъ довольно удачно и они находили радушный себѣ пріемъ, сотоварищъ ихъ, монахъ Павелъ,

---

[1]) Достойно вниманія, что и нынѣ старообрядцы, не всегда имѣя возможность имѣть старопечатныя книги, пользуются и тѣми изданіями, какъ напримѣръ, Четьи-Минеями, которыя изданы по благословенію синода, но въ такомъ случаѣ заглавный листъ всегда вырывается старовѣрами.
(1865 г.).

рѣшился наконецъ также бросить монастырь и въ началѣ іюля 1723 г. прибилъ къ воротамъ монастыря какіе-то „листы“, какъ кажется хулительные, и бѣжалъ въ степь.—8 іюля листы были замѣчены, и одинъ подьячій, дядя Выморкова, призналъ въ прибитыхъ письмахъ, неизвѣстно по какимъ „примѣтамъ“, сочиненіе Самуила...

Сочинитель въ это время, сопровождаемый Степаномъ, шелъ къ казачьимъ городкамъ.—Путь далекій; идутъ, да бесѣду ведутъ.

— „Хотѣлъ было антихристъ, разсказываетъ Степанъ;—въ патріархи поставить кіевскаго митрополита. Вотъ и привели его въ соборную церковь ставить, а митрополитъ говоритъ: дай мнѣ, чтобъ были старопечатныя книги—и буду патріархомъ, а ежели не такъ, не хочу. А антихристъ-то, въ отвѣтъ на то, выхватилъ палашъ и замахнулся на него (митрополита), да какъ замахнулся, такъ и упалъ на него... Знатно за то случилось съ нимъ это, заключилъ Степанъ: что онъ, антихристъ, не можетъ о старопечатныхъ книгахъ слышать... благодать божія за это самое и ушибла его, а поднялъ его Александръ Меншиковъ, и по поднятіи молвилъ антихристъ ко всѣмъ: не будетъ вамъ патріарха!...“

Бесѣдуя такимъ образомъ, друзья пришли въ Добринскую станицу. Остановились на нѣсколько дней у попа. Степанъ съ найма работалъ поденно у казаковъ, Самуилъ же „съ крѣпкимъ вниманіемъ“ читалъ старопечатные служебникъ и требникъ, да ходилъ съ попомъ въ церковь, къ службѣ божіей. — А по вечерамъ оба друга, „присмотря кого либо изъ препростыхъ людей, изъ бурлаковъ“, открывали имъ ученіе свое объ антихристѣ.

— „Всѣмъ бо имущимъ боговидѣнія и разумъ, говорилъ Самуилъ Степану, приступая къ просвѣщенію препростыхъ бурлаковъ:—тогда разумно будетъ пришествіе мучителево, а имущіе умъ свой присно вещи житія сего и любящимъ земная неразумно будетъ пришествіе мучителево, аще и услышатъ слово, но не имутъ вѣры и вельми имъ омерзитъ глаголя“ —по словамъ симъ Ефремовымъ въ повѣсти объ антихристѣ, поучалъ Самуилъ друга своего, „инымъ людѣмъ и сказывать того не надлежитъ, за тѣмъ, что не повѣрятъ“...

На этомъ основаніи пропагандисты начали вести свои поученія болѣе осторожно; такъ, открывая свѣтъ препростымъ бурлакамъ, удерживались отъ откровенности въ разговорахъ съ попомъ Добринской станицы; впрочемъ, попъ понравился имъ, между прочимъ, тѣмъ, что на ектеніяхъ императора называлъ имперетором.

— Прямой императоръ, пояснилъ нашимъ пріятелямъ попъ: — не мало онъ людей—перетеръ...

И любо то было объясненіе Самуилу и Степану.

Пришли они въ Урюпинскую станицу, вечеромъ въ субботу; въ церкви шла вечерня, и какъ сталъ попъ возносить въ ектеніяхъ титулъ государя, по положенной формѣ, и Самуилъ со Степаномъ не выдержали. „Мерзко имъ было слышать то и они стали харкать и плевать“, то же дѣлали на заутрени и часахъ, и поспѣшили уйти изъ этой станицы.

Въ Тепикинской станицѣ путники познакомились съ иконописцемъ, казакомъ Аѳанасьевымъ. Самуилъ занялся у него тканьемъ, а Степанъ пошелъ у казаковъ работать изъ поденной платы; ночевывали же они вмѣстѣ на майданѣ; здѣсь по вечерамъ разъясняли нѣкоторымъ казакамъ и бурлакамъ, что царствуетъ нынѣ антихристъ. Слушали ихъ препростые люди съ вѣрою и умиленіемъ, и только однажды одинъ изъ нихъ замѣтилъ проповѣдникамъ:

— Кому бы не служить, лишь бы насъ жаловали!...

Въ Тепикинской станицѣ Самуилъ, къ великому своему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ спутникомъ: Степанъ сильно заболѣлъ и боялся умереть въ „мірскихъ домахъ“. — Выморковъ купилъ ему лодочку, написалъ подорожную отъ имени игумена Іосафа въ другой монастырь, а иконникъ Аѳанасьевъ далъ граматку, благодаря которой больной могъ найти себѣ пріютъ у одного „трудника“, спасавшагося гдѣ-то на берегу Дона, въ пустыни.

VI.

Съ отъѣздомъ вѣрнаго сопутника и друга, Самуилъ вдругъ измѣняется въ образѣ мыслей своихъ объ антихристѣ. Причиною тому было то, что новый знакомый его, иконникъ Аѳанасьевъ, первый взялъ на себя трудъ разъяснить молодому монаху его заблужденіе.

Задумался Самуилъ, взялъ прологъ, сталъ читать съ обычнымъ вниманіемъ [1]). „Сумнительство“ его стало мало по малу разсѣеваться: „буди такъ—думалъ монахъ, все то это хорошо, только про-

[1]) О прологѣ и редакціяхъ его, см. „Москвитянинъ“ 1846 г. №№ 11 и 12, „Библіографич. розысканія“ Ундольскаго, стр. 206—208.

тивно мнѣ брадобритіе и что все то творятъ не противъ старопечатныхъ книгъ"...

Тѣмъ не менѣе на Самуила произвели сильное впечатлѣніе объясненія иконника; повелъ онъ съ нимъ разговоры многіе, а всѣ-то тѣ разговоры были, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ, про его императорское величество. Аѳанасьевъ развивалъ доказательства тому, что Петръ никакъ не можетъ быть антихристомъ. Къ сожалѣнію, бесѣды эти не дошли до насъ. Какъ бы то ни было, но толкованія Аѳанасьева произвели на необыкновенно воспріимчивую натуру Самуила самое сильное впечатлѣніе; досталъ онъ вскорѣ послѣ того Соборникъ, прочиталъ въ немъ со вниманіемъ нѣкую повѣсть, и обрадовался, и какъ самъ впослѣдствіи времени разсказывалъ: „прежнюю хулу свою на государя и вполовинѣ страшился принять, и о прежнихъ хулахъ искренно соболѣзновалъ".

Разбитый въ доводахъ своихъ объ антихристѣ, Самуилъ встрѣтилъ зато въ той же казачьей станицѣ единомысліе по вопросу о крестномъ знаменіи. Одинъ казакъ на толки Самуила по сему предмету замѣтилъ:

— Былъ я въ полону у турокъ, и ушелъ отъ нихъ на Кубань, и на Кубани есть два монастыря, и тамъ мнѣ одинъ начальной (человѣкъ) о крестѣ казалъ книгу, и противъ той книги по перстамъ мнѣ разсказывалъ: въ трехъ перстахъ замыкается сатана; не крестись такъ, живи у насъ, мы—благодаримъ Бога—живемъ хорошо... Я остаться не согласился. И какъ придешь домой, приказывалъ мнѣ тотъ же начальной: къ попу не ходи, насадитъ (онъ) тебѣ тридевять бѣсовъ, ты и въ годъ не отмолишь..."

Но знакомый уже намъ иконникъ Аѳанасьевъ, казакъ вполнѣ православный, совершенно чуждый раскольничьихъ мнѣній, услыша отъ Самуила „сумнительство его о крестномъ знаменіи", сталъ спорить съ нимъ и по этому пункту; онъ повелъ рѣчь про Никона патріарха, да про воронежскаго архіерея Митрофана... „А того Митрофана, говорилъ Аѳанасьевъ, государь самъ погребалъ, и они крестились первыми тремя персты, ужъ-то и Богу пріятно, потому нынѣ и мощи ихъ нетлѣнны..." И много, и долго говорилъ еще казакъ-иконникъ, и Самуилъ повѣрилъ его доводамъ, „замерзелое свое сомнѣніе все отложилъ и сталъ крестъ полагать во образъ пресвятыя Троицы первыми тремя персты"...

Съ „отверстыми очами" на всѣ свои заблужденія, шелъ Самуилъ

изъ Тепикинской станицы въ Островскую. Здѣсь жилъ родной братъ его, у котораго онъ и остановился. Къ брату хаживалъ попъ той станицы, отецъ Григорій; познакомился онъ съ Самуиломъ и разговорились.

— „Заѣзжалъ ко мнѣ—сообщилъ отецъ Григорій—недавно въ гости попъ изъ Царицына, или изъ Карамышенки; заѣзжалъ онъ съ игуменомъ Спасскаго монастыря, что на Усть-Медвѣдицѣ, и сказывалъ мнѣ: присланъ-де указъ изъ синода, чтобы служить на опрѣснокѣ. Богъ знаетъ, добавилъ отецъ Григорій:—какъ тутъ быть? отложить што-ли (дожидаться?) покамѣстъ что будетъ?... А мнѣ и во снѣ видѣлось: пришелъ ко мнѣ въ церковь нѣкакой господинъ, будто со опрѣснокомъ, и будтожъ прилучился тутъ къ служенію Спасскій игуменъ, да Распопинскій попъ Павелъ, и я, да приноситель тотъ, кому-то молвили: „сотвори волю цареву!“ и они будто на томъ опрѣснокѣ и служили, и причащались, но я не причащался, и то вылилъ“...

Фантастическій разсказъ отца Григорья „не соблазнилъ“, однако, на этотъ разъ молодого монаха; въ книгѣ „Увѣтъ духовный“, которая попалась ему въ Островской станицѣ подъ руку, Выморковъ нашелъ много „примѣровъ“ противъ раскольничьихъ заблужденій, и той книгѣ повѣрилъ, и укрѣпился.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Самуилъ сталъ искать „спасенія души“ въ бродяжничествѣ по казацкимъ станицамъ. Теперь, когда голова его прояснилась, онъ, весь отдаваясь новымъ идеямъ, сталъ подумывать о возвращеніи въ среду монастырской братіи; но страшась наказанія за самовольную отлучку, Самуилъ отправился сначала въ Мигулинскій монастырь, гдѣ въ кельѣ дяди своего родного, инквизитора Никодима, провелъ почти четыре мѣсяца, по конецъ января 1724 года, занимаясь чтеніемъ тѣхъ книгъ, какія розыскалъ въ дядиномъ чуланѣ. Особенно благотворно на него подѣйствовало внимательное чтеніе: „Соборнаго дѣянія, бывшаго въ Кіевѣ, на еретика монаха армянина Мартина“ [1]). Всѣ прежнія сомнѣнія молодого подвижника о крестномъ знаменіи разсѣялись; въ другихъ книгахъ, въ Соборникѣ и проч. онъ нашелъ подтвержденіе доводовъ иконника Аѳанасьева, и конецъ концовъ всего этого было

[1]) „Соборное дѣяніе кіевское, на арменина еретика Мартина“... Ц. печ. Спб. 1718—1719 гг. Пекар., т. II, стр. 400—402, 408, 469. Архим. Макарій: Ист. Нижегор. іерарх. Спб. 1857, стр. 40—43.

то, что Самуилъ, отдавшись, съ обычнымъ ему увлеченіемъ, новому направленію своихъ мыслей, съ великою ревностью и желаніемъ сталъ ходить въ церковь, каялся о мимошедшемъ невѣдѣніи, о томъ, что въ церковь не хаживалъ, и хулы испущалъ мерзкія на императора словомъ, умомъ и помышленіемъ...

20 января 1724 г. Самуилъ оставилъ Мигулинскій монастырь; въ Спасской обители онъ провелъ затѣмъ три дня и прочиталъ здѣсь „Пращицу" противъ раскольниковъ, соч. епископа Питирима нижегородскаго [1]). Эта книга еще болѣе разсѣяла туманъ, наполнявшій голову молодого человѣка. Первый порывъ его былъ розыскать друга своего Степана, нѣкогда введеннаго имъ въ заблужденіе, и отвратить его отъ прежнихъ мнѣній. Съ этою цѣлью Самуилъ сталъ разспрашивать монаха Спасскаго монастыря Іоиля: не слыхалъ ли онъ про того „трудника", у котораго живетъ Степанъ? Оказалось, что Іоиль знаетъ урочище, гдѣ спасается тотъ „трудникъ", потому къ нему много ходитъ народу, и Самуилъ сталъ умолять Іоиля, чтобъ онъ передалъ отъ него Степану просьбу: „все сумнѣніе свое отложить, послушаться его и возвратиться въ свой монастырь".

Послѣдній поступокъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ предъ нами Самуила. Это—весь увлеченіе, очень часто ошибочное, но всегд искреннее... Всякой идеѣ, охватившей его голову, всякой идеѣ, выработанной въ его головѣ чтеніемъ ли, бесѣдой ли съ людьми, которымъ онъ почему либо довѣрялъ, онъ предается со всею страстью, спѣшитъ ее передать другимъ, осуществляетъ ее на дѣлѣ, жертвуетъ для нея всѣми благами своей жизни, смѣло идетъ на встрѣчу всякимъ лишеніямъ и бѣдствіямъ, и такъ же круто, горячо, искренне оставляетъ свои заблужденія, когда разумное слово или дѣльная книга указываетъ ему ихъ...

Такъ и теперь: знаетъ онъ очень хорошо, что съ возвращеніемъ его въ Трегуляевскій монастырь онъ неминуемо подвергнется по меньшей мѣрѣ нещадному наказанію „шелепами" и аресту на цѣпи, что для него гораздо было бы безопаснѣе ходить по казачьимъ станицамъ, либо пробраться дальше, въ горы — но онъ убѣдился, что душевное спасеніе вполнѣ возможно получить и въ стѣнахъ того

[1]) О „Пращицѣ", см. у Макарія: стр. 76 – 78. Пекарскій, томъ II, стр. 507—512. Пращица издана впервые въ 1721 г.

монастыря, откуда онъ бѣжалъ, что царствіе антихриста еще не настало, что безбоязненно можетъ ходить въ церковь и съ брадобритыми, что, наконецъ, въ трехъ первыхъ перстахъ, складываемыхъ для крестнаго знаменія, вовсе не сидитъ сатана—а потому и спѣшитъ возвратиться въ свою обитель.

На обратномъ пути въ Тамбовъ (Самуилъ возвращался казачьими городками) нашъ молодой подвижникъ вездѣ и всѣмъ старается, „елико сила его постигла", всѣхъ отъ „сумнительствъ" отговорить и „сумнительства" исправить.

Въ мартѣ 1724 г. Самуилъ вернулся въ Трегуляевскій монастырь и первое, чтò поспѣшилъ сдѣлать, это разубѣдить тѣхъ монаховъ, которые, слыша иногда его хулы на Петра I, въ тайнѣ, какъ казалось ему, увѣровали въ справедливость его ученія объ антихристѣ.

VII.

Блудную овцу побилъ игуменъ „шелепами" и опредѣлилъ въ монастырь, по прежнему. Іосафъ не лишилъ молодца и прежней своей благосклонности: въ поѣздку свою въ Раненбургъ, на ярмарку, онъ взялъ его съ собою и отсюда послалъ его въ Сокольскій уѣздъ для сыску бѣглаго монаха Павла. Самуилъ, какъ всѣ впавшіе въ расколъ, и потомъ искренне оставившіе его, радъ былъ просвѣтить очи заблуждавшимся вмѣстѣ съ нимъ; онъ съ полною готовностію отправился розыскивать Павла, съ цѣлію убѣдить его возвратиться въ монастырь. Нашелъ онъ Павла въ лѣсу, поселился онъ тамъ въ вырытой имъ самимъ пещерѣ, жилъ во трудѣхъ, спасая душу свою съ боярскимъ сыномъ, Захаріемъ Макаровичемъ Лежневымъ, и тремя товарищами, простыми мужиками. „Премногими разговорами" сталъ приводить Самуилъ своего бывшаго сотоварища Павла „ко истинной вѣрѣ", но тотъ и слушать не сталъ—убѣжалъ отъ него; тогда проповѣдникъ отправился въ пещеру къ Лежневу, и „многими мѣрами разговаривалъ съ нимъ и его сожителями, отводя ихъ отъ суевѣрія и обращая къ истинѣ". Увѣщаніе и тутъ не увѣнчалось успѣхомъ: Захаръ твердо стоялъ на томъ, что въ лицѣ Петра I воцарился антихристъ. Тщетно Самуилъ показывалъ ему книгу Стефана Яворскаго, „выговаривалъ отъ оной, а также и отъ

другихъ книгъ довольно“, что антихристъ—не Петръ, но—никого своими доводами „отъ книгъ“ къ истинѣ не превратилъ, съ тѣмъ и вернулся проповѣдникъ нашъ къ своему игумену. Только спустя нѣкоторое время, Павла съ товарищами розыскали другіе люди и привели подъ карауломъ въ Тамбовъ. Здѣсь Самуилъ раскрылъ другу своему его заблужденія и написалъ за него „обратительное доношеніе“, которое и представилъ въ духовный приказъ. Быть можетъ, благодаря „раскаяпному письму“—власти удовольствовались относительно Павла только тѣмъ, что заурядъ съ его лѣсными товарищами, сдѣлали имъ всѣмъ внушеніе батогами и водворили на прежнія мѣста жительства. Самуилъ продолжалъ усердно опровергать тѣ ложныя толкованія, которыя дѣлали нѣкоторые изъ его сотоварищей при чтеніи священныхъ книгъ. Такимъ борцомъ противъ разсужденій, „къ поношенію чести превысокихъ особъ клонящихся“, явился онъ, между прочимъ, и въ слѣдующемъ случаѣ: въ поѣздкѣ его изъ Раненбурга въ лѣсъ, для сыску заблудшаго монаха Павла, сопровождалъ его сынъ игумена Трегуляевскаго монастыря, попъ села Избердей — Антипъ Ивановъ. По возвращеніи, попъ Антипъ съ Самуиломъ стали читать извѣстную книгу Стефана Яворскаго объ антихристѣ и дошли до мѣста, гдѣ приведена выписка изъ апокалипсиса: „сидитъ жена любодѣйца на седьми холмахъ, въ руцѣ держитъ чашу піяна кровьми святыхъ“ и проч. Антипъ сталъ изъяснять ту рѣчь по своему: „это — государыня, Екатерина Алексѣевна, сидитъ на седьми холмахъ—на седьми смертныхъ грѣхахъ!“

— „Я самъ прежъ сего былъ въ сумнѣніи, отвѣчалъ Самуилъ:— и бѣгалъ, и бѣсился, и мыслилъ, что та жена нынѣшняя царица, императрица Екатерина Алексѣевна; но теперь вижу, что все то, конечно, неправда и все свое сумнѣніе въ томъ отложилъ“...

„Съ отложенными сумнѣніями“ прожилъ бы Самуилъ въ своей обители спокойно до маститой старости и не возмутили бы его толки и бредни невѣжественныхъ монаховъ, поповъ и всякихъ бабъ. Но судьба предназначила ему другую долю въ жизни: она вызвала его изъ мирнаго монастыря и вдругъ, нежданно-негаданно, перенесла въ Москву, поставила лицомъ къ лицу съ плодами Петровскихъ реформъ, представила ему все общество, всю среду, непосредственно вынесшую на себѣ удары преобразовательнаго рѣзца и потому сильно измѣнившуюся въ бытѣ и обычаяхъ своихъ противъ завѣтной старины... Судьба та была не что иное, на этотъ разъ, казъ одинъ

изъ указовъ государя, присланный изъ московской духовной декастеріи, которымъ въ сентябрѣ 1724 года призывались молодые, грамотные и способные монахи изъ всѣхъ монастырей въ школы. Инквизиторы поспѣшили сдѣлать на мѣстахъ распоряженія о немедленномъ исполненіи указа суроваго монарха, и въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ 1724 года изъ Трегуляевскаго монастыря наряжено въ Москву четверо монаховъ, въ томъ числѣ былъ и Выморковъ.

— „Прощай, говорилъ Самуилъ, придя въ Тамбовъ проститься съ женой: — не столь изъ сожалѣнія къ тебѣ, сколь подтверждая законъ Божій, молю тя, замужъ не ходи! потому, еслибъ ты письма распускнаго не дала, то нѣтъ ничего, а коли дала ты письмо, да посягнешь замужъ, и въ томъ сотворишь ты прелюбодѣйство!...“

— Я бъ постриглась, говорила молодая женщина; — да не велятъ...

Ѣдутъ молодые грамотники уму-разуму набираться въ московскую школу; не чинятся, ведутъ рѣчи о разныхъ разностяхъ.

— Сказываютъ, толкуетъ іеродіаконъ Корнилій своимъ спутникамъ: — сказываютъ, когда былъ патріархъ, и на вербной недѣлѣ важивали у нихъ, патріарховъ, лошадей государи, и какъ здравствовалъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, въ такое время приказывалъ брату своему, Петру Алексѣевичу: „ступай-де со мной, веди у патріарха лошадь!“ и братъ-то Петръ не повелъ, а Іоаннъ Алексѣевичъ и ударилъ его за то: „сіе уставили святые отцы, сказалъ старшой-то братъ меньшому, а ты того не хочешь дѣлать“. „Дай только мнѣ сроку, отвѣтствовалъ на то Петръ: я эту переведу!“ Да вотъ и точно, по своему и перевелъ... Опять тожъ слышно, продолжалъ калякать Корнилій: что велятъ молодымъ монахамъ растригаться: напрасно онъ такъ дѣлаетъ, не бережетъ онъ душъ христіанскихъ! А надлежало бъ такъ поступать: ежели бъ кто хотѣлъ растригаться, и тѣхъ бы надобно въ кострѣ жечь...

Фанатическіе толки Корнилія не баламутили однако теперь Самуила: въ немъ еще свѣжи были вычитанные имъ доводы изъ разныхъ „правовѣрныхъ“ книгъ противъ подобныхъ заблужденій, и онъ спѣшилъ отвѣчать Корнилію далеко не такъ, какъ тотъ, быть можетъ, надѣялся:

— „Напрасно ты такъ говоришь, повторялъ Самуилъ: — что-де надо желающихъ выйти изъ монашества жечь въ кострахъ. Я самъ

видѣлъ въ уставѣ напечатано: „буде кто не хочетъ быть монахомъ, велѣно монашество снимать и игумену съ монахи".

— Богъ знаетъ, чему нынѣ вѣрить...

— „Я и въ старопечатныхъ книгахъ о томъ же видалъ именно... подтверждалъ Самуилъ. — Такъ растричься-то, коли не желаешь быть монахомъ—все не грѣхъ, а вотъ грѣхъ... Чего онъ царицу-то постригъ, а иную взялъ?—это—точно грѣхъ. Потому, читалъ это я въ Минеѣ-Четьѣ житіе Θеодора Студита, и тамъ именно повѣствуется, какъ-де въ бытность его Θеодорову царь (а какой по имени — не упомню)... такъ царь-отъ такожде—какъ нонѣ нашъ государь—постригъ жену свою, а иную взялъ... И Θеодоръ Студитъ его въ томъ грѣхѣ изобличалъ не мало, за что по ревности своей претерпѣлъ изгнанье и заточеніе... Ну да, продолжалъ Самуилъ:—вось (авось) уже та (первая жена Петра) и умерла, а мы станемъ о здравіи и о спасеніи его императорскаго величества Бога молить [1])..."

Послѣднее „сумнѣніе„ Самуила въ грѣхѣ Петра было не весьма велико и вскорѣ, когда довелось ему прочесть судное печатное дѣло царевича Алексѣя и инокини Елены (Авдотьи Лопухиной), то и

[1]) Судьба царицы Авдотьи (Лопухиной) въ высшей степени трогала и занимала ея современниковъ, главнымъ образомъ простой народъ. Толки о ней постоянно ходили въ народѣ и во многихъ дѣлахъ того времени, вершавшихся въ преображенской канцеляріи въ Москвѣ и въ тайной въ Спб., имя царицы Авдотьи встрѣчалось въ связи съ какою-нибудь сложенною о ней легендою или отъ лица ея рѣчью. Но что всего интреснѣе, это то, что народъ сохранилъ о ней воспоминаніе въ трогательной пѣснѣ, которая еще въ нынѣшнемъ столѣтіи пѣлась народомъ. Вотъ эта пѣсня, какъ она передана г. Подсосовымъ въ «Записк. Акад. наукъ» 1864 г., т. V, кн. II, стр. 206:

Постригись, моя жена не милая,
Ты посхимься, моя жена постылая,
За постриженье тебѣ тамъ сто рублей,
За посхимленіе—всее тысячу.
Я поставлю тебѣ нову келійку,
Я па суздальской, славной дороженькѣ,
Чтобы пѣшіе шли, конные ѣхали
На твою келію дивовалися:
Что это во полѣ за келійка,
Что это въ келійкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и посхимлена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезнаго,
Или отъ мужа отъ ревниваго?..

приведенное сумнѣніе вовсе разсѣялось; онъ согласился съ тѣмъ, что государь имѣлъ вполнѣ право развестись съ своей первой женой.

Такимъ образомъ чистый, неповинный уже не въ какихъ предосудительныхъ, „къ хулѣ ихъ величествъ“ клонящихся, мнѣніяхъ, явился монахъ Самуилъ въ первопрестольную столицу.

Явились всѣ четверо въ духовную декастерію; тамъ на нихъ начальство посмотрѣло и велѣло ѣхать назадъ въ свой монастырь до новаго указу.

Трое изъ прибывшихъ трегуляевскихъ монаховъ, какъ кажется, съ радостію выслушали то приказаніе и поспѣшили отправиться восвояси, но Самуилъ не раздѣлялъ ихъ радости. Напротивъ того, влекомый сильнымъ желаніемъ учиться, онъ подалъ въ декастерію письменное доношеніе, чтобъ его помѣстили въ школу. Просьба была исполнена, и монахъ Самуилъ опредѣленъ въ школьное ученіе въ Спасскій монастырь; жить же и имѣть пропитанье молодой сподвижникъ школьнаго ученья долженъ былъ въ одномъ изъ чулановъ Богоявленскаго монастыря, за ветошнымъ рядомъ; въ одной кельѣ, раздѣленной деревянными перегородками на чуланы, Самуилъ водворенъ былъ съ другими обучавшимися тоже въ школѣ молодыми людьми: іеродіакономъ Савватіемъ и іеромонахомъ Петромъ. Знаменитый Богоявленскій монастырь вообще былъ довольно великъ, и монаховъ, разныхъ степеней, было въ немъ болѣе тридцати, да служителей болѣе десятка.

VIII.

Самуилъ явился въ Москву, какъ мы видѣли, съ душою пылкою, умомъ, алкавшимъ пищи духовной, разумной, человѣкомъ глубоко религіознымъ и вообще съ нравственно-чистою натурою. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ въ Москвѣ найти многое, если не все, хорошее, предъ которымъ бы онъ могъ удивляться, чему могъ подражать и учиться... Москву онъ считалъ святынею; она свята была въ его глазахъ и древними, благочестно жившими здѣсь государями, и святою подвижническою жизнью многихъ мужей, и наконецъ благочестіемъ всего народа; мы уже видѣли, съ какою жадностью онъ разспрашивалъ въ бытность свою еще въ Тамбовѣ у пріѣзжаго изъ Москвы о жизни ревнителей православія... То ли же нашелъ моло-

дой человѣкъ, что ждалъ въ первопрестольной Москвѣ? Къ несчастью его, далеко не то, и первое, что не могло не поразить его — это грубость, дикость, невѣжественность той среды, въ которую введенъ онъ былъ распоряженіемъ духовной декастеріи. Бытъ монахомъ Богоявленской обители въ глазахъ его являлся грубѣе и гораздо порочнѣе быта сотоварищей его по Трегуляевскому монастырю. Въ монастырѣ шло разливное море: „пьянства и всякаго развратія, какъ-то мясоядѣнія, срамословія, блуда...“ Однокелейники Самуила—іеродіаконъ Савватій и іеромонахъ Петръ зачастую бывали „шумны“, то есть прихватывали хмѣльное, къ тому жъ далеко не были и грамотѣями; такъ они, будучи малороссами по происхожденію, (великорусской) скорописи не знали. Итакъ товарищество выдалось Выморкову незавидное. Что касается начальства, то архимандритъ монастыря Іоакинѳъ не пользовался уваженіемъ братіи: въ монастырѣ по нѣсколько лѣтъ проживали бродяги, пришлые Богъ-вѣсть отколь монахи; тѣ и другіе изъ братіи нерѣдко уклонялись церковной службы—Іоакинѳъ сажалъ таковыхъ на „чепь“, а тѣ во всеуслышаніе поносили его соромскою, неудобосказываемою бранью... Іоакинѳъ, въ свою очередь, не прочь былъ выругаться, и однажды даже рѣзко выразилъ свое мнѣніе о Петрѣ І-мъ, назвавъ его ни больше, ни меньше—какъ „чортомъ“.

Въ самомъ городѣ, въ средѣ духовенства, какъ свѣтскаго, такъ и чернаго (а съ тѣмъ и другимъ монаху Самуилу довелось безпрестанно бывать въ сношеніяхъ съ перваго же часа своего пріѣзда въ столицу), стояла большая рознь во мнѣніяхъ относительно преобразованій Петра І-го вообще и въ особенности относительно мѣръ его, касавшихся быта духовенства, монашества, а также устройства церкви. Большая часть духовнаго сословія, къ немалому, безъ сомнѣнія, изумленію Самуила, питала непримиримую ненависть не столько къ самому государю, сколько къ дѣятельнымъ сподвижникамъ его въ преобразованіяхъ по дѣламъ русской церкви: Ѳеодосію Яновскому, архіепископу новгородскому, и Ѳеофану Прокоповичу, архіепископу псковскому... На нихъ смотрѣло большинство тогдашняго духовенства какъ на главныхъ виновниковъ тѣхъ бѣдствій, которыя будто бы претерпѣвала тогда православная вѣра и о которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя такъ вопіялъ одинъ изъ „подвижниковъ православія“:

— „Ѳеофанъ—ученьемъ, а Ѳеодосій—смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы

и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютерство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти, учили смѣло, и такъ тогда поносима и вопичтожаема святая церковь со всѣми догматами своими, и уставами, и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ—суевѣріемъ называемо было, и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущей пьяница, и нахалъ, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка......... кто же хотя мало постникъ, или воздержникъ и богомольный человѣкъ, то у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лицемѣромъ, и ханжею, и безбожнымъ, и весьма не добрымъ человѣкомъ......... и чуть не весь монашескій чинъ превратили (Ѳеодосій и Ѳеофанъ) въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе......... пьянствуютъ и мясо сплошь ядятъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и церквахъ табакерки въ рукахъ держатъ, и непрестанно прошекъ нюхаютъ. Да его-жъ, Ѳеофана, и товарищей его.......... еретическимъ тщаніемъ въ новосозданныхъ печатныхъ книгахъ (между прочимъ въ Регламентѣ духовномъ) на святую церковь нестерпимыя хулы, и многія ереси обрѣтаются.......... и кои превеликія досады, и гоненія тѣ еретики и озлобленія церкви святой чинили, весь Россійской благочестивой народъ плачущима очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣйствіи довольно вѣдаетъ. Во всемъ бо государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вывесть велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо, вмѣсто молитвъ и псалмопѣнія, и каноновъ, табакомъ и прошкомъ торговать и бороды брить попустили! чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телегахъ, подъ скверными рогожами... явно во весь народъ, увозили... всецѣлые монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарыщи, употребляли; молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли... и иное злодѣйство отъ сонмища ихъ еретическаго!!" [1]).

[1]) Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, въ Чтен. общ. истор. и древн. М., 1862 г., кн. I, стр. 3 и 4; см. также: „Рѣшиловское дѣло". Ѳеофанъ Проко-

Такія или почти такія изобличенія всѣхъ современныхъ „еретичествъ“ неминуемо долженъ былъ слышать нашъ молодой монахъ, вращаясь среди нагнанныхъ отовсюду въ школы подвижниковъ, еще больше отъ бродягъ, нерѣдко мнимыхъ монаховъ и всякихъ „спасенниковъ“, слонявшихся (вопреки всѣмъ запретамъ) по Москвѣ и находившихъ радушный пріемъ не только у жителей, но и въ монастырскихъ оградахъ.

И вотъ, мало по малу, вновь смущается духъ Самуила, болѣе и болѣе раздувается потухшая искра ненависти, которую онъ носилъ въ сердцѣ своемъ противъ главнаго, по его мнѣнію, источника „всѣхъ еретичествъ“—Петра І-го. Но неужели наука не взяла свое, не вытѣснила изъ пылкой головы дикихъ заблужденій, не ослабила фанатизмъ монаха Самуила? Нѣтъ, та наука, которую предложила ему Спасская школа, не напитала его душу, не воздѣйствовала на него. Напротивъ, мертвая схоластика, бывшая тогда въ полномъ цвѣту, скоро оттолкнула отъ себя молодого человѣка; онъ рѣшительно не въ силахъ былъ подъ сухимъ и уродливымъ тогдашнимъ преподаваніемъ отыскать для своего ума сколько нибудь здоровую пищу... Все было безжизненно, скучно, да и для его возраста слишкомъ уже трудно было заучивать различныя грамматическія тонкости, и вотъ, мало по малу, Выморковъ сталъ отставать отъ школьнаго ученія, къ которому такъ еще недавно пламенно стремился. Не сталъ онъ ходить въ школу, и надъ спиной его взвилась плеть префекта; стала та плеть, по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогіи, „по часту“ бороздить спину Трегуляевскаго школьника, и чаще и чаще сталъ онъ избѣгать школы. А между тѣмъ, привыкши во всемъ дурномъ видѣть духъ и волю Петра І, онъ и въ лицѣ префекта „зачалъ видѣть императора“, плетью всѣкавшаго науку, и пуще загорѣлась въ Самуилѣ „отъ того боя“ ненависть къ „антихристу“. Наконецъ, въ товарищескомъ кружку, отъ своихъ однокелейниковъ онъ только и слышалъ, что разные намеки, а иногда и прямое осужденіе тѣхъ или другихъ мѣръ Петра І. Всѣ эти обстоятельства вновь вскипятили у Самуила злобу на государя, до того, что онъ жаждалъ случая смѣло выразить ее въ кельѣ, въ церкви, на стогнахъ Москвы, устно и письменно.

новичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій, соч. И. А. Чистовича, Спб., въ 8 д. 1861 г. „Новые матеріалы для рѣшиловскаго дѣла“, его же, въ „Православн. Обозр.“ 1862, № 2.

IX.

3-го февраля 1725 года, въ день тезоименитства цесаревны Анны Петровны, ученія школьнаго не было. Самуилъ, не боясь плети, могъ смѣло сидѣть въ своемъ чуланѣ. Сожители его также были дома; вошелъ іеромонахъ Петръ.—„Вы, отцы, заговорилъ вошедшій—здравствуйте! а нашъ императоръ скончался; синодъ, сенатъ и генералитетъ уже къ вѣрному служенію ея величеству государынѣ подписались; я, сходя на улицу, видѣлъ, какъ манифесты прибиваютъ къ воротамъ... самъ прочелъ..."

Извѣстіе это ошеломило, но не огорчило присутствующихъ. Самуилъ заходилъ по своему чулану и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь, но вслухъ, разными причтами хулы на покойнаго, не называя его впрочемъ. Изъ присутствовавшихъ іеродіаконъ Савватій сталъ вспоминать кой-какіе факты прошлаго царствованія, заговорилъ, между прочимъ, про Глѣбова.

— На колъ его посадили напрасно, разсказывалъ Савватій:— это я слышалъ... Сказываютъ, какъ духовникъ-отъ сталъ Глѣбова спрашивать: былъ ли-де у тебя такой грѣхъ съ „бывшею царицею" (Авдотьей?) и Глѣбовъ отвѣчалъ: „что напрасно, хотя-де и писывали совѣтныя письма, а ничего-де грѣха того не бывало, можно бы-де иную казнь дать". Можетъ-статься, продолжалъ Савватій, что казнилъ покойникъ Глѣбова изъ ревности, потому какъ та жена его, Петра, была... Хотя-бъ и тебѣ, Самуилъ, про жену твою такое слово было-бъ, чай, нестерпимо слышать... и ему тово, а онъ-вѣдь царь! [1]).

[1]) Объ отношеніяхъ Глѣбова къ царицѣ Авдотьѣ и казни его см. Устрялова: Ист. царств. Петра Великаго, т. VI, глава 7-я; также нашъ очеркъ: „Авдотья Ѳедоровна Лопухина", „Русск. Вѣстн." 1859 г., кн. XXI, 219—265; также другой нашъ очеркъ: „Покровскій дѣвичій монастырь въ г. Суздалѣ, мѣсто заточенія А. Ѳ. Лопухиной", „Русск. Вѣстн." 1860, кн. XXX, 559—599. Снегирева: „Письмо о ц. Евдокіи", „Русск. Вѣстн." 1859 г., кн. XXIII, 299—300. Пекарскаго: „Наука и Литер. при Петрѣ Вел." томъ II и проч. Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ казненъ въ Москвѣ 14 марта 1718 г. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ того времени, о которой г. Устряловъ не упоминаетъ въ своемъ трудѣ, приведены между прочимъ слѣдующія подробности о казни друга инокини-царицы: „привезли Глѣбова на торговую площадь, на саняхъ въ шесть лошадей. Его положили на столъ и въ задній проходъ воткнули желѣзный колъ, который черезъ затылокъ вышелъ наружу. Когда Глѣбовъ былъ такимъ образомъ насаженъ на колъ, восемь человѣкъ отнесли его и

Пошолъ разговоръ о „Духовномъ Регламентѣ и прибавленіи къ нему“—это были какъ-бы бѣльмы на глазахъ тогдашнихъ монаховъ.

— „Кто то дѣлалъ, спрашивалъ Самуилъ:—сказываютъ, что митрополитъ Рязанскій Стефанъ?“—Нѣтъ, не онъ, отвѣчалъ іеромонахъ Савватій: — а виновенъ въ сочиненіи регламента Прокоповичъ: когда по сочиненіи (регламента) принесли его, регламентъ, Стефану, ради подписи, и онъ подписалъ тако: „весьма тьма“, и притомъ сказалъ: сами не можете дѣлать, а людей тѣмъ обременяютъ... Самъ государь говаривалъ господамъ: „я прибавленія къ регламенту не знаю, сдѣлали (его) синодальные!“ Да и руки государевой, продолжалъ разскащикъ, у прибавленія нѣтъ“ [1]).

— „Однако-жъ, замѣтилъ Самуилъ:—безъ воли его (государя) ничего не дѣлали...“

— Ну, да постой, отвѣчалъ іеромонахъ Петръ: — ужо нынѣ господа по-своему синодальныхъ перевернутъ; то станутъ перебирать помаленьку...

Сдѣлалъ Самуилъ какое-то замѣчаніе относительно содержанія Регламента духовнаго, а Савватій, смѣясь по поводу того, что писано въ немъ о житіи монашескомъ, замѣтилъ; „и мы кое, и ты, Самуилъ, кое... а во всемъ томъ (сочиненіи) не Стефанъ (митрополитъ) виновенъ, но тотъ-то...

— Принесла мнѣ однажды баба, разсказывалъ іеромонахъ Петръ:—принесла въ церковь казать мнѣ книгу, чтобъ я ее купилъ; разогнулъ я ту книгу, вижу—напечатано: духовный; я думалъ, что это алфавитъ, и взялъ отъ нея, принесъ въ келью, глядь — анъ книга та: „Духовный регламентъ“, и я его бросилъ

водрузили колъ на возвышенномъ мѣстѣ; колъ имѣлъ поперечную перекладину, такъ что несчастный могъ сидѣть на ней. Возлѣ Глѣбова все время былъ русскій священникъ. Чтобы осужденный на терзанія не замерзнулъ и страдалъ бы болѣе, на него надѣли мѣховое платье и шапку...“ (Aus Ausführliche Beschreibung der in der Haupstadt Moskau, den 28 März dieses 1718 Jahres in Beyseyn einer unzähligen Menge Volks vollzogenen grossen Execution. Nach rigaischen Exemplar (4°). Посаженный на колъ въ третьемъ часу пополудни, Глѣбовъ испустилъ духъ только на другой день въ ½ 8 пополудни. При немъ во все время для исповѣди были: архимандритъ Лапотинскій, іеромонахъ Маркеллъ, да священникъ Анофрій. Сидя на колѣ, Глѣбовъ никакого показанія не принесъ, только ночью просилъ Маркелла сподобить его св. тайнъ.

[1]) Что послѣдніе толки не были простою болтовнею, а имѣли нѣкоторое основаніе, сличи выписку, приведенную у Пекарскаго, т. II, стр. 522—523.

на землю, топталъ—приговаривая: „э-де регламентъ!“ — Поднялъ ту книгу и отдалъ бабѣ: не надобно, не надобно...

— „Что-же тебѣ онъ не милъ?“

— Не милъ! — отвѣчалъ іеромонахъ Петръ — и проговорилъ чуть слышно: проклятые...

И Самуилу любо было, какъ самъ онъ потомъ сознавался: любо было то слушать! На другой день, въ четвергъ, 4-го февраля 1725 г., послѣ обѣда, іеромонахъ Петръ пригласилъ іеромонаха Ѳеодосія да Самуила пройтись (благо время было праздное, масляница), прогуляться въ городъ. Зашли всѣ трое въ гости, во дворъ князя М. М. Голицына, что близь двора Василья Глѣбова—въ гости къ княжескому дворецкому, Ивану Чевакинскому.

Хозяинъ принялъ гостей радушно и угостилъ ихъ; отецъ Петръ сталъ „шуменъ“, и тѣмъ живѣе пошла бесѣда о разныхъ разностяхъ, перешла на стѣсненія, сдѣланныя „Прибавленіемъ Духовнаго регламента“ всему монашеству, о запрещеніи постригать женатыхъ, да тутъ же кстати Ѳеодосій сказалъ, обращаясь къ хозяину и указывая „съ посмѣяніемъ“ на Самуила:

— А вотъ, этотъ-то молодой какой, а жену покинулъ, да и постригся, а нонѣ ходитъ, да ее ищетъ...

— Отчего такъ сдѣлалось, что онъ жену покинулъ? спросилъ хозяинъ.

— „Не сказывалъ здѣсь, въ Москвѣ, молвилъ въ отвѣтъ Самуилъ, сидѣвшій до сихъ поръ въ раздумьѣ:—нынѣ открою, такъ-какъ государь-отъ нашъ уже скончался; былъ я соблажненъ отъ людей; сказывали мнѣ противъ него, что онъ антихристъ, того и оставилъ я жену безвременно...“ И разговорился Самуилъ, сталъ говорить о житьѣ-бытьѣ старообрядцевъ, вспомнилъ и про любимую свою нѣкогда книгу Ефремову, сказалъ о повѣсти объ антихристѣ и о томъ, какъ одинъ монахъ въ Тамбовѣ—Савва—объявилъ ему, что антихристъ нынѣ въ Москвѣ царствуетъ.

Лишь только выговорилъ Самуилъ послѣднее слово, какъ испуганный Чевакинскій разразился на него бранью, пожелалъ ему, безъ сомнѣнія вполнѣ искренно, чтобъ тотъ пропалъ, и ни въ какіе разговоры не сталъ съ гостями входить. Гости взялись за шапки и отправились во свояси.

На сосѣднемъ дворѣ, Василія Глѣбова, остановился пріѣзжій изъ Тамбова, давнишній знакомый Выморкова, дьяконъ Изосима.

Розыскалъ его Самуилъ на другой день, 5 февраля, въ пятницу, и въ дружеской бесѣдѣ сталъ просить Изосиму, чтобы тотъ, какъ поѣдетъ обратно въ Тамбовъ, взялъ бы его съ собою.

— Какъ же ты отъ школы поѣдешь?

— „Когда былъ императоръ (такъ нельзя было), а нынѣ, надѣюсь, что и отставятъ (меня отъ школы)"... И сталъ разсказывать о житьѣ-бытьѣ московскаго монашества: „монахи здѣсь, какъ бурлаки, ѣдятъ мясо и пьютъ табакъ, чему и я (нынѣ) косенъ"... и проч.

Выслушалъ Изосима грустную повѣсть и, объявя пріятелю, что ѣдетъ онъ изъ Москвы еще не скоро, сообщилъ Самуилу роковое для него извѣстіе: жена-де его вышла замужъ за посадскаго человѣка города Тамбова, Якова Шатилова.

Какъ громомъ поразило это извѣстіе молодого монаха. Первая мысль, мелькнувшая въ его головѣ, была та, что въ какой-де страшный грѣхъ впала его жена, что при живомъ мужѣ, хотя и постригшемся, но—рѣшилась выйдти замужъ; „такое посяганье въ замужество, думалъ Самуилъ, есть прелюбодѣйство!"...

— „Ну, и чортъ съ нею, сказалъ онъ наконецъ:—бѣсъ сваталъ, а сатана вѣнчалъ".

„И чья тому вина, что жена моя впала въ тотъ смертный грѣхъ, продолжалъ размышлять монахъ, возвратясь къ себѣ въ келью:— кто тому виновенъ? Чрезъ кого—жена моя, вопреки своему желанію, не могла постричься? въ силу какихъ указовъ теперь она вышла замужъ? всему въ томъ виновенъ—покойный государь!" И стало прилагаться несчастному, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ: „худое сомнѣніе къ сомнѣнію, и хула къ хулѣ, а наипаче, что жена замужъ вышла; и разжегшись ревностію, ходя по своей кельѣ, сталъ онъ мыслить хулы на государя, плевать, называть его „проклятымъ", и сталъ онъ потомъ „записывать, въ тайнѣ сидя въ своемъ чуланѣ, хулы на императора Петра Алексѣевича, на бумажкахъ, называя его предтечею антихристовымъ и тому подобными хуленіями, литерами изъяснялъ именно и нескрытно, и всячески перечернивалъ, и диралъ, и бросалъ въ печь, и потомъ вздумалъ написать, чтобъ скрытно, дабы люди не догадались"...

Такова была внутренняя борьба, которая терзала въ это время несчастнаго Выморкова. Онъ впалъ въ какое-то изступленіе, духъ его былъ все это время въ самомъ возбужденномъ состояніи; онъ

былъ убѣжденъ и твердилъ себѣ, что для покою въ совѣсти своей ему необходимо написать осужденіе во слѣдъ оставившему міръ предтечѣ антихриста, тому — кто, по его мнѣнію, былъ единственный виновникъ смертнаго грѣха, въ который впала жена его, и затѣмъ единственный виновникъ всѣхъ злосчастій монашества и церкви православной... И хватается Выморковъ вновь за перо, и пишетъ, пишетъ, чертитъ, рветъ въ клочки и вновь пишетъ, чтобъ также разорвать и приняться за новый лоскутокъ... И нѣтъ у несчастнаго друга, которому-бъ онъ повѣдалъ свои тяжкія думы, посовѣтовался-бы, поговорилъ, и тотъ бы, можетъ быть, и успокоилъ его; нѣтъ такого друга: однокелейники его люди „неумѣлые", къ тому-жъ и подвержены шумству; да они и не долюбливаютъ Выморкова. Его странное поведеніе вызываетъ вообще со стороны монаховъ насмѣшки надъ нимъ,—они его называютъ, „въ посмѣяніе", остроумнымъ.

Не подъ силу однако Выморкову вынести свое горе одному; началъ онъ было-говорить іеродіакону Савватію: „были отъ покойника тѣ указы, чтобъ не постригать, и которымъ было можно и постричься, и тѣ (чрезъ тѣ указы) замужъ посягнули... Въ томъ есть грѣхъ"... но рѣчь свою Самуилъ не договорилъ, побоялся насмѣшекъ сожителя.

Въ тотъ же день, въ пятницу, 5 февраля 1725 г., пошелъ Выморковъ къ вечернѣ, стоялъ на клиросѣ, среди другихъ монаховъ, и вдругъ, къ величайшему ихъ испугу, сталъ называть во всеуслышаніе государя Петра I — антихристомъ, укорять его въ томъ, что онъ монастыри раззорилъ и не велитъ спасаться... Нѣкоторые изъ монаховъ, услыхавшихъ тѣ хулы, объявили, что надо донести инквизитору. Но время стоитъ— конецъ масляницы, монахамъ не до того, въ монастырѣ суматоха; вездѣ, по всѣмъ кельямъ, въ церкви, на клиросахъ идутъ толки о смерти Петра I, и эти толки сопровождаются у многихъ изъ братіи „веліимъ шумствомъ", а съ радости иль съ горя то шумство—Богъ-вѣсть.

Къ сожителямъ Самуила въ келью заходятъ по часту другіе монахи. Самуилъ, то сидя за столомъ въ своемъ чуланѣ, то бѣгая изъ угла въ уголъ, погруженъ въ свои тяжкія думы, слышитъ за перегородкой толки и разсужденія монаховъ. Толки эти соотвѣтствуютъ его мыслямъ, и потому болѣзненно дѣйствуютъ на его и безъ того воспаленный мозгъ — онъ болѣе и болѣе пылаетъ нена-

вистью къ Петру, и дикими выходками, къ величайшему испугу собесѣдниковъ, нерѣдко прерываетъ ихъ разговоръ.

Особенно тяжела была ночь Самуилу съ 5 на 6 февраля 1725 г. Легъ онъ, а сонъ не смежаетъ очей, лѣзетъ ему въ голову неотвязная мысль: „гдѣ этотъ грѣхъ, на комъ сыскать, что въ посяганіи жены его въ замужество есть прелюбодѣйство?“ Сказалъ апостолъ Павелъ: „и аще разлучится жена съ мужемъ своимъ, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ“, и кто оному грѣху виновенъ?... И во всемъ виновнымъ являлся въ мнѣніи его императоръ Петръ I-й! И вспоминалъ онъ, какъ жена готова была сама постричься, да не постриглась, потому что запрещено уже было постригать, и какъ еще въ день прощанья, предъ отъѣздомъ въ Москву, онъ наказывалъ ей: „не ради сожалѣнія тебѣ, но подтверждая законъ божій, молю тебя—замужъ не ходи“... И пришло на умъ Выморкову въ ту же безсонно-мучительную ночь написать письмо императрицѣ, указать ей, въ какой великій соблазнъ впадаютъ нѣкоторые люди, какъ напр. его жена, вслѣдствіе того, что дѣйствуютъ указы Петра о непостриженіи вновь въ монахини и монахи. И мыслилъ онъ высказать то осужденіе „съ нѣкоторыми хуленіями“ про покойнаго государя, впрочемъ хуленіями „не зѣло великими“, чтобъ не привесть императрицу въ большой гнѣвъ. Письмо то Самуилъ предполагалъ подать государынѣ тогда, когда она пріѣдетъ въ Москву.

— „Что-жъ, думалъ Выморковъ, государыня повѣсть мою приметъ, и хотя ей жаль своего мужа (то есть любитъ она его), однако-жъ она одумается (то есть поразмыслитъ) и тѣсноты мнѣ никакой не доставитъ, я — монахъ! Читалъ я въ книгѣ Баронія, — новопереведенной въ книгѣ Соборникѣ съ польскаго языка на славянскій, про царя Ѳеофила; былъ тотъ царь при жизни своей— иконоборецъ, а, чаю, при смерти-то своей покаялся; только вѣдомо, что царица Ѳеодора молилась по смерти его, Ѳеофила, чтобъ избавилъ его Богъ (отъ) муки вѣчныя... (Императору Петру) мы того же желаемъ, чтобъ ему царство небесное было, только бы сдѣлалось отъ Ея Величества все по старому... И въ той повѣсти, мыслилъ Самуилъ, приведу я, въ подтвержденіе моихъ рѣчей, слова Христовы, какъ написано въ Евангеліи... зачала не упомню... „Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и не Твоимъ ли именемъ бѣсы изгнахомъ? и Господь рече: „аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отступите отъ Мене вси дѣлатели неправды“ и т. д.

За мыслью послѣдовало и исполненіе: Самуилъ сталъ писать повѣсть. Вотъ ея начало:

„Всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государынѣ нашей, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, еже о Господи радоватися.

„Рече Господь во Евангеліи: блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, яко ангели бо ихъ выну видятъ лице отца Моего небеснаго, пріиде бо сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго“ и проч., и паки: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ; аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ, поими съ собою паки единаго или два, да при устѣхъ, двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ; аще же не послушаетъ, повѣждь церкви; аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь, и елика аще свяжете на земли, будетъ связана и на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена и на небеси“; и индѣ: „горе міру отъ соблазнъ и нужда есть пріити соблазномъ; обаче же горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ“, и проч., и паки: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущіе вы и молитеся за творящіе вамъ напасть, яко да будетъ сынове отца вашего, иже на небесѣхъ“, и индѣ: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему; аще ли кается, остави ему“, и паки: „нѣкто отъ ученикъ глагола: Господи, аще седмищи на день согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущу ли ему до седмь кратъ, аще покается? Отвѣща ему Господь: не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до семьдесятъ кратъ седмерицею, аще кается, остави ему“, и индѣ: „будете убо милосерди, яко-же и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть, и блажени милостиви, яко тіи помилованіи будутъ“, и о семъ供 доздѣ хощу убо повѣсть тебѣ предложити, о самодержавнѣйшая наша госпоже святаго всероссійскаго царства, иже общій нашъ Создатель Царе царемъ и Господь господемъ предивными своими судьбами устрой тебѣ царствовати благочестно надъ новымъ Израилемъ, еже есть православно каѳолическія восточныя церкви сынми, прошу и молю тебѣ, о благочестивѣйшая; Господа ради, да со тщаніемъ внимаеши здѣ написаннымъ, зане аще и грѣшнѣе есмь всѣхъ человѣкъ, наче же всенижайшій рабъ и подножіе ваше“...

Таковъ былъ приступъ къ повѣсти.—Какъ можно замѣтить,

приступъ написанъ не безъ искуства и тщанія; дѣло однако на приступѣ и остановилось: обстоятельства такъ сложились, что Выморкову было уже не до „повѣсти“: рѣзкія его выходки съ слѣдующаго уже дня стали вызывать на его голову тучу, которая сгущалась надъ нимъ все болѣе и болѣе, и наконецъ разразилась страшною для него грозою...

X.

Рано въ субботу, 6-го февраля 1725 г., послѣ безсонной ночи, пошелъ Самуилъ въ церковь, и весь „въ смятенномъ духѣ“ сталъ на клиросъ.

— Чего ты не ходишь въ школу? совершенно не кстати обратился къ Самуилу стоявшій подлѣ него іеромонахъ Аѳанасій: — если ты не станешь въ школу ходить, какъ прежде сего хаживалъ, и префектъ тебя побьетъ попрежнему...

— „Нѣтъ, нынѣ не пойду, отвѣчалъ Выморковъ: —тогда былъ царь, а нынѣ иной“.

— Опять тебя бить станутъ, и ежели ты въ друго-рядъ будешь такъ говорить, и за то срубятъ тебѣ голову.

Въ это время вышелъ изъ алтаря на клиросъ канархистръ Діонисій.—„Вотъ Самуилъ не хочетъ въ школу ходить“, пожаловался вошедшему Аѳанасій.

Діонисій сталъ бранить „лѣностнаго“ школьника. Школьникъ съ своей стороны выбранилъ учителей, да тутъ же выпало отъ него нѣсколько рѣзкихъ словъ и на долю рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго: „вотъ учатъ всѣ они насъ, а сами не то творятъ“, говорилъ Самуилъ.

— Да вѣдь ты въ школу ходишь по указу, и какъ ты не пойдешь? вѣдь обучать будутъ по прежнимъ указамъ?

— „Чьи указы были... Кои кто указы писалъ, тотъ издохъ... исчезъ... чортъ его взялъ... и указы тѣ его пропали же, топери все съизнова пойдетъ. А который еретичество ввелъ, рязанскій Стефанъ, и тотъ пропалъ же, а еретичество еще не вывелось“.

— Слышите, братцы, что Самуилъ говоритъ-то? сказалъ Діонисій, обращаясь къ другимъ монахамъ, стоявшимъ на клиросѣ, и вслѣдъ затѣмъ пощечина, отвѣшенная канархистромъ поносителю,

заградила ему уста. Діонисій пошелъ затѣмъ съ клироса читать сѣдальны, выговаривая про Самуила: „проклятый онъ богомолецъ, бѣду намъ съ такими словами сдѣлаетъ... вѣдь коли извѣстить на тебя, замѣтилъ онъ Самуилу: вѣдь что будетъ-то тебѣ?“

— „Мертваго его (Петра 1-го) не боюсь, не унимался Выморковъ: — а тебѣ, Діонисій, нѣтъ части въ томъ словеси“...

— Эй-же собака! замѣтилъ казначей Сильверстъ, выслушавъ послѣ заутрени разсказъ отца Діонисія о происшедшей у него сценѣ съ Самуиломъ.

Всѣ уже монахи стали смотрѣть на него, какъ на зачумленнаго, съ минуты на минуту ожидая, что его арестуетъ инквизиторъ, которому Діонисій, по настоянію другихъ монаховъ, собирался о всемъ донести; но всего этого Самуилъ либо не страшился, либо не замѣчалъ; по крайней мѣрѣ онъ ни мало не сдерживалъ своего языка.

Въ воскресенье предъ вечерною, на нѣсколько минутъ зашелъ въ келью Петра и Савватія сожитель Выморкова, Леонтій Балановскій, попъ изъ церкви великомученицы Екатерины, что во дворцѣ вверху. Въ ожиданіи вечерняго благовѣста, попъ вельми, ради праздника, шумный сѣлъ на лавку; никого кромѣ Самуила въ кельѣ не было. И сидя на лавкѣ, какъ бы про себя, заговорилъ попъ Леонтій съ сожалѣніемъ и со словами о смерти государя.

— А кончина императору случилась, продолжалъ Леонтій, обращаясь къ Выморкову: — случилась отъ запора жестокой каменной болѣзни; слышалъ я это на площади въ разговорѣ, невѣдомо отъ какихъ людей, шедъ мимо...

— „Онъ меня билъ, вдругъ заговорилъ въ отвѣтъ на сожалѣнія попа Самуилъ: — билъ онъ меня чрезъ префекта!“...

—Полно врать-то, били тебя злыя дѣла, а государь этого не зналъ.

— „Повелѣно за царя Бога молить, продолжалъ говорить Самуилъ:—каковъ бы онъ ни былъ, яко же Христосъ научаетъ: „любите враги ваша“ и проч., а какъ царь умретъ безъ исправленія, то уже (да будетъ) проклятъ... А онъ подлинно умеръ, не простясь (не покаявшись), а въ писаніи вѣдь сказано: елико свяжете на земли, будетъ связанъ и на небеси, и проч.“.

— Криво ты толкуешь! закричалъ попъ Леонтій.

Самуилъ сталъ утверждать, что говоритъ сущую правду, и тутъ

же задумался о томъ, какъ необходимо и вполнѣ согласно съ словомъ писанія предать покойника — проклятію.

Выбранился попъ, но въ это время загудѣлъ благовѣстъ къ вечернѣ и онъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ и сталъ за правымъ клиросомъ. Самуилъ помѣстился въ толпѣ монаховъ на клиросѣ. Леонтію скоро довелось увидать слѣдующую сцену.

Іеромонахъ Іосифъ Дробницкій напомнилъ Самуилу относительно хожденія въ школу. Самуилъ въ отвѣтъ выбранилъ Стефана Рязанскаго: „лгалъ онъ, да и пропалъ!“

Іосифъ отвѣчалъ на это болтуну—ударомъ кулака.

— За что ты его бьешь? замѣтилъ архимандритъ Іоакинѳъ, стоявшій неподалеку отъ клироса.

Монахи объяснили, что Самуилъ бранитъ Рязанскаго.

— Ну, такъ и бейте его хорошенько, заключилъ отецъ Іоакинѳъ.

Рано утромъ, въ чистый понедѣльникъ, послѣ заутрени и предъ часами, въ кельѣ нашихъ пріятелей собрались для раздѣлу денегъ, собранныхъ въ ящикъ въ церкви, всѣ іеромонахи и іеродіаконы. Дѣлежъ кончился, и нѣкоторые, для „посмѣянія“, видя въ какомъ изступленномъ состояніи находится Самуилъ, стали надъ нимъ подшучивать. Тотъ, все погруженный въ думы о необходимости предать проклятію покойника, брякнулъ предъ всѣми присутствовавшими:

— „Вотъ стоитъ Глѣбова кола, самому ему заперло? И чтобъ его тѣлу сквозь землю провалиться. Самъ пропалъ, да и всѣ пропадутъ!!“...

— Ахъ ты, проклятый, закричалъ на него іеродіаконъ Іовъ:— буть ты проклятъ; когда-бъ ты да такія слова говорилъ не въ кельѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, за монастыремъ, то-бъ я тебя за такія рѣчи прибилъ... За такія слова высѣкутъ кнутомъ, да пошлютъ въ ссылку въ Соловецкій монастырь, либо посадятъ въ тюрьму!!...

— „А что-жъ, кричалъ въ отвѣтъ Выморковъ: — въ Соловецкомъ-то монастырѣ кельи лучше богоявленскихъ? А и въ тюрьму посадятъ — я буду говорить: „изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему!“

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое говоритъ! толковали монахи, спѣша оставить келью и очень хорошо понимая, что всѣ тѣ рѣчи не къ добру ведутъ.

— Все на высокія персоны говоритъ, объяснялъ съ своей стороны Іовъ, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ сотоварищей:—взялъ бы его, да и прибилъ какъ собаку.

Вечеромъ, въ тотъ же понедѣльникъ, у іеремонаха Петра и іеродіакона Савватія опять гости, на этотъ разъ не по службѣ — знакомые ихъ: братъ холмогорскаго епископа Григорій, а съ нимъ подьячій, въ келью же зашелъ и казначей Сильверстъ. Мирно шелъ разговоръ и выпивалась водочка. Заговорили о скоромъ отъѣздѣ Григорія въ Холмогоры.

— А тебѣ, спросилъ подьячаго Савватій: — дастся ли указъ ѣхать на Холмогоры, жить попрежнему?

Не успѣлъ подьячій отвѣтить, какъ изъ-за перегородки заговорилъ Выморковъ.

— „Тогда былъ царь, и нуженъ былъ указъ, а нынѣ иной. Когда-бъ мнѣ была какая нужда, то-бъ я не сталъ указу спрашивать, такъ-бы пошелъ“.

— Когда кто будетъ, возразилъ подьячій:—нынѣ уже государя не стало, а государственные правы не отставятся; а что по государѣ кто не тужитъ, развѣ какой раскольникъ. Что за кавалеръ былъ! Истинно храбръ и славенъ былъ во всей вселенной?...

— Та его храбрость и премудрость, размышлялъ, слушая тѣ похвалы и сердясь все болѣе и болѣе Самуилъ;—дадеся ему, Петру І-му, отъ Бога не ради его, но молитвъ ради святыхъ божіихъ угодниковъ и всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, и духъ святый и недостойными дѣйствуетъ“—и, выскочивъ изъ-за перегородки, Выморковъ закричалъ: „пропалъ, проклятый еретикъ!“

Всѣ остолбенѣли.

— Что это у васъ нѣкакой проклятый раскольникъ? или сумасбродный, што-ль? первый заговорилъ подьячій.

— „Вы сами проклятые раскольники!“ кричалъ монахъ, уходя въ свой чуланъ и захлопывая за собою двери.

Гости струхнули не на шутку и, „не мѣшкавъ ни мало“, оставили келью.

— „Противно, что государь монахамъ велѣлъ жениться, монахинямъ замужъ идти“, вновь заговорилъ Самуилъ.

Селиверстъ сталъ его унимать:

— Полно, дуракъ, врать; за такія слова тебя свяжутъ.

— „Теперь государя нѣтъ, бояться некого“.

— О дуракъ, дуракъ, продолжалъ Селиверстъ:—хотя государя и не стало, да страхъ его остался! Вишь что проклятый вретъ, замѣтилъ казначей, обращаясь къ зрителямъ Выморкова:—нельзя у васъ сидѣть!

Петръ и Савватій сами это видѣли; давно они тяготились сожительствомъ „не то раскольника, не то сумасброднаго монаха", и въ тотъ же вечеръ обратились къ казначею Селиверсту съ просьбой, чтобъ онъ попросилъ архимандрита удалить Выморкова изъ монастыря. „Онъ вовсе непотребенъ, жаловались пріятели: всегда бранится"...

— Плюньте вы на него: бранитъ онъ Стефана Рязанскаго, или синодъ... я въ это дѣло не вступаюсь, отвѣчалъ Селиверстъ:—будетъ нареканіе отъ братіи, будто изгоняю я по ненависти монаховъ изъ монастыря напрасно...

Между тѣмъ Самуилъ провелъ наступившую ночь въ трудѣ: онъ писалъ давно задуманное имъ „проклятіе во слѣдъ нисшедшему во адъ антихристу". Письмо не удалось. Онъ, по обыкновенію своему, перечеркивалъ написанное, рвалъ бумагу, начиналъ, писалъ съизнова, и только по утру 9-го февраля 1725 г., во вторникъ, по приходѣ отъ часовъ, удалось ему вполнѣ, по его же выраженію, успокоить совѣсть: въ самое короткое время онъ написалъ слѣдующее:

„Злочестивый, уподобльшійся самому антихристу, мерзости запустенія, стоящей на мѣстѣ святѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывый соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостнымъ безуміемъ надменный держатель в. ц. п. б. п. всескверный и. [1]) со своими бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ. Писано лѣта Господня 1725, мѣсяца февруарія въ 9 день".

Самуилъ вынесъ это письмо къ своему сожителю, Петру. Тотъ, вмѣстѣ съ Савватіемъ, только что вернулись изъ церкви; на столѣ стояла похлебка. Савватій мирно занятъ былъ крошеніемъ въ нее огурцовъ и готовились съ Петромъ завтракать.

— „Читай, да самъ разумѣвай! сказалъ Выморковъ, подавая письмо іеромонаху Петру и не объясняя ему таинственныхъ ли-

---

[1]) Всероссійскаго царства попущеніемъ Божіимъ, Петръ всескверный императоръ.

теръ, въ чаяніи, что тотъ, не разъ уже слышавшій его выходки противъ государя, самъ уразумѣетъ, кто въ письмѣ проклинается.

— Не знаю, что здѣсь написано, сказалъ Петръ, поглядѣвъ на письмо, которое и не могъ узнать, такъ какъ не умѣлъ разбирать писанное по русски.

— „Что написано въ письмѣ „всескверный", объяснилъ Самуилъ, отвращаясь отъ своего товарища:—и на то толкъ бывалъ великій, а нынѣ надлежитъ всескверный, всескверный, всескверный — и да будетъ тако!"

Но Петръ не обратилъ вниманія ни на Самуила, ни на его объясненіе, письмо бросилъ на столъ и сѣлъ ѣсть; но потомъ, чтобъ не подмочить письма, снялъ его со стола и положилъ на окно.

Между тѣмъ составитель „проклятія" ушелъ въ чуланъ и готовъ былъ приступить къ продолженію извѣстной уже намъ „повѣсти". Что за мысли роились въ это время въ его головѣ, мы узнаемъ изъ разсказа его самого, хотя по разсказу этому не вполнѣ ясна связь этихъ мыслей; этой связи, впрочемъ, при возбужденномъ, изступленномъ состояніи несчастнаго молодого монаха, едва-ли можно было и требовать.

— „Мнилъ я (въ это время), говорилъ Самуилъ: —о святѣйшемъ синодѣ, что, про императорское величество, то по своей волѣ сдѣлалъ, хотя было такъ и не надобно, и хотя-жъ архіереи подписывались и служили ему въ томъ, однако-жъ иные знатно отъ конечнаго неразумія, а иные и страха ради, тако-жъ и Петръ страха ради отвержеся Христа, а другіе и сластолюбія ради, что онъ ихъ жаловалъ многими деньгами. А будетъ того не сдѣлалось, и то написанное на бумажкѣ поставится въ дѣло, а я бы отрекся отъ совокупленія ихъ, и аще бѣ Богъ унесъ въ горы плакался бы о томъ"... Мысль о наказаніи за письмо, буде оно попадется людямъ непріязненнымъ, не страшила Самуила, частью потому, думалось ему, что они „уничтожатъ (письмо) и такъ, собака-де брешетъ, а владыка ѣдетъ, есть кого и слушать, а брать меня за то подъ караулъ, либо къ розыску не станутъ"...

Несчастный однако горько ошибся. Въ келью вошелъ іеродіаконъ Іерофей Оглобля, подошелъ случайно къ окну, увидалъ письмо, прочелъ его—и судьба монаха Самуила Выморкова была рѣшена.

XI.

«Императора Петра I не стало, да страхъ его остался!»

Селиверстъ монахъ, 8 февраля 1725 г.

Дальнѣйшую судьбу Самуила Выморкова намъ не приходится разсказывать подробно; она вполнѣ обща всѣмъ тѣмъ, которымъ въ тѣ годы доводилось впадать въ подобныя преступленія. Самый ходъ слѣдствія, суда и осужденія надъ нимъ не представляетъ ничего особеннаго. Выше, въ настоящей книгѣ, нами уже довольно было передано „дѣлъ, вершенныхъ въ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, 1720—1725 гг.", поэтому, избѣгая всякихъ подробностей о формальной сторонѣ производства дѣла и указаній на тогдашній канцелярскій порядокъ, приведемъ лишь самыя существенныя данныя.

Мы оставили Іерофея Оглоблю читающимъ письмо Самуила. Изъ литеръ онъ прочелъ: вѣди — всероссійскій, цы — царь, покой — Петръ; не могъ догадаться только, что́ значитъ буки да иже; но для него было довольно и того, что найденное имъ письмо, во всякомъ случаѣ, было „противно". О „бездѣльныхъ хулахъ" Самуила, какъ кажется, Оглобля уже слышалъ, поэтому онъ легко догадался, что и новыя хулы написаны не кѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же Выморковымъ. Впрочемъ, тотъ и не скрывался.

На первый же вопросъ іеродіакона:

— Ты оное письмо писалъ?

Выморковъ прямо отвѣчалъ:

— „Я".

— А я за государя своего умру! для чего проклятый Самуилъ такъ пишешь! говорилъ Оглобля и спѣшилъ съ доносомъ къ начальству.

— „Самъ ты проклятый!" кричалъ ему вслѣдъ Выморковъ.

Архимандритъ всполошился, послали за инквизиторомъ, тотъ немедленно произвелъ въ кельѣ Выморкова обыскъ. При обыскѣ ничего, кромѣ извѣстнаго уже намъ начала повѣсти къ „Пресвѣтлѣйшей государынѣ", не было найдено.

Самуилъ не заперся ни предъ инквизиторомъ, ни предъ архимандритомъ; тому и другому объявилъ, что письмо писано имъ

самимъ, безъ всякаго совѣта съ чьей бы то ни было стороны и безъ всякаго содѣйствія, но затѣмъ въ объясненіе того, въ „какой силѣ письмо то писано", онъ не вошелъ. Въ тотъ же день его посадили на чепь.

На другой день, рано утромъ, явились за арестантомъ посланные изъ канцеляріи синода. Выморковъ сопротивлялся, не шелъ, требовалъ указа, по которому его берутъ, кричалъ: что онъ ея величеству не измѣнникъ, затѣмъ по улицѣ кричалъ: бунтъ и караулъ, и во все время хулилъ ненавистнаго ему покойника. По опредѣленію канцеляріи синода, Самуила разстригли. При исполненіи обряда, онъ называлъ свѣтскихъ управителей синода слугами антихриста, и, увидавъ въ присутствіи портретъ государя, завѣшанный (по случаю его смерти), въ изступленіи закричалъ:

— „Вонъ бѣсовскій образъ завѣшенъ", и всякія другія „хуленія" на его величество кричалъ неистово.

Самуилъ былъ разстриженъ и сталъ именоваться свѣтскимъ именемъ своимъ—Степанъ.

Ночью, въ тюрьмѣ, ему приснился сонъ. „Не бойся! тебя бить не станутъ!" вѣщалъ гласъ какого-то видѣнія, а было то видѣніе въ неясномъ образѣ, не то ангелъ, не то кто либо изъ святыхъ, посланный къ нему Богомъ, чтобы онъ не печалился. И не грустилъ арестантъ; самаго розыска даже не ждалъ, не пугало его и разстриженіе, которое однако всегда было въ тѣ времена предвѣстіемъ того, что арестанту, бывшему монаху, не миновать пытки; онъ думалъ, что разстригли его за то, что онъ отъ живой жены, вопреки указамъ, поступилъ въ монахи... Притомъ и видѣніе во снѣ сильно ободрило Самуила. Онъ не раскаявался съ своемъ поступкѣ, громко жалѣлъ, что не написалъ скрытныхъ литеръ п. б. полными словами: „попущеніемъ божіимъ", и гласно, въ присутствіи караульныхъ солдатъ, повторилъ послѣднее свое письмо, не вдаваясь, впрочемъ, въ его истолкованіе, и тутъ же наставляя солдатъ „къ крѣпкому послушанію ея величеству государынѣ императрицѣ".

11-го февраля 1725 г., Самуилъ, допрошенный въ синодѣ, а потомъ отосланный въ канцелярію сената (въ ней предсѣдательствовалъ графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ), на допросѣ въ обоихъ учрежденіяхъ коротко разсказалъ, какъ было написано имъ проклятіе. Причемъ смѣло и твердо объяснилъ „литеры", въ письмѣ

написанныя: „были онѣ, по его заявленію, въ такой силѣ: *в*— всероссійскаго, *ц* — царства, *п* — попущеніемъ, *б* — божіимъ, *п* — Петръ, всескверный — великій, *и* — императоръ; а бывшіе единомудрствующіе, объяснялъ разстрига — тѣ, которые въ синодѣ были и померли!“

Въ тотъ же день Выморкова вздернули на дыбу, дали ему сорокъ ударовъ кнутомъ и жестоко жгли его спину вѣниками.

Истязуемый, говоря его же словами: „по надменію.... мужественно терпѣлъ пытку, яко за правду!“

На другой день подсудимый, крайне немощный отъ пытки, приведенъ былъ предъ канцелярію сената. Графъ Матвѣевъ объявилъ ему, что за его преступленіе онъ неминуемо будетъ казненъ смертіею. Объявленіе это столь поразило Степана Выморкова, что онъ, въ ожиданіи скораго смертнаго часа, тутъ же рѣшился повѣдать суду „всю сущую правду, не точію что̀ кому говорилъ и дѣлалъ, или о чемъ отъ кого на свои слова слыхалъ, но что и въ мысли какое хуленье къ персонѣ государя имѣлъ“. Рѣшеніе свое Самуилъ исполнилъ свято. Судъ услышалъ длинную исповѣдь, исполненную такой неподдѣльной искренности и правды, такой въ то же время обстоятельности въ передачѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей, словъ, сокровеннѣйшихъ желаній и мыслей, указаній на лица, мѣста и случаи, за два, за три года тому назадъ совершившіеся, цитаты, нерѣдко довольно длинныя изъ книгъ духовныхъ, каковыя цитаты разстрига Степанъ приводилъ на память, словомъ—вѣрно то, что примѣръ подобной исповѣди едва-ли могли представить даже лѣтописи тайной канцеляріи, въ которой въ то время съ такимъ поразительнымъ искуствомъ выпытывалъ всю подноготную Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Въ своемъ разсказѣ, изложенномъ своеручно на бумагѣ, Выморковъ, изъ страха предстать предъ судомъ божіимъ съ совѣстью, не освобожденною отъ прегрѣшеній, съ самымъ искреннимъ покаяніемъ передалъ наиподробнѣйшій разсказъ о всей своей жизни съ 1722 года по самый день, въ который его подвергли пыткѣ. Неизвѣстно при этомъ, взялъ ли на себя кто нибудь трудъ разъяснить несчастному всю нелѣпость его мнѣнія объ императорѣ Петрѣ и его слугахъ, но онъ въ показаніяхъ своихъ считалъ уже свои мнѣнія дьяволомъ на него навожденными, „и нынѣ“, писалъ онъ: „по истинной своей чистой совѣсти, твердо и несомнѣнно, какъ о святѣйшемъ синодѣ, такъ

и правительствующемъ сенатѣ, и о прочихъ властвующихъ и вѣрно служащихъ, о всѣхъ, которые по отшествіи въ вѣчное блаженство его императорскаго величества, при ея величествѣ государынѣ императрицѣ въ россійскомъ государствѣ обрѣтаются, остаюсь я безъ всякаго нареканья“.... „И нынѣ ни въ чемъ не сомнѣваюсь“... Какъ бы то ни было, но только въ своемъ длинномъ разсказѣ онъ ни на кого не указалъ лживо, ни одного факта не исказилъ и всѣ его показанія, по тщательномъ, шестимѣсячномъ изслѣдованіи, вполнѣ подтвердились свидѣтельствомъ и очными ставками множества лицъ, привлеченныхъ по этому дѣлу къ суду.

Исповѣдь Выморкова послужила главнѣйшимъ матеріаломъ вышеизложенныхъ подробностей нашего разсказа; здѣсь поэтому излишне и приводить ее...

Въ то время, когда крайне немощный отъ жестокой пытки, Выморковъ писалъ въ тюрьмѣ повинную: „о томъ, какъ прежде того былъ въ расколѣ и другихъ къ тому призывалъ и научалъ, такожъ и про покойнаго государя непотребныя хулы, будучи во многихъ разныхъ мѣстахъ: въ городѣ Тамбовѣ и въ Тамбовскомъ уѣздѣ, на Воронежѣ, и на Дону, въ казацкихъ станицахъ кому другимъ сказывалъ, и гдѣ разсѣевалъ, и отъ другихъ кого такія-жъ непотребства слыхалъ, и чего ради нынѣ въ Москвѣ вышепоказанную хулу испущалъ“, въ то время, когда обо всемъ этомъ только лишь оканчивалась имъ повинная, по распоряженію канцеляріи сената, арестованы были, по поводу его дѣла, нѣсколько лицъ; аресты были произведены въ Москвѣ, за нѣкоторыми же изъ оговоренныхъ лицъ поскакали курьеры въ Тамбовъ.

Такимъ образомъ свезены были въ тюрьмы по дѣлу Степана Выморкова: попъ изъ села Избердей, Тамбовскаго уѣзда; Антонъ Ивановъ; отецъ его, игуменъ Трегуляевскаго Тамбовскаго монастыря Іосафъ; іеродіаконъ изъ Тамбовскаго же Казанскаго монастыря Изосима; Дмитрій Васильевъ, попъ Успенской церкви въ городѣ Тамбовѣ, и наконецъ Осипъ, столяръ изъ села Спасскаго, того же Тамбовскаго уѣзда; впрочемъ, слѣдователи и судьи были сравнительно съ петровскимъ временемъ гораздо снисходительнѣе. Въ царствованіе покойнаго, неминуемо свезены были бы въ застѣнки всѣ тѣ попы, попадьи, дьячки, монахи, монахини, келейники, казаки, посадскіе люди и жены посадскихъ людей—словомъ всѣ, съ которыми

только имѣлъ „противные чести его величества разговоры“ бывшій монахъ Самуилъ, словомъ всѣ лица, которыхъ онъ почелъ священнымъ долгомъ назвать поимянно въ своей „предсмертной исповѣди“. Названо же имъ было до семидесяти лицъ, и изъ нихъ собственно изъ Тамбовскаго уѣзда и города Тамбова арестовано было всего только пять человѣкъ. Затѣмъ, разумѣется, допрошенъ былъ почти весь личный составъ Богоявленскаго московскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ; всѣ жившіе въ немъ, начиная съ архимандрита Іоакиѳа до послѣдняго сторожа, всего до пятидесяти человѣкъ, подвергаемы были по сему дѣлу допросу.

Главная цѣль допросовъ была узнать: въ какой силѣ писаны и говорены были Выморковымъ хулы на (покойнаго) государя? По чьему совѣту? При чьемъ дѣйствіи? Не было ли у него соумышленниковъ? И почему слышавшіе „поносительныя“ словеса не доносили о нихъ тотчасъ же властямъ предержащимъ? Соумышленниковъ, совѣтчиковъ и всякихъ помощниковъ пропагандѣ разстриги Степана, по отвѣтамъ допрашиваемыхъ лицъ, въ стѣнахъ Богоявленской обители, разумѣется, не оказалось; а на вопросъ, почему не было своевременно доносимо о хуленіяхъ Выморкова, каждый изъ братіи ссылался то на „шумство“, въ каковомъ положеніи былъ-де допрашиваемый, когда говорилъ разстрига то-то и то; другіе ссылались на „простоту, недоразумѣніе и на боязнь, чтобъ говорившій въ словахъ своихъ не заперся“; третьи говорили, что „собирались-молъ донести, да не успѣли, либо не могли, заболѣли-де зубною болью“; наконецъ, одинъ честной инокъ объявилъ, что потому и не донесъ на Выморкова, что „косноязыченъ отъ рожденья“. Въ то же время, каждый почти старался ослабить или даже и вовсе опустить выраженія изъ рѣчей Выморкова, наиболѣе „противнаго свойства“, но на многочисленныхъ очныхъ ставкахъ, дѣло само собой разъяснялось и „сумасбродныя словеса“ бывшаго монаха Самуила выходили въ томъ почти видѣ, какъ они были имъ сказаны. Самъ онъ, въ своей исповѣди и въ нѣсколькихъ дополнительныхъ письменныхъ и словесныхъ показаніяхъ, рѣдко тѣ рѣчи свои „противныя“ смягчалъ или опускалъ. Честной его натурѣ подобный обманъ судей казался преступленіемъ, и нерѣдко, приведя толки свои съ разными лицами, въ какихъ-нибудь казацкихъ станицахъ, о которыхъ, безъ его собственныхъ показаній, никто бы никогда и не узналъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною искренностью и какъ-бы съ сожа-

лѣніемъ говорилъ, что „памятно о другихъ многихъ разговорахъ сказать я не могу“.

Выслушавъ длинную повинную отъ Выморкова, произведя аресты нѣсколькихъ лицъ и допросивъ ихъ, московская канцелярія сената послала въ С.-Петербургъ, въ правительствующій сенатъ, вѣдѣніе, спрашивая: производить ли дальнѣйшіе аресты и вообще, гдѣ тому дѣлу быть слѣдоваему? Сенатъ приказалъ: разстригу Степана и прочихъ, которые его дѣлу приличны, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ прислать за крѣпкимъ карауломъ въ Тайную розыскную канцелярію въ Петербургъ, „а которыя онъ, разстрига, показываетъ старыя дѣла, сказано было въ сенатскомъ вѣдѣніи, тѣ нынѣ оставить, и какъ на Донъ, такъ и въ другія мѣста посылокъ не чинить“.

Согласно сему опредѣленію сената, графъ Матвѣевъ и генералъ-майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, 9 апрѣля 1725 года, подъ крѣпкимъ карауломъ отправили изъ Москвы въ Петербургъ Степана Выморкова и важнѣйшихъ, по ихъ мнѣнію, „приличныхъ“ къ его дѣлу четырнадцать лицъ.

Слѣдствіе продолжалось въ Петербургѣ три съ половиною мѣсяца. Наконецъ, изъ всего дѣла въ Тайной канцеляріи составленъ былъ коротенькій, въ нѣсколько строкъ, экстрактъ.

30-го іюля 1725 года изволила слушать тотъ экстрактъ императрица Екатерина Алексѣевна [1]) и затѣмъ, по ея указу, Тайная канцелярія, подведя соотвѣтствующія выписки статей изъ Уложенія и указовъ [2]), опредѣлила слѣдующее:

„1) Дворовому князя М. М. Голицына человѣку, Ивану Иванову Чевакинскому за то, что слыша отъ разстригъ Степана непристойныя слова про ея императорское величество, а не донесъ простотою—учинить наказаніе вмѣсто кнута батогами, нещадно, и свободить съ пашпортомъ въ Москву.

---

[1]) Государыня въ тотъ день слушала три экстракта изъ дѣлъ тайной канцеляріи: 1) изъ разсказаннаго здѣсь нами дѣла Выморкова, 2) о письмѣ неизвѣстномъ, по которому слѣдовалъ въ Москвѣ гвардіи капитанъ князь Шаховской о словахъ графа Матвѣева (?), и 3) по дѣлу архимандрита Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, отца Іоакинфа, въ обвиненіи его разстригою Петромъ Васильевымъ въ произношеніи хульныхъ словъ.

[2]) Уложеніе 1649 г., глава II, ст. 1, 19. Воин. артик. 1716 г., глава III, артик. 20; гл. XVI, арт. 129; гл. XVII, арт. 135, 136 и 137. Указъ 28 апрѣля 1722-го г., состоявшійся вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Левина, поносившаго Петра I-го на площади въ Пензѣ.

2) Церкви великомученицы Екатерины, что въ Москвѣ, во дворцѣ, вверху, попа Леонтія Балановскаго, за то, что слышалъ отъ помянутаго же Степана про ея императорское величество непотребныя слова, не донесъ потому, что былъ боленъ зубною болью, и

3) города Тамбова Успенской церкви, что въ полковой слободѣ, Панская тожъ, попа Дмитрія Васильева, который также, и отъ того же Выморкова, слышалъ непотребныя про ея императорское величество слова, не доносилъ отъ простоты своей и боясь, чтобы онъ, Степанъ, не заперся — и за то имъ, попамъ, учинить наказаніе шелепами при синодѣ, и свобождены къ прежнимъ церквамъ тѣми жъ чинами.

4) Трегуляевскаго монастыря, бывшаго игумена Іосафа [1],

5) Тамбовскаго уѣзда архіерейской вотчины села Спасскаго, Таленское тожъ, столяру Осипу Куликову,

6) Богоявленскаго монастыря, что въ Москвѣ, іеродіакону Іову,

7) іеродіакону Савватію, разстригѣ Симону Павлову [2],

8) іеромонаху Іосифу Дробницкому,

9) канархистру-монаху Діонисію, и

10) казначею-монаху Селиверсту, за недонесеніе о слышанномъ ими отъ Выморкова хульныхъ словъ, подлежали бы они наказанію, „однако же то имъ оставляется для поминовенія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти его императорскаго величества“.

Всѣ эти лица были отправлены на мѣста жительства, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя при допросахъ были разстрижены, вновь получили отъ синода постригъ.

11) Разстригамъ: Ѳедору Степанову, и

12) Петру Васильеву [3]) ожидать окончанія вновь показаннаго отъ нихъ дѣла о словахъ, бывшихъ отъ іеромонаха Варнавы на архимандрита Іоакинѳа.

13) Казанскаго монастыря, что въ Тамбовѣ, бывшаго іеродіакона Изосиму, разстригу Захарія Игнатьева, что онъ отъ Степана Выморкова [4]) про его императорское величество слышалъ не-

---

[1]) При допросахъ былъ пытанъ, получилъ 7 ударовъ.

[2]) При допросахъ два раза подыманъ на дыбу и висѣлъ на ней во второй разъ съ полчаса.

[3]) При допросѣ на пыткѣ дано ему 6 ударовъ.

[4]) На двухъ пыткахъ, при допросахъ, дано Захарію Игнатьеву (бывшему іеродіакону Изосимѣ) 17 ударовъ.

пристойныя слова, и о томъ не токмо донести, но и самъ на его слова говорилъ, и за то учинить ему, Захарію, вмѣсто натуральной смерти, политическую: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри, послать въ Рогервикъ, въ каторжную вѣчную работу.

14) Сокольскаго уѣзда села Избердей, бывшаго попа-распопу Антипа Щеглова [1]), который говорилъ про ея императорское величество важныя, непристойныя слова, и съ розыску въ томъ винился, и за то, вмѣсто натуральной смерти, учинить ему, Антипу, политическую: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри, послать въ Рогервикъ, въ каторжную вѣчную работу.

15) Наконецъ, города Тамбова, Предтечева Трегуляевскаго монастыря, бывшему монаху Самуилу, разстригѣ Степану Выморкову за его важныя вины учинить ему, Выморкову, смертную казнь: отсѣчь голову въ С.-Петербургѣ, съ объявленіемъ ему той его вины, и по экзекуціи тое его голову, положа въ спиртъ, отправить съ нарочнымъ гвардіи сержантомъ въ Тамбовъ, велѣть тамъ въ городѣ сдѣлать каменный столбъ, гдѣ пристойно поставить тое голову на желѣзной спицѣ; а туловище его, Выморкова, зарыть здѣсь въ землю; и о томъ, куды надлежитъ писать, а посланному дать инструкцію, и о винахъ Выморкова сочинить листъ, и послать съ помянутымъ сержантомъ, велѣть оный прибить къ столбу, гдѣ Выморкова голова будетъ".

3-го августа 1725 года, канцеляристъ, въ присутствіи караульнаго гвардіи сержанта, прочелъ Степану Выморкову смертный приговоръ.

4-го августа, осужденный былъ исповѣдуемъ, и только спустя недѣлю, удостоенъ причастія святыхъ тайнъ; въ тотъ же день, когда Тайная канцелярія разрѣшила причастить Выморкова, она озабочивалась нарядомъ сержанта съ добрымъ солдатомъ, для отвоза головы не казненнаго еще разстриги Степана Осипова сына Выморкова.

Когда все, такимъ образомъ, предварительныя распоряженія были окончены, 14-го августа 1725 года, за кронверкомъ (на Петербургской сторонѣ), у столба, въ присутствіи небольшой команды гвардейскихъ солдатъ, неизмѣннаго свидѣтеля казней — секретаря

[1]) На жестокой пыткѣ при допросахъ дано ему было 19 ударовъ кнутомъ.

Тайной канцеляріи Ивана Топильскаго и толпы народа, совершена экзекуція: по прочтеніи приговоровъ, бывшій іеродіаконъ Изосимъ (разстрига Захаръ Игнатьевъ), и распопъ Антипа Щегловъ высѣчены кнутомъ, дано имъ по тридцати ударовъ каждому, и ноздри у нихъ вырѣзаны.

Затѣмъ, у того же столба, по прочтеніи приговора, казненъ былъ бывшій монахъ Самуилъ (разстрига Степанъ Осиповичъ) Выморковъ.

Голова его была отсѣчена, положена въ спиртъ, и гвардіи сержантъ, въ сопровожденіи „добраго солдата", повезъ ее въ Тамбовъ „для публики". „Публика" совершена была такимъ образомъ: полковникъ, тамбовской провинціи воевода Петръ Ивановичъ Щербачовъ, „обще" съ прибывшимъ сержантомъ, распорядились на площади, гдѣ бываетъ колодникамъ экзекуція, сдѣлать каменный столбъ, и на немъ утвердили желѣзную спицу. Затѣмъ, 8-го октября 1725 г., въ пятницу, въ торговый день, въ присутствіи властей и при многихъ людѣхъ, голова Выморкова „съ публикою", съ барабаннымъ боемъ на спицу воткнута, и листъ о винахъ Выморкова при той оказіи прочтенъ и прибитъ крѣпко къ тому столбу, впредь для всенароднаго вѣдѣнія, и поставлены у того столба для караулу солдаты.

Іеродіакону Богоявленскаго, что въ Москвѣ, монастыря, Іерофею Оглоблѣ, „за его усердное показаніе, по опредѣленію графа Петра Андреевича Толстого и Андрея Ивановича Ушакова, и согласно съ указомъ 28-го апрѣля 1722 года, выдано въ награжденіе ея императорскаго величества жалованья 50 рублевъ".

Спб.
25-го іюня 1865 г.

Примѣчаніе. Три года спустя по составленіи нами настоящаго очерка по подлиннымъ документамъ, сохранившимся въ Государственномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ,—С. М. Соловьевъ въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. 1868 г., М., томъ XVIII, посвятилъ двѣ страницы этому дѣлу, замѣтивъ, что жизнь монаха Самуила Выморкова относительно ожиданія антихриста представляетъ одинъ „изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи раскола" (стр. 213—214). Коротенькая замѣтка о той же жизни была напечатана С. М. Соловьевымъ въ „Православномъ Обозрѣніи" 1861 г.

М. С.

Фрейлина Гамильтонъ

1719.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОНЪ.

Историческій очеркъ

1719.

«Страсть любовная, до Петра I почти въ грубыхъ нравахъ не знаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ!»

Кн. М. М. Щербатовъ.

«О поврежд. нравовъ въ Россіи», «Русская Старина» 1870 г., изд. третье, томъ II, стр. 16.

I.

Гемильтонъ или Гамильтонъ (Hamilton) принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и именитѣйшихъ родовъ датскихъ и шотландскихъ, раздѣляющихся на множество отраслей. Мы не станемъ перечислять знаменитыхъ представителей и представительницъ этой фамиліи, но замѣтимъ, что хроники Гемильтоновъ богаты самыми романическими происшествіями, самыми разнообразными дѣяніями на поприщахъ политическомъ, литературномъ, придворномъ, въ областяхъ искусства, живописи, музыки; наконецъ, имя одной изъ Гемильтонъ, леди Эммы Гемильтонъ (род. 1760 г., ум. 1815 г.), занимаетъ видное мѣсто въ хроникахъ англійскаго и неаполитанскаго дворовъ. Знаменитая красавица была любовницею многихъ достопочтенныхъ лордовъ, любовницею нѣсколькихъ героевъ, игравшихъ въ свое время важныя роли въ ученомъ или военномъ мірѣ, была сама героинею, публичною женщиною, была натурщицею, за деньги представляла статую богини Здравія (Hydiea), являлась публикѣ обнаженною и при-

крытою прозрачнымъ покрываломъ, была законною супругою лорда-посланника, управляла неаполитанскимъ дворомъ... словомъ, списокъ ея дѣяній безконеченъ [1]).

Нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи въ настоящее время (1860 г.) принадлежатъ къ числу ближайшихъ родственниковъ Луи-Наполеона III.

Вслѣдъ за такимъ громкимъ генеалогическимъ вступленіемъ можно подумать, что фрейлина Гамильтонъ, героиня настоящаго разсказа, есть лицо въ высшей степени замѣчательное, что жизнь ея полна дѣяніями романическими, что она—хоть блѣдный первообразъ леди Эммы Гемильтонъ? Нѣтъ, „дѣвка Марья Гаментова“, какъ названа Гамильтонъ въ современныхъ ей застѣночныхъ документахъ и въ пыточныхъ допросахъ, личность интересная, но въ другомъ родѣ, въ другихъ правахъ. Кратковременная жизнь ея не богата событіями разнообразными; но эти немногія событія характеризуютъ время Великаго Петра, нѣкоторыхъ изъ лицъ, его окружавшихъ, знакомятъ съ тогдашнимъ состояніемъ одной изъ важнѣйшихъ частей уголовнаго законодательства, наконецъ даютъ намъ поводъ, хоть въ краткомъ очеркѣ, представить внутреннюю жизнь петровскаго двора.

Въ послѣднее время (1860 г.) судьба фрейлины Гамильтонъ заинтересовала многихъ изъ тѣхъ, которые слѣдятъ за текущею русскою литературою. По поводу имени Гамильтонъ (Гаментова тожъ), случайно попавшаго въ устряловскіе списки оговоренныхъ и пытанныхъ лицъ въ 1718 году (Истор. Петра I, т. VI), въ одной изъ газетъ въ 1860 г. появилась интересная статейка: „Фрейлина Гамильтонъ“.

„Въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка“—такъ начинаетъ авторъ: „есть много лицъ, которыхъ трагическая судьба должна бы спасти отъ забвенія. Эти блѣдныя окровавленныя тѣни, участь которыхъ мало трогала жосткія, недоступныя состраданію сердца людей, жившихъ въ то ужасное время, встаютъ теперь, одна за другой, изъ могилъ и являются передъ судомъ потомства, требуя очищенія памяти ихъ отъ неправеднаго осужденія и произнесенія новаго, успокоительнаго для нихъ приговора“.

Въ этихъ словахъ выражается взглядъ составителя статьи на фрейлину Гамильтонъ, о которой онъ приводитъ немногія, но любопытныя подробности изъ нѣсколькихъ печатныхъ сочиненій. Не

---

[1]) Энц. лексикопъ, т XIII, стр. 457—459.

станемъ распространяться о томъ, вѣрно или невѣрно сужденіе неизвѣстнаго автора о трагической судьбѣ Гамильтонъ; но замѣтимъ, что судьба эта заинтересовала многихъ, и вслѣдъ за указанной статейкой въ газетахъ появилось нѣсколько дополнительныхъ статей, замѣчаній, объясненій и поправокъ о фрейлинѣ Гамильтонъ [1]).

„Мы покорнѣйше просимъ (заключаетъ авторъ одной изъ этихъ статей) занимающихся историческими изслѣдованіями эпохи Петра Великаго, въ особенности М. И. Семевскаго, поискать еще какихъ-либо свѣдѣній о Гамильтонъ; можетъ быть, и подлинное дѣло о ней гдѣ-нибудь сыщется".

Имѣя предъ собой это дѣло, мы очень рады, что можемъ удовлетворить любопытству занимающихся отечественной исторіей.

„Семейство Гамильтонъ", пишетъ А. Языковъ [2]), основываясь на подлинномъ родословіи этой фамиліи, „прибыло въ Россію при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, между 1533 и 1583 годами. Родоначальникъ этой фамиліи былъ Фернардъ, родомъ датчанинъ, родственникъ герцога нормандскаго, за малолѣтствомъ герцога правившій Нормандіей въ 912 году.

„Отъ Фернарда до Якова Гамильтона, современника Петра Великаго, изображено на пергаментномъ родословномъ свиткѣ 24 нисходящихъ линій родства съ боковыми отраслями этого рода".

Ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича, знаменитый Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, былъ женатъ на Гамильтонъ; впрочемъ, въ біографіяхъ Матвѣева фамилія жены его или вовсе не названа, или просто сказано, что она была происхожденіемъ шотландка [3]), именемъ Евдокія. На каменной гробницѣ ея, въ фамильномъ склепѣ Матвѣевыхъ (въ Москвѣ, близь Покровки), высѣчена слѣдующая надпись: „гробъ супруги блаженнаго болярина Артемона

---

[1]) «Сѣверная Пчела» 1860 г., №№ 73, 74, 85, 91 и 139. «Санктпетербург Вѣдом.» 1860 г., № 74. Одна изъ этихъ статей принадлежала г. Циммерману, скончавшемуся въ 1883 г., тому самому, который впослѣдствіи прославился какъ отличный офицеръ, затѣмъ генералъ генеральнаго штаба и начальникъ одного изъ корпусовъ въ войнѣ 1877—1878 гг.

[2]) Нынѣ покойный директоръ училища правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ.

[3]) Бант.-Каменскій—Терещенко: Опытъ обозр. жизни сановниковъ и пр. 1837 г., ч. I, стр. 113. Малиновскій: Рукописн. біографіи управлявшихъ иностр. дѣлами. Львова: Повѣствованія о боярахъ XVII в. М. 1821 г. Сахарова: Предисл. къ запискамъ сына Матвѣева. Н. И. Новикова изд. «Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева» 1776 г.

Сергѣевича Матвѣева—болярыни Евдокіи Григорьевны; а преставленіе ея во 180 (1672) году августа 24-го, на память пренесенія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра, митрополита кіевскаго и всея Россіи чудотворца".

Если надпись на гробницѣ Евдокіи Григорьевны умалчиваетъ о ея прежней фамиліи, за то мы узнаемъ ее изъ подписи надъ подлиннымъ родословіемъ Гамильтоновъ. Она помѣщена на пергаментномъ свиткѣ (длиною 3 аршина 12 вершковъ, шириною 1 аршинъ 2 вершка); „генеалогія знаменитой фамиліи Гамильтонъ, вышедшей изъ Шотландіи, составлена для употребленія знаменитому мужу Андрею Артамоновичу Матвѣеву, экстраординарному генеральному консулу Бельгіи и союзныхъ государствъ, котораго знаменитая родительница произошла изъ фамиліи Гамильтонъ".

Генеалогія эта, составленная по подлиннымъ историческимъ актамъ Шотландіи и Англіи, написана, разрисована и украшена Ѳ. Брандтомъ Эмигеромъ, придворнымъ художникомъ Анны британской.

На верху родословнаго дерева, какъ описываетъ его Языковъ, съ правой стороны помѣщены гербы: Артамона Сергѣевича Матвѣева и жены его, Евдокіи Григорьевны. Надъ гербомъ перваго подписано: „Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, первый сенаторъ, министръ и канцлеръ московскаго государства, презусъ иностранныхъ дѣлъ, ближній бояринъ, намѣстникъ серпуховскій". Фамильный гербъ жены его представляетъ: щитъ пурпуроваго цвѣта, въ которомъ между тремя серебряными розами изображено золотое сердце, окруженное золотыми чертами. Подъ гербомъ подпись: „княгиня Евдокія Григорьевна изъ дома или семейства Ѳомы Гамильтона г. Дарнгаберскаго, второго брата Якова Гамильтона, каковой домъ началъ процвѣтать въ московскомъ государствѣ при Иванѣ Васильевичѣ".

Нѣкоторые члены этой фамиліи скоро вступили въ русскую службу, обрусѣли и, вслѣдствіе употребляемой тогда славянской азбуки и всегдашней способности русскихъ коверкать иностранныя фамиліи, стали вписываться въ акты: Гамелтонами, Гаментонами, Гаментовыми, Хомутовыми [1]).

[1]) Послѣдняя фамилія имѣетъ общій гербъ съ Гамильтонами, и у одного изъ представителей ея, наказного атамана донского войска М. Г. Хомутова, (нынѣ покойнаго), сохранилось генеалогическое древо рода его предковъ Гамильтонъ, о которомъ сообщилъ интересныя свѣдѣнія А. Языковъ («Сѣв. Пчела» 1860 г. № 139).

Гамильтоны, при воцареніи Петра, вслѣдствіе брака Евдокіи Григорьевны съ А. С. Матвѣевымъ, принадлежали къ аристократическимъ фамиліямъ и чрезъ Матвѣевыхъ имѣли большія связи; кто же изъ нихъ былъ отцомъ фрейлины Марьи Гамильтонъ?

Въ русскихъ документахъ отца ея называютъ Даниломъ; въ послѣдней линіи родословія Гамильтонъ двоюроднымъ братомъ по матери Андрею Артамоновичу Матвѣеву поставленъ Guilemus — Гилимъ; зная свойство тогдашней, да и нынѣшней русской рѣчи — весьма основательно предположить, что Даниловна переиначена изъ Вилимовны.

Такимъ образомъ Марья Даниловна или Вилимовна, знатная фрейлина петровскаго двора, была племянница Андрея Артамоновича Матвѣева.

Впрочемъ, положительныхъ указаній о томъ, кѣмъ былъ отецъ Маріи въ ряду московскихъ сановниковъ—мы не нашли; извѣстно только, что въ началѣ царствованія Петра одинъ изъ вновь образованныхъ полковъ былъ ввѣренъ начальству Гамонтова (Гамильтонъ) и по имени своего начальника назывался Гамонтовымъ полкомъ [1]). Какъ онъ переименованъ впослѣдствіи и куда дѣлся командиръ полка — неизвѣстно; мы нашли только одно указаніе въ спискахъ 1706 года: „полкъ, бывшій Ивана Бернера—нынѣ Гамельтоновъ, расположенъ въ Петербургѣ“ [2]). Не этотъ ли Гамильтонъ (Вилимъ?) былъ отцомъ фрейлины Маріи?

Въ то время, когда въ рядахъ русскаго войска въ званіи полкового начальника служилъ иноземецъ Гамильтонъ, другой Гамильтонъ предводилъ однимъ изъ отрядовъ шведской арміи. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ день полтавскаго сраженія, въ числѣ четырехъ другихъ генераловъ [3]).

Какъ видно, онъ принадлежалъ къ числу именитѣйшихъ плѣнниковъ, ибо довольный Петръ во многихъ письмахъ, разосланныхъ

---

[1]) Еще Олеарій въ своемъ Путешествіи по Московіи упоминаетъ о полковникѣ Гамельтонъ (Hamilthon), какъ объ одномъ изъ иностранцевъ-офицеровъ въ войнѣ царя Алексѣя Михайловича. «Чтенія Моск. Общ. Исторіи» 1869 г., стр. 282.

[2]) Тетради записныя, 1704—1706 гг., изд. 1774 г., стр. 164, 165, 185 и 186.

[3]) Поденная записка Петра, изд. 1770 г. Ч. I, стр. 202. Журн. Гизена, полов. 2, стр. 108, изд. 1788 г.: «взятъ въ плѣнъ генералъ-маіоръ Гамильтонъ». Голиковъ, изд. 2-е, т. IV, стр. 77; т. V, стр. 275; т. VII, стр. 246; т. XI, стр. 222; т. XV, письма 18, 19, 26.

къ разнымъ лицамъ, съ гордостью называетъ Гамильтона, искажая его имя на всѣ лады—общій удѣлъ всѣхъ тогдашнихъ иноземныхъ фамилій.

Большой чинъ Гамильтона не спасъ его отъ судьбы, постигшей всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ. Въ 1714 году онъ былъ посланъ съ тремя товарищами въ Кирилловъ монастырь [1]). Послѣ пятилѣтняго заточенія, при началѣ переговоровъ о мирѣ, онъ былъ освобожденъ, бывалъ у многихъ изъ вельможъ, принималъ участіе въ пирахъ, благодарилъ Петра за милостивое обхожденіе—это было въ 1719 г., то есть тогда, когда его однофамилица, по волѣ суроваго монарха, страдальчески окончила свою жизнь... Въ 1722 году генералъ-маіоръ Гамильтонъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ отечество. Онъ оставилъ Россію, надѣленный подарками отъ герцога Голштинскаго [2]).

Въ какомъ году начинается служба его прекрасной однофамилицы при дворѣ Петра и Екатерины — неизвѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній, мы думаемъ, что Гамильтонъ, въ качествѣ ближней прислужницы Екатерины, явилась не ранѣе 1713 года. Въ 1715 году она уже сама имѣла двухъ горничныхъ и пользовалась расположеніемъ царя и царицы.

Штатъ Екатерины былъ далеко незатѣйливъ; онъ состоялъ изъ нѣмокъ, чухонокъ, карловъ и немногихъ русскихъ. Какъ видно, для званія прислужницы, по старому выраженію, дѣвушки съ верьху [3]), вовсе не требовалось ни знатнаго происхожденія, ни ума; въ этомъ случаѣ отличали только красоту и молодость. Такой выборъ объясняется какъ вкусомъ и характеромъ Петра, такъ и происхожденіемъ самой Екатерины.

Самые разнообразные разсказы о первомъ и весьма темномъ періодѣ ея жизни носятъ характеръ легендарный; вотъ одна изъ этихъ довольно сбивчивыхъ легендъ, записанная, уже сто лѣтъ спустя послѣ рожденія Екатерины I, Гельбигомъ: отецъ Марты (Екатерины) былъ литовскій крестьянинъ Самуилъ (Скавронскій); кромѣ сына

---

[1]) О бѣдствіяхъ шведскихъ плѣнныхъ въ Россіи подробно разсказываетъ Берхгольцъ. Ч. I, стр. 46, 56. Ч. II, стр. 44—46, 104 и 105.

[2]) Берхгольцъ, ч. 2, стр. 98.

[3]) «Въ верьху», т. е. во дворцѣ. «Ступай на верхъ, зоветъ тебя баринъ», въ этомъ выраженіи нынѣшней (1860 г.) прислуги сохраняется прежнее значеніе слова: верьхъ. Въ старину были: верховыя боярыни и боярышни, ровнявшіяся нынѣшнимъ статсъ-дамамъ и фрейлинамъ.

Карла, онъ имѣлъ трехъ дочерей: Марту, Христину и Анну. Вся семья была католической вѣры. По смерти Самуила, семейство переѣхало въ рижскій округъ, въ деревню Lennewaiden, на рѣчкѣ Rumbe. Марта родилась, какъ увѣряли иноземцы, 16 апрѣля 1686 года, и лишь только подросла, отдана была матерью, не имѣвшею средствъ содержать большую семью, въ услуженіе къ пастору Dauf, въ томъ же округѣ, въ роопскій приходъ. Марта изъ католички преобразилась въ лютеранку и скоро ушла въ Маріенбургъ, венденскаго округа, въ услуженіе къ пастору Glück [1]). Къ этому времени относится бракъ ея, по любви, съ шведскимъ драгуномъ Johann. Исторія этого брака разсказывается иноземными писателями съ различными варіантами, всевозможными романическими приключеніями — очевидно, произведеніями фантазіи сочинителей; другіе же писатели не только подробности, но и самый бракъ опровергаютъ. Для разъясненія этого вопроса недостаточно немногихъ, но весьма важныхъ документовъ, обнародованныхъ К. И. Арсеньевымъ, С. Соловьевымъ и др. о семействѣ Екатерины: подождемъ еще матеріаловъ [2]), а пока, вслѣдъ за Гельбигомъ, повторимъ легенду, что бракъ Марты (Екатерины) съ драгуномъ былъ непродолжителенъ. Драгуна потребовали въ полкъ [3]). Это было незадолго до взятія Маріенбурга. Въ числѣ плѣнныхъ была миловидная Марта. Шереметевъ взялъ ее къ себѣ, но скоро уступилъ Меншикову, въ качествѣ служанки. Меншиковъ долго скрывалъ плѣнницу отъ вельможъ и Петра, но въ веселый часъ прихвастнулъ красавицей... Она взята во

---

[1]) Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 31–34. Германъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: Geschichte d. russisch. Staats, V, 109, примѣч. 79, свидѣтельствуетъ, что авторъ Russ. Günstlinge — былъ Гельбигъ (Helbig), тайный совѣтникъ при саксонскомъ посольствѣ, акредитованный къ петербургскому двору въ 1787 году. Въ дрезденской библіотекѣ, на корешкѣ книги R. Günstlinge выставлено имя Гельбига, какъ автора сего сочиненія, весьма интереснаго по отношенію къ русской исторіи XVIII вѣка.

[2]) Разъясненію печатныхъ иноземныхъ извѣстій о происхожденіи Екатерины положилъ начало П. К. Щебальскій, напечатавшій во 2-й кн. Чтен. Общ. истор. и древн. росс. 1860 г. небольшое изслѣдованіе: „Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I“. Въ позднѣйшіе годы интересная статья, составляющая сводъ шведскихъ извѣстій о происхожденіи Екатерины I, была написана акад. Я. К. Гротомъ.

[3]) Разсказываютъ, замѣчаетъ Гельбигъ, но за достовѣрность не ручаюсь, что мужъ-драгунъ пробрался впослѣдствіи въ Россію посмотрѣть на царскомъ дворѣ на свою жену, но его будто бы схватили и, по повелѣнію Петра, сослали въ Сибирь. (1860 г.)

дворъ государевъ въ концѣ 1703 г. или въ началѣ 1704 г.; въ 1705 г. имѣла уже отъ царя Петра двоихъ дѣтей, что видно изъ письма, ея именемъ такъ подписаннаго, 6-го окт. 1705 г.: Катерина сама третья. Именовалась она сначала Катерина Василевская (до 1708 г.), потомъ Михайловою (до 1711 г.); перешла въ Москвѣ (около 1708 г.) въ лоно православія[1]). Полагаютъ, что крестною матерью была Екатерина Алексѣевна, сестра государя; вѣрно же то, что крестнымъ отцомъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, по имени котораго она и получила свое отчество и стала писаться Екатерина Алексѣевна.

Нѣсколько лѣтъ новая любимица считалась во дворѣ государя; съ марта мѣсяца 1711 года къ ней уже обращаются какъ къ царицѣ и она сопровождаетъ государя въ походахъ... Петръ обвѣнчался съ ней, по разсказамъ нѣкоторыхъ писателей, въ 1711 году.

Въ народѣ, по поводу этого брака, ходили разные толки и слухи...

— „Не подобаетъ монаху, не подобаетъ и ей (Катеринѣ) на царствѣ быть,—такъ говорили солдаты, говорили и въ народѣ,—вѣдь она не природная и не русская; и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята: приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ; караульной, нашъ же офицеръ, надѣлъ па нее кафтанъ... Она (Катерина) съ княземъ Меншиковымъ его царское величество кореньемъ обвела“ [2]).

Такъ говорили въ толпѣ; писали же и печатали, какъ тогда, такъ и гораздо позже, нѣсколько въ другомъ тонѣ:

— „Великій монархъ,—восклицаетъ одинъ изъ восторженныхъ дѣеписателей царя Петра I, — никогда не оказалъ быть себя отъ плотскаго сластолюбія преодолѣнна. По разводѣ съ царицею Евдокіею, пробылъ безбрачно болѣе 12 лѣтъ, не имѣя ни въ мысли того, чтобъ ему когда съ вожделѣніемъ на женской полъ воззрѣть, пока не уловленъ былъ отъ дарованій, усмотрѣнныхъ имъ на лицѣ или въ сердцѣ Екатерины, которую кой часъ только увидѣлъ, то

---

[1]) Въ нашемъ собраніи гравюръ и политипажей есть интересная литографія: Меншиковъ передаетъ царю Петру—Екатерину.

[2]) Доношеніе дьячка Өедорова на капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина въ брани царскаго величества. Напечат. въ „Чт. Общ. Исторіи“ 1860 г., ч. 2, стр. 21—24, смѣсь. „Кобылинъ (такъ доноситъ дьячекъ) вообще говорилъ (про Катерину) неудобь сказаемымъ словомъ скверно и непристойно“, по-своему разрѣшая вопросъ: „чего ради и корона ея, государыни, устроена“.

всю свою любовь къ ней возъимѣлъ съ продолженіемъ оной до кончины своей жизни безо всякія отмѣны! Толь сильное и здравое тѣло имѣлъ великій Петръ!“ [1]).

Въ 1715-мъ году, Петру Бестужеву данъ указъ царемъ Петромъ развѣдать о родныхъ Екатерины, и его отвѣтъ — одно изъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій о ея происхожденіи.

„Вильгельмъ Ганъ Курлянецъ, доносилъ 25-го іюня 1715 г. Бестужевъ—у него четыре сестры: первая Катерина-Лиза была замужемъ въ Крейсбурхѣ за Яномъ Веселевскимъ. Вторая сестра Дорота была за Сковородскимъ, имѣла два сына и четыре дочери, была Лютерскова закону: одинъ Карлъ, другой Фрицъ въ Польскихъ Лифляндахъ, одна дочь Анна, другая Доротея, обѣ въ Польскихъ Лифляндахъ замужемъ; третья Катерина жила въ Крейсбурхѣ у тетки своей Маріи-Анны Веселевской[2]), которую въ 12 лѣтъ возраста ея взялъ въ Лифлянды Шведской Маріенбургской пасторъ; четвертая Анна въ повѣтріе умерла“.

Родилась Катерина не въ 1686 г., а въ 1683 году.

Сильное и здравое тѣло Петра Алексѣевича, вопреки словамъ его историка, любило, хотя и временныя,—но частыя отмѣны, и вотъ при дворѣ любимицы Катерины, одна за другой, являются красавицы въ различныхъ званіяхъ, болѣе или менѣе опасныя, особенно въ первое время... Такимъ образомъ, является на сценѣ Марья Даниловна Гамильтонъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ Марьи Даниловны Гамильтонъ при дворѣ, необходимо познакомиться съ штатомъ прислуги Екатерины; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ документовъ, ни даже списковъ придворнаго вѣдомства 1715, 1716, 1717 годовъ. Самая ранняя роспись, доставленная намъ П. Н. Петровымъ, относится къ 1720 году. Но такъ какъ въ пять лѣтъ не могло произойдти важныхъ перемѣнъ въ составѣ и общемъ характерѣ придворнаго вѣдомства, то считаемъ не лишнимъ привести этотъ списокъ или „вѣдѣніе къ денежному жалованью 1720 года“:

„Комнаты ея величества всемилостивѣйшей государыни царицы:

„Яганѣ Петровой—100 р.; Устиньѣ Петровой—80 р.; Аннѣ

[1]) Житіе Петра I-го. Соч. Өеодози, Москва, 1788 г., стр. 553.

[2]) Отсюда фамилія Василевская, подъ которою Екатерина была извѣстна въ Россіи. См. „Исторію Россіи“ Соловьева. т. XVI, стр. 70; т. XVIII, примѣч. стр. 10.

Ивановой—50 р.; Татьянѣ Герасимовой—20 р.; Варварѣ Мартьяновой—24 р.; Сузанѣ Ивановой—80 р.; каммер-пажу Семену Маврину—100 р.; пажу Густаву Голстіину—70 р.; пажу Антону Детольдену—70 р.; князю Ѳедору Прозоровскому—20 р.; Карлу Мокѣю Челищеву—40 р.; Козьмѣ Спиридонову—40 р.; Ивану Воробьеву—20 р.; бабушкѣ Авдотьѣ Павловой—100 р.; Маргаритѣ Даниловой—65 р.; Агнетѣ Ивановой—26 р.; Катеринѣ Нелисъ—25 р.; карлицѣ Аннѣ Ивановой—20 р.; солдату Денису Иванову—10 р.; прачкѣ Домнѣ Ѳедоровой—12 р.; музыканту Яну Пандуховскому—20 р.

„Комнаты царевны Анны Петровны [1]):

„Авдотьѣ Ильиной—120 р.; Дарьѣ Ивановой—80 р.; Бьятѣ Крестьяновой—80 р.; Софьѣ Степановой—80 р.; Катеринѣ Бухвостовой—50 р.; француженкѣ Жегетонѣ—40 р.; Марьѣ Шепелевой—20 р.; карлицамъ: Устиньѣ Никитиной — 25 р. и Марѳѣ Даниловой—20 р.; карлику Фролу Сидорову—15 р.; Матвѣю Дементьеву—12 р.

„Комнаты царевны Елисаветы Петровны:

„Лискинѣ Андреевой — 100 р.; Аннѣ Беятѣ — 80 р.; Гритѣ Гликше (Glück)—80 р.; Аннѣ Юрьевой—40 р.; карлицѣ Авдотьѣ Петровой—20 р.; карлицѣ Аксиньѣ Тимоѳѣевой—20 р. [2]); Авдотьѣ Лаврентьевой—21 р.; Никитѣ Вожжинскому—12 р. [3]); Лискиньи Андреевой, сыну Андрееву—12 р.; Афонасью Калугину — 10 р.; кухмистру Яну Пельхеру—150 р.; Юрью Липинскому—3 р.; старухѣ Крестинѣ Пиперъ—70 р.

„Комнаты царевны Натальи Петровны:

„Карлицѣ Марьи Юрьевой—50 р.; старухѣ Аннѣ Николаевой—30 р.; прачкѣ Марьѣ Андреевой—12 р.; дѣвкѣ Еленѣ Ивановой — 12 р.; швейкѣ, которая надсматриваетъ надъ прачками, Лискиньи Сигре-Спсели—14 р.; прачкѣ Керинѣ Ѳедосѣевой—12 р.;

---

[1]) Нѣкоторыя изъ названныхъ лицъ приведены Голиковымъ въ спискѣ дѣвушекъ-фрейлинъ, т. VII, стр. 398.

[2]) Это была московская крестьянка, страшный уродъ, съ бородой. По приказу Петра, сдѣланъ былъ ея портретъ, нагой, Гселлемъ, швейцарцемъ; хранился въ Акад. Наукъ.

[3]) Подобные списки и близкое знакомство съ штатомъ той либо другой особы весьма важны во многихъ случаяхъ. Они иногда обнаруживаютъ вслѣдствіе какихъ связей и отношеній то либо другое лицо пало или возвысилось.

Прасковьѣ Васильевой, Катеринѣ Ивановой, Аксинѣ Ивановой, Марьѣ Андреевой—по 12 р. каждой".

Далѣе слѣдуетъ списокъ 11-ти пѣвчимъ; жалованье имъ было отъ 40 до 80 р.; три коровницы получали по 10 р.; полякъ Гаврило Горскій—10 р.; пяти гребцамъ—по 8 р. и 4 гривны каждому; шапочнику Д. Иванову—23 р. 8 гр. 2 деньги; портному Василью Вонифатьеву—14 р. 31 гр. 4 ден.; Ѳ. Бухарову—30 р.; двумъ шведенкамъ, которые у золотыхъ дѣлъ мастера находятся, на обувь и на прочее—по 6 р.; калмыченку—4 р.

Комнатъ великаго князя и великихъ княженъ:

„Камеръ-фрауву Солтанине—60 р.; Смендехине-Біате Петровой—50 р.; камер-юнг-фарѣ Катеринѣ—50 р.; портному Іогану-Фридриху Стенбаху—80 р."; Петру Бему и двумъ хайдукамъ не означено.

Въ этомъ спискѣ, на-ряду съ иностранными фамиліями, много русскихъ; въ послѣдніе годы, дѣйствительно, при дворѣ Петра является болѣе русскихъ, нежели прежде; впрочемъ, по фамиліямъ женщинъ вовсе нельзя судить, чтобъ онѣ были русскія. Иностранныя имена искажались, по волѣ каждаго писца, на русскій ладъ, либо иностранка выходила замужъ за русскаго.

Приведенный списокъ позволяетъ догадываться, что и при поступленіи ко двору Гамильтонъ, тѣ же или подобныя же лица составляли дворъ[1]). Содержаніе получали они довольно скудное, даже и по тому времени; вообще, вся эта толпа русскихъ, нѣмокъ, поляковъ, полекъ, чухонокъ напоминала барскую дворню крѣпостныхъ холоповъ—дворню самую разнохарактерную. Можно судить, какую смѣсь языковъ, одеждъ и лицъ представляла эта толпа; какой странный контрастъ являлъ собою дворъ Петра и Екатерины съ дворами московскихъ царей прежняго времени!

Петръ скоро замѣтилъ красавицу Гамильтонъ и сдѣлалъ для нея отмѣну, вѣроятно „усмотря въ ней такія дарованія, на которыя не могъ не смотрѣть съ вожделѣніемъ".

Его-ли вниманіе, вниманіе-ли Екатерины, которая, желая угодить властелину и своему „хозяину", ласкала временныхъ своихъ соперницъ,—какъ бы то ни было, только Марья Вилимовна или Дани-

[1]) Бóльшимъ однообразіемъ и порядкомъ отличался дворъ Шарлотты Софіи, супруги царевича Алексѣя Петровича. Штатъ ея составленъ былъ почти весь изъ нѣмцевъ и нѣмокъ. На содержаніе отпускалось 11 т. руб. Устряловъ, т. VI, стр. 33.

ловна Гамильтонъ пользовалась значенiемъ при дворѣ, имѣла много нарядовъ, дорогихъ вещей, нѣсколько горничныхъ, изъ которыхъ впослѣдствiи важную роль играютъ въ ея жизни Катерина Терновская, да Варвара Дмитрiева. Марью Даниловну ласкали, вслѣдъ за государемъ и государыней, придворные; ей дѣлали значительные подарки.

Такъ, напримѣръ, генеральша Балкъ подарила ей красивую дѣвушку Крамеръ. Анна Ивановна Крамеръ была дочь купца и члена нарвскаго магистрата. Взятая въ плѣнъ въ 1704 году, она была отослана на житье въ Казань, оттуда, нѣсколько лѣтъ спустя, прiѣхала въ Санктпетербургъ и здѣсь подарена г-жѣ Балкъ; послѣдняя презентовала ее Марьѣ Даниловнѣ. Посѣщая Гамильтонъ, государь Петръ Алексѣевичъ шутилъ и съ ея милой прислужницей... „Государь (замѣчаетъ Гельбигъ) находилъ большое удовольствiе въ бесѣдахъ съ ней" [1]).

Окруженный подобными красавицами, развлекаясь съ ними въ часы досуга, Петръ веселился и хотѣлъ, чтобъ веселились всѣ его приближенные: съ этою цѣлью монархъ, среди множества государственныхъ дѣлъ, находилъ время устроивать самыя курьезныя празднества; царемъ ихъ былъ прежнiй его наставникъ, Зотовъ.

„Мудрый государь (восклицаетъ Голиковъ) наименовалъ сего Зотова папою, дабы мечтаемую папою власть надъ христiанствомъ и самую особу папы привесть у подданныхъ своихъ въ презрѣнiе. Съ этою цѣлью наряжалъ онъ Зотова смѣшнымъ образомъ въ папскiе уборы, представлялъ многiе обряды папскiе въ такомъ же смѣшномъ видѣ и проч. Равнымъ сему образомъ приводилъ царь, мало-по-малу, въ неуваженiе патрiарха Россiйскаго".

Чтобы приготовить народъ къ небытiю патрiарха, повѣствуетъ авторъ „Дѣянiй", и напередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ, государь преобразилъ князь-папу въ князь-патрiарха. Онъ одѣвалъ Зотова въ платье, подобное патрiаршему; когда тотъ торжественно садился на коня въ назначенные дни, то государь, подражая прежнимъ царямъ русскимъ, держалъ стремя его сѣдла.

Съ цѣлью же осмѣянiя патрiаршаго званiя государь повелѣлъ устроить смѣхотворную свадебную церемонiю мнимаго патрiарха [2]).

---

[1]) Russ. Günstl. стр. 103—104.

[2]) Голиковъ, т. VI, стр. 278—292. Мы видѣли у Н. И. Урывкова картины 1702 и 1704 гг. свадьбы шутовъ великаго Петра. Дѣйствующiя лица изображены въ монашескихъ уборахъ и ризахъ. Гравюры эти потомъ были нами прiобрѣтены отъ Урывкова, нынѣ покойнаго.

21-го сентября 1714 года данъ былъ указъ всѣмъ знатнымъ особамъ обоего пола, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ быть на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Зотова, для чего и приготовить „всесвѣтнаго манера платья, съ тѣмъ, однако, чтобъ каждаго манера было не болѣе трехъ платьевъ".

10-го декабря государь осмотрѣлъ всѣхъ ряженыхъ въ домѣ секретаря Волкова, на Васильевскомъ островѣ; самъ распредѣлилъ порядокъ поѣзда, собственноручно написалъ реестръ господамъ, кому быть на свадьбѣ, въ какомъ платьѣ и съ какими играми. Вся знать, начиная отъ графа Апраксина, князя Меншикова, митрополита новгородскаго, царевича Алексѣя до послѣдняго царскаго деньщика, всѣ должны были участвовать въ смѣхотворной процессіи. Изъ дамъ приняли въ ней участіе: ея величество государыня въ фрисландскомъ костюмѣ, двѣ царицы Марѳа Матвѣевна и Прасковья Ѳедоровна— въ польскихъ нарядахъ, обѣ женщины чрезвычайно набожныя, для которыхъ, безъ сомнѣнія, имя и званіе патріарха имѣло гораздо болѣе значенія, нежели для Екатерины, перемѣнившей, по волѣ случая, вѣроисповѣданіе. Кромѣ двухъ царицъ, царевенъ и принцессъ, государыню сопровождали пять дѣвицъ-фрейлинъ: онѣ были въ лѣтникахъ и въ нагольныхъ шубахъ (вывороченныхъ?). Въ этомъ странномъ, не совсѣмъ красивомъ нарядѣ, сохранившемся въ настоящее время между кухарками и горничными низшаго разряда, во время ихъ ряженій о масляницѣ и святкахъ, должны были нарядиться фрейлины Екатерины I-й. Въ этомъ же нарядѣ, безъ сомнѣнія, была и Марья Даниловна Гамильтонъ.

Гости приглашались особою запискою, написанною въ юмористическомъ тонѣ такого рода: „позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не торопясь... между многими другими тѣхъ, которымъ со двора отлучиться нельзя" (т. е. деньщиковъ). Четверо величайшихъ заикъ должны были ходить съ приглашеніями; не принять ихъ никто не смѣлъ, опасаясь тягчайшаго гнѣва государева [1]).

16-го января 1715 года стали съѣзжаться; дамы собрались въ домѣ князь-игуменьи Ржевской, каждая въ назначенномъ ей нарядѣ, съ красными дудочками. Весь кортежъ двинулся по городу длинной

[1]) Такъ напр. Матвѣй Алексѣевичъ Головинъ за то, что не хотѣлъ рядиться и мараться сажею, былъ раздѣтъ до-нага и преображенъ въ демона на невскомъ льду. Демонъ не явилъ силы демонской; онъ простудился, получилъ горячку и вскорѣ умеръ. Родосл. Головиныхъ изд. 1847 г., стр. 60.

процессіей, въ линеяхъ, каждая о шести лошадяхъ, вслѣдъ за новобрачными; по бокамъ шли скороходы, старцы, уродливые толстяки, не могшіе двигаться безъ пособія другихъ; впереди шли музыканты со всевозможными инструментами. При громѣ пушечной пальбы, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, семидесятилѣтній князь-патріархъ былъ обвѣнчанъ съ шестидесятилѣтней архіерейшей московскимъ девяностолѣтнимъ священникомъ изъ Архангельскаго собора. Обѣдъ былъ въ домѣ князь-патріарха, откуда съ смѣшными обрядами, поднявъ жениха, процессія двинулась по всему городу. Народъ въ безчисленныхъ толпахъ смотрѣлъ на курьезное зрѣлище; на улицахъ выставлено было для него угощеніе: множество бочекъ съ виномъ, пивомъ и разными яствами. Этотъ народъ, такъ недавно благоговѣвшій предъ патріархомъ, нынѣ забавлялся на счетъ его званія; пьяная толпа, съ ковшами въ рукахъ, въ великимъ смѣхомъ ревѣла: „патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!!"

Забавы продолжались болѣе двухъ недѣль. Подобныя пиршества свадебныя, именинныя и другія, сопровождавшіяся страшнѣйшими попойками, по увѣренію Голикова, служили Петру средствомъ „къ узнанію расположенія сердецъ, сопирующихъ съ нимъ!" [1]).

Поводовъ къ устройству попоекъ и всевозможныхъ пиршествъ съ такою оригинальною цѣлью было очень много: ни Петръ, ни его приближенные не упускали случая ими пользоваться; церковные праздники, царскіе и кавалерскіе дни, спуски кораблей, закладки новыхъ зданій, приходъ новыхъ кораблей—все было достаточнымъ предлогомъ для пира. Въ 1715 году, между прочимъ, рожденіе царевича Петра Петровича, чрезвычайно порадовавшее государя, вызвало цѣлый рядъ обѣдовъ „съ зѣло-веселительнымъ пьянствомъ". Ради веселія и праздника, государь дѣлался снисходительнымъ къ нѣкоторымъ человѣческимъ слабостямъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ большихъ праздниковъ отъ наткнулся на улицѣ на мертвецки-пьянаго работника. Монархъ толкнулъ его ногою, говоря: „вставай,

---

[1]) Дѣянія Петра Великаго, томъ VIII, стр. 366. „Въ попойкахъ, по мнѣнію кн. М. М. Щербатова, государь тщился познавать мысли недоброхотствующихъ ему вельможъ... И се, можетъ статься, была причина, что не токмо знатнѣйшихъ бояръ нѣкоимъ родомъ самовластія упиваться принуждалъ, но иногда и женщинъ поилъ"... „Чт. Об. Истор." 1860 г., кн. I, о порокахъ Петра, стр. 19.

братъ!“, но толчокъ ли былъ слабъ или вино тогдашнее крѣпко, только работникъ не проснулся. Государь велѣлъ убрать его въ караульню. Когда пьяный проспался, его привели къ Петру. Работникъ, не видя въ очахъ и въ голосѣ монарха ничего гнѣвнаго, чистосердечно покаялся: „обрадовавшись-де празднику и отдохновенію отъ работы, согрѣшилъ—напился“. Государь простилъ кающагося: „да опохмѣлите его, замѣтилъ онъ, отпуская работника: чай, голова у него болитъ...“ [1]).

На пиршествахъ присутствовали всѣ знатныя дамы: присутствовала и фрейлина Гамильтонъ. Красавицы, въ угоду пирующимъ, зачастую осушали бокалы... Ассамблеи не получили еще правильнаго устройства; самое слово не закрѣплено было царскимъ указомъ, но собранія танцовальныя были въ большомъ употребленіи, и всѣ дамы, въ особенности молодыя иностранки, чуждыя русскаго предубѣжденія къ этимъ потѣхамъ, отъ души веселились; веселилась и танцовала, безъ сомнѣнія, и наша красавица. Она не имѣла первое время опасныхъ соперницъ, которыя могли бы затмить ее своею красотою. Царевны Анна и Елисавета Петровны были „прекрасны, по замѣчанію современника, какъ ангелы“ [2]); но въ это время были дѣтьми. Княгиня Марья Юрьевна Черкаская (род. 1696 г., ум. 1747 г.), обѣ Головкины, Измайлова, считавшіяся въ 1721—1723 годахъ первыми красавицами петербургскаго двора, въ то время также были еще очень молоды [3]). Въ числѣ немногихъ соперницъ Гамильтонъ, въ 1713—1716 годахъ была генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, пользовавшаяся иногда особымъ вниманіемъ государя... Онъ называлъ ее обыкновенно: „Авдотья—бой-баба!“ [4]).

[1]) Дѣянія Петра Великаго, томъ XV, стр. 242—243.

[2]) Берхгольцъ, ч. I, стр. 54, 86 и 101.

[3]) Въ 1721 году Берхгольцъ насчитывалъ при нашемъ дворѣ до тридцати хорошенькихъ дамъ, которыя, по его мнѣнію, мало уступали голштинскимъ дамамъ въ привѣтливости, хорошихъ манерахъ и красотѣ. Ч. I, стр. 55.

[4]) Авдотья Ивановна Чернышева (послѣ графиня) род. 1693 г., ум. 1747 г.; ее любила впослѣдствіи императрица Анна Ивановна. Она часто призывала ее потѣшить себя анекдотами. Разсказщица заболѣла; ноги ея такъ сильно отекли, что она не могла стоять. Тѣмъ не менѣе разсказывать нужно было съ почтеніемъ, стоя. Благодушная государыня сжалилась однажды надъ ея страданіями и, замѣтивъ, что Авдотья Чернышева совершенно изнемогла и съ трудомъ держалась на ногахъ, сказала ей:

— „Ты можешь наклониться на этотъ столъ; служанка заслонитъ тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы“. (Записки Екатерины Романовны Дашковой).

Русскимъ дамамъ много вредила дурная и отвратительная мода: онѣ сильно румянились. Почти всѣ петербургскія дамы такъ хорошо умѣли раскрашивать себя, что мало уступали француженкамъ [1]).

Страсть къ нарядамъ и уборамъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространялась при дворѣ [2]); но средства удовлетворять возникавшимъ потребностямъ были въ самомъ младенческомъ состояніи. „Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, замѣчаетъ кн. М. М. Щербатовъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосъ женскихъ; и ежели къ какому празднику, когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутокъ нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить... Есть ли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угоднымъ быть, то то же тщаніе украшеній ту же роскошь рождало. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали“ [3]).

Сама Екатерина Алексѣевна, по свидѣтельству того же историка, любила и старалась украшаться разными уборами и простирала это желаніе до того, что запретила другимъ женщинамъ подобныя ей украшенія носить, какъ, напримѣръ, убирать алмазами обѣ стороны головы, дозволивъ убирать одну лѣвую сторону; запрещено было носить горностаевые мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, и это обыкновеніе, введенное не указомъ и не закономъ, обратилось въ узаконеніе, въ силу котораго это украшеніе присвоено было только одной царской фамиліи въ то время, какъ въ Германіи и мѣщанки носятъ эти мѣха...“ [3]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи онѣ ушли впередъ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Вотъ что̀ писалъ Олеарій: „русскія женщины вообще красивы, но всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ, можно подумать, что онѣ намазали себѣ лицо мукой и потомъ кисточкой накрасили щеки. Онѣ красятъ также брови и рѣсницы черною, а иногда и коричневою краскою“. (Глава III, о русскихъ въ отношеніи ихъ внѣшняго вида).

[2]) Нѣмецкое платье начинаетъ входить въ употребленіе по всей Россіи съ 1705 г. Къ этому году относится множество грамотъ царскихъ о ношеніи дворянами сего платья, подъ страхомъ жестокаго наказанія. Нѣкоторыя изъ грамотъ помѣщены въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, ч. 2, стр. 257, 258 и друг.

[3]) „Русская Старина“ 1870 г., изд. третье, томъ II, „О поврежденіи нравовъ“, стр. 16 и 27.

Примѣръ Екатерины еще болѣе усиливалъ между молодыми придворными женщинами страсть къ нарядамъ. Ея любимица камеръ-фрейлина Гамильтонъ, какъ увидимъ ниже, до такой степени увлеклась этою страстью, что, не имѣя возможности украшать костюмъ такъ, какъ бы это хотѣлось, стала пользоваться вещами изъ туалета своей госпожи. Петръ, по извѣстной бережливости, другіе поклонники Гамильтонъ, по бѣдности, не могли дарить ее необходимыми украшеніями; а между тѣмъ, для поддержанія красоты и значенія между дамами и дѣвицами, она нуждалась во многихъ вещахъ. Эта потребность являлась тѣмъ болѣе насущною, что красота Гамильтонъ стала блекнуть; она уже два раза была беременна... Первая беременность ея относится къ 1715 году. Въ это время, впослѣдствіи разсказывала Варвара Дмитріева, находившаяся при ней въ услуженіи отъ великаго поста и до Троицына дня, Гамильтонъ была больна: „и въ то время хаживали къ ней явно Семенъ Алабердѣевъ, деньщики и протчіе дворцовые служители; но была ли тогда брюхата Марья, того я, Варвара, подлинно не знаю“ [1]).

Изъ другихъ показаній видно, что сомнѣнія въ беременности Гамильтонъ не могло и быть; несчастная, стыдясь множества поклонниковъ своихъ, два раза, какъ сама послѣ созналась, „вытравливала дѣтей лекарствами, которыя брала у лекарей государева двора, причемъ сказывала лекарямъ, что беретъ лекарство отъ запору...“ [2]).

За злополучной дѣвушкой, во время ея тяжелыхъ болѣзней, ходила, кромѣ Варвары Дмитріевой, казначейша Анна (Крамеръ). Варвара носила Марьѣ Даниловнѣ (изъ придворной кухни) ѣсть и пить. Въ награду за службу Марья Даниловна дала Варварѣ „два небольшіе жемчуга, серьги, да юбку старую, коломинковую“.

Между тѣмъ, царь Петръ уже охладѣлъ къ Марьѣ Даниловнѣ; первая по времени назначенія въ Россіи камеръ-фрейлина [3]) была для него не болѣе, какъ предметъ временной, преходящей

---

[1]) Показаніе 9-го апрѣля и 5-го августа 1718 года.

[2]) Показаніе 12-го марта 1718.

[3]) Таковою считаетъ Марью Гамильтонъ П. Ѳ. Коробановъ въ своемъ обширномъ и интересномъ трудѣ: „статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣковъ“. Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., изд. третье, томъ II, и въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 и 1872 г. изд. второе. О Гамильтонъ см. у Коробанова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., томъ III, стр. 465—466.

любви, подобно Анны Монсъ, Матрены Балкъ, Авдотьи Чернышевой (по словамъ Вильбоа, безпорядочнымъ поведеніемъ своимъ имѣвшей вредное вліяніе на здоровье Петра), Анны Крамеръ, княгини Кантеміръ и многихъ другихъ. Только любовь къ Катеринѣ Алексѣевнѣ, обратившаяся у Петра въ привычку и всѣми средствами поддерживаемая Меншиковымъ, оставалась въ прежней силѣ [1]).

Оставляемая Петромъ, Гамильтонъ обратила вниманіе на одного изъ его деньщиковъ, на Ивана Орлова... Надо думать, что предметъ ея любви, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи, былъ достоинъ выбора: въ деньщики выбирались красивые, рослые, видные, расторопные и смышленые молодые люди.

Они поступали изъ дворянъ, большею частью незнатнаго происхожденія (деньщикамъ петровскимъ въ настоящее время соотвѣтствуютъ флигель-адъютанты). Число деньщиковъ было неопредѣленно, доходило иногда до двадцати; имъ поручались самыя разнообразныя, нерѣдко первой важности дѣла: какъ, напримѣръ: развѣдываніе о поступкахъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, военныхъ начальниковъ, и проч. На деньщикахъ лежали обязанности: развѣдывать, доносить, производить слѣдствіе, нерѣдко исполнять роль палача: по царскому велѣнью, нещадно исправлять провинившагося дубиной. Такая разносторонняя дѣятельность требовала особыхъ способностей и, разумѣется, прежде всего—силы, ловкости, бойкости... Деньщики выполняли и лакейскую службу при столѣ государя, его выѣздахъ, и т. п. Кромѣ ихъ, для ежедневной службы при государѣ было нѣсколько гайдуковъ; они обыкновенно становились, по очереди, при выѣздахъ государя и государыни сзади экипажа. Деньщики были обыкновенно записаны и числились на службѣ въ одномъ изъ полковъ гвардіи и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, государь возводилъ ихъ въ высокіе чины, давалъ отличныя мѣста, поручалъ вѣдать государственными дѣлами... Изъ нихъ выходили генералъ-прокуроры (Ягужинскій), президенты коллегій, сенаторы, генералъ-фельдмаршалы [2]), начальники войскъ, камергеры [3]), судьи въ дѣ-

---

[1]) Записки Вильбоа изд. 1855 г. Anecdotes intéressantes de la cour de Russie. Londres, 1792. T. IV, p. 73—77. T. III, p. 257—259. Lettres d'une dame anglaise, изд. 1776 г., и друг.

[2]) Напримѣръ, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, пользовавшійся въ 1727—1729 годахъ особымъ расположеніемъ цесаревны Елисаветы Петровны.

[3]) Напримѣръ, Древникъ.

лахъ первой важности, правители областей имперіи и прочіе властные люди. Впрочемъ, нѣкоторые изъ деньщиковъ, либо не заявившіе необходимыхъ способностей, либо имѣвшіе несчастіе сами попасться въ какое-нибудь преступленіе, или теряли это званіе и пропадали въ безвѣстности, гдѣ-нибудь на службѣ въ полку, или навсегда оставались деньщиками.

Какъ велика, лучше сказать, важна была обязанность царскихъ деньщиковъ, можно судить изъ того, что государь, посылая одного шпіона для развѣданія о какомъ-нибудь дѣлѣ, для вящей вѣрности, посылалъ вслѣдъ за нимъ другого лазутчика изъ деньщиковъ; этотъ наблюдалъ за первымъ посланнымъ. Эта система наблюденій при великомъ преобразователѣ Россіи пустила глубокіе корни... [1]). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ деньщики зачастую, по особымъ повелѣніямъ, работая палками и батожьемъ на спинахъ провинившихся царедворцевъ, губернаторовъ и сенаторовъ, въ то же время сами не подвергались непріятностямъ палочнаго штрафованія. Напротивъ, то переходное время тѣмъ именно достославно, что каждый получалъ свое въ свою очередь [2]). За деньщиками въ этихъ случаяхъ оставалась только одна, впрочемъ, весьма важная льгота: ежечасно находясь при государѣ, они превосходно знакомились съ его характеромъ, странностями, и мастерски иногда пользовались этимъ. Приведу одинъ случай: кумъ и деньщикъ государя, Аѳанасій Даниловичъ Татищевъ, не съумѣлъ какъ-то исполнить одного приказанія. Повелѣно нещадно отодрать его батожьемъ передъ окнами дворца. Палки и барабанщики были готовы. Татищевъ не торопился идти на штрафъ. Между тѣмъ, выбѣжавъ изъ дворца, встрѣтилъ на дворѣ кабинетскаго секретаря Замятнина. Татищеву

[1]) О деньщикахъ см. У Штелина, стр. 184—186. Берхгольцъ, ч. I, стр. 55—58. Голиковъ, т. VI, стр. 265; т. XIII, стр. 372. Шпіонъ нерѣдко губилъ шпіона. Такъ, по дѣлу Гагарина, губернатора сибирскаго, по доносу деньщика, посланнаго для надзора за первымъ слѣдователемъ, послѣдній повѣшенъ. Т. XV, стр. 138—141.

[2]) Палочное штрафованіе находило большое сочувствіе въ сердцахъ нѣкоторыхъ россіянъ того времени; оно долго не изглаживалось: почти сто лѣтъ спустя, О. Бѣляевъ, описывая кабинетъ Петра и съ умилительнымъ благоговѣніемъ глядя на дубину преобразователя, восклицалъ: „лестно по истинѣ быть биту отъ такого государя, который въ одну минуту побьетъ и пожалуетъ“. Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ 1793 году (Описан. кабин., стр. 141), какъ бы слышится упрекъ царствованію Екатерины II, въ которое не такъ много били людей, но много жаловали душами.

пришла геніальная мысль подставить, вмѣсто своей, чужую спину. „Куда ты засунулся?“ закричалъ онъ писарю: „государь тебя уже нѣсколько разъ спрашивалъ и крайне гнѣвается; я ищу тебя, ступай скорѣй“. Замятнинъ приведенъ къ барабанщикамъ. „Раздѣвать!“ закричалъ занятый дѣлами государь, на минуту выглянувъ изъ окна. „Что жъ вы стали, принимайтесь!“ крикнулъ Татищевъ, указывая на Замятнина. Секретаря его величества въ мгновеніе ока раздѣли, бросили на земь и палки запрыгали по оголенной спинѣ. Татищевъ стоялъ за угломъ. Сѣкуція продолжалась недолго. Государю было некогда; онъ торопился въ ардмиралтейство, почему и закричалъ: „полно!“

Послѣ сѣкуціи Замятнина, деньщикъ бросился къ Екатеринѣ съ мольбой о ходатайствѣ. „Что ты это надѣлалъ?“ сказала сердобольная монархиня съ нѣкоторымъ смущеніемъ, выслушавъ разсказъ о странномъ, но выгодномъ обмѣнѣ одной спины другою: „вѣдь государь узнаетъ, онъ разсѣчетъ тебя“ [1]).—„Вѣдь подъ батожье-то ложиться не весело“, довольно основательно говорилъ Татищевъ и молилъ о пощадѣ и предстательствѣ у государя. Екатерина обѣщала ходатайствовать; нашла удобную минуту, когда государь былъ въ веселомъ расположеніи духа, и Татищевъ былъ прощенъ. „Ну, братъ, сказалъ монархъ сѣченному Замятнину, прости меня, пожалуй; мнѣ тебя очень жаль, но что дѣлать? пеняй на плута Татищева; однако-жъ я сего не забуду и зачту побои тебѣ впредь“.

Въ то время счеты сводились чрезвычайно скоро и акуратно. Замятнинъ провинился, и великодушный монархъ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: зачесть за настоящій проступокъ прежнюю сѣкуцію.

Сказаннаго достаточно для знакомства съ обязанностями деньщиковъ царскихъ, съ ихъ значеніемъ въ то время, когда за ними ухаживали важнѣйшіе сановники, съ ихъ наконецъ положеніемъ въ тогдашнемъ обществѣ.

На одного изъ этихъ-то царскихъ любимцевъ, Ивана Михайловича Орлова, обратила вниманіе Марья Даниловна Гамильтонъ; она плѣнила деньщика и, въ свою очередь, плѣнилась его красотой. Это былъ молодой человѣкъ, онъ не успѣлъ еще ничѣмъ проявить себя на службѣ и имя его рѣдко встрѣчается въ современныхъ докумен-

[1]) „Дѣянія отца отечества“, т. XV, стр. 203—205.

тахъ. Впервые упоминается о немъ въ бумагахъ 1709 года [1]). Въ спискахъ чиновъ преображенскаго полка [2]) имя Ивана Орлова, какъ простого рядового и потомъ сержанта, не встрѣчается ни разу. Тѣмъ не менѣе и онъ, на ряду съ другими деньщиками, исполнялъ различныя, впрочемъ, неважныя порученія [3]).

Орловъ, равно и другіе русскіе кавалеры тогдашнихъ собраній, всегда вызывали вниманіе красавицъ, предпочтительно предъ нѣмцами-кавалерами. Ростъ ли, красота, другія ли какія свойства, только выборъ львицъ петербургскихъ большею частью падалъ на русскихъ гвардейцевъ [4]). Такимъ образомъ, выборъ, сдѣланный фрейлиной Гамильтонъ, вовсе не былъ исключеніемъ... Орловъ сдѣлался ея любовникомъ.

Мы были неправы, еслибъ вслѣдъ за кн. М. М. Щербатовымъ стали утверждать, что любовная страсть, любовныя интриги, блудъ, даже развратъ, до Петра I-го не были „ни въ обычаяхъ, ни въ примѣрахъ" нашего отечества. Напротивъ, можно привести безчисленное множество свидѣтельствъ изъ иностранныхъ писателей и отечественныхъ документовъ о томъ, что любострастіе, блудъ, развратъ имѣли громадные размѣры въ до-петровской Руси [5]). Но боясь наполнить нашу статью излишними отступленіями, мы скажемъ,

---

[1]) Въ запискѣ А. Макарова отъ 23-го марта къ Ѳ. М. Апраксину: „Господинъ адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ! Приказано полковничьимъ денщикамъ сдѣлать епанчи, а сколько кому надобно мѣрою на епанчи сукна, того для придутъ они сами, и скроя на нихъ, приказать оныя дѣлать не мѣшкавъ, а кому имянно, тому при семъ роспись: П. Мурзину, Афанасію Татищеву, В. Нелюбохтину, Ивану Орлову, Семену Баклановскому, Андрею Зыбину". Достойно замѣчанія, что изъ этихъ шести человѣкъ нѣтъ ни одного, который, въ разное время и по разнымъ дѣламъ, не познакомился бы съ батогами, либо даже съ кнутомъ (напримѣръ Баклановскій въ 1718 г., Зыбинъ въ 1743 и др.).

[2]) М. П. Азанчевскій. См. его „Истор. Преобр. полка", 1859 г.

[3]) См. указъ Левкину объ отдачѣ Ивану Орлову на наемъ подводъ подъ два фурмана съ нужнѣйшими вещами 100 червонныхъ. Голиковъ, т. XI, стр. 469.

[4]) Ихъ предпочитали даже въ танцахъ, хотя нѣмцы въ этомъ дѣлѣ были, разумѣется, искуснѣе. На такое странное предпочтеніе впослѣдствіи горько жаловался Берхгольцъ: „всѣ дамы охотнѣе выбираютъ молодыхъ неотесанныхъ русскихъ, большею частью унтеръ-офицеровъ гвардіи, нежели насъ, иностранцевъ". Ч. II, 197. „Когда унтеръ-офицеры гвардіи бываютъ на лицо (въ собраніяхъ), о постороннихъ мало заботятся... дамы предпочитаютъ ихъ иностранцамъ". Стр. 152.

[5]) Собр. госуд. грам. Ч. III, № 60.

что связи мущины съ женщинами безъ освященія церковью распространены были не только по всей Россіи, но даже и въ дѣвственной странѣ сибирской: „вѣдомо намъ учинилось (писалъ въ 1622 году патріархъ Филаретъ), что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаи, но по своимъ сквернымъ похотямъ... съ поганскими женами смѣшаются и скверная дѣютъ... а иные и на матери своя и дщери блудомъ посягаютъ... о нихъ же не точію писати, но и слышати гнусно... многія изъ постригшихся женъ съ мужи своими и съ наложники блудъ творятъ" и т. д. [1]). Иностранцы, какъ, напримѣръ, Олеарій, Кемпферъ и другіе самыми мрачными красками изображаютъ нравственный характеръ русской женщины XVII вѣка. Правдивый Корбъ прямо говоритъ въ дневникѣ 1699 года, что „прелюбодѣяніе, любострастіе и подобные тому пороки въ Россіи превышаютъ всякую мѣру. Не напрасно спорятъ послѣ этого (продолжаетъ Корбъ) о русскихъ нравахъ: больше ли въ нихъ невѣжества или невоздержанія и непотребства. Сомнѣваюсь, существуютъ ли даже въ законахъ наказанія за подобныя преступленія? По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что когда одного капитана осудили на отсѣченіе головы за преступную связь съ восьмилѣтнею своею дочерью, начальникъ укорялъ его такими словами: „развѣ ты не могъ удовлетворить своей страсти сношеніемъ съ иною женщиною, когда можешь имѣть столько распутныхъ женщинъ, сколько у тебя копѣекъ [2]).

„Не сознавая возможности высшей, чистой, нравственной связи съ

---

[1]) Немногія благоразумныя мѣры царей нашихъ, предпринимаемыя противъ разврата, либо оставались безъ примѣненія, либо забывались преемниками. Укажемъ на одинъ весьма основательный законъ Василія Ивановича Шуйскаго. Государь этотъ соборнѣ постановилъ: „если господинъ рабовъ своихъ, дѣвку 18-ти лѣтъ, вдову по два лѣтахъ вдовства замужъ не выдастъ, а мужчину до 20-ти лѣтъ не женитъ, или воли имъ въ сочетаніи брачномъ не дастъ, то вольно таковымъ явиться въ судъ; и когда судъ о истинѣ жалобъ сихъ удостовѣрится, то давать имъ отпускныя.... не держи неженатыхъ вопреки законъ божьяго и правилъ святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людяхъ". Столь естественно-разумный законъ, при составленіи Уложенія, оставленъ безъ вниманія, и историкъ Татищевъ, сожалѣя о томъ, замѣчаетъ: „сколько мы видимъ такихъ неразсудныхъ господъ, которые, не разумѣя ни закона божія, ни своей собственной пользы, держатъ служителей безбрачныхъ, яко бы для лучшей услуги! Но сколько отъ того блуда, сквернословія, болѣзней и блудно прижитымъ дѣтямъ убійствъ происходитъ!"

[2]) Diarium itinerіs in Moscoviam. Изд. Вѣна. 1700 г., стр. 205—208.

женщиною, не возвышаясь надъ плотскими, чисто животными инстинктами, весьма многіе грубые русскіе люди не сознавали необходимости церковнаго освященія союза мужа съ женою, посредствомъ таинства брака" [1]).

Желябужскій, оставившій въ своихъ запискахъ замѣтки о нравственномъ растлѣніи русскихъ людей своего времени, записалъ и самыя черты грубаго разврата: растлѣніе дѣвъ, блудодѣйство замужнихъ женъ и женатыхъ мужчинъ и проч. Такъ, напримѣръ, „въ 7192 (1684) году, пишетъ Желябужскій, учинено наказаніе Петру Васильевичу сыну Кикину: битъ кнутомъ предъ стрѣлецкимъ приказомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ". Надо думать, что этотъ блудодѣй былъ здоровья крѣпкаго, ибо тотъ же Желябужскій отмѣчаетъ: „да и прежь сего (то есть битья кнутомъ) онъ, Петръ, былъ пытанъ на Вяткѣ", и т. д.—„7193 г. (1685) Степану Коробьину учинено наказанье, битъ кнутомъ за то, что дѣвку растлилъ".—„7202 (1694) въ стрѣлецкомъ приказѣ пытанъ Замыцкой, въ подговорѣ дѣвокъ"...—„7202 г. іюня приведены въ Стрѣлецкій приказъ Трофимъ, да Данило Ларіоновы съ дѣвкою, въ блудномъ дѣлѣ его жены, въ застѣнокъ".—„7205 г. битъ кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартеневъ за то, что бралъ женъ и дѣвокъ на постелю"... и т. д. [2]).

Приведенныхъ выписокъ довольно, чтобъ видѣть насколько правъ князь Щербатовъ, утверждавшій, что любострастіе было не въ обычаяхъ нашей страны до Петра, но едва-ли правъ Афанасій Прокоповичъ Щаповъ, восторженно видящій въ реформахъ великаго монарха: „полное, всецѣлое, нравственное обновленіе, просвѣщеніе и очищеніе русскаго народа отъ умножившейся нравственной тины!"... [3]).

Въ самомъ дѣлѣ, если говорить собственно о любострастіи, то эта тина съ петровскаго времени получила еще бóльшее развитіе; нравственнаго очищенія далеко и далеко не воспослѣдовало; развратъ только сдѣлался утонченнѣе, но едва-ли не пошлѣе.

Суровый монархъ, грозный ко всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, уступая духу времени и свойствамъ собственнаго темперамента, былъ очень снисходителенъ къ проступкамъ прелюбодѣянія. Петръ

---

[1]) А. Щаповъ, стр. 182—183.

[2]) Желябужскій, изд. 1845 г., стр. 152, т. II, 146, 30 и друг.

[3]) Стр. 182.

Васильевичъ Кикинъ, нещадно сѣченный кнутомъ за растлѣніе дѣвки, немного времени спустя, въ 1704 году, по волѣ монарха, вѣдалъ всѣми рыбными промыслами и мельницами въ Россіи.

Осматривая однажды въ Вышнемъ Волочкѣ каналъ, государь, такъ повѣствуетъ Штелинъ, увидѣлъ въ толпѣ собравшагося народа красивую и взрослую дѣвушку, которая поглядывала на него и тотчасъ пряталась, когда государь смотрѣлъ въ ту сторону. Петръ подозвалъ ее. Она краснѣла, закрывала лицо и плакала. Думая, что эти слезы знакъ стыдливости и цѣломудрія, государь сталъ говорить ей, чтобъ она напрасно не стыдилась и не робѣла, что она хороша, и ей время выходить замужъ. Прочія крестьянки громко хохотали. Государь, разсердившись, сказалъ;

— „Чему вы, дуры, смѣетесь? Развѣ тому, что сія дѣвушка скромнѣе васъ и плачетъ изъ стыдливости?“ Дуры не унимались. „Чему сіи дуры смѣются?“ спросилъ монархъ, оборотясь къ одному изъ мужиковъ: „стыдливости-ли этой пригожей дѣвушки, или чему другому? Развѣ имъ завидно, что я съ нею говорю?“

— „Нѣтъ, государь“, отвѣчалъ крестьянинъ, „я знаю, что онѣ не тому смѣются, а другому“.

— „Что-жъ такое?“

— „То“, отвѣчалъ мужикъ, „что вы, батюшка, все называете ее дѣвкою, а она уже не дѣвка!“

— „Что-жъ она такое, неужли замужняя?“

— „Нѣтъ, и не замужняя“, отвѣчалъ крестьянинъ: „она дочь моего сосѣда, рабочая, трудолюбивая и добрая дѣвка; но года два какъ сжилась съ однимъ нѣмцемъ-офицеромъ, который стоялъ у насъ тогда постоемъ и послѣ вскорѣ въ другое мѣсто посланъ; и для того дѣвушки наши съ ней не водятся и насмѣхаются“.

— „Великое дѣло“, сказалъ государь: если „она ничего худшаго не сдѣлала, то должно-ли симъ поступкомъ толь долго ее упрекать и ее стыдить за то предъ всѣми? Это мнѣ не угодно; я приказываю, чтобъ ее ни изъ какой бесѣды не исключали, и чтобъ отнюдь никто не осмѣливался дѣлать ей за то ни малѣйшаго попреку“.

Затѣмъ государь самъ успокоивалъ дѣвушку, убѣждалъ не печалиться, не стыдиться; потребовалъ къ себѣ ея сына, мальчика миловиднаго и здороваго и, указывая на него, сказалъ: „этотъ малой будетъ современемъ добрымъ солдатомъ; имѣйте о немъ

попеченіе. Я, при случаѣ, о немъ спрошу, и чтобъ его всякой разъ показывали, когда только мнѣ случится пріѣхать". Подаривъ мать деньгами, отпустилъ ее домой [1]).

Этотъ случай достаточно показываетъ, какъ человѣчно смотрѣлъ великій преобразователь Россіи на плотское согрѣшеніе... Кромѣ духа времени, этому воззрѣнію способствовали собственныя склонности монарха. Всѣмъ извѣстно, что тѣлесная крѣпость и горячая кровь дѣлали его любострастнымъ. Можетъ быть, что заграничныя путешествія еще болѣе развили въ немъ этотъ—если не порокъ, то недостатокъ... „Впрочемъ,—такъ думаетъ кн. М. М. Щербатовъ,—если-бъ Петръ въ первой женѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу, то не предался бы любострастію; но, не найдя этого, онъ возненавидѣлъ ее и самъ въ любострастіе ввергнулся... Петръ довольствовалъ свою плоть, но никогда душа его не была побѣждена женщинами... среди тѣлесныхъ удовольствій великій монархъ владычествовалъ" [2]).

Вѣрно или невѣрно мнѣніе кн. М. М. Щербатова о началѣ чувственности въ царѣ Петрѣ—судить не беремся; но замѣтимъ, что примѣръ Петра не могъ не дѣйствовать на его окружавшихъ, въ особенности на людей, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ его реформамъ. Примѣръ въ слабостяхъ еще болѣе заразителенъ: не даромъ же царевичъ Алексѣй Петровичъ, задумавъ обвѣнчаться съ крѣпостной дѣвицей Евфросиньей Ѳедоровной, говорилъ: „вѣдайте-де, что я на ней женюсь, вѣдь и батюшка мой таково учинилъ"; не даромъ генералъ-прокуроръ, „государево око"—Павелъ Ивановичъ Ягужинскій и нѣкоторые другіе по произволу и капризу развелись съ женами и вступили въ бракъ съ другими... [3]). Очень хорошо зная любострастныя дѣянія своего повелителя, и деньщикъ Орловъ смѣлѣе и смѣлѣе дѣйствовалъ въ своихъ любовныхъ шашняхъ съ забытой красавицей.

Если тѣсныя комнатки лѣтняго, зимняго и другихъ домовъ госу-

---

[1]) Достопамятныя сказ. о Петрѣ І-мъ. Спб. 1787 г., стр. 334—338. Я. Штелинъ записалъ этотъ случай со словъ очевидца М. И. Сердюкова. Олеарій увѣряетъ, что въ XVII вѣкѣ въ Московіи не наказывали за прелюбодѣяніе и проступокъ этотъ не имѣлъ особаго названія (Глава VII).

[2]) „О порокахъ Петра", соч. Щербатова. „Чтенія Общ. Истор." изд. 1860 г., кн. 1, стр. 17.

[3]) См. бракоразводное дѣло Ягужинскаго въ „Русской Старинѣ" изд. 1877 г.. томъ XVIII, стр. 713.

даревыхъ, въ которыхъ помѣщалась придворная прислуга, были не всегда удобны для свиданій любовниковъ, то громадный садъ (нынѣ Лѣтній, также садъ у Инженернаго замка) съ своими гротами, островками на прудахъ, бесѣдками, рощами и аллеями, представлялъ прекрасное мѣсто въ лѣтніе мѣсяцы для интимныхъ бесѣдъ Орлова съ Гамильтонъ. Деньщикъ и фрейлина, лакей и горничная— имъ хорошо было извѣстно, когда, не опасаясь господскаго надзора, можно было въ-сласть наговориться и нацѣловаться... [1]).

Нечего и говорить, что подобныхъ нѣжныхъ любовниковъ было очень и очень много. Не всѣ были такъ счастливы изъ падшихъ красавицъ, что паденіе ихъ не имѣло особыхъ послѣдствій: многія дѣлались матерями; нѣкоторыя, боясь стыда, вытравливали дѣтей, подобно Гамильтонъ, лекарствами; нѣкоторыя рѣшались налагать руку—умерщвлять плодъ любви... Подобныя преступленія стали такъ часто повторяться, что государь нашелъ необходимымъ обнародовать 4-го ноября 1715 года слѣдующій указъ:

„Великій государь указалъ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквахъ, у которыхъ пристойно, при оградахъ сдѣлать гошпитали, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянныя, такожъ, какъ о такихъ же дѣлахъ боготщательное и душеспасительное осмотрѣніе преосвященный Іовъ, митрополитъ новгородскій, учинилъ въ великомъ Новгородѣ. И избрать искусныхъ женъ для сохраненія зазорныхъ младенцовъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, и стыда ради отметываютъ въ разныя мѣста, отъ чего оные младенцы безгодно помираютъ, а иные отъ тѣхъ же, кои рождаютъ, и умерщвляются. И для того объявить указъ, чтобъ такихъ

[1]) Мы говоримъ не вслѣдствіе одной догадки, что садъ былъ мѣстомъ любовныхъ свиданій. Во первыхъ, изъ подлиннаго дѣла видно, что Орловъ весьма рѣдко видѣлся съ Гамонтовой въ палатахъ; во вторыхъ, намъ извѣстно, что какъ свиданія В. И. Монса, такъ впослѣдствіи интимныя бесѣды А. Я. Шубина съ своими возлюбленными, славными красавицами, наконецъ зазорныя бесѣды многихъ другихъ производились въ тѣнистыхъ аллеяхъ сего сада, куда возбраненъ былъ входъ только тѣмъ, „кои въ сѣрыхъ кафтанахъ, а паче съ бородами“ (Богдановъ, стр. 56—58). Любопытное описаніе Лѣтняго сада въ частномъ письмѣ 1718 г. напечатано въ приложеніяхъ къ Записк. Марковича 1860 г., ч. I. стр. 460—462. Подобное описаніе сада см. у Берхгольца, ч. 1, стр. 87—92. Главные садовники были выбраны изъ плѣнныхъ шведовъ. Любопытные разсказы о нихъ см. въ Anecdotes etc. Londres, 1792 г., т. III, стр. 34—35, 218—220. Для украшенія грота Петръ повелѣлъ въ 1717 году собрать изъ всѣхъ рѣкъ, находящихся въ Россіи, по пуду раковинъ и курьезныхъ камешковъ.

младенцовъ въ непристойныя мѣста не отметывали, но приносили бъ къ вышеозначеннымъ гошпиталямъ и клали тайно въ окно, чрезъ какое закрытіе, дабы приносящихъ лица было не видно. А ежели такія незаконнорождающія явятся въ умерщвленіи тѣхъ младенцовъ, и оныя за такія злодѣйственныя дѣла сами казнены будутъ смертью; и тѣ гошпитали построить и кормить изъ губерній изъ неокладныхъ прибылыхъ доходовъ, а имянно давать приставленнымъ (женщинамъ) на годъ денегъ по 3 рубли, да хлѣба по полуосминѣ на мѣсяцъ, а младенцамъ по 3 деньги на день" [1]).

Указъ этотъ въ высшей степени замѣчателенъ: въ немъ государь прямо шелъ противъ вѣковаго народнаго предубѣжденія; до него зазорные младенцы оставались безъ всякаго призрѣнія, умерщвлялись родителями, умирали отъ голода и холода заброшенные въ непристойныя мѣста; либо ихъ подбрасывали другимъ, причемъ ребенокъ дѣлался рабомъ, холопомъ, крѣпостнымъ и, такимъ образомъ, обрекался на жизнь, полную страданій. Первая мысль объ устройствѣ домовъ для пріема незаконнорожденныхъ принадлежитъ, какъ свидѣтельствуютъ слова указа, митрополиту Іову. Въ 1706 году онъ основалъ пристанище несчастнымъ дѣтямъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода въ упраздненномъ Колмовомъ монастырѣ. Митрополитъ отдѣлилъ часть своихъ доходовъ на наемъ кормилицъ, и повелѣлъ принимать въ Колмовѣ всѣхъ приносимыхъ младенцевъ и ихъ воспитывать. Тотъ же преосвященный основалъ три другія больницы для инвалидовъ, и проч. Государь былъ очень доволенъ столь полезною дѣятельностью преосвященнаго; въ 1712 году онъ повелѣлъ опредѣлить въ пособіе ему на содержаніе призрѣваемыхъ половину доходовъ съ монастырскихъ вотчинъ, находившихся въ Олонецкомъ уѣздѣ. Царская фамилія и многіе бояре часто присылали денежныя подаянія. Въ 1713 г. во всѣхъ заведеніяхъ Іова содержалось зазорныхъ младенцевъ, нищихъ и сиротъ 170 человѣкъ [2]).

До митрополита Іова и царя Петра законы русскіе предписывали ужасныя казни матерямъ-убійцамъ зазорныхъ дѣтей, но въ то же самое время не предлагали никакихъ о нихъ попеченій. Въ Уложеніи была только одна статья, относящаяся до незаконнорожден-

---

[1]) *П. С. З.*, т. V, № 2,953. Именной указъ, объявленный изъ сената.

[2]) Истор. Рос. іерархіи, ч. IV, стр. 573. Историч. разгов. о древностяхъ Новгорода, митроп. Евгенія. Также „Москов. Губ. Вѣдомости" 1842 г. Іовъ скончался 3-го февраля 1716 года.

ныхъ; но, въ силу ея, несчастные лишались всѣхъ правъ на свободу и гражданство: ихъ запрещено было считать наравнѣ съ законнорожденными и отчинъ имъ не давать [1]).

Какъ относились къ зазорнымъ дѣтямъ, можно видѣть изъ разсказа современника. „А у которыхъ бояръ, и думныхъ людей, и у иныхъ чиновъ людей, будутъ прижиты дѣти отъ наложницъ, отъ вдовъ или отъ дѣвокъ, а послѣ того на тѣхъ своихъ наложницахъ поженятся, или не женаты помрутъ, а послѣ ихъ смерти останутся дѣти, которыя прижиты по закону, а другія дѣти выблядки, или послѣ смерти ихъ останутся одни тѣ выблядки: и по ихъ смерти даются помѣстья, и вотчины, и животы, сыновьямъ ихъ и дочерямъ тѣмъ, которые по закону прижиты; а которые прижиты до закону, и тѣмъ помѣстій и вотчинъ, и животовъ никакихъ не дѣлятъ и не даютъ ничего, и честными людьми тѣхъ выблядковъ не ставятъ, чей бы ни былъ, и въ службу царскую ни въ какую не принимаютъ. А кому выблядку дадутъ помѣстье и вотчину, не вѣдая, что онъ выблядокъ, а другіе люди учнутъ на него бити челомъ, что онъ выблядокъ, и ему то доведутъ: и то, что дано будетъ выблядку, отдадутъ тому человѣку, кто на него доведетъ; а того выблядка, бивъ кнутомъ, сошлютъ въ ссылку въ Сибирь, для того: не вылыгай и не стався честнымъ человѣкомъ [2]).

Такой взглядъ на „зазорныхъ дѣтей“ и такое презрѣніе было къ нимъ, доколѣ Петръ, вслѣдъ за Іовомъ, положилъ начало болѣе человѣколюбивымъ мѣрамъ. Не остановившись на указѣ 4-го ноября 1715 г. и на устройствѣ небольшихъ госпиталей, государь, по смерти любимой сестры Натальи, въ 1716 г., основалъ подобное учрежденіе въ бо́льшихъ размѣрахъ. При дворѣ этой царевны была богадѣльня для призрѣнія старухъ; царь обратилъ это заведеніе въ домъ для пріема незаконнорожденныхъ. Съ улицы придѣланъ былъ чуланъ; въ немъ очередная старуха должна была принимать младенца, отнюдь не спрашивая имени матери. И дѣтямъ, и старухамъ отпускалась хлѣбная и денежная дача [3]).

---

[1]) Улож. изд. 1737 г., ч. 10, ст. 280.

[2]) Котошихинъ, изд. 1859 г., стр. 79.

[3]) Описаніе Спб. Богданова, 1751 г., стр. 130. Воспитательные домики, въ силу указовъ Петра, стали возникать во многихъ городахъ Россіи. Стали возникать и дѣла по поводу злоупотребленій разныхъ лицъ въ дѣлѣ призрѣнія младенцевъ. Были доносы, какъ напр. доносъ бабушки Мароы, опредѣленной къ сыскиванію и содержанію подкидышей, на злоупотребленіе подья-

Всѣ эти мѣры должны были быть извѣстны камеръ-фрейлинѣ Гамильтонъ; но, преслѣдуемая стыдомъ, желая сохранить за собой имя честной дѣвушки, съ другой стороны, не довѣряя новому учрежденію о зазорныхъ младенцахъ и тому, что можно въ совершенной тайнѣ отдавать туда дѣтей, она предпочла сдѣлаться преступницей... Но не станемъ опережать событія. Пока, Гамильтонъ все еще имѣла значеніе, могла гордиться расположеніемъ своихъ господъ; наконецъ, въ Иванѣ Орловѣ любила грубаго, необразованнаго, полудикаго, но страстнаго любовника. Судьба не разлучала ихъ, и 27 января 1716 г., въ свитѣ государя и государыни, они отправились за границу.

II.

Штатъ государыни, сопровождавшій ее, былъ довольно великъ, тѣмъ болѣе, что при ней была еще царевна Екатерина Ивановна съ прислугой [1]). 11-го февраля державная чета была въ Либавѣ, 18-го въ Данцигѣ. Государь былъ занятъ осмотромъ галеръ, заключеніемъ союзныхъ договоровъ, распоряженіями, относящимися до продолженія шведской войны; государыня, съ дамами, осматривала все замѣчательное, каталась, гуляла, посѣщала ассамблеи, которыя давались магнатами и владѣтельными особами въ честь ея пріѣзда [2]). Государыню очень часто посѣщалъ герцогъ мекленбургскій, нареченный женихомъ Екатерины Ивановны.

чаго Труфанова; допросы Труфанову и проч. Подобныя бабушки были опредѣлены во многихъ городахъ. Число подкидышей возрастало. Къ концу царствованія Петра Великаго въ одной московской губернской канцеляріи ихъ находилось 865 об. пола; при нихъ находилось 218 кормилицъ. Въ 1724 г. для воспитанія подкинутыхъ младенцевъ были назначены монастыри.

[1]) О путешествіи государя въ 1716 — 1717 годахъ см. Журналъ или поденную записку Петра, ч. 2-я, изд. 1772 г., стр. 14—58, 397—425. Голиковъ, т. VI, стр. 92—273, 438—654. Переписка Петра съ Шереметевымъ, изд. 1774 г., стр. 160—164. Житіе Петра, соч. Феодози, изд. 1788 г., стр. 396—413. Примѣч. Болтина на Леклерка, 1788 г., т. I, стр. 574—575. Кабинетъ Петра, соч. Бѣляева, 1793 г., стр. 14—17. Журн. путеш. Петра во Францію. „От. Зап.“ 1822 г., №№ 31 и 32. См. также труды С. М. Соловьева, г. Брикнера, нашъ очеркъ „Царица Прасковья“ и др.

[2]) „По полученіи сего,—писали отъ имени неумѣвшей писать Екатерины къ кн. Голицыну,—прикажите въ Курляндіи приготовить фуражъ по рижской дорогѣ до Мемля для нашего обоза на 150 лошадей, и чтобъ оный фуражъ готовъ былъ къ 28 числу сего декабря, по всѣмъ почтамъ. Екатерина“. Для государя и его свиты приготовлялось отъ 50-ти до 60-ти подводъ, не болѣе.

8-го апрѣля 1716 г. совершено было бракосочетаніе его съ русской царевной, въ присутствіи царя, царицы, короля польскаго, множества знатнѣйшихъ дамъ и именитѣйшихъ вельможъ [1]. Цѣлый рядъ празднествъ сопровождалъ брачное торжество; нечего и говорить, что Гамильтонъ, такъ или иначе, но принимала участіе въ въ общемъ весельи, въ ассамблеяхъ, пирахъ, гулянкахъ; за границей они дѣлались еще веселѣе, всѣ какъ-то свободнѣе двигались вдали отъ солдатъ, разносившихъ на петербургскихъ пирахъ водку и опаивавшихъ ею всѣхъ и каждаго; вдали отъ шутовъ, придворныхъ дураковъ, доносщиковъ, палачей.

Для увеселенія ихъ величествъ даже мѣщане города Гданска, какъ гласитъ поденная записка, устраивали разныя потѣхи.

4-го мая государь былъ въ Штетинѣ, куда, вслѣдъ за нимъ, съ свитою явилась государыня. Въ то время, когда Екатерина занята была обѣдами и увеселеніями, устраиваемыми для нея королемъ прусскимъ, Петръ ѣздилъ въ другіе города, осматривалъ войска, дѣлалъ экзерциціи, составлялъ военный артикулъ. Встрѣчаемый вездѣ съ почетомъ, царь держалъ себя совершенно свободно, не измѣняя

---

[1]) Петръ вообще являлся, относительно членовъ своей семьи, человѣкомъ весьма заботливымъ. Выдавая замужъ племянницу Катерину, вотъ что писалъ онъ въ Москву къ Ушакову, по поводу сестры своей Катерины, 24-го марта 1716 г.: „письмо твое января отъ 24-го дня до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что бывшимъ подключникомъ Богдановымъ въ ночномъ необыкновенномъ приходѣ въ комнатѣ сестры нашей, царевны Катерины Алексѣевны, розыскивать ли? то до указу не розыскивай, но держи его за карауломъ". „Могъ ли забыть что-нибудь монархъ?" восклицаетъ авторъ „Дѣяній". Дѣйствительно, память и заботливость замѣчательныя! Государю непремѣнно хотѣлось знать: для чего, изъ какихъ видовъ, съ какими цѣлями подключникъ Богдановъ ночью хотѣлъ нарушить безмятежный покой его 58-ми-лѣтней сестры (царевна Катерина, дочь царя Алексѣя, родилась 27-го ноября 1658 года). Но монархъ не велитъ безъ себя розыскивать—пытать: жди, молъ, пріѣзда. Два года путешествуетъ преобразователь Россіи; два года томится въ казематѣ злополучный подключникъ; царь пріѣзжаетъ—народъ проливаетъ „токи радостныхъ слезъ ему во срѣтеніе", и они, обойдя свое хозяйство, идутъ чинить застѣнокъ. Нѣсколько строкъ, написанныхъ къ Ушакову въ 1716 г., являются, такимъ образомъ, началомъ новаго слѣдственнаго дѣла: допросы, очныя ставки, виска, кнутъ, встряска, — и государственное дѣло первой важности о томъ, какъ подключникъ Богдановъ совершалъ ночной походъ къ 58-ми-лѣтней царевнѣ—кончается нещаднымъ наказаніемъ и ссылкою въ Сибирь. На этотъ разъ, романъ кончился трагичнѣе: 58-ми-лѣтняя старуха была заподозрѣна въ участіи въ политическимъ заговорѣ. Царевна арестована, допрашиваема и—1-го мая 1718 года скончалась въ тѣсномъ заключеніи.

своимъ привычкамъ. Такъ, въ одномъ изъ германскихъ городовъ, онъ вошелъ съ бурмистромъ въ кирку, во время проповѣди, сѣлъ на первое мѣсто и съ большимъ вниманіемъ слушалъ проповѣдника. Вдругъ почувствовалъ, что головѣ его холодно; не отрывая глазъ отъ проповѣдника, онъ хладнокровно снялъ съ головы бурмистра большой парикъ и надѣлъ на свою голову. Проповѣдь кончилась, и Петръ возвратилъ парикъ хозяину. Дѣло въ томъ, что Петръ у себя, въ столицѣ, каждый разъ, какъ случалось головѣ его холодно, снималъ либо съ Меншикова, либо съ Толстого парикъ и надѣвалъ на себя.

12-го іюля государыня, не торопясь, пріѣхала въ Копенгагенъ, была встрѣчена мужемъ, королемъ датскимъ и множествомъ знатныхъ особъ. Король, ради именитыхъ гостей, устроилъ празднества и угощалъ великолѣпными обѣдами...

Въ Копенгагенѣ Екатерина гостила довольно долго. Петръ заключалъ конвенціи, писалъ указы въ Россію, велъ громадную переписку, воевалъ съ шведами — государыня съ дамами веселилась. Но невесело было Марьѣ Даниловнѣ Гамильтонъ. Она не могла поладить съ грубымъ и ревнивымъ Орловымъ, который, при каждомъ веселомъ часѣ, то есть послѣ каждой попойки — а пилъ онъ часто, по обязанности царскаго приближеннаго — оскорблялъ любовницу упреками, бранью, не рѣдко поносилъ ее самыми пошлыми ругательствами. Между тѣмъ Гамильтонъ любила его искренно. Страсть къ царскому деньщику была такъ велика, что, не имѣя возможности давать ему подарки и удовлетворять настойчивымъ просьбамъ о деньгахъ, она, какъ сама впослѣдствіи признавалась, будучи при государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крала, а что чего порознь — не упомнитъ... а золотыхъ червонныхъ у ней, государыни царицы, украла же, а сколько — не упомнитъ; и изъ тѣхъ червонцевъ деньщику Ивану Орлову дала она триста червонныхъ, будучи въ Копенгагенѣ, да перстень съ руки, да рубахи, а то все (то есть перстень и рубахи) давала она изъ своего, а не изъ краденаго, а инымъ никому изъ тѣхъ вещей не давала“ [1]).

Государынѣ было не до червонныхъ, не до надзору за влюбленною камеръ-фрейлиною: она вся отдавалась сначала удовольствіямъ загра-

---

[1]) Показаніе Марьи Гамантовой 21-го іюня 1718 г.

ничной жизни, потомъ, будучи беременна, сдѣлалась очень слаба, а наконецъ занята была возникавшимъ важнымъ для нея дѣломъ:

26-го августа отправился изъ Копенгагена въ Петербургъ курьеръ Сафоновъ. Онъ везъ царевичу Алексѣю строгій приказъ отца: либо ѣхать за границу, либо не медля идти въ монастырь! [1]).

10-го ноября государыня пріѣхала въ Шверинъ, была беременна въ послѣднемъ періодѣ и боялась, что переѣзды изъ города въ городъ гибельно подѣйствуютъ на ея здоровье [2]). Между тѣмъ царь, съ немногими изъ деньщиковъ, между прочими съ Иваномъ Орловымъ, ѣздилъ по прусскимъ городамъ, былъ въ Гамбургѣ. Здѣсь магистратъ города, изъ особаго уваженія къ его величеству, выдалъ Войнаровскаго, племянника Мазепы. Войнаровскій былъ человѣкъ весьма образованный, превосходно зналъ иностранные языки, отличался жаркою любовью къ родинѣ и свободѣ. Петръ съ обыкновенною настойчивостью готовъ былъ силою оружія вырвать Войнаровскаго, если-бъ гамбургскій магистратъ не поспѣшилъ схватить несчастнаго. Если вѣрить историкамъ Петра, Войнаровскій, ради добровольнаго во всемъ признанія (?), безъ наказанія отосланъ былъ въ Якутскъ [3]).

6-го декабря государь, съ немногими изъ людей своихъ, пріѣхалъ въ Амстердамъ; среди работъ монархъ отдыхалъ съ день-

[1]) Для царевича предназначался Желтиковъ-Тверской монастырь, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣла царевича тюрьма и сохранились любопытныя преданія о Петрѣ и его сынѣ. См. нашу „Прогулку въ Нижній-Новгородъ", письмо 1-е въ „Русск. Вѣстн." 1860 г., № 13.

[2]) Замѣтимъ кстати, что Екатерина употребляла на расходъ свои деньги, то есть тѣ, которыя были опредѣлены ей на содержаніе изъ петербургской канцеляріи. Это видно, между прочимъ, изъ письма отъ ея имени къ Меншикову. „Понеже мы (пишетъ Екатерина) въ бытность свою здѣсь взяли у гамбургскаго купца Ф. Поппа 5,000 рубл. червонныхъ (въ Вейденбергѣ, 12-го декабря 1716 года), того ради извольте приказать помянутое число 5,000 рублей отдать въ Петербургѣ его, Поповымъ, корреспондентамъ, кому онъ велитъ принять, изъ той суммы, которая намъ опредѣлена изъ канцеляріи на 1717 годъ".

[3]) „Войнаровскій представленъ былъ государю въ день имянинъ императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни" (Жизнеописаніе Войнаровскаго, составл. А. А. Бестужевымъ. Напечатано при поэмѣ К. Ѳ. Рылѣева: Войнаровскій 1825 г. Москва). Едва ли это извѣстіе справедливо. Вліяніе Екатерины далеко не было такъ сильно, чтобы ради ея Петръ простилъ политическаго преступника. Этихъ людей онъ каралъ пуще злодѣя, татя и убійцы. Войнаровскій былъ еще живъ въ 1737 году въ Якутскѣ, одичалъ, обросъ волосами, забылъ языки и свѣтское обращеніе.

щиками и голландскими мастерами за кружкой пива и вина; велъ дружескую переписку съ разными королями и владѣтельными особами; дѣлалъ имъ недорогіе для себя подарки. Въ чемъ они состояли — можно видѣть изъ письма царскаго въ Архангельскъ, къ вице-губернатору: „по полученіи сего указу, сыщите двухъ человѣкъ самоѣдовъ, молодыхъ ребятъ, которые бъ были дурнѣе рожею и смѣшнѣе, лѣтами отъ 15 до 18, въ ихъ платьяхъ и уборахъ, какъ они ходятъ по своему обыкновенію; ихъ надобно послать въ подарокъ гранъ-дюку флоренскому (тосканскому); и какъ ихъ сыщите, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ“ [1]).

Тѣмъ временемъ государыня съ фрейлинами медленно ѣхала изъ Шверина въ Везель, куда и прибыла 30-го декабря.

3-го января прискакалъ къ государю пажъ Мавринъ съ извѣстіемъ: царица разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Павломъ Петровичемъ.

„Объявляю вамъ, что сего 2-го января, писалъ обрадованный государь ко многимъ изъ вельможъ въ Россію, хозяйка моя, не поѣхавъ сюда, въ Везелѣ родила солдатченка Павла... рекомендую его офицерамъ подъ команду, а солдатамъ въ братство“.

Но переѣзды, гулянья, пиры — имѣли пагубное вліяніе на здоровье хозяйки, и новый солдатченокъ вышелъ до того слабъ и хворъ, что на другой день скончался. Петръ былъ опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Хозяйка оставалась въ весьма слабомъ состояніи въ Везелѣ, и не ранѣе 2-го февраля 1717 г. могла пріѣхать въ Амстердамъ.

Впродолженіе ея долгой болѣзни, Петръ, „ради тѣлесной крѣпости и горячности своей крови“, не могъ не отдаваться въ досужіе часы „любострастію“. Если вѣрить иноземнымъ писателямъ, то ему чрезвычайно полюбилась дочь одного пастора, который однако не иначе соглашался уступить русскому владыкѣ дочь, какъ на основаніи законнаго брака. Царь, будто бы, далъ слово [2]) и Шафи-

---

[1]) „Собр. разн. записокъ и проч. къ исторіи Петра I“. Спб. 1787 г. Ч. V, стр. 97 и 102, изд. Туманскаго.

[2]) Кстати замѣтить, въ тѣ времена дать слово и не исполнить его считалось, по крайней мѣрѣ въ высшемъ русскомъ обществѣ, дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Не исполняли своихъ словъ Меншиковъ, Шереметевъ, Толстой. Не исполнялъ ихъ и Петръ, а въ настоящемъ случаѣ, если и давалъ слово, то и не могъ исполнить, ибо былъ женатъ. Вспомнимъ его божбу и обѣщанія, щедро расточенныя въ письмахъ къ бѣглому сыну его, царевичу Алексѣю, когда онъ, царь Петръ, выманивалъ его изъ Неаполя и сулилъ ему полное прощеніе. А какъ были исполнены эти клятвы?

ровъ, будто бы, закрѣпилъ его контрактомъ. Но едва „высокій путешественникъ“ въ „тѣлесномъ удовольствіи“ удовлетворилъ тѣлесную крѣпость свою—обѣщаніе было забыто... Дѣвушка возвращена отцу съ подаркомъ въ 1,000 дукатовъ [1]).

Въ Петербургѣ толковали объ отсутствующихъ господахъ, ходили разные о нихъ слухи, и дядька царевичевъ, Аѳанасьевъ, пріѣхавъ изъ Мекленбургіи, сказывалъ Воронову, гофмейстеру царевича: „слышалъ я отъ своего толмача Фридриха, который слышалъ отъ хозяйки, гдѣ мы стояли: „у царскаго-де величества есть матреса, а взята-де она изъ Гамбурга“.—„Здѣсь не слышно“, отвѣчалъ Вороновъ. Нѣсколько дней спустя, Аѳанасьевъ былъ у Воронова въ гостяхъ. „Слышалъ и я“, сталъ говорить хозяинъ, „что есть у государя матреса, и царица-де про это вѣдаетъ; какъ пріѣхала въ Голландію (2-го февраля?), стала предъ государемъ плакать, и государь спросилъ ее: „кто тебѣ сказывалъ?“ „Мнѣ сказала полковница, а къ ней писалъ Платонъ“. И Платона государь за это билъ“ [2]).

У Петра, впрочемъ, была не одна матреса: Авдотья Ивановна Чернышева, „Авдотья-бой-баба“, по выраженію Петра, во время болѣзни Екатерины пользовалась его расположеніемъ.

Но какъ ни часты были отмѣны пылкаго Петра въ пользу той, либо другой красавицы, все-таки онѣ были и гораздо рѣже, и несравненно скромнѣе, нежели какъ повѣствуютъ о томъ иностранные писатели, алчные до всякаго курьезнаго анекдота [3]). . . . . . .
. . . .

Справедливъ или несправедливъ этотъ разсказъ, но вѣрно то, что Петръ не находилъ преградъ своимъ вожделѣніямъ плотскимъ, не находилъ тѣлесныхъ удовольствій въ постоянномъ общеніи съ одной и той же красавицей. Часто доводилось плакать и горевать хозяйкѣ, много хитрости и ума надо было имѣть съ ея стороны, чтобъ подогрѣвать холодѣющую любовь хозяина. Въ такомъ поло-

[1]) Anecdotes secrètes de la Cour de Russie. 1742, t. IV, p. 76.

[2]) Н. Г. Устряловъ, т. VI, стр. 187—188.

[3]) См. напр. разсказъ камергера Пельница о страстныхъ отношеніяхъ царя Петра къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ,—„Mémoires pour servir à l'histoire“ etc. II, p. 65. „Anna Ioannovna. Dargestellt fon F. W. Barthold“, стр. 22—23. Событіе, описываемое здѣсь (если только оно было), должно было произойти 6-го сентября 1717 года. См. Голиковъ, т. VI, стр. 255

женіи находились отношенія господъ между собой. Взглянемъ на отношенія слугъ—деньщика съ камеръ-фрейлиной.

Марья Даниловна, подобно Екатеринѣ Алексѣевнѣ, должна была употребить всѣ способности своего женскаго ума и влюбленнаго сердца, чтобъ удерживать непостояннаго Ивана Орлова отъ поступковъ вѣтреныхъ. Она ревновала его къ Авдотьѣ Чернышевой, дарила его государынными деньгами, одаривала собственными вещами—и все-таки возникали ссоры. Любовники зачастую вздорили. Петръ Алексѣевичъ бивалъ тѣхъ, которые не умѣли молчать о его матресахъ, но не трогалъ своей хозяйки. Иванъ Михайловичъ былъ гораздо проще, не былъ такъ деликатенъ и зачастую бивалъ свою хозяюшку. Любовники зачастую вздорили. Причинами ссоръ и дракъ, безъ сомнѣнія, были со стороны Гамильтонъ—негодованіе на безпутство и пьянство Орлова, со стороны Орлова—ревность.

— „Въ Голландіи былъ я у Бранта въ саду пьянъ, каялся впослѣдствіи въ собственноручномъ письмѣ Орловъ, и побранился съ Марьею, и называлъ ее б....., и къ тому слову сказалъ Петръ Балкъ: „что, взбѣсился-де ты, какая она б....?“—„Чаю, что уже троихъ родила“, отвѣчалъ я, и болѣе того нигдѣ ее, Марью, не попрекалъ“.

„Послѣ того я еще ее бранилъ и пьяной поѣхалъ въ тотъ же день въ Амстердамъ, съ Питеромъ инженеромъ, и пріѣдучи въ Амстердамъ, ввечеру бранилъ ее при Филиппѣ Пальчиковѣ, при Александрѣ подьячемъ и называлъ ее б....., а ребятами не попрекалъ.

„А на другой день сказалъ Петръ-инженеръ: „ты-де ее попрекалъ“. И я къ ней писалъ грамотку и просилъ прощенія у нея; и она въ томъ просила у государыни-царицы милости на меня, чтобъ я ее уличилъ, вѣдая то, что я не вѣдалъ (про робятъ): и она мнѣ нигдѣ не сказывала про робятъ никогда, и я ее нигдѣ больше не попрекалъ робятами.

„Когда (бывало) и осержусь въ ревности, то ее бранивалъ и называлъ к....., и бивалъ, а робятами не попрекивалъ и въ томъ шлюсь на нее“ [1]).

[1]) Показаніе Орлова 5-го августа 1718 г. Пошлая, самая циническая брань, привычка къ отвратительнымъ ругательствамъ издревле составляла недостатокъ русскаго человѣка. Среди буйной, разгульной веселости своей, какъ видно изъ современныхъ актовъ, онъ, еще задолго до Петра, вполнѣ преда-

Такія непріятности отличали внутренній домашній бытъ путешествующаго двора. Внѣшняя же сторона этой жизни была блестяща: торжественные пріемы, всевозможныя „увеселенія для потѣхи ихъ величествъ", подарки, осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей, ассамблеи при дворахъ, частые переѣзды—все это наполняло время, и оно летѣло быстро [1]).

19-го марта мы видимъ ихъ величества въ Ротердамѣ. Отсюда государь отправился во Францію, а Екатерина возвратилась въ Гагу. Петръ не взялъ жены, во избѣжаніе тѣхъ скучныхъ церемоній, съ которыми блестящій дворъ версальскій готовъ былъ встрѣтить русскую государыню. Свита царя состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Толстаго, князя Куракина (онъ былъ свойственникъ Петра по своей женѣ, Аксиньѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной, род. 1678 г., ум. 1699 г., третья сестра царицы Авдотьи), Шафировъ, кн. В. Долгорукій, Бутурлинъ, Ягужинскій, Макаровъ, Черкасовъ, Арескинъ, духовникъ, нѣсколько придворныхъ служителей, между которыми былъ Иванъ Орловъ, и небольшая команда гренадеръ.

8-го апрѣля 1717 г. государь пѣшкомъ осматривалъ городъ Остенде, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Въ то время

вался разврату; тутъ совершалось „и мужемъ, и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе"... Еще въ 1636 году патріархъ Іоасафъ говорилъ, что „всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, еллинскихъ блядословій и кощунъ; да еще другъ друга лаютъ позорною бранію, отца и матерь блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ". А. А. Э., т. III, № 264. Если вѣрить Олеарію, въ царствованія Михаила и Алексѣя за подобныя поносныя скверпословія положено было бить кнутомъ и сѣчь розгами. „Теперь на рынкахъ (замѣчаетъ Олеарій) ходятъ между народомъ особенно назначаемые для надзора за этимъ люди съ стрѣльцами и палачами, приказываютъ схватывать ругателей, и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, для примѣра прочимъ, наказываютъ розгами". Но съ давнихъ временъ укоренившаяся привычка скверпословить, требуя повсюду строгаго и неусыпнаго присмотра, причиняетъ надзирателямъ, судьямъ и самимъ палачамъ столь невыносимую работу, что имъ уже наскучило наказывать почти на каждомъ шагу ругающійся народъ". Гл. IV.

[1]) Изъ обширнаго собранія писемъ государя изъ-за границы укажемъ на слѣдующее мѣсто въ письмѣ къ генералъ-адмиралу Апраксину (отъ 3-го января 1717 г.): „писалъ къ намъ господинъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ, что надобенъ ему для исправленія нѣкоторой книги въ переводѣ адмиралтейскій переводчикъ Гамильтонъ, котораго генералъ-маіоръ Чернышевъ (мужъ Авдотьи-бой-бабы) ему не отдаетъ, и для того велите ему отдать". Былъ ли этотъ переводчикъ родственникъ Марьи Даниловны — мы не могли доискаться.

вели на казнь нѣсколькихъ преступниковъ; одинъ изъ нихъ, увидавъ иноземнаго государя, закричалъ: „помилуй, государь!“ Этого крика достаточно было, чтобъ возбудить жалость Петра, и онъ, бывъ тронутъ, испросилъ жизнь преступнику. Фактъ любопытный. Крикъ иноземнаго солдата-преступника склонилъ его къ милости, а вопли и стоны страдальцевъ: сына, сестеръ, жены, родственниковъ, ведомыхъ на лютѣйшія муки и истязанія, не могли вызвать милости.

Въ то время, когда Петръ любовался всѣми достопримѣчательностями, какія представляла ему роскошная столица Франціи[1]), Екатерина довольно однообразно проводила время сначала въ Гагѣ, потомъ въ Амстердамѣ. Здѣсь и дождалась своего хозяина. Петръ пріѣхалъ 22-го іюля, и первое время послѣ четырехмѣсячной разлуки ни на часъ не разставался съ женой. Цѣлая недѣля прошла въ осмотрѣ флота, стоявшаго на якорѣ въ пяти миляхъ отъ Амстердама, и все это время они ночевали на яхтѣ. Съ ними ли были Гамильтонъ и Орловъ, или оставались въ городѣ—неизвѣстно; надо думать, какъ необходимая прислуга, они сопровождали господъ своихъ и въ этихъ поѣздкахъ.

Въ началѣ сентября государь съ государыней были въ Берлинѣ. Послѣ ряда празднествъ, 14-го числа Петръ поскакалъ на почтовыхъ въ Данцигъ. За нимъ поѣхалъ Иванъ Орловъ; поѣхала часть женской прислуги императрицы. Такъ какъ государыня сама сбиралась въ обратный путь, то, чтобъ не имѣть, вѣроятно, задержки въ экипажахъ и лошадяхъ, отправила свой штатъ партіями.

3-го октября царь прибылъ въ Ревель, съ нимъ вмѣстѣ были и сопровождавшіе его сановники, деньщики, между ними Иванъ Орловъ; пріѣхали и дамы изъ свиты государыни. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что между ними была Марья Даниловна Гамильтонъ, хотя намъ достовѣрно извѣстно изъ поденной записки Петра, что „ея величество путь свой имѣла отъ Риги къ Нарвѣ прямо на Дерптъ, не въѣзжая въ Перновъ и Ревель“ [2]).

---

[1]) Кстати, укажемъ на одну изъ брошюръ, относящихся до пребыванія Петра въ Парижѣ: „Pierre 1-er, membre de l'Académie des Sciences, par le prince Augustin Galitzin“. Paris. 1859 г., стр. 10. Изданные здѣсь документы опровергаютъ лживыя сказанія о томъ же предметѣ Вольтера, Н. Полеваго и друг.

[2]) Журналъ 1717 г., стр. 424.

Гамильтонъ была въ это время беременна въ третій разъ, притомъ въ послѣднемъ періодѣ, и, вѣроятно, опасаясь подозрѣнія со стороны государыни, либо придворныхъ дамъ, которыя пытливымъ окомъ слѣдили за поведеніемъ другъ друга, отпросилась ѣхать черезъ Ревель, гдѣ, въ страстныхъ объятіяхъ Орлова, старалась забыть и свою болѣзнь, и свою тоску, и тягостное предчувствіе о предстоявшихъ ей страданіяхъ...

Надо думать, что Иванъ Орловъ былъ очень простъ и его легко можно было обманывать: по крайней мѣрѣ, проводя по нѣскольку часовъ съ Марьей Даниловной, Орловъ не догадывался въ какомъ состояніи его возлюбленная.

— „Когда въ Ревелѣ (писалъ онъ потомъ при допросахъ) я у нея (Гамильтонъ) щупалъ и ее спрашивалъ: что, не брюхата ль ты? и она сказала: „нѣтъ“. И я ее опять спросилъ, и она сказала: „отъ тебя-бъ я не потаила“. А для чего брюхо туго? спросилъ я потомъ. — „Да вѣдь ты вѣдаешь, отвѣчала Марья, что я нездорова. Брюхо у меня туго отъ запору“ [1]).

Изъ того же показанія видно, что, при отъѣздѣ государя изъ Ревеля, Орловъ не послѣдовалъ за нимъ, а по нездоровью остался въ городѣ. Что же касается до Гамильтонъ, то она отправилась съ другими въ Петербургъ.

III.

Въ полдень 10-го октября 1717 года Петръ въѣхалъ въ столицу.

„Сія новая его столица, восклицаетъ Голиковъ, прибытіемъ обожаемаго государя своего обрадована была несказанно. Всѣ жители оной вышли во срѣтеніе его величеству и изъявили чувство радости своей слезами!“

Не примѣшивалось ли къ этой слезливой радости чувство страха? Гроза-сиверка вновь нагрянула. Государь, по пріѣздѣ, немедленно занялся своимъ обширнымъ хозяйствомъ: обходомъ и осмотромъ всѣхъ построекъ, посѣщеніемъ вельможъ, бесѣдами съ иноземными мастерами, чиненіемъ застѣнковъ... Нѣсколько дней

---

[1]) Показанія Марьи Гамонтовой и Ивана Орлова 5-го августа 1718 года.

спустя, пріѣхала государыня — и жизнь двора пошла обычнымъ чередомъ [1]).

Но далеко необычнымъ чередомъ шла она для Марьи Вилимовны или, какъ ее переименовали по русски — Даниловны: разлука съ любовникомъ, остававшимся еще въ Ревелѣ, беременность въ послѣднемъ періодѣ, страхъ быть узнанной въ своемъ положеніи, боязнь сплетней, пересудовъ, насмѣшекъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, начиная отъ князей и княженъ до деньщиковъ и горничныхъ — все это дѣлало ея положеніе невыносимымъ. Она жила въ лѣтнемъ домѣ государевомъ, заперлась въ своихъ комнаткахъ, сказывалась больною, никого къ себѣ не допускала и такъ искусно умѣла скрывать свое положеніе, что ея прислужницы Катерина Терновская, да Варвара Дмитріева и казначейша дѣвка Анна (Крамеръ) долго не подозрѣвали настоящей причины ея болѣзни. Либо не успѣвъ вытравить дитя лекарствами, либо не рѣшившись вновь совершить это преступленіе, Марья Даниловна съ ужасомъ ждала рокового часа, и злополучный ребенокъ, плодъ страстной любви, уже заранѣе, во чревѣ матери, былъ обреченъ на смерть.

Между тѣмъ пріѣхалъ изъ Ревеля Иванъ Орловъ и посѣтилъ разъ, какъ разсказываетъ служанка, свою любовницу на лѣтнемъ дворѣ, днемъ, при людяхъ; послѣ чего вскорѣ уѣхалъ по какому-то новому порученію, вѣроятно, царскому.

Въ это время, около 15 ноября 1717 г., совершено было задуманное преступленіе. Приведемъ разсказъ свидѣтельницы злодѣйства, служанки камеръ-фрейлины Гамильтонъ; разсказъ этотъ, при всей безъискуственности и простотѣ, прямо переноситъ на мѣсто преступленія и ставитъ лицомъ къ лицу съ убійцей.

— „Мѣсяцъ спустя“ (показывала впослѣдствіи Катерина Екимовна Терновская), послѣ приходу изъ Ревеля, Марья Гамонтова родила ребенка; про то я вѣдала, а имянно такимъ образомъ то дѣлалось: сперва пришла Марья въ свою палату, гдѣ она жила, ввечеру, и притворила себя больною, и сперва легла на кровать, а

[1]) Любопытные разсказы о томъ, какъ осматривалъ Петръ, по возвращеніи изъ заграницы, постройки въ Петербургѣ и собственноручно нещадно взыскивалъ за медленность и неакуратность строителей, можно найдти въ III томѣ Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie, 1792 г. стр. 162—165, 206—298. Книга эта достойна вниманія: это компиляція изъ множества записокъ и сочиненій о Россіи въ XVIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, компиляторъ не вездѣ указываетъ, откуда беретъ интересные факты.

потомъ вскорѣ велѣла мнѣ запереть двери и стала къ родинамъ мучиться; и вскорѣ, вставъ съ кровати, сѣла на судно и, сидя, младенца опустила въ судно. А я тогда стояла близь нея и услышала, что въ судно стукнуло и младенецъ вскричалъ; тогда я, Катерина, охнула и стала ей, Марьѣ, говорить:

— „Что ты, Марья Даниловна, сдѣлала?“

— Я и сама не знаю, отвѣчала та:—что дѣлать?

Потомъ, ставъ и оборотясь къ судну, Марья младенца въ томъ же суднѣ руками своими, засунувъ тому младенцу палецъ въ ротъ, стала давить, и приподняла младенца и придавила.

„Тогда я, Катерина, заплакавъ, паки стала ей говорить:

— „Что ты, Марья Даниловна, дѣлаешь?“

— „Молчи, отвѣчала она, дьяволъ-ли-де тебя спрашиваетъ?“

„Придавивъ ребенка, Марья вынула и обернула его въ полотенцо.

— „Возьми, Катерина, сказала она мнѣ;—отнеси куда-нибудь и брось“.

— „Не смѣю я этого сдѣлать“, отвѣчала я.

— „Когда ты не возьмешь, сказала Марья, то призови своего мужа“.

Былъ уже поздній часъ ночи; родильница, въ изнеможеніи отъ тѣлесной боли и душевной муки, опустилась на постель. Легла спать и встревоженная служанка. На другой день, по прежнему приказу Марьи Даниловны, Катерина пошла и прислала къ ней мужа своего, перваго конюха Василія Семенова [1]).

„Марья Даниловна велѣла мнѣ (свидѣтельствуетъ Катерина) поднесть конюху водки, а потомъ просила его, Семенова, при мнѣ, Катеринѣ:

— „Пожалуй-де, сего мертваго младенца брось куды-нибудь.

„Семеновъ взялъ и, положа въ кулекъ, понесъ вонъ. А тотъ кулекъ дала мужу своему я, Катерина. И то дѣлали мы съ мужемъ, и молчали ни для чего инаго, только ища въ ней милости, а иное ея и боясь, для того, что часто Марья меня, Катерину, бранивала и упрекала:

---

[1]) Изъ дѣла о дѣвкѣ Гамонтовой нельзя понять, за кѣмъ была замужемъ служанка Катерина. Въ одномъ мѣстѣ мужъ ея названъ „царскаго величества посольскаго приказа подьячій Савва Терновскій“, здѣсь же она зоветъ мужа своего Василья Семенова. Надо думать, что, схоронивъ перваго, она вышла за послѣдняго.

— „Я-де васъ, какъ нищихъ, взыскала, и вы-де меня не хотите слушать“ [1]).

Мы не думаемъ, чтобъ только одна боязнь удержала служителей Марьи Даниловны отъ доноса на нее. Напротивъ, боязнь допроса въ застѣнкѣ скорѣй должна была вызвать съ ихъ стороны доносъ на убійцу: Катерина и Семеновъ хорошо знали, какому нещадному истязанію подвергались вѣдавшіе да не донесшіе на преступленіе; ихъ карали одинаково съ преступниками [2]). Итакъ, не боязнь Гамильтонъ (она ничего имъ не могла сдѣлать), а любовь и преданность къ доброй госпожѣ удерживали прислугу отъ извѣта. Марья Даниловна, дѣйствительно, была очень добра и, по своему времени, щедра для прислуги. Такъ, напримѣръ, сама служанка Катерина говорила, что получила отъ нея въ подарокъ: „серьги съ бурмицкими небольшими зернами, чепчикъ парчевой, маленькихъ обломковъ камешковъ пять или шесть яхонтовъ, косякъ камки, двѣ юбки коломянковыя съ быстрогами; наконецъ, предъ отъѣздомъ въ походъ (т. е. за границу въ 1716 г.), Марья Даниловна оставила мнѣ въ Петербургѣ 10 рублевъ“. Изъ боязни ли, или изъ преданности, какъ бы то ни было, только ни Катерина, ни мужъ ея не сдѣлали доноса на учиненное преступленіе. Дѣло должно было открыться гораздо позже...

---

1) Подлинное дѣло о дѣвкѣ Гамонтовой, показанія служанки Катерины 9-го апрѣля и 21-го іюня 1718 года.

2) Страхъ наказаній, награда за доносы до такой степени развили у насъ шпіонство въ ту эпоху, что великій Петръ вѣдалъ о самыхъ сокровенныхъ событіяхъ; ему препровождали доносы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, даже за границу, въ бытность его тамъ. Это видно, напр., изъ слѣдующаго письма Петра изъ Данцига къ архангельскому губернатору (16 апр. 1716 года): „увѣдомились мы, что бывшій москов. успенск. собора ключарь Провъ, который сосланъ и постриженъ въ Соловецкомъ монастырѣ, нынѣ изъ того монастыря свободился и живетъ у холмогорскаго архіерея, котораго (то-есть ключаря), по полученіи сего указа, возьми и розыщи, какимъ случаемъ онъ освободился, и кто его освободилъ? и потомъ къ намъ пиши, а его за карауломъ держи. Петръ“. („Собр. записокъ Туманскаго 1787 г.“ ч. V, стр. 96). Въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. Исторіи“ (1860 г., т. II) напечатаны два любопытные доноса; хорошо бы было, если-бъ явилось въ печати побольше подобныхъ документовъ: они проливаютъ яркій свѣтъ и на петровское общество, и на преобразователя съ его птенцами. Одинъ изъ составителей указанныхъ доносовъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи о наградѣ, съ упрекомъ говоритъ, что его оставили безъ вниманія въ то время, какъ „по именнымъ е. и. в. указамъ не токмо за такіе важные (доносы), но за интересныя дѣла, всякаго чина людямъ давано награжденіе немалое со всякимъ удовольствіемъ и съ повышеніемъ чиновъ“.

Иванъ Орловъ скоро возвратился въ Петербургъ изъ командировки. Онъ посѣтилъ Марью Даниловну ночью, на зимнемъ дворѣ (т. е. во дворцѣ). Сидѣлъ съ нею вдвоемъ, наединѣ; бесѣдовали долго... Иванъ Михайловичъ говорилъ, между прочимъ: „что-де слышалъ я, по пріѣздѣ отъ Кобылякова, что ты чуть было не умерла. Что съ тобой сдѣлалось?“ спрашивалъ онъ.

— „Бокъ у меня болѣлъ, отвѣчала камеръ-фрейлина пытливому любовнику:—также и м...... пришло“.

Марья Даниловна послала Катерину варить кофе и кофеемъ угощала Ивана Михайловича [1]).

Напившись кофе, Орловъ не остался, однако, ночевать, боясь, вѣроятно, чтобъ не хватились его господа и не открыли бы его шашней.

Нѣсколько дней спустя, камеръ-фрейлина прислала за деньщикомъ мальчика съ приглашеніемъ навѣстить ее. Тотъ явился.

— Что съ тобой сдѣлалось? спросилъ Орловъ, вѣроятно, замѣтивъ страданія и слабость любовницы.

— „Малехонько было не уходилась, отвѣчала больная:—вдругъ схватило; сидѣла я у дѣвокъ (т. е. фрейлинъ) и послѣ насилу привели меня въ палату, и мѣсяшное вдругъ хлынуло изъ меня ведромъ“.

Орловъ повѣрилъ.

Между тѣмъ, при дворѣ, между деньщиками, фрейлинами, служанками, дамами придворными ходили разные слухи и сплетни, которые тревожили страдалицу, волновали и самого Орлова. Красавецъ-деньщикъ былъ любимцемъ нѣсколькихъ дамъ придворныхъ и дѣвицъ-фрейлинъ; всѣ онѣ негодовали за то, что предметъ ихъ склонности ухаживаетъ за Гамильтонъ. Съ другой стороны, у Гамильтонъ было нѣсколько поклонниковъ между деньщиками, пажами и каммер-юнкерами; они, изъ ревности, хотѣли разсорить ее съ Орловымъ. Тѣ и другіе, желая сдѣлать зло—первые Марьѣ Даниловнѣ, вторые Ивану Михайловичу—сплетнями, разсказами, насмѣшками смущали любовниковъ.

Такимъ образомъ услыхалъ Орловъ отъ услужливаго передатчика сплетень Алексѣя Юрова, что будто-бы тотъ слышалъ разго-

---

[1]) Показаніе 9-го апрѣля 1718 г. служанки Катерины; показанія Марьи Гамонтовой и Ив. Орлова 5-го августа 1718 г.

воръ и шутки насчетъ Гамильтонъ; Родіона Кошелева съ Семеномъ Алабердѣевымъ.

— „Она со мною брюхо сдѣлала“, смѣясь, говорилъ Кошелевъ.

Юровъ увѣрялъ, что Алабердѣевъ выдалъ хвастливаго товарища Марьѣ Даниловнѣ и убѣждалъ ее жаловаться на обидчика.

— „Не знаю только, говорилъ Юровъ: —била ли челомъ Марья, или нѣтъ?“

Ходили слухи, что у фонтана [1]) нашли мертваго подкидыша; говорили, что это дитя Гамильтонъ; другіе указывали на прочихъ фрейлинъ и дамъ: это, молъ, ихъ дѣло. Всѣ эти сплетни и толки до такой степени взбѣсили Орлова, что онъ рѣшился лично допросить любовницу.

— Какъ это на тебя говорятъ, спросилъ онъ, явясь къ фрейлинѣ:—что ты родила ребенка и убила?

Та стала плакать и клясться.

— „Развѣ бы тебѣ я не сказала (о родахъ и убійствахъ), говорила она, заливаясь слезами:—вѣдаешь ты и самъ, какая (большая охотница) я до робятъ; развѣ не могла я содержать въ тайнѣ ребенка? вѣдь ты вѣдаешь, меня здѣсь никто не любитъ [2]).

Деньщикъ-любовникъ, напротивъ, подозрѣвалъ (впрочемъ, напрасно), что Гамильтонъ была любима слишкомъ многими, болѣе, чѣмъ нужно для нея и тѣмъ болѣе для него; что Александръ подьячій и Семенъ Мавринъ жили съ нею въ такой же любовной связи, какъ и онъ, и что ребятъ у нея дѣйствительно не могло быть не отъ убійствъ, а отъ множества возлюбленныхъ.

Какъ ни сильна была увѣренность у Орлова, что у камеръ-фрейлины, отъ множества сотрудниковъ, не могло быть дѣтей, однако, послѣ новыхъ сплетень придворныхъ, онъ опять явился къ ней съ допросомъ:

— Какъ же это, спрашивалъ онъ:—другіе-то говорятъ, что ребенокъ, найденный у фонтана, твой?

Марья Даниловна вновь стала плакать и божиться.

— „Я, вѣдь, не одна была, говорила она:—какъ у меня мѣсячное появилось“.

Орловъ вновь повѣрилъ. Чтобы окончательно разсѣять его по-

[1]) Въ Лѣтнемъ саду, см. объ этомъ фонтанѣ въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

[2]) Показаніе Ив. Орлова 5-го и 20-го авг. 1718 г.

дозрѣнія и прервать сплетни, камеръ-фрейлина, по убѣжденію Аладердѣева, жаловалась на Родіона Кошелева и его неумѣстныя шутки.

Кошелевъ повинился:

— Посмѣялся я съ шутки, а не изъ знанія. Изъ ревности, я хотѣлъ, чтобъ она, постыдившись этихъ словъ, болѣе дружбы съ Орловымъ не имѣла.

Жертва толковъ, пересудовъ, мучимая недугомъ, угрызеніями совѣсти и страхомъ наказанія, Марья Даниловна Гамильтонъ грустно встрѣтила 1718 годъ.

Онъ ничего не обѣщалъ ей радостнаго; грозныя тучи скоплялись на горизонтѣ...

Составитель петербургскаго календаря, уступая общественному предразсудку, а, можетъ быть, и самъ раздѣляя его, что по звѣздамъ можно предугадывать событія „о воинѣ и мірскихъ дѣлѣхъ“, пророчилъ, что въ наступающемъ 1718 году случится очень много необыкновеннаго, и болѣе нехорошаго, чѣмъ хорошаго:

„Наипаче дѣло удивительно (гласилъ календарь), что въ августѣ мѣсяцѣ четыре планеты, а именно Солнце, Іовітъ, Марсъ и Меркурій во знакъ Льва, то есть въ домъ солнца, весьма близко сойдутъ, и оное важнѣе, нежели обычайные Аспекты, ибо во сто лѣтъ и больше едва случается, и токмо нѣтъ Сатурна и Венеры притомъ, ибо они на соединеніе сіе гораздо косо смотрятъ, то есть Сатурнъ съ лѣвой, а Венера съ правой стороны въ неправомъ квадратѣ стоятъ. Я о семъ особливо не могу и не хощу изъясненія чинить, но токмо объявляю, что оное нѣчто особливое и важное покажетъ; не мыслю, чтобъ оное вскорѣ въ августѣ учинилось, токмо можетъ дѣйство свое во весь годъ пространить, ибо оное есть Солнечное дѣло, того ради окончанія имѣетъ съ терпѣньемъ ожидать... Сей же годъ болше къ болѣзнямъ, нежели ко здравію склоненъ, а особливо зима и весна... Того ради во многихъ мѣстахъ слышно будетъ:

Многія врата аду стерти
Избави насъ отъ внезапныя смерти;
И даждь въ мірѣ поживши вѣчно,
Во славѣ твоей быти безконечно! [1])

[1]) „Календарь или мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1718, указующій затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полный мѣсяцъ съ четвертьми... Учіненный по меріdіану и шірінѣ царствующаго Санктъ-Пітербурха. Въ Санктъ-

Оставимъ, однако, календарь, который, на этотъ разъ, совершенно случайно не солгалъ, предсказавъ болѣзни (много переболѣло отъ пытокъ), смерть, общія моленія о ниспосланіи помощи отъ всѣхъ напастей, и послѣдуемъ за Великимъ Петромъ.

15-го декабря 1717 года, государь, росписавъ во всѣ коллегіи президентовъ, поспѣшилъ въ Москву, чтобъ все приготовить для пріема первенца-сына. За нимъ поскакали его приближенные, его деньщики (между ними Иванъ Орловъ). На другой день, съ своею свитою и фрейлинами (между ними была Гамильтонъ) [1]), выѣхала изъ Петербурга Екатерина Алексѣевна. 23-го декабря державные супруги были въ Бѣлокаменной.

Петръ по словамъ его поденной записки, по пріѣздѣ въ Москву, „сталъ упражняться въ гражданскихъ дѣлахъ".

Эти „гражданскія" дѣла состояли въ слѣдствіи и судѣ надъ сыномъ, первой женой, сестрами, десятками вельможъ, именитыхъ духовныхъ, именитыхъ женщинъ и проч.

Въ нѣсколькихъ словахъ, но прекрасно характеризуетъ это страшное время М. П. Погодинъ: „свозятся со всѣхъ сторонъ свидѣтели, участники; допросы за допросами, пытки за пытками, очныя ставки, улики и пошелъ гулять топоръ, пилить пила и хлестать веревка!

„Запамятованное, пропущенное, скрытое однимъ—воспоминается другимъ, третьимъ лицомъ на дыбѣ, на огнѣ, подъ учащенными ударами и вмѣняется въ вину первому, даетъ поводъ къ новымъ встряскамъ и подъемамъ. Слышатся еще имена.... Подайте всѣхъ сюда, въ Преображенское!

„Жену, сестеръ, дѣтей, тетокъ, сватовъ, друзей, знакомыхъ и

Пітербурхской тіпографіи". Лѣта Господня 1717 г. Ноябр. 25-го. Въ 8 д. Это былъ первый изъ ежегодныхъ календарей въ Россіи; онъ былъ уже отпечатанъ въ сентябрѣ 1717 года, и Меншиковъ, при письмѣ, послалъ его къ царю Петру за границу.

[1]) Пожитковъ у нея было немного. По показанію служанки, Марья Даниловна взяла съ собой въ Москву одинъ только сундукъ съ платьемъ, остальные два съ пожитками оставила на храненіе у Петра Машкова. Показаніе 9-го апрѣля 1718 г. Ѣхала Марія Гамильтонъ въ Москву съ нѣкоей Устиньей; подъ ея сани давали по пяти лошадей, по столько же впрягали въ сани Анисьи Толстой и Анны Паниной. Государыня ѣхала въ саняхъ на шестеркѣ лошадей. См. наказъ Меншикова отъ 14 декабря 1717 г. о заготовкѣ лошадей для проѣзда двора въ Москву. „Русскій Архивъ" 1883 г., кн. V, стр. 8.

незнакомыхъ, архіереевъ, духовниковъ, — видѣвшихъ, слышавшихъ, могшихъ догадываться.

— „Мы знать не знаемъ, ничего вѣдать не вѣдаемъ!“

— „Не знаете, не вѣдаете! въ застѣнокъ!!“

„И мучатся несчастные, истекаютъ кровью, изнываютъ страхомъ и ожиданіемъ. Они взводятъ на себя и на другихъ напраслину, и вслѣдствіе ея подвергаются новымъ пыткамъ по три, по пяти, по десяти разъ!! Въ застѣнокъ!! восклицаютъ неумолимые остервенѣлые судьи. — Умилосердитесь, посмотрите, — вѣдь въ нихъ не осталось кровинки; потухли глаза, они потеряли все сознаніе, у нихъ пропали всѣ чувства, они не помнятъ уже, что говорятъ, да ужъ и дыба устала! застѣнокъ шатается, топоръ иступился, кнутъ измочалился.

„А оговаривается людей все больше и больше! Отъ друзей царевича Алексѣя уже очередь доходитъ до собственныхъ друзей и наперсниковъ царя: князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Дмитрій Михайловичъ, князь Михайло Михайловичъ Голицыны, Бауръ, Стефанъ Яворскій, Іовъ Новгородскій, митрополитъ Кіевскій, епископы: Ростовскій, Крутицкій, даже князь Ромодановскій, Стрѣшневъ, самъ Меншиковъ подвергаются подозрѣнію!“ [1]).

IV.

Всѣ были встревожены, каждый опасался за себя; ежедневные розыски, доносы сдѣлали чутье у сыщиковъ необыкновенно тонкимъ. Положеніе Гамильтонъ дѣлалось невыносимо. При пытливомъ надзорѣ за всѣми и каждымъ, возникшемъ въ это ужасное время, преступленіе ея, хотя и не политическое, не могло остаться въ тайнѣ.

Но оно открылось почти случайно. Объ этомъ обстоятельствѣ многіе писатели разсказываютъ различно. Остановимся на этихъ раз-

[1]) По поводу VI-го тома „Исторіи Петра“ соч. Устрялова написано было нѣсколько статей. Между всѣми ими занимаетъ первое мѣсто изслѣдованіе М. П. Погодина: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“. „Рус. Бесѣда“, 1860 г. № 1. Этотъ трудъ въ высшей степени замѣчателенъ и тѣмъ болѣе долженъ быть интересенъ для всѣхъ, что ученый авторъ, тридцать лѣтъ назадъ, перепечатывая Розыскное дѣло 1718 года, предпослалъ

сказахъ: они легли въ основаніе всѣхъ баснословныхъ вымысловъ о Маріи Вилимовнѣ или Даниловнѣ Гамильтонъ.

„Деньщикъ его величества, Иванъ Михайловичъ Орловъ—такъ повѣствуетъ И. И. Неплюевъ—узналъ объ одномъ тайномъ сходбищѣ, развѣдалъ о людяхъ, составлявшихъ общество, и вечеромъ подалъ государю обстоятельную записку, доносъ, на заговорщиковъ. Великій государь, прочитавъ доносъ, тщательно уложилъ его въ карманъ; онъ былъ занятъ другими дѣлами; карманъ подпоролся и бумага попала между сукномъ и подкладкой.

Ложась спать, государь обыкновенно приказывалъ сюртукъ класть или къ себѣ подъ подушку, или на стулъ у кровати.

Лишь только Петръ заснулъ, Орловъ, окончивъ дневальство, отправился къ пріятелямъ и прогулялъ съ ними ночь.

Между тѣмъ, по обыкновенію своему, государь проснулся очень рано и захотѣлъ съ свѣжей головой просмотрѣть доносъ; не найдя въ карманѣ, заключилъ, что онъ украденъ, и закипѣлъ гнѣвомъ Приказано позвать Орлова, который раздѣвалъ его; Орлова не нашли. Государь еще болѣе разсердился; повелѣлъ непремѣнно отыскать гуляку-деньщика. Долго не находили гуляку, и гнѣвъ господина достигъ высшей степени... Наконецъ, гонцы открыли Орлова. Не подозрѣвая настоящей причины царскаго гнѣва, деньщикъ подумалъ, что, вѣроятно, государь узналъ о любовной его связи съ камерфрейлиною Гамильтоновою, любимицею ея величества.

Съ этою мыслію трепетавшій любовникъ вошелъ къ государю. Тотъ былъ въ ярости. Еще болѣе испугавшись, Орловъ палъ на колѣна: „Виноватъ, государь, взмолился деньщикъ, люблю Марьюшку!“ (такъ звали при дворѣ камеръ-фрейлину). Петръ увидѣлъ изъ мольбы, что Орловъ не воръ бумаги, а кстати и она была найдена деньщикомъ Поспѣловымъ въ подкладкѣ сюртука.

Между тѣмъ признаніе заинтересовало господина, и онъ уже съ покойнымъ видомъ сталъ спрашивать:

— Давно ль ты ее любишь?

ему, въ видѣ догадки, свой взглядъ на весь этотъ ужасный эпизодъ изъ царствованія Петра. Догадка оправдалась, и чрезъ тридцать лѣтъ развита тѣмъ же историкомъ въ рядъ высшей степени самобытныхъ взглядовъ... Изслѣдованіе Погодина проливаетъ яркій свѣтъ па Петра, на Екатерину, Меншикова, царевича Алексѣя, его сторонниковъ и судей. Статья эта навсегда останется драгоцѣннымъ достояніемъ нашей литературы историческихъ изслѣдованій о XVIII вѣкѣ. (1860 г.)

— Третій годъ.

— Бывала ли она беременна?

— Бывала.

— Слѣдовательно и рожала?

— Рожала, но мертвыхъ.

Внезапная догадка освѣтила голову прозорливаго монарха; догадка выразилась въ вопросѣ:

— Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ?

— Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нея сіе зналъ, отвѣчалъ трепетавшій Орловъ.

Къ несчастью для любовницы, не задолго предъ допросомъ, при очищеніи нечистотъ, найденъ былъ мертвый младенецъ, обернутый въ дворцовой салфеткѣ; тогда не могли отъискать матери младенца. Изъ отвѣтовъ деньщика царь увидѣлъ, что убійца ребенка ни кто другой, какъ фрейлина Гамильтонова.

Ее зовутъ къ царю. Петръ при любовникѣ спрашиваетъ любовницу. Та заперлась и стала клясться, что невинна. Ее, однако, уличили въ связи съ Орловымъ, послѣ чего заставили сознаться, что она низвела такимъ образомъ уже двухъ младенцевъ.

— Зналъ ли объ этихъ убійствахъ Орловъ? вновь спрашиваетъ государь.

— „Нѣтъ, отвѣчаетъ фрейлина:—Орловъ не зналъ".

Петръ не повѣрилъ невинности деньщика, велѣлъ его отвести въ крѣпость, а надъ фрейлиною, убійцею нераскаянною (?), повелѣлъ нарядить уголовный судъ" [1]).

Голикова разсказъ (со словъ Неплюева) немного представляетъ варіантовъ противъ разсказа Штелина; послѣдній, разумѣется, служилъ однимъ изъ источниковъ автору „Дѣяній". Но и эти немногіе варіанты должны вызвать наше вниманіе.

„Премудрый россійскій законодатель (восклицаетъ профессоръ отъ аллегоріи) всегда старался показать собою примѣръ строгаго исполненія законовъ. Онъ благоговѣлъ предъ закономъ Божіимъ и былъ къ уголовнымъ преступленіямъ неумолимъ, особенно, если замѣчалъ, что преступленіе сдѣлано съ намѣреніемъ или отъ злости.

---

[1]) „Дѣянія мудраго преобразователя", собралъ Голиковъ, т. XV, разсказъ (Неплюева) 82-й: „Правосудіе его величества и уваженіе къ закону Божію", стр. 182—184. Въ „Русскомъ Архивѣ" разсказъ этотъ перепечатанъ съ подправкой лишь слога. „Русск. Арх." изд. 1883 г., книжка II, стр. 362—363.

Если дѣло касалось убійства, то убійца не долженъ былъ и надѣяться на помилованіе. „Невинно пролитая кровь, говаривалъ Петръ, вопіетъ о мщеніи и ненаказанныя убійства угнетаютъ землю“.

„Одна изъ фрейлинъ императрицы (?) Екатерины I-й, именемъ Гамильтонъ[1]), вела распутную жизнь и два раза тайно освобождалась отъ беременности. Она такъ умѣла сбывать съ рукъ младенцовъ своихъ, живыхъ или мертвыхъ, что при дворѣ ни мало ее въ томъ не подозрѣвали; но въ третій разъ преступленіе не удалось. Умерщвленный младенецъ былъ найденъ и всѣ обстоятельства привели Гамильтонъ въ подозрѣніе. По царскому приказу, она была заключена въ тюрьму, гдѣ и должна была признаться не только въ этомъ, но и въ двухъ прежнихъ убійствахъ“ [2]).

Вслѣдъ за Штелинымъ и Голиковымъ приведемъ одинъ изъ многихъ варіантовъ, помѣщавшихся въ разныхъ изданіяхъ о царствованіи Петра. Вотъ что говорится, напримѣръ, въ „Anecd. intéress. de la cour de Russie“ (Londres, 1792, t. 2, p. 272—275): „По приказанію Петра, два гренадера наказали батогами шведскую графиню Марью Даниловну Гамильтонъ. Она пользовалась до сихъ поръ особымъ расположеніемъ Петра, но возбудила его гнѣвъ тѣмъ, что стала распускать дурные слухи объ императрицѣ. Донесъ на нее Меншиковъ. Издавна уже имѣя замыселъ (!) о возведеніи на престолъ Екатерины (послѣ смерти Петра), Меншиковъ не пропускалъ ни одного случая, чтобъ отклонить все, что могло вредить Екатеринѣ, и интриговалъ противъ тѣхъ женщинъ, которыя пользовались расположеніемъ Петра. Кромѣ того, существовала

---

¹) Составитель газетной статьи о ней справедливо замѣчаетъ, что „Штелинъ пишетъ правильно: Гамильтонъ. Будучи самъ нѣмцемъ, онъ не могъ, подобно русскимъ, коверкать это имя“. Но въ той же статьѣ ошибочно обвиняютъ Н. Г. Устрялова въ томъ, что онъ, при чтеніи имени Гамильтонъ въ подлинныхъ бумагахъ, принялъ *л* за *н*. „Слѣдовало бы (говоритъ авторъ статьи) прочесть Гамелтова, а не Гамонтова“. Но въ подлинномъ дѣлѣ, какъ мы сами убѣдились, Гамильтонъ именно названа Гамонтовой. Въ чемъ другомъ можно обвинить исторіографа, но за умѣнье его разбирать рукописи и читать корректуры говорятъ десятки лѣтъ, посвященныя составленію и печатанію одного тома (см. предисловіе Н. Г. Устрялова къ VI части „Истор. цар. Петра“). [1860 г.].

²) *Анекдоты Штелина.* Нѣм. изд. 2-е, разсказъ 88-й. Въ русскихъ изданіяхъ первомъ и второмъ (1786 г., стр. 226—227; 1787 г., стр. 275—276) разсказъ этотъ напечатанъ съ выпусками; гораздо полнѣе онъ въ переводѣ, изданномъ въ 1788 г. Москва. Въ 8 д. Въ типогр. компаніи типографской. Разсказъ 87, стр. 247—250.

особая причина личнаго недоброжелательства Меншикова къ этой иностранкѣ.

„Про нее ходили слухи, что она задушаетъ своихъ дѣтей тотчасъ послѣ родовъ. Но, по неимѣнью доказательствъ, все ограничивалось толками праздныхъ людей. Однажды она бросила въ колодезь своего младенца, завернутаго въ салфетку изъ дворцоваго бѣлья. Нѣсколько времени спустя, ребенокъ былъ найденъ; находка усилила подозрѣнія противъ графини. Меншиковъ, который до того времени потерпѣлъ положительную неудачу въ волокитствѣ за нею, воспользовался этимъ случаемъ для мщенія и старался обратить подозрѣнія въ достовѣрные факты. Петръ, по наущенію своего любимца, пошелъ къ обвиняемой графинѣ.

— „Это твое дитя нашли?“ спросилъ онъ ее.

„Гамильтонъ не смутилась и отперлась. Меншиковъ предложилъ сдѣлать обыскъ въ ея сундукахъ. Стали рыться, нашли окровавленное бѣлье. Это была важная улика. Она сильно смутила Гамильтонъ и она уже слабо запиралась. Ее арестовали“.

Приведенныхъ разсказовъ вполнѣ достаточно, чтобъ видѣть, какъ разнорѣчатъ они одинъ другому; впрочемъ на ряду съ вымыслами въ нихъ есть и правда: разсказы эти основаны на современныхъ толкахъ и пересудахъ, и въ этомъ отношеніи они для насъ интересны.

Какъ же открылось преступленіе Гамильтонъ, какъ началось роковое для нея слѣдствіе? Отвѣта на эти вопросы поищемъ въ подлинномъ дѣлѣ: „о дѣвкѣ Гамонтовой“.

Изъ него мы видимъ, что Орловъ былъ далеко не вѣренъ Марьѣ Даниловнѣ; въ послѣднее время, забывая ее, часто хаживалъ къ генералъ-маіоршѣ Чернышевой (Авдотья-бой-баба). Эти частые визиты деньщика къ генеральшѣ сильно огорчали камеръ-фрейлину: она сердилась, просила любовника прекратить свои посѣщенія къ Авдотьѣ; наконецъ, чтобъ рѣшительно его устрашить, Гамильтонъ рѣшилась на хитрость, кончившуюся для нея самымъ злополучнымъ образомъ.

Увлекаемая ревностью, Марья Даниловна рѣшилась погубить свою соперницу сплетней, одной изъ придворныхъ интригъ, которыя такъ часто удавались другимъ. Она повела дѣло съ того, что вздумала напугать Орлова и тѣмъ отвадить его отъ Чернышевой. Зная простоту и недальновидность любовника, Гамильтонъ могла разсчитывать на успѣхъ.

Пришелъ къ ней однажды деньщикъ поутру пить кофе. Марья Даниловна, подъ видомъ строжайшаго секрета, стала ему говорить:

— „Сказывала мнѣ сама государыня-царица о-томъ, что одинъ деньщикъ говорилъ съ Авдотьею (Чернышевой) о ней, о царицѣ: кушаетъ-де она воскъ, отъ того у нея (на лицѣ) угри!“

Со страхомъ и любопытствомъ сталъ спрашивать Орловъ имя деньщика, рѣшившагося на столь ужасное преступленіе!.. Гамильтонъ не называла преступника. Иванъ Михайловичъ, какъ самъ впослѣдствіи показывалъ, тщетно допытывался многое время объ имени государственнаго преступника [1]).

Между тѣмъ, на третій день послѣ утренней бесѣды, Орловъ отправился по какому-то, вѣроятно, царскому порученію.

Въ это время неосторожная камеръ-фрейлина, всѣми силами желавшая выкопать яму своей соперницѣ-генеральшѣ, стала разсказывать княгинѣ Прозоровской, Василію Ржевскому, Баклановскому и другимъ, что о страсти царицыной ѣсть воскъ и происходящихъ отъ того на лицѣ ея угряхъ говорили Орловъ съ Авдотьею Чернышевой. Марья Даниловна пустила въ ходъ эту сплетню, какъ сама потомъ сознавалась: „съ сердца, затѣявъ напрасно, того для, что Орловъ часто хаживалъ къ генералъ-маіоршѣ Чернышевой, хотя его тѣмъ устрашить, чтобъ онъ къ ней, генеральшѣ, часто не ходилъ, понеже она того желала“ [2]).

Сплетня, какъ всѣ сплетни, разошлась чрезвычайно быстро. Когда пріѣхалъ изъ командировки деньщикъ, при дворѣ уже много толковали и о немъ, и о Чернышевой, а главное—о царицыныхъ угряхъ, какъ слѣдствіи страннаго кушанья. Услужливые друзья и противницы Гамильтонъ передали Орлову, что камеръ-фрейлина прямо указываетъ на него, какъ на разсказщика объ угряхъ. Тотъ страшно испугался. Государыня считаетъ его виновнымъ! его арестуютъ! станутъ пытать: гдѣ и когда онъ видѣлъ царицу, уничтожающею воскъ! допытаются и вымучатъ отъ него признаніе въ небываломъ преступленіи! Всѣ эти мысли, безъ сомнѣнія, должны были осадить недальнюю голову Орлова, и онъ бросился къ Екатеринѣ съ оправданіемъ, думая, что та въ самомъ дѣлѣ что нибудь знаетъ о немъ и о Чернышевой.

---

[1]) Показаніе Орлова 19-го іюля 1718 г.

[2]) Показаніе Марьи Гамонтовой 19-го іюля 1718 г.

Можно представить себѣ, какъ изумился деньщикъ, когда, въ отвѣтъ на его оправданіе и челобитье у ногъ Екатерины, та отвѣчала, что въ первый разъ слышитъ о придворныхъ толкахъ, о воскѣ и угряхъ.

Немедленно призвана Гамильтонъ. Въ страшномъ гнѣвѣ, Екатерина Алексѣевна стала допрашивать. Марья Даниловна заперлась, стала клясться, что она никому и ничего не говорила ни о воскѣ, ни объ угряхъ.

Запирательство еще болѣе разсердило допрощицу, имѣвшую, по увѣренію Голикова, „сердце не токмо не злобное, но самое добродѣтельное". На камеръ-фрейлину посыпались удары... Нѣтъ сомнѣнія, что они были довольно убѣдительны, ибо въ дѣлѣ отмѣчено: „а по битьѣ, Гамонтова повинилась: затѣяла-де я, по злобѣ на Орлова, напрасно [1]).

Съ неудачнаго (можетъ быть, и справедливаго) сказанія о воскѣ и угряхъ разражается надъ Гамильтонъ грозная туча. Нѣтъ сомнѣнія, что камеръ-фрейлина тогда же была посажена въ тюрьму; но дѣятельный монархъ, занятый московскимъ и суздальскимъ розысками по дѣлу первенца-сына, не имѣлъ еще времени обратиться къ изслѣдованію преступленія своей бывшей любовницы.

Первый отдѣлъ, первая часть многочисленныхъ занятій великаго

---

¹) Показ. Орлова 19-го іюля 1718 г. Рука у Катерины была необыкновенно сильна и она частыми упражненіями чрезвычайно укрѣпила свои мускулы. Такъ, напримѣръ, 9-го апрѣля 1722 года, на торжественной свадьбѣ графа Головкина съ княжной Ромодановской, между прочими потѣхами, царскіе деньщики, по желанію Петра, силились поднять на вытянутой рукѣ большой маршальскій жезлъ государя, но никому этого не удавалось. Государь, зная, какъ сильна рука у императрицы, подалъ ей черезъ столъ свой жезлъ. Она привстала и съ необыкновенною ловкостью нѣсколько разъ подняла его надъ столомъ прямою рукою, что всѣхъ не мало удивило. Берхгольцъ, ч. 2, стр. 180.

Мы не должны изумляться, что этотъ атлётъ женской силы самъ распорядился при допросѣ камеръ-фрейлины. Въ этомъ случаѣ хозяйка являлась только подражательницею хозяину. Лѣтъ двадцать спустя ему же подражала и его племянница, императрица Анна Ивановна. Она изъявила однажды желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать княгини Дашковой, замѣчательно граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи. Какъ однако-жъ онѣ ни желали угодить волѣ госпожи своей, но испуганныя ея строгимъ взглядомъ, смѣшались и позабыли фигуру танца. Среди общей суматохи, государыня встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ, съ полнымъ достоинствомъ отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что тѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха. См. Записки княгини Е. Р. Дашковой.

монарха по заговору сына и его сторонниковъ приходила къ концу.

Въ мартѣ 1718 года загорѣлись костры, засверкали топоры, возвысился колъ, воздвигнулись позорные столбы, покатились колеса... Степанъ Глѣбовъ, епископъ Досоѳей, Александръ Кикинъ, Ѳедоръ Пустынный, Ѳедоръ Дубровскій мучительною смертью избавились отъ дальнѣйшихъ истязаній. Впродолженіи четырехъ дней на большой площади предъ дворцомъ десятки именитѣйшихъ особъ обоего пола сѣчены кнутомъ, другія батогами, и съ вырванными ноздрями [1]), либо урѣзанными носами, отправлены въ Сибирь [2]).

Весь дворъ, самъ государь объѣзжалъ мѣсто казней и зоркимъ окомъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ приговоровъ.

„Ежели-бъ подлинно былъ монархъ (говоритъ Голиковъ) напряженъ умертвить сына своего, то не долженъ ли бы онъ былъ заниматься симъ единымъ толико мучительнымъ воображеніемъ? Не долженъ ли бы онъ былъ оставить или, паче, забыть всѣ другія дѣла, кромѣ сего единаго?“ Но нѣтъ, скажемъ мы, дѣятельность государя и его вѣрныхъ слугъ была необыкновенна: въ то время, какъ заканчивался первый актъ драмы, они начинали, между многими другими кровавыми изслѣдованіями, слѣдствіе о дѣвкѣ Марьѣ Гамонтовой.

12-го марта 1718 г., въ среду (на память пр. Ѳеофана, какъ гласитъ современный календарь), въ селѣ Преображенскомъ, въ при-

---

[1]) Ихъ вырывать приказано было не иначе, какъ до самой кости. Высочайшій указъ 7-го февраля 1716 г.

[2]) Оговоренныхъ, пытанныхъ и сѣченныхъ дамъ и дѣвицъ по одному дѣлу Алексѣя и его матери было 26; въ это число не входятъ служанки, монашенки, крылошанки и другія незначительныя лица, имена которыхъ не считали нужнымъ сохранить на безсмертіе; равно и не отмѣчали числа ударовъ, выпавшихъ на ихъ долю. См. наши замѣтки на VI томъ „Исторіи Петра I“ въ Русскомъ Словѣ 1860 г., № 1, стр. 39—45. Пытать женщинъ и дѣвицъ было дѣломъ уже обычнымъ. Въ 1698 году ихъ перепытано было множество. Вмѣсто длиннаго перечня и разсказовъ, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Записокъ Желябужскаго: „брали изъ дѣвичья монастыря бояринь и дѣвокъ, и старицъ въ Преображенской, и здѣсь онѣ разспрашиваны, и по разспросамъ пытаны, и на вискѣ Жукова дочь дѣвка родила“. (Стр. 125). Жукова была при царевнѣ Марѳѣ тѣмъ же, чѣмъ Гамильтонъ при Екатеринѣ, то есть камеръ-фрейлиною. Жуковой на двухъ пыткахъ дано 30 ударовъ; на которой изъ пытокъ она родила—неизвѣстно. Въ 1716 году Петръ постановилъ не пытать беременныхъ женщинъ (Уставъ Воинскій, ч. 2, гл. 6, арт. 10), но оставилъ, впрочемъ, исключенія для государственныхъ дѣлъ.

сутствіи государя и государыни, осматривали пожитки Марьи Гамонтовой. При осмотрѣ вынуты алмазныя и прочія вещи ея величества. Спрашивали Марью: откуда у нея тѣ вещи? И она предъ ихъ величествами винилась, что тѣ вещи себѣ крала [1]).

Только что кончились казни 14, 15, 16 и 17 чиселъ, государь съ государыней 18-го марта 1718 г. оставили Москву.

„Москва опротивѣла. Дышать здѣсь стало тяжко. Все покрылось мглою, люди шатались какъ тѣни и въ воздухѣ слышался, кажется, смрадъ. Надо было перемѣнить мѣсто, отдохнуть, освѣжиться, и Петръ съ остальными жертвами—страшнымъ поѣздомъ отправился въ Петербургъ для новыхъ розысковъ“ [2]).

V.

24-го марта 1718 г. государь въѣхалъ въ С.-Петербургъ, вслѣдъ за нимъ прибыла и государыня.

Петръ занялся государственными дѣлами, поджидая какъ изъ Москвы, такъ и изъ заграницы подвоза лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу сына [3]). Между тѣмъ крѣпость постепенно наполнялась; днемъ и ночью привозили туда новыхъ жителей казематовъ различнаго зва-

---

[1]) Подлинное дѣло. Записка 19-го марта 1718 г. Она оканчивается словами: „также надобно ее (Гамонтову) разспросить: коликое число ея величества государыни царицы червонныхъ раздала она деньщику Ивану Орлову и протчимъ“. Похищеніе драгоцѣнныхъ камней показываетъ, что Марья Даниловна была далеко нечужда страсти къ украшеніямъ драгоцѣннымъ, страсти, нашедшей мѣсто даже и при дворѣ Петра, отличавшагося возможною простотою. Въ 1721 году петербургскія дамы имѣли великолѣпнѣйшіе наряды и множество брильянтовъ. „Вообще, здѣшнія дамы очень любятъ драгоцѣнные камни, которыми стараются перещеголять другъ друга“. Берхгольцъ. Ч. I, стр. 193. Ч. II, стр. 72. Драгоцѣнные камни тѣмъ болѣе были въ модѣ, что царскими указами запрещалось носить золото и серебро. Указъ 13-го декабря 1717 г., 19-го дек. 1718 г. и друг.

[2]) М. П. Погодинъ, стр. 81.

[3]) О занятіяхъ государя можно видѣть изъ указовъ того времени: доставка припасовъ въ Петербургъ, обмундированіе войскъ, мѣры о непропускѣ за границу („дабы при нынѣшнемъ розыску не ушли кто изъ тѣхъ, которые приличны“), взысканіе пошлинъ, снятіе заставъ, жалованныя льготныя грамоты, постройка домовъ въ Петербургѣ — обо всемъ этомъ государь успѣлъ сдѣлать распоряженія со дня пріѣзда по 12-е апрѣля. П. С. З., т. V, № 3185 и послѣдующіе.

нія, состоянія, возраста, пола, — многіе уже истомленные пыткой, двумя, тремя; многіе томящіеся въ страшномъ ожиданіи истязаній...

Покамѣстъ разсаживаютъ привезенныхъ, зайдемъ въ Петропавловскую крѣпость того времени. Она уже двѣнадцать лѣтъ строилась и украшалась каменными постройками, быстро замѣнявшими временныя, деревянныя. Если вѣрить иностраннымъ писателямъ—многія тысячи работниковъ перемерли при созиданіи этой государственной темницы... Съ необыкновенными усиліями созидались шесть громадныхъ больверковъ, шесть куртинъ, два равелина, пять воротъ—все это составляло внѣшнюю ограду Петропавловской крѣпости.

Укрѣпленія противъ финскаго берега въ 1718 г. были уже окончены, и приступили къ передѣлкѣ тѣхъ, которыя выходили на Неву, особенно средняго бастіона и двухъ куртинъ; готовъ былъ угловой бастіонъ, выходившій на Неву, къ Васильескому острову и дворцовой набережной; это былъ раскатъ Трубецкой; здѣсь сидѣли главнѣйшіе арестанты; жилищами ихъ были казематы, въ толстыхъ, массивныхъ каменныхъ стѣнахъ [1]). Внутренность крѣпости занимали: соборная деревянная церковь апостоловъ Петра и Павла [2]), про-

[1]) „Описаніе Петербурга“ Богданова. 1751 г. Изд. 1779 г. Здѣсь есть много весьма важныхъ ошибокъ; напр., съ 1718 г., по словамъ Богданова, былъ комендантомъ крѣпости (съ 1717 по 1723 г.) полковникъ Чемезовъ, а изъ книги крѣпостной гарнизонной канцеляріи видно, что въ декабрѣ 1717 г. комендантомъ сдѣланъ гвардіи капитанъ Бахміотовъ, который и замѣстилъ Чемезова. Ошибку Богданова повторилъ, въ 1857 г., Новоссловъ (стр. 160). Свѣдѣнія о Петропавловской крѣпости, въ первый періодъ ея существованія, можно найти въ прекрасномъ изданіи публичной библіотеки „Описаніе Санктпетербурга въ 1710 году“, изд. 1860 г., стр. 6—12. Брошюра эта перепечатана въ „Русской Старинѣ“. Подлѣ крѣпости площадь Троицкаго собора занята была висѣлицами; здѣсь почти всегда висѣли тѣла, лежали срубленныя головы, стояли позорные столбы. Въ самой крѣпости, на нынѣшней площадкѣ, у главной караульни, стоялъ деревянный конь со спицами острыми и цѣпями. Въ нихъ замыкали и сажали на штрафъ. Любопытная статья „Опытъ историческаго изысканія о тюремномъ заключеніи въ Россіи“, Собѣщанскаго, помѣщена въ „Москов. Губерн. Вѣдом.“ 1849 г., № 31, стр. 26—30 и др. „О Петропавловской крѣпости начала XVIII вѣка“, см. въ статьѣ П. П. Пекарскаго „Петербургская старина“, „Современникъ“ 1860 г., кн. VI, стр. 329, 330, 331 и друг. Есть свѣдѣнія о крѣпости въ соч. С. Новоселова „Каѳедральный соборъ Петра и Павла въ Петербургѣ“, Спб. 1857. 8 д. Стр. 309.

[2]) Она была пуста; алтарь, иконостасъ, престолъ и жертвенникъ были перенесены въ близь лежавшее зданіе, въ которомъ до того времени помѣщалась канцелярія сената, переведенная на Троицкую площадь (Рубанъ, стр. 34, „Москов. Вѣдомости“, 1842 г., № 41). Въ слѣдующемъ году стѣны

віантскіе и пороховые магазины, аптека, считавшаяся лучшею въ Россіи, домъ для оберъ-коменданта, главная караульня, монетный дворъ (близь Трубецкаго, нынѣ Алексѣевскаго, равелина), три караульни, тайная канцелярія. Почти вся эта постройка была въ то время деревянная. Крѣпость раздѣлялась каналомъ, берега котораго усажены были деревьями; церковь стояла (какъ и теперь) на берегу канала; на ея башнѣ, подъ шпицомъ, висѣло нѣсколько колоколовъ; приставленные къ нимъ люди каждый часъ, по голландскому обычаю, разъигрывали небольшую прелюдію, вслѣдъ за нею часы возвѣщались звономъ колокола; за неимѣніемъ механизма, отбивали въ колоколъ часы тѣ же приставленные люди. На валахъ и крѣпостныхъ веркахъ разставлено было до 300 чугунныхъ и мѣдныхъ пушекъ.

Громъ пушечныхъ выстрѣловъ во время праздниковъ, пировъ и при другихъ торжествахъ, оклики часовыхъ по ночамъ, звонъ церковныхъ колоколовъ да заунывный бой часовъ [1]) — вотъ единственные звуки, которые проникали къ заключеннымъ и едва-ли приносили пріятныя впечатлѣнія; напротивъ, есть извѣстія, что часовая прелюдія нагоняла страшную тоску на страдальцевъ...

А ихъ начинали свозить, одного за другимъ, подъ стражею въ кандалахъ, размѣщали по казематамъ.

6-го апрѣля 1718 г., въ вербное воскресенье, въ 9 часовъ вечера, привезли первую партію. Погода была (по увѣренію календаря) студеная. Десять человѣкъ изъ привезенныхъ колодниковъ: Иванъ Орловъ, вмѣстѣ съ двумя Богдановыми, Глѣбовымъ, Протопоповымъ, Аѳанасьевымъ, духовникомъ Игнатьевымъ, дьякомъ Воиновымъ, Темировымъ и Мееромъ, заключены были въ крѣпости. Остальные оставлены, за карауломъ, въ городѣ [2]).

Четыре дня спустя, при пушечной пальбѣ, въѣхалъ въ столицу одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ кнута и застѣнка — князь-кесарь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій.

Въ это же время привезли камеръ-фрейлину Гамильтонъ [3]) и нетер-

---

этой церкви были разобраны и перенесены въ солдатскія слободы; постройка же каменнаго собора, начатая въ 1714 году, продолжалась довольно медленно.

[1]) Объ этихъ курантахъ, между прочимъ, см. у Берхгольца, ч. I, стр. 139—141.

[2]) Записная книга Спб. гарнизонной канц., стр. 605.

[3]) Есть, впрочемъ, извѣстіе, что она ѣхала изъ Москвы въ отдѣльной повозкѣ въ штатѣ государыни.

пѣливый государь повелѣть соизволилъ, въ ожиданіи подвоза лицъ по дѣлу царевича Алексѣя, возобновить розыскъ о дѣвкѣ Гамонтовой.

По этому указу, въ среду [1]), 9-го апрѣля 1718 года, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ сталъ спрашивать „царскаго величества, посольскаго приказа подьячаго Саввы Терновскаго жену Катерину, Екимову дочь, а въ разспросѣ Катерина сказала, что „у Марьи Гамонтовой жила года съ полтора, въ томъ числѣ при ней была съ полгода, съ Троицына дня 1715 г. по новый 1716 г.; а съ годъ безъ нея, тогда, когда она, Марья, была за ея величествомъ государынею царицею въ походѣ". За этимъ объявленіемъ служанка Катерина разсказала, какъ, мѣсяцъ спустя послѣ прихода изъ Ревеля, Марья Гамонтова родила надъ судномъ, какъ задушила ребенка собственными руками, наконецъ, какъ поручила при ней конюху Семенову выбросить въ кухню тѣло дитяти. Подробности этого разсказа мы уже привели въ своемъ мѣстѣ.

— „А съ кѣмъ Марья того младенца прижила—говорила Катерина—того я не знала; а Ивана Орлова при родахъ не было, былъ невѣдомо гдѣ въ отлучкѣ; и болѣе помянутаго Орлова я не видала у Марьи, какъ онъ былъ только дважды у нея (разъ на лѣтнемъ, да разъ на зимнемъ дворѣ, см. выше). Краденыхъ вещей и Марьиныхъ собственныхъ у меня, Катерины, ничего не имѣется; только дала мнѣ Марья, во всю бытность у нея, нѣсколько подарковъ [2])... А больше того отъ ней ничего (я) не видала; а сундуковъ Марьи было только одинъ красной, большой, обитъ кожею, да баулъ, и тѣ отдала на сбереженіе Петру Мошкову, да еще послѣ прибылъ одинъ баулъ тогда, какъ она изъ походу пріѣхала, и тотъ-де баулъ, помнится, что она взяла съ собою къ Москвѣ, а достальные два остались у Петра Мошкова; да по бурмицкимъ, небольшимъ зернамъ дала она, Марья, на серьги двумъ, Варварѣ да Аннѣ, которыя у нея жили, а иное что̀ давала ли или нѣтъ, про то онѣ сами скажутъ; а ея ли то было, что̀ она имъ раздавала, или государыни царицы, про то я, Катерина, не вѣдаю" [3]).

Того жъ числа женка Варвара Дмитріева разспрашивана, а въ разспросѣ сказала, что „служила она у Гамонтовой отъ великаго поста 1715 года, ходила за ней во время болѣзни ея; видѣла у

[1]) На память мученика Евпсихія.

[2]) Они переименованы выше, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

[3]) Подлинное дѣло, докум. 2-й.

нея деньщиковъ и разныхъ дворовыхъ служителей; про ея беременность ничего не знала; краденыхъ вещей никакихъ у ней, Марьи, не видывала и не знаетъ, понеже у ней, Марьи, въ то время была казначейшею дѣвка Анна, а она, Варвара, только служила во время болѣзни; кромѣ немногихъ подарковъ Гамонтова ей, Варварѣ, больше ничего не давала" [1]).

На этихъ опросахъ дѣло Гамильтонъ пріостанавливается до іюня мѣсяца 1718 г. Почему не была спрошена казначейша Анна, почему тотчасъ, по оговорамъ служанокъ, не были отобраны показанія у самой Гамильтонъ—неизвѣстно.

Что касается ея любовника, то изъ книги гарнизонной канцеляріи мы узнаемъ о его переводѣ изъ крѣпости: „20-го апрѣля, въ воскресенье, приведены въ городъ подъ караулъ у господина поручика Котенева: князь В. Долгорукій, Авраамъ Лопухинъ, Ив. Аѳанасьевъ-большой, Эварлаковъ, Вороновъ, Дубровскій, Щербатовъ, Воиновъ и Иванъ Орловъ [2]).

Изъ этого списка мы видимъ, что Орлова переводили (для чего?) въ компаніи именитѣйшихъ и главнѣйшихъ преступниковъ; шестеро изъ нихъ, какъ извѣстно, были казнены въ томъ же году лютою смертью.

Конецъ апрѣля, весь май и іюнь 1718 г. проведены Петромъ въ занятіяхъ по дѣлу первенца-сына [3]).

---

[1]) Подлинное дѣло, докум. 3-й.

[2]) Стр. 608.

[3]) Какъ исключительно занятъ этимъ былъ государь, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что со 2-го апрѣля по 21-е іюня 1718 г. издано было только 21 указъ, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время указы издавались почти каждый день. Изданные теперь указы касались постройки гребныхъ и парусныхъ судовъ, доставки мачтовыхъ деревъ, пеньки, присылки изъ канцелярій вѣдомостей, о сочиненіи регламента коллегіямъ по шведскому уставу, о хлѣбныхъ запасахъ въ Спб., о должности комендапта, конвенція съ прусскимъ дворомъ, объ устройствѣ юстиц-коллегіи, устройствѣ судебныхъ мѣстъ по шведскому образцу (съ 9-го по 25-е мая не вышло ни одного указа). Инструкція генерал-полиціймейстеру въ Спб. (въ 9-мъ пунктѣ ея, между прочимъ, было сказано: „всѣ подозрительные дома, а именно: шинки, зернь, картежная игра и другія пахабства—о нихъ подавать извѣты, и все велѣть осматривать, дабы всѣ таковыя мерзости, отъ чего всякое зло и лихо происходитъ, были испровергнуты". Мая 26-го: Объ описаніи имущества за вины въ казну. Іюня 2-го: Грозный указъ президентамъ коллегій о скорѣйшемъ и точнѣйшемъ вершеніи дѣлъ. 11-го: О мундирныхъ канцеляріяхъ. О сводѣ шведскаго регламента съ русскимъ. О жалованьи служителямъ коллегіи. Іюня 17-го приказано вскрывать въ почтовомъ вѣдомствѣ тѣ письма, которыя прихо-

Орловъ, Гамильтонъ и немногіе изъ причастныхъ къ ихъ дѣлу лицъ томительно ждали своей очереди...

19-го іюня 1718 г. государь, по словамъ гарнизоннаго журнала, паки прибылъ въ крѣпость; его сопровождали, по обыкновенію, князь Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Яковъ Долгорукій, генералъ Бутурлинъ, Толстой, Шафировъ и прочіе; учиненъ былъ застѣнокъ. Работа продолжалась часъ. Между прочими истязанными въ это время, бывшему наслѣднику Россійскаго престола, царевичу Алексѣю Петровичу дано въ сей день—двадцать пять ударовъ кнутомъ [1]).

Весьма вѣроятно, что при этомъ съѣздѣ государь повелѣлъ приступить къ дѣлу Гамильтонъ; по крайней мѣрѣ, изъ собственноручной помѣтки (руки Макарова) на черновыхъ допросныхъ листахъ (18-го марта и 9-го апрѣля) служанки Гамильтонъ видно, что бумаги эти переданы 18 и 19 іюня Андрею Ивановичу Ушакову и Петру Андреевичу Толстому [2]).

VI

Въ субботу 21-го іюня (память мученицы Іуліаны) день былъ солнечный и жаркій. Въ природѣ все было такъ весело и чудно; роскошная Нева спокойно катила свои волны, омывая подножіе крѣпостныхъ валовъ... но невесело было за этими валами. Въ канцеляріи тайныхъ разыскныхъ дѣлъ Петръ Андреевичъ Толстой и Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ допрашивали камеръ-фрейлину Марью Гамильтонъ, въ „дѣлѣ“ о ней уже попросту именованной: дѣвкой Марьей Гамонтовой.

Марья Даниловна винилась, что, „будучи при государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крала, а что чего, порознь не упомнитъ, а явно то, что у ней, Марьи, вынято“.

цятъ на имя чужестранныхъ министровъ, такъ какъ въ этихъ конвертахъ были нѣкоторыя подозрительныя письма къ подданнымъ его величества, къ знатнымъ нѣкоторымъ особамъ, которыя для нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ и погрѣшенія противъ его величества заарестованы, и съ ними по справедливости и по розыску поступается... 18 іюня: О чистотѣ Спб. 19 іюня: О назначеніи фискаловъ изъ небогатыхъ купцовъ. П. С. З. т. V, №№ 3193—3211.

[1]) Н. Г. Устряловъ: „Исторія царствованія Петра Великаго“, томъ VI.

[2]) 20 іюня вышло два указа: О забираніи подъ караулъ праздношатающихся людей и проч. и О поимкѣ нищихъ; вторично-пойманнаго нищаго приказано было „бить нещадно кнутомъ и посылать на каторгу, бабъ — въ шпингаусъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ“. Въ этотъ же день въ крѣпости вновь чиненъ застѣнокъ.

Камеръ-фрейлина сознавалась, что изъ краденыхъ червонцевъ дала Ивану Орлову 300, да кое-что изъ своихъ собственныхъ вещей [1]); кромѣ же его, „никому изъ тѣхъ вещей не давала; ребенка прижила она съ нимъ, Иваномъ, и родила; а притомъ и помянутая женка была; и того ребенка не давливала, и родила надъ судномъ, который въ то судно выпалъ, и стала безпамятна. И та женка ее съ того судна подняла и положила на постель; а тотъ ребенокъ остался у той бабы; а какъ она пришла въ память, въ то время та женка ей того ребенка подносила, который былъ чуть живъ, и былъ у ней же, женки, и потомъ сказала, что онъ уже умеръ, и она-де, Марья, сказала ей, чтобъ отнесла куды. А Катерина сказала, что уже она то сдѣлаетъ, и понесла вонъ, и гдѣ дѣвала, не знаетъ.

„А ей жонкѣ Катеринѣ, что она разспросомъ своимъ показала и Варварѣ и Аннѣ, то все давала она свое и до родинъ, и послѣ родинъ, а не изъ вышеупомянутаго, и больше того брюхата не бывала.

„И того-жь числа дана дѣвкѣ Марьѣ съ женкою Катериною очная ставка.

„А съ очной ставки сказали:

„Женка Катерина уличаетъ, что конечно младенца задавила Марья такимъ образомъ, какъ она родила надъ судномъ: засунула тому младенцу палецъ въ ротъ и подняла его (младенца) и придавила.

„А дѣвка Марья сказала, что того младенца задавила она, и въ томъ, и во всемъ виновата“.

Это страшное признаніе, безъ всякаго сомнѣнія, было вызвано у Марьи не столько уликой служанки, сколько угрозой слѣдователей предать ее пыткѣ.

Фрейлина призналась; казалось бы и достаточно; но нѣтъ, для любознательныхъ Петра Андреевича и Ивана Ивановича мало сего признанія.

— „Вѣдалъ ли объ убійствѣ дитяти любовникъ твой, Иванъ Орловъ?“

Та отвѣчаетъ: „не вѣдалъ“.

Слѣдователи не вѣрятъ; такъ или иначе, дѣло не можетъ обойтись безъ пытки, и вотъ секретарь въ застѣнкѣ пишетъ:

„Того-жь числа, дѣвка Марья съ виски сказала: что младенца задавила она, а Ивану Орлову о томъ, что брюхата, сказы-

---

[1]) См. выше, гдѣ приведены подробности сего показанія.

вала и что бросила младенца мертваго, и сказала, что онъ ушибся; а о томъ, что задавила, не сказывала.

„А Иванъ Орловъ приведенъ въ застѣнокъ, и на очной ставкѣ съ Марьею сказалъ: что онъ съ нею, дѣвкою Марьею, жилъ блудно, и что она младенца родила и бросила мертваго, о томъ онъ отъ нея не слыхалъ, и она ему не сказывала, а онъ-де ей говаривалъ: когда родитъ, чтобъ она ему о томъ сказала. А триста червонныхъ она ему дала и сказала, что ея, а не государыни-царицы".

Въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ [1]). Въ присутствіи его царскаго величества допросъ сдѣлался оживленнѣе. „Дѣвкою Марьею стали розыскивать.

„А съ розыску сказала: что она Ивану Орлову ни о чемъ томъ (то есть объ убійствѣ) не сказывала и лекарство принимала собою, а Орлову о томъ и ни о чемъ не сказывала; а у государыни-царицы вещи крала она, и о томъ сказала то же, что и въ разспросѣ своемъ.

„Дано ей, камеръ-фрейлинѣ двора ея величества, пять ударовъ" [2]).

Скажи она одно противъ Орлова слово, и этотъ любовникъ былъ бы вздернутъ на дыбу: кнутъ и огонь пошли бы въ дѣло.

Впрочемъ, самое дѣло шло очень медленно; жалѣлъ ли царь Петръ красавицу, либо исподволь хотѣлъ изслѣдовать трагическое событіе, только камеръ-фрейлину Гамильтонъ оставили оправляться отъ первой пытки...

26-го іюня 1718 г. скончался царевичъ Алексѣй. Его похороны, пиры и пьянство при спускѣ кораблей, разсылка нѣкоторыхъ аре-

[1]) Что онъ былъ при допросѣ и пыткѣ Гамильтонъ, о томъ свидѣтельствуетъ Орловъ въ показаніи 20-го авг. 1718 г. (См. ниже). Въ журналѣ гарнизонной канцеляріи, далеко неполномъ, о 21, 22, 23 числахъ іюня 1718 г. ничего не сказано. Стр. 612—613.

[2]) Подлинное дѣло, 4-й документъ. Великій монархъ начерталъ въ воинскомъ уставѣ цѣлую главу (ч. II, гл. 6) о разспросѣ съ пристрастіемъ и о пыткѣ. Показывая зачастую лично примѣръ производства пытки на практикѣ, государь начерталъ, такимъ образомъ, и теорію. Руководствуясь ею, слѣдователи должны были „особъ, которыя къ пыткѣ приводятся, разсмотрѣть, и, усмотря, твердыхъ, безстыдныхъ и худыхъ людей пытать жесточае, тѣхъ же, кои деликатнаго тѣла и честные суть люди, легчее; и буде такой пытки довольно будетъ, то не надлежитъ судьѣ его приводить къ большему истязанію. Притомъ же надлежитъ судьѣ у пытки быть осторожну, чтобъ, усмотря подобіе правды, онаго тѣло, котораго пытаетъ, истязаніемъ не озлобить... (то есть, не сдѣлать нечувствительнымъ). Съ этою же цѣлью судья долженъ былъ выжидать, пока болѣзнь минется у пытаннаго разъ, чтобъ паки и паки—пытать.

стантовъ, допросы остальныхъ занимаютъ время. Этого времени хватаетъ и на то, чтобъ тщательно просматривать списки пытанныхъ и отмѣчать нѣкоторыхъ на новыя истязанія.

Такимъ образомъ, 5-го іюля 1718 г., слушавъ у себя на дворѣ докладную выписку о колодникахъ, царь Петръ, между другими высочайшими резолюціями, указалъ: „деньщика Орлова прислать за карауломъ на Котлинъ островъ, а Гаментову пытать вдругорядъ. И буде въ другомъ розыску скажетъ тожъ, что и въ первомъ, а на Орлова ничего не покажетъ, и онаго Орлова сослать на каторгу на время безъ наказанія. Оригиналы (то есть бумаги) всѣ отдать въ посольскій приказъ и поставить [1]) ихъ въ крѣпкую казарму“.

Вскорѣ послѣ этихъ резолюцій, въ началѣ іюля, мы видимъ Петра въ морѣ, во главѣ эскадры изъ 23 линейныхъ кораблей [2]). 19-го числа, въ субботу, онъ былъ въ Ревелѣ; между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ, Иванъ Орловъ подалъ своимъ свидѣтелямъ своеручное письмо, въ которомъ разсказывалъ приведенныя уже нами подробности о томъ, какъ фрейлина Гамильтонъ сочинила, будто одинъ деньщикъ съ Авдотьею (Чернышевой) говорилъ про царицу, что она-де кушаетъ воскъ, и оттого на лицѣ угри; какъ слухъ этотъ разнесся при дворѣ; какъ, испуганный этимъ, онъ кинулся съ оправданіемъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и та съ битьемъ стала спрашивать Марью Даниловну.

По письму деньщика, въ тотъ же день Скорняковъ-Писаревъ допрашивалъ камеръ-фрейлину. Она подтвердила обвиненіе любовника, пояснивъ, что говорила и о воскѣ, и объ угряхъ, ссылаясь на Чернышеву, съ тѣмъ, чтобъ отвадить отъ нея Орлова [3]). Государь все еще былъ въ морѣ, либо въ портахъ, занятый ходомъ переговоровъ о мирѣ на аландскомъ конгрессѣ; въ Петропавловской же крѣпости розыски продолжались.

[1]) Подлинное дѣло, 5-й документъ.

[2]) Съ 22-го іюня по 17-е августа 1718 г. вышло только девять указовъ; они относились къ корабельному дѣлу, обмундированію войскъ, о жалованьи ихъ, о недѣланіи парчей, о подорожныхъ: №№ 3214—3223. П. С. З. т. V. Кстати замѣтимъ, что первое собраніе указовъ Петра, впрочемъ, только съ 1714 по 1725 гг., издано было въ 1739 году, 4 д. Спб. Въ это изданіе не вошло и трети тѣхъ указовъ, которые напечатаны въ П. С. З. Любопытно знать, чѣмъ руководствовались составители перваго собранія при выборѣ указовъ для печати? См. также Словарь юридическій Мих. Чулкова. М. 1792. Ч. II, стр. 328—335. (1860 г.)

[3]) Устряловъ, т. VI, стр. 545.

Во вторникъ, „августа 5-го 1718 г., какъ значится въ подлинномъ дѣлѣ, ею же, дѣвкою Марьею Гамонтовою, розыскивано:

„А съ розыску сказала: блудно-де жила съ Иваномъ Орловымъ и брюхата была трижды; двухъ ребенковъ она вытравила лекарствами, которыя брала отъ лекаря государева двора“ и т. д.

Показанія эти намъ уже извѣстны: Марья Даниловна, повинившись въ томъ, что вытравила двухъ и третьяго ребенка придавила, все-таки не взводила на любовника обвиненія, будто бы онъ вѣдалъ объ убійствѣ.

— „А у государыни царицы, заключала настоящій отвѣтъ камеръ-фрейлина, червонцы и вещи крала, а сколько чего покрала, и то все у меня вынуто, а Иванъ Орловъ о томъ не вѣдалъ же“.

Такимъ образомъ, она совершенно выгораживала его изъ отвѣта. Слѣдователямъ не могло это нравиться: по ихъ обязанности, они долгомъ считали вымучить что нибудь новое.

„Дѣвкѣ Гамонтовой (камеръ-фрейлинѣ высочайшаго двора ея царскаго величества) дано (вторично) пять ударовъ“ [1]).

Насколько молчалива была Гамильтонъ, настолько былъ говорливъ вполнѣ оробѣвшій ея любовникъ. Въ день второй пытки камеръ-фрейлины онъ написалъ длинное письмо, которое, за неимѣніемъ болѣе существенныхъ фактовъ, наполнилъ обстоятельнымъ разсказомъ о томъ, какъ и гдѣ въ Голландіи онъ былъ пьянъ, бранился съ Марьею, называлъ ее б.....; какъ, по приказу Питера-инженера, писалъ, протрезвясь, грамотки, прося извиненія у обруганной; какъ величалъ онъ ее, вновь напившись, к....., и бивалъ; писалъ Орловъ и о щупаньи живота Марьи въ Ревелѣ, приводилъ свои пытливые

[1]) Подлинное дѣло, 6-й докум. Въ исторіи тайной канцеляріи петровскаго времени, если только мы ее дождемся, было бы необходимо обратить большое вниманіе на роды пытокъ, ихъ происхожденіе въ Россіи, указать случаи и обстоятельства, при которыхъ онѣ производились, ихъ историческій ходъ сквозь законы всѣхъ временъ до самаго уничтоженія; при этомъ черпая матеріалы изъ подлинныхъ дѣлъ, нельзя будетъ оставить безъ вниманія немногія печатныя извѣстія о пыткахъ. Укажу на нѣкоторые источники: Судебникъ изд. 1786 г., стр. 59, 60, 61, 264. Олеарій въ главѣ IV, о нрав. русскихъ; въ главѣ X о Лже-Шуйскомъ. Герберштейнъ во многихъ мѣстахъ; Анекдоты въ XVIII вѣкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Н. В. Калачовъ напечаталъ въ своемъ журн. „Архивъ“ 1859 г., кн. 4-я, стр. 1 — 22, чрезвычайно любопытныя дѣла судныя петровскаго времени. Между ними особенно любопытенъ разсказъ объ очистительной пыткѣ 1717 г. Котошихинъ, изд. 1859 г.,

разспросы о тугости живота и ея уклончивые отвѣты. Затѣмъ далъ подробный отчетъ о сплетняхъ деньщиковъ и бабъ при дворѣ, по возвратѣ въ Спб., о беременности Марьи, о судьбѣ ея ребенка. Въ заключеніе письма, Орловъ говорилъ о необходимости:

— „Чтобъ у Марьи спросить при другихъ про Александра подьячего, про Семена Маврина, что они съ нею жили, также какъ и онъ. И больше думалъ я про робятъ, что не было у ней отъ множества; а что сперва онъ, Орловъ, потаилъ отъ царскаго величества, то опасался другихъ причинъ, и хотѣлъ все на себѣ снести, не вѣдая у ней робятъ; а ежели въ нихъ будутъ запираться, также и они, чтобъ у нихъ взять за ихъ руками письмо" [1]).

Изъ этого письма видно, какъ малодушенъ былъ Иванъ Михайловичъ Орловъ. Въ виду любовницы, сносившей мужественно на однѣ угрозы, но и кнутъ, онъ, въ безпамятствѣ отъ страха, лгалъ, какъ увидимъ ниже, на нее, оговаривалъ и другихъ лицъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что донесенія объ этихъ допросахъ и отвѣтахъ отсылались къ царю Петру [2]), да и вторичная пытка камеръ-фрейлины

стр. 85, 94, 95, 96, 98. Корба дневникъ на лат. языкѣ 1699 г., отрыв. на французскомъ, изд. 1859 г. У Карамзина о пыткѣ до Петра: т. VI, стр. 219, примѣч. 609. VII, 123. VIII, 11. IX, 264—270. X, 91, 118, 142. XII, 62, 69, 87, 108, 198. Болтина, примѣч. на Леклерка 1788 г., т. I, стр. 326—327. Уложеніе изд. 1779 г., стр. 251, 252, и друг. Маржерета записки, ч. III, стр. 78. Желябужскій 1845 г., стр. 26, 101, 125, 144, 277. Вивліоѳика, т. II, стр. 261—262 и друг. Штелинъ 1787 г., стр. 178—181. Берхгольцъ, ч. 2, стр. 43; ч. 3, стр. 248. Чулковъ, Слов. юридич. 1792 г., т. I, стр. 241, 410, 571, 572, 573, 574—577. П. С. З. до Александра 1-го. Мальгинъ: Опытъ описанія стар. суд. мѣстъ въ Россіи 1803 г., стр. 81—83. Гуляевъ: Росс. уголовн. право 1826 г., стр. 24—27. Снегиревъ: Русск. послов. 1831 г., ч. 3, стр. 187—200. Шихматовъ, Похв. слово Александру I, 1831 г., стр. 23 и 106. Записки Дашковой, стр. 271. Родословная Головиныхъ 1847 г., стр. 53—54. Устряловъ, т. 2, 3, 6. Погодинъ, Судъ Алексѣя (къ статьѣ приложенъ планъ Преображенскаго). Подробности о селѣ у Ратча, Воен. Сборн. 1860 г., № 1. Голиковъ, т. VI, стр. 338—470; т. XIII, стр. 278—366 и друг. Въ чтеніяхъ Общ. Исторіи 1858—1859 гг. помѣщены чрезвычайно замѣчательныя разсужденія о смертной казни и пыткахъ кн. М. М. Щербатова, Завадовскаго и друг. 1860 г., кн. I, стр. 47, 48, 63—71. Одинъ изъ послѣднихъ героевъ допросовъ съ пристрастіемъ Шишковскій ум. въ 1794 г. мая 12-го (См. Описаніе Алекс.-Невской Лавры соч. Попова 1842 г., стр. 111). Миръ праху твоему, Степанъ Ивановичъ, какъ кажется, послѣдній по долгу службы и охотѣ подвижникъ кнута и застѣнка! (1860 г.)

[1]) Подлинное дѣло, 7-й докум.

[2]) О его разъѣздахъ въ то время см. Поденную записку, изд. 1772 г., ч. II, стр. 62—70.

совершена была съ высочайшаго разрѣшенія. Государь, повидимому, весь отдавшійся морскимъ эволюціямъ, нашелъ, однако, время обнародовать любопытный указъ 18-го августа 1718 г., въ силу котораго во всей Россіи запрещалось писать какія-либо запершись письма; этимъ указомъ монархъ давалъ обширное поле для фискальныхъ изслѣдованій и застѣночныхъ розысковъ. „Причина сего указа, догадывается Голиковъ, заключалась въ томъ, что тайные злоумышленники, соучастные дѣлу царевича, выпускали въ народъ возмутительныя письма, ко вреду высокой монаршей чести; и коль сіе должно (было) быть чувствительно трудящемуся неусыпно о благѣ отечества монарху!“ [1]).

Чувствительный царь Петръ Алексѣевичъ спасалъ свою честь симъ указомъ; не менѣе чувствительный деньщикъ Иванъ Михайловичъ неусыпно хлопоталъ о своей: ему очень не хотѣлось познакомиться съ виской и кнутомъ, и, ради сохраненія спины, онъ вновь подалъ, въ среду 20 августа 1718 г., своеручное письмо; а въ немъ написалъ:

— „Въ первомъ письмѣ я написалъ про Родивона Кошелева, что онъ посмѣялся Алабердѣеву про Марью, будто она съ нимъ, Орловымъ, сдѣлала брюхо, и то неправда; онъ ему такъ не смѣевался, и отъ другихъ я, Орловъ, такихъ рѣчей не слыхалъ; только я слышалъ про этотъ смѣхъ отъ Алексѣя Юрова, а про то не знаю, отъ кого онъ слышалъ; сказалъ мнѣ, что Алабердѣевъ съ Кошелевымъ побранился, и я, Орловъ, спросилъ: за что? И онъ сказалъ: посмѣялся ему Марьею, тѣмъ ребенкомъ, который явился у фонтана, а я сказалъ: вѣдь ты слышалъ, не про нее говорятъ“.

Орловъ, какъ извѣстно, допрашивалъ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, свою любовницу, и та его увѣрила, что никакого убійства не было.

„А на то я не могу прямо написать, заключалъ свое письмо деньщикъ, не могу и упамятовать: какъ ее (камеръ-фрейлину) спрашивалъ, или такъ, какъ въ семъ письмѣ писалъ, или можетъ быть, что и убитымъ (ребенкомъ) помянулъ, и въ томъ пусть ее спросятъ, можетъ быть, что она лучше помнитъ; при другихъ ее никогда не спрашивалъ, и отъ другихъ не слыхивалъ.

„И притомъ прошу себѣ милостиваго помилованія, что я въ первомъ письмѣ написалъ лишнее; когда мнѣ приказали написать, и я со страху, и въ безпамятствѣ своемъ написалъ все излишнее;

[1]) Дѣянія, т. VII, стр. 143.

клянусь живымъ Богомъ, что всего въ письмѣ не упомню, и ежели мнѣ въ этомъ не повѣрятъ, чтобы у тѣхъ спросить, того не было.

„И про другихъ (Алабердѣева и Маврина) я написалъ, будто съ Марьею жили, то я мнилъ; однакожде, забывъ то, когда при царскомъ величествѣ былъ розыскъ и она меня въ ту пору оговорила; и на свидѣтельство меня приводили, и тогда ее изволилъ спрашивать Иванъ Ивановичъ (Бутурлинъ), и она сказала, что кромѣ меня никто (у нея любовникомъ) не былъ.

„А что-де я въ первомъ письмѣ написалъ про нихъ дерзновенно, то въ безпамятствѣ своемъ забывъ. И нынѣ на то свидѣтельства вѣрнаго не имѣю, что они жили съ Марьею блудно“ [1]).

Слѣдствіе и изслѣдованіе настоящимъ письмомъ Орлова кончилось; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ извѣстій о новыхъ допросахъ, да едва ли они и были; оставалась развязка любовнаго романа—казнь преступницы.

Но Петръ не спѣшилъ ею. Сентябрь, октябрь и весь почти ноябрь 1718 г. [2]) прошли для Марьи Даниловны въ томительномъ ожиданіи своей судьбы. Надежда на помилованіе ее не оставляла.

Пользуясь этимъ временемъ, разсмотримъ тѣ законы и постановленія, которые имѣли отношеніе къ ея преступленію, и которые могли быть принятыми къ свѣдѣнію при произнесеніи окончательнаго надъ ней приговора.

---

[1]) Подлинное дѣло, 8-й документъ.

[2]) Съ 28-го августа по 20-е ноября 1718 г. вышло девятнадцать указовъ; они относились до управленія юстиц-коллегіи, наблюденія чистоты въ Спб., о работахъ Ладожскаго канала, о пошлинахъ съ судовъ и другихъ предметовъ; именной указъ 2-го октября о пріѣздѣ президентамъ въ коллегіи два дня въ недѣлю и о точномъ вершеніи дѣлъ: „чтобъ (при этомъ) лишнихъ словъ и болтанья не было, но то время ни о чемъ иномъ, только о настоящемъ говорить; также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ“. 9-го октября дана инструкція Пжевскому о положеніи всѣхъ раскольниковъ въ окладъ. „Слышу, писалъ государь, что которые раскольщики за знатными людьми живутъ, и съ тѣми слабо поступаешь, чего берегись!“ Указъ о присылкѣ работниковъ съ юга Россіи въ Спб. и на Ладожскій каналъ, объ учрежденіи духовной коллегіи, о сборѣ рекрутъ и проч. П. С. З., т. V, №№ 3224 по 3242. Мы говоримъ объ этихъ указахъ только потому, что во все это время розыски и судъ надъ сторонниками царевича Алексѣя продолжались; 1718-й годъ былъ не всѣмъ обыкновеннымъ въ жизни Петра, почему и любопытно, въ параллель, указывать на постановленія, касавшіяся всей Россіи.

† 1719 г.

VII.

Въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича сказано: „А которой отецъ или мать убьетъ сына или дочерь до смерти, и отцу за то или матери сидѣть въ башнѣ въ городѣ годъ и шесть недѣль, и послѣ того приходити къ соборной церкви и постъ держати, и грѣхъ свой объявляти предо всѣми людьми“.

Этой статьѣ соотвѣтствуютъ въ древнихъ юридическихъ памятникахъ слѣдующія:

Въ Градскомъ законѣ, гл. 48, стр. 35: „Убивай восходящаго по роду или входящаго, или сродника, огневи преданъ будетъ“.

Въ Литовскомъ статутѣ, ред. 1558 г., разд. XI, арт. 7, оконч.: „А еслибы се трафило родичомъ дитя свое забити не съ пригоды, а ни за вину, але умысльне, тогды таковый отецъ и матка маютъ быти карани за тое годъ и шесть недель на замку нашемъ седети у вежи; а выседевши годъ и шесть недель маеть еще до году четыри крать при церкви, при костеле якого на боженства християньского будетъ покутовати и вызнавати явный грехъ свой передъ всими людьми собранья християнскаго“... [1]).

Въ Уложеніи 1649 года, глав. 22, ст. 3: „А будетъ отецъ или мати сына или дочь убіетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрму на годъ; а отсидѣвъ въ тюрмѣ годъ, приходити имъ къ церкви божіи и у церкви божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ: а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити“ [2]).

Такого рода списхожденіе къ убійцамъ въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ убійцы наказывались лютою смертью, достаточно объясняется общимъ положеніемъ родителей въ древней Руси и правами ихъ относительно дѣтей... Обстоятельства эти до такой степени извиняли дѣтоубійство, что его считали скорѣе грѣхомъ, нежели нарушеніемъ чьихъ-либо правъ, тѣмъ менѣе дѣтскихъ.

[1]) Дополн. статьи къ „Судебнику“ царя Ивана Васильевича, изд. А. Ѳ. Бычковымъ, въ Арх. ист.-юридич. свѣдѣн. Н. В. Калачова, кн. II, отд. III, стр. 83, 84, 116, 117.

[2]) Уложеніе изд. 1737 г., стр. 235, 239. Свѣдѣнія объ оригиналѣ его помѣщены въ „Архивѣ“ Калачова кн. I, изд. 2-е, стр. 1—20. Въ томъ же журналѣ 1859 г., кн. 3-я, стр. 60—104, помѣщена ученая статья г. Колосовскаго: „Вмѣненіе смерто-убійства, по уложенію царя Алексѣя“.

Но снисхожденіе относительно родителей-убійцъ дѣтей законныхъ вовсе не распространялось на убійцъ незаконныхъ дѣтей. Въ Уложеніи сказано (гл. 22, статья 26): „А будетъ которая жена учнетъ жити блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, сама или иной кто, по еѣ велѣнью, погубитъ; а сыщетца про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто, по еѣ велѣнью, дѣтей ее погубитъ, казнить смертью безо всякія пощады; чтобъ на то смотря, иные такова беззаконнаго и скверпаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися".

Объясненіемъ столь строгаго наказанія за убійство незаконныхъ дѣтей съ одной стороны можетъ служить меньшая степень родительской власти матери, а съ другой особая цѣль, которую и преслѣдовало тогдашнее законодательство: „чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и скверпаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися".

Вотъ, что пишетъ современникъ о казни надъ таковыми женщинами-преступницами: „Женскому полу бываютъ пытки такія жь, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ жгутъ и ребра ломаютъ. А смертныя казни женскому полу бываютъ за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дѣло жгутъ живыхъ; за чаровство и за убійство отсѣкаютъ головы; за погубленіе дѣтей (незаконныхъ) и за иныя такія жь злыя дѣла живыхъ закапываютъ въ землю, по титки, съ руками вмѣстѣ, и отоптываютъ ногами, и оттого умираютъ того жь дня или на другой.... А которые люди воруютъ (то есть имѣютъ связь) съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изымаютъ, и того жь дни, или на иной день обѣихъ, мужика и жонку, кто бъ таковъ ни былъ, водя по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ, бьютъ кнутомъ" [1]).

Разсказъ Котошихина вполнѣ показываетъ, какъ скоро выполнялись на практикѣ статьи „Уложенія".

Въ „Артикулѣ Воинскомъ", составленномъ Петромъ въ 1716 году, вся 20-я глава, въ двѣнадцати статьяхъ, отведена для законовъ „о содомскомъ грѣхѣ, о насиліи и блудѣ".

Какъ ни строги положенныя въ нихъ наказанія, но уже можно

---

[1]) Россія въ царствов. Алексѣя Михайловича, изд. 1859 г., стр. 96. Жестокія преслѣдованія прелюбодѣянія вполнѣ объясняютъ, почему въ допетровской Руси, какъ это видно изъ соч. Олеарія и друг., не было ни одного публичнаго, развратнаго дома, хотя тѣ же путешественники много разсказываютъ о склонности нашихъ предковъ къ сладострастію.

видѣть вліяніе духа времени и собственнаго темперамента великаго Петра. Въ толкованіяхъ къ статьямъ представлялись разныя оговорки и смягченія, такъ напримѣръ:

„Ежели невинный супругъ за прелюбодѣющую супругу просить будетъ, и съ нею помирится, или прелюбодѣющая сторона можетъ доказать, что въ супружествѣ способу не можетъ получить тѣлесную охоту утолить, то можно наказанье умалить“ (Толк. къ артик. 170).

„Ежели холостой человѣкъ пребудетъ съ дѣвкою, и она отъ него родитъ, то оный для содержанія матери и младенца, по состоянію его и платы, нѣчто имѣетъ дать, и сверхъ того тюрьмою и церковнымъ покаяніемъ имѣетъ быть наказанъ, развѣ что онъ потомъ на ней женится, и возметъ ее за сущую жену, и въ такомъ случаѣ ихъ не штрафовать“ (арт. 176) [1]).

Наконецъ, указъ 1715 г. ноября 4-го, прямо обрекавшій убійцъ незаконныхъ дѣтей на смертную казнь, относительно временъ царя Алексѣя Михайловича, является постановленіемъ несравненно снисходительнѣйшимъ [2]).

Такимъ образомъ, и по „Уложенію“ царя Алексѣя, и по петровскимъ законамъ, Гамильтонъ должна была быть казнена смертью. Приговоръ состоялся въ четвергъ, 27-го ноября 1718 года [3]).

---

[1]) При артикулѣ военномъ перечислено множество наказаній. Въ этомъ уставѣ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ потерявшемъ своего значенія, перечислено до 90 случаевъ, въ которыхъ повелѣвалось казнить смертію. А извѣстно, что военный артикулъ, особливо въ то время, примѣняемъ былъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Словарь Юридическій, ч. I, стр. 644, 645, 646.

[2]) Артикулъ былъ составленъ, какъ извѣстно, въ 1716 году; но первое изданіе его (имѣющееся у насъ), во время суда надъ Гамильтонъ, не было еще напечатано; оно вышло въ свѣтъ почти годъ спустя съ слѣдующимъ заглавіемъ: Книга Уставъ воинскій, о должности генераловъ, фельтъмаршаловъ, и всего генералитета, и протчіхъ чіновъ, которые при воискѣ надлежітъ быть, и о іныхъ воінскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно. Купно при семъ Артікулъ воинскій и съ процесомъ надлежащімъ къ судящымъ и эксерціціею, о церемоніяхъ и должностяхъ воінскімъ людемъ надлежащихъ.—Напечатася повелѣніемъ Царскаго величества въ Санктъ-Пітербургской Тіпографіи, лѣта Господня 1719, Октября въ 29 день“.—Въ листъ, стр. 102, 80 и 36.

[3]) Наканунѣ государь обнародовалъ нѣсколько важныхъ указовъ о работахъ на Ладожскомъ каналѣ, объ управленіи губерніями согласно съ шведскими установленіями, о введеніи ревизіи. Въ этотъ же день вышло замѣчательное постановленіе: „О порядкѣ собраній въ частныхъ домахъ, и о лицахъ, которыя въ оныхъ участвовать могутъ“. Это былъ приказъ объ ассамблеяхъ. П. С. З., т. V, №№ 3243—3246.

VIII.

Въ день 27-го ноября 1718 г., по словамъ современнаго документа: „великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, слушавъ вышеписаннаго дѣла и выписки, указалъ, по имянному своему великаго государя указу: дѣвку Марью Гамонтову, что она съ Иваномъ Орловымъ жила блудно и была отъ того брюхата трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила; за такое ее душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексѣевны крала алмазныя вещи и золотые (червонцы), въ чемъ она съ двухъ розысковъ повинилась, казнить смертію.

„А бабѣ Катеринѣ, которая о послѣднемъ ея ребенкѣ, какъ она, Марья, родила и удавила, видѣла и, по ее прошенію, того ребенка съ мужемъ своимъ мертваго отбросила, а о томъ не доносила, въ чемъ учинилась съ нею сообщница, вмѣсто смертной казни учинить жестокое наказаніе: бить кнутомъ и сослать на прядильный дворъ на годъ.

„А Ивана Орлова свободить, понеже онъ о томъ, что дѣвка Марья Гамонтова была отъ него брюхата и вышеписанное душегубство дѣтемъ своимъ чинила, и какъ она алмазныя вещи и золотые крала, не вѣдалъ—о чемъ она, дѣвка, съ розыску показала имянно.

„Подписали: Петръ Толстой. Отъ лейбъ-гвардіи маіоръ Ушаковъ. Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

„И по вышеписанному его великаго государя именному указу, Иванъ Орловъ изъ-за аресту свобожденъ того же числа“ [1]).

Съ подписаніемъ приговора камеръ-фрейлину Марью Гамильтонъ заковали въ желѣзо [2]).

8-го декабря 1718 г., на Троицкой площади, у крѣпости, казнено девятеро изъ важнѣйшихъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя; головы ихъ выставлены на позорномъ столбѣ, тѣла на колесахъ.

Царь совершенно успокоился отъ тягостнаго суда, и, въ знакъ

---

[1]) Подлинное дѣло, 9-й докум.

[2]) Такъ предписывалось гл. 50 Воинскаго устава: „По подписаніи приговора къ смерти осужденнаго, какого бъ онъ ранга и проч. не былъ, сковать“.

полнѣйшаго торжества, повелѣлъ выбить медаль: на одной сторонѣ былъ портретъ императора Петра Перваго, на оборотѣ же изображена корона, лежащая на высокой горѣ, которая выходитъ изъ облаковъ; ее освѣщаетъ солнце, съ надписью: величество твое вездѣ ясно. 1718 г. 20-го декабря.

Увѣковѣчивъ такимъ образомъ память о судѣ и осужденіи сына, царь спѣшилъ отдохнуть и оправиться. 19-го января 1719 года, вмѣстѣ съ Екатериной, царицей Прасковьей Ѳедоровной, барономъ Остерманомъ и знатными особами государь отправился къ марціальнымъ олонецкимъ водамъ [1]).

Здѣсь государь пробылъ до марта 1719 г., проводя время въ обычныхъ занятіяхъ дѣлами, на досудѣ веселясь, по-своему, съ приближенными.

3-го марта Петръ и его дворъ возвратились въ столицу.

Долгое заточеніе Марьи Даниловны и ея тяжкія страданія возбудили, наконецъ, жалость у ея госпожи. Екатерина, умоляемая свойственниками и родными злосчастной своей камеръ-фрейлины, рѣшилась ходатайствовать о ея прощеніи. Она тѣмъ больше надѣялась на успѣхъ, что видѣла родъ нерѣшительности со стороны мужа казнить ея служанку: четыре мѣсяца протекли со времени подписанія приговора.

О ходатайствѣ Екатерины сохранилось нѣсколько разсказовъ; они-то и составляютъ сущность печатныхъ, столь скудныхъ, извѣстій о Маріи Гамильтонъ.

Если вѣрить имъ, то государыня употребила для ея спасенія всѣ усилія; къ своей просьбѣ она присоединила просьбы разныхъ

[1]) „Петръ Великій на марціальныхъ водахъ, открытыхъ 1716 года въ Олонецкой губерніи". Спб. 1852. Н. Самойлова, стр. 9—18. О распоряженіяхъ его за это время см. у Туманскаго 1787 г., ч. V, стр. 105. П. С. З. т. V. №№ 3247—3320. За все это время выходили почти каждый день по два, по три указа въ одно время. Пророчествуя о дѣлахъ мірскихъ на 1719 г., календарь хотя и сознавался: ...„что невозможно войну и мирныя времена отъ звѣздъ прямо познавать, для того, что оныя отъ самохотной воли человѣческой зависятъ, однакожъ иногда съ дѣйствомъ звѣздъ зѣло сходно бываетъ. Причина тому есть, что звѣзды своею инфлюэнціею хотя не въ душу, однакожъ въ тѣло человѣческое, яко стіхійной корпусъ вливаютъ. И по той своей інфлуэнціи, какова она есть зла или добра, къ тому его и склоняетъ, и понеже, какъ Апостолъ Павелъ глаголетъ, что плоть противъ духа возстаетъ, а духъ противъ плоти, которые между собой взаимно вражду имѣютъ, а у множайшихъ человѣковъ (какъ является) плоть болѣе перемогаетъ, того ради и случается, когда хотѣнія тѣлесныя исполняются, тогда война и мирныя времена съ небесными признаки зѣло близко бываетъ". Календарь на 1719 г. Спб.

довѣренныхъ лицъ государя; но все это ни къ чему не повело. Тогда Екатерина убѣдила помочь ей любимую невѣстку Петра, царицу Прасковью Ѳедоровну, которая пользовалась большимъ уваженіемъ государя [1]). Прасковья не отказалась отъ попытки умилостивить Петра, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ выполняла обычай старины, когда, по словамъ Котошихина: „царица, или царевны—царю били челомъ", причемъ царь, по ихъ прошенію, все доброе чинилъ, отъ бѣдъ и смертей освобождалъ [2]).

Съ этою цѣлью царица Прасковья пригласила къ себѣ наканунѣ казни Марьи Даниловны (то есть 13-го марта 1719 г.), государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого. Всѣ трое были уже приготовлены къ просьбѣ и съ своей стороны обѣщали ее поддержать.

Начался общій разговоръ. Прасковья Ѳедоровна искусно навела его на Гамильтонъ, извиняла ея преступленія человѣческою слабостью, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ государѣ, сравнивала земнаго владыку съ Богомъ небеснымъ, который долготерпѣливъ и многомилостивъ и проч. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой, согласно съ царицей, стали просить за злополучную фрейлину, говоря въ смыслѣ словъ псалма: „аще беззаконія назриши Господи, кто постоитъ?"

Петръ былъ въ духѣ, выслушалъ челобитье терпѣливо, не перебивалъ просителей; когда они кончили, онъ спросилъ невѣстку:

— Чей законъ есть на таковыя злодѣянія?

— Въ началѣ Божій, а потомъ государевъ, отвѣчала Прасковья.

— Что-жъ именно законы сіи повелѣваютъ? не то ли, „что проливаяй кровь человѣческую, да проліется и его?"

Царица должна была согласиться съ тѣмъ, что за смерть—смерть.

— А когда такъ, сказалъ Петръ:—поразсуди, невѣстушка; ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тягчае

[1]) Эта личность замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; къ сожалѣнію, никто изъ писавшихъ о петровскомъ времени не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Мы имѣемъ довольно много весьма важныхъ матеріаловъ для знакомства съ царицей Прасковьей, и впослѣдствіи надѣемся подѣлиться ими въ особой монографіи. (1860 г.)

Это намѣреніе мы осуществили въ слѣдующемъ 1861 г. Нашъ историческій очеркъ: „Царица Прасковья" былъ напечатанъ въ журналѣ братьевъ М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ: „Время", изд. 1861 г., и тогда же вышелъ отдѣльнымъ первымъ изданіемъ въ особой книгѣ. Второе изданіе, исправленное и дополненное, напечатано нами въ 1883 г., Спб., 260 стр., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками.

[2]) Стр. 28.

законъ Божій уничтожить? Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, продолжалъ царь, обращаясь къ министрамъ—которые, неразсудною милостію законъ Божій преступя, погибли и тѣломъ, и душею; и если вы имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите,—я спорить не буду.

Всѣ умолкли; никто не рѣшался ни брать на себя отвѣта, ни дѣлать того, на что не было охоты у повелителя. Прасковья Ѳедоровна, видя, что ходатайство ни къ чему не повело, поспѣшила „шуточнымъ прикладомъ рѣчь свою замять“ [1]).

Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовымъ самымъ ужаснымъ заключеніемъ, причемъ четыре мѣсяца въ кандалахъ была, повидимому, достаточно уже наказана? Панегиристы Петра—Татищевъ, Штелинъ, Голиковъ, Н. Полевой и другіе находятъ, что строгость Петра прямо вытекала изъ желанія неуклонно выполнить законъ; но въ такомъ случаѣ рождается вопросъ: всегда ли выполнялъ онъ законъ хотя бы и въ уголовныхъ только преступленіяхъ? Напротивъ, во многихъ случаяхъ Петръ не только уступалъ просьбамъ царицы и приближенныхъ вельможъ, но нерѣдко милостиво принималъ его величество ходатайство смѣлаго шута; даже любимой собаки, на ошейникѣ которой догадывались привязать челобитье о помилованіи или, по крайней мѣрѣ, о смягченіи суроваго его закона... [2]).

И такъ, не было ли другого обстоятельства, которое вызывало со стороны царя Петра строжайшее наказаніе камеръ-фрейлины Гамильтонъ?..

Гельбигъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ любопытнымъ извѣстіемъ, за достовѣрность котораго онъ ручается (sic): „почти всѣмъ извѣстно, говоритъ авторъ Russische Günstlinge, изъ № 88 анекдотовъ Штелина о Петрѣ Великомъ, что дѣвица Гамильтонъ извела своего собственнаго младенца и за что ей отрублена была голова, но, можетъ быть, немногіе знаютъ, что отцомъ этого младенца былъ—Петръ I“ [3]).

---

[1]) Разсказъ В. Н. Татищева въ примѣч. къ 71 статьѣ „Судебника“ царя Ивана III. М. 1786 г., стр. 86—88. Штелинъ, изд. 1787 г., стр. 276. Голиковъ, т. XV, стр. 184—186.

[2]) Желябужскій, стр. 100. Штелинъ изд. 1787 г., стр. 311—313. Бѣляевъ, описаніе кабинета Петра, 1793 г., стр. 126—131 (описаніе собаки Лизеты). Берхгольцъ 1722 г., ч. II, стр. 245 и друг.

[3]) Russische Günstlinge, стр. 109, примѣчаніе къ біографіи Вилима Монса.

Мы не беремся рѣшать, кто былъ отцомъ задушеннаго дитяти: Петръ Алексѣевичъ или Иванъ Михайловичъ? Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ревность, досада на невѣрность Гамильтонъ не мало усугубила строгость къ ней великаго монарха.

IX.

Въ субботу, 14-го марта 1719 г., погода была вѣтряная, утро туманное.

Лишь только стало разсвѣтать [1]), на Троицкой площади, близь крѣпости, собралась толпа народа, издавна уже привыкшаго къ казнямъ. Солдаты цѣпью окружали мѣсто казни, наблюдая за порядкомъ [2]). Зѣваки окружали эшафотъ, поджидая жертвы и поглядывая на полусгнившія головы заговорщиковъ, казненныхъ 8-го декабря прошлаго года. Государь не замедлилъ пріѣздомъ [3]).

Привели изъ крѣпости осужденныхъ. Марья Даниловна до послѣдняго мгновенья ждала прощенія. Догадываясь, что государь будетъ при казни, она одѣлась въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами, безъ сомнѣнія, въ надеждѣ, что красота ея, хотя уже поблекшая отъ пытокъ и заточенія, произведетъ однако впечатлѣніе на монарха... Она ошиблась. Впрочемъ, государь былъ ласковъ,—по крайней мѣрѣ, не осыпалъ ее упреками, насмѣшками, бранью, чѣмъ сплошь да рядомъ сопровождались прочія казни, какія бывали въ высочайшемъ его присутствіи.

— „Дѣвка Марья Гамантова, да баба Катерина!“ воскликнулъ одинъ изъ секретарей, начиная чтеніе приговора: „Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ за твоя, Марья, вины, что ты жила блудно и была отъ того брюхата трижды; и двухъ ребенковъ лекарствомъ изъ себя вытравила; а третьяго родила и удавила, и отбросила, въ чемъ ты во всемъ съ розысковъ винилась: за такое твое душегубство—казнить смертью.

— „А тебѣ, бабѣ Катеринѣ, что ты о послѣднемъ ея ребенкѣ, какъ она, Марья, родила и удавила, видѣла; и, по ея прошенію,

---

[1]) Въ 5 ч. 48 м., календарь 1719 г.

[2]) Уставъ воинскій, гл. 67, объ экзекуціи, стр. 105.

[3]) Въ этотъ день не вышло указа. См. указы съ 10-го марта по 16-е число, №№ 3321—3329. П. С. З., т. V.

онаго ребенка съ мужемъ своимъ мертваго отбросила, а о томъ и доносила, въ чемъ учинилась ты съ нею сообщница же, — вмѣсто смертной казни, учинить наказаніе: бить кнутомъ и сослать на прядильный дворъ, на десять лѣтъ" [1]).

Трепетала отъ ужаса камеръ-фрейлина, молила о пощадѣ. Петръ, такъ разсказывалъ Штелину Фоеціусъ, придворный столяръ, очевидецъ событія, простился съ нею, поцѣловалъ и сказалъ:

— „Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ, не могу я спасти тебя отъ смерти. Итакъ, прими казнь, и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только Ему съ раскаяньемъ и вѣрою".

Она упала на колѣни съ жаркою мольбою. Государь что-то шепнулъ на ухо палачу; присутствовавшіе думали, что онъ изрекъ всемилостивѣйшее прощеніе, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнулъ топоръ — и голова скатилась на помостъ. Онъ исполнилъ данное прежде обѣщаніе: тѣло красавицы не было осквернено прикосновеніемъ катскихъ рукъ.

Великій Петръ, повѣствуютъ иноземные писатели, поднялъ голову и почтилъ ее поцѣлуемъ. Такъ какъ онъ считалъ себя свѣдущимъ въ анатоміи, то при этомъ случаѣ долгомъ почелъ показать и объяснить присутствующимъ различныя части въ головѣ; поцѣловалъ ее въ другой разъ, затѣмъ бросилъ на землю, перекрестился и уѣхалъ съ мѣста казни [2]).

Вечеромъ того же дня малограмотный писарь гарнизонной канцеляріи отмѣтилъ, между прочимъ, въ журналѣ:

„14-го марта: по указу его царскаго величества, казнена смертію дому его величества дѣвица Марья Данилова: отсѣчена голова; дѣвица содержалась въ гварнизонѣ подъ карауломъ" [3]).

Катерина служанка была высѣчена кнутомъ и сослана по приговору [4]).

---

[1]) Подлинное дѣло, докум. 10-й.

[2]) Штелинъ, въ нѣм. издан., анекдотъ № 88; въ русскихъ изданіяхъ этотъ разсказъ не такъ полонъ, за исключеніемъ впрочемъ московскаго изданія 1788 г. стр. 247—249.—„Anecd. interés. de la cour de Russie", 1792. Т. II, стр. 272—275. Бюшинга Магазинъ, ч. III, стр. 224, прим. къ статьѣ о царевичѣ Алексѣѣ. Бюшингъ называетъ Гамильтонъ: „schwedische Fräulein".

[3]) Устряловъ, т. VI, стр. 618.

[4]) Подробный указъ о ссылкѣ на прядильные дворы наказанныхъ бабъ и дѣвокъ, о содержаніи ихъ, работахъ и проч. изданъ 26-го февраля 1719 г.

Что касается до Ивана Орлова, то онъ былъ освобожденъ еще 27-го ноября 1718 года.

По этому поводу И. И. Неплюевъ разсказывалъ слѣдующее: „Не смотря на всѣ увѣренія Орлова въ томъ, что онъ не вѣдалъ о дѣтоубійствахъ, Петръ все еще сомнѣвался и цѣлый годъ держалъ его въ тюрьмѣ. Наконецъ, бывши на одной ассамблеѣ, приказалъ привести заключеннаго деньщика. Снова убѣждалъ его, что если онъ вѣдалъ объ убійствѣ, то покаялся бы чистосердечно, „потому (говорилъ государь) согрѣшить есть дѣло человѣческое, а не признаваться въ грѣхѣ есть дѣло дьявольское. Покайся и я тебя прощу!“

Орловъ продолжалъ говорить, что онъ невиненъ, и клятвами подтверждалъ увѣренія.

— „Ну, ежели ты и виновенъ, возразилъ Петръ, то какъ нѣтъ точныхъ тому доказательствъ, да судитъ тебя Богъ, а я долженъ наконецъ положиться на твои клятвы“.

Орлова, по волѣ монарха, одѣли въ новый гвардейскій мундиръ и выбрили ему отросшую въ тюрьмѣ бороду.

— „Жалую его поручикомъ гвардіи“, сказалъ Петръ: „страхъ подпасть подъ неправосудіе въ томъ сомнительномъ дѣлѣ принудилъ меня заключить тебя на годъ, яко виновника несчастію любовницы твоей, и ты самъ долженъ признать наказаніе сіе справедливымъ; оно послужитъ и тебѣ, и другимъ наставленіемъ храниться отъ подобныхъ поползновеній“ [1]).

Насколько вѣренъ разсказъ Голикова, записанный со словъ Неплюева—рѣшить, конечно, трудно.

Въ какомъ полку былъ Иванъ Орловъ въ 1719 г.—неизвѣстно; впрочемъ, въ спискахъ преображенскаго полка офицеровъ, представленныхъ въ 1722 году на разсмотрѣніе Петра, для назначенія изъ нихъ судей по дѣлу Шафирова, значится именно—Иванъ Орловъ.

Ловкій ударъ топора, отдѣлившій голову красавицы, безъ сомнѣнія, принадлежалъ опытному и искусному оберъ-кнутмейстеру, старшему палачу. Онъ лично распоряжался при допросахъ и пыткахъ; онъ же исправлялъ должность придворнаго шута. Любопытна

№ 3313. Одинъ изъ прядильныхъ дворовъ въ Москвѣ помѣщался въ домѣ казненнаго Авраама Лопухина.

[1]) „Дѣянія великаго монарха“, т. XV, стр. 186.

его кончина: въ 1722 году, въ бытность въ Олонцѣ съ государемъ, онъ упалъ (пьяный?) съ лѣстницы, переломилъ три ребра и, чрезъ десять дней, въ страданіяхъ умеръ [1]).

Но возвратимся къ казненной имъ камеръ-фрейлинѣ. Съ отсѣченіемъ головы не все еще кончилось; оставались ея пожитки, которые надо было, какъ конфискованное на царя добро, принять на сохраненіе. Объ этомъ пріемѣ дошелъ до насъ слѣдующій документъ [2]);

„1719 г. марта 16-го дня отдано въ домъ царскаго величества стряпчему Петру Ивановичу Мошкову послѣ дѣвицы Марьи Гамантовой:

„Складень алмазной, въ немъ 23 алмаза, да малыхъ 48; перло бурмицкихъ (зеренъ 39), при немъ запонка 15 алмазовъ, перло жемчужное, 49 жемчуговъ, 8 цвѣточковъ по одному алмазу; серги, въ нихъ 8 алмазовъ, другая такая же съ яхонтомъ, серги съ краснымъ камнемъ, при нихъ двѣ искры, два запонка золотые, три подвѣски простыхъ изломанныхъ, на ручкѣ алмазецъ; съ алмазомъ кафтанчикъ тафтяной полосатой съ юпкою, да другой кафтанчикъ штофовой. Вышеписанныя вещи въ домѣ царскаго величества Петръ Мошковъ принялъ. А сію роспись писалъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдатъ Иванъ Кондыревъ, каптенармусъ Ѳедоръ Зеловъ“ [3]).

---

[1]) Берхгольцъ, ч. II, стр. 138.

[2]) № 11 документъ.

[3]) Изъ всѣхъ лицъ, косвенно замѣшанныхъ въ дѣло Гамильтонъ, какъ-то: Кобыляковъ, Алабердѣевъ, Мавринъ, Кошелевъ, Пальчиковъ, Анна Крамеръ, Семеновъ, Дмитріева, никто не пострадалъ: всѣ продолжали пользоваться и милостями, и довѣріемъ государя. Судьба Анны Крамеръ въ особенности интересна; Гельбигъ отвелъ и ей въ „R. Günstlinge“ нѣсколько страничекъ; этотъ кропотливый собиратель 1780-хъ гг. интересныхъ разсказовъ и легендъ о русскомъ дворѣ и русскихъ любимцахъ счастья, на основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, изъявляетъ сомнѣніе въ вѣрности слуховъ, будто бы, послѣ казни Гамильтонъ, Петръ сдѣлалъ своею любимицею Крамеръ. Онъ только любилъ съ ней бесѣдовать (замѣчаетъ Гельбигъ), и чтобъ облегчить случаи бесѣды, пожаловалъ ее камеръ-юнгферою Екатерины. Анна Ивановна Крамеръ скоро пріобрѣла такую довѣренность, что, въ числѣ немногихъ лицъ, знала объ умерщвленіи царевича Алексѣя Петровича; она же приставила (!!) отрубленную (?!) голову Алексѣя, вообще приготовила его тѣло къ погребенію. Тщательное исполненіе такого рода порученій, за которыя бы конечно не многія женщины взялись, — заслуживало награды. Нечего и дивиться, что бывшая служанка, „казначейша камеръ-фрейлины“, превратилась въ придворную даму. Она сдѣлана гоффрейлиною императрицы, а вскорѣ гофмейстериною царевны Натальи Петровны, пережившей отца шестью недѣлями. Похоронивъ свою питомицу, Крамеръ оставила дворъ, уѣхала въ Нарву и

X.

Забравъ на сохраненіе драгоцѣнныя вещи изъ небольшаго скарба камеръ-фрейлины, великій Петръ, если вѣрить Гельбигу, приказалъ конфисковать и сохранить самое драгоцѣнное, что имѣла Марья Даниловна: ее красивую голову.

Голова эта положена была въ спиртъ и отдана въ академію наукъ, гдѣ ее хранили въ особой комнатѣ, съ 1724 года, вмѣстѣ съ головою каммергера Монса. Воля монарха была исполнена съ величайшею точностью. За головами былъ большой уходъ до восшествія на престолъ Екатерины I; когда же увидѣли, что императрица забыла о бывшемъ любимцѣ своемъ, отрубленную голову котораго послѣ казни, въ теченіе нѣсколькихъ дней, видѣла предъ собой, то и смотрителя забыли ихъ.

Спустя шестьдесятъ лѣтъ о нихъ вспомнили. Это было въ 1780-хъ годахъ. Княгиня Е. Р. Дашкова, въ качествѣ президента академіи, пересматривала счеты и нашла, что чрезвычайно много выходитъ спирту. Между прочимъ, она замѣтила, что онъ отпускается на двѣ головы, хранимыя въ подвалѣ, въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго ввѣренъ былъ особому сторожу; но онъ не зналъ чьи головы находились подъ его охраной.

Долго рылись въ архивѣ академіи наукъ; наконецъ, нашли имена владѣльцевъ головъ—то были: двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ и каммергеръ Вилимъ Ивановичъ Монсъ. Княгиня Дашкова донесла о находкѣ императрицѣ Екатеринѣ II. Головы принесли во дворецъ, разсматривали и всѣ удивлялись сохранившимся слѣдамъ ихъ прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали въ погребу [1]).

Въ разсказѣ Гельбига многое весьма вѣроятно. Петръ, дѣйстви-

жила здѣсь съ братьями, возвратившимися изъ заточенія. Анна Ивановна жила пенсіею и доходами съ небольшой вотчины въ рижскомъ округѣ, которую получила отъ Екатерины I; замужемъ не была и скончалась въ 1770 г., на 76 г. отъ рожденія. Анна Крамеръ была красавица, умна, умѣла снискать довѣренность и держаться при дворѣ, наконецъ была женщина безчувствительная". Гельбигъ, стр. 103—105. Ей принадлежатъ нѣсколько разсказовъ въ анекдотахъ Штелина, 1787 г., стр. 45, 46, 181, 312, 313 и друг. Голиковъ, т. VI, стр. 304; т. VII, стр. 120.

[1]) „Russische Günstlinge". Тюбингенъ. 1809 г., стр. 108—109.

тельно, любилъ всевозможные монстры и курьезы, старался обогащать ими основанную имъ кунсткамеру, осматривалъ съ большимъ вниманіемъ многіе лучшіе заграничные кабинеты рѣдкостей, скупалъ ихъ у ученыхъ собирателей большими коллекціями, требовалъ доставки рѣдкостей со всѣхъ концовъ Россіи, вообще занимался этою частью, столь полезною для науки и образованія. Въ кунсткамеру поступилъ желудокъ петровскаго гайдука-француза; гайдукъ привезенъ былъ имъ ради необыкновенной толстоты, и умеръ отъ сильнѣйшей венерической болѣзни. До 105 уродовъ собрано было Петромъ; сотня зародышей и недоносковъ человѣческихъ хранилась въ кунсткамерѣ.

Здѣсь кстати вспомнить, что любовница царевича Алексѣя Петровича, Евфросинья Ѳедоровна, разрѣшилась отъ бремени (какъ можно предполагать) въ Петропавловской крѣпости... Куда дѣлся ребенокъ?— Н. Г. Устряловъ не отыскалъ. Не отправили ли его въ число недоносковъ, разумѣется, мертвымъ, на храненіе въ кунсткамеру? Это могло быть тѣмъ скорѣе сдѣлано, что мертворожденные младенцы болѣе именитыхъ лицъ, нежели крѣпостная дѣвица Евфросинья Ѳедоровна, поступали въ банки на храненіе; такъ, напримѣръ, сохраненъ былъ выкидышъ маршальши Олсуфьевой [1]). Кромѣ мертвыхъ экземпляровъ, Петръ повелѣвалъ сохранять и живые экземпляры всевозможныхъ монстровъ. Такъ, напримѣръ, въ его время можно было видѣть въ кунсткамерѣ живого человѣка, безъ половыхъ органовъ, вмѣсто которыхъ у него былъ родъ грибообразнаго нароста, похожаго на коровье вымя и имѣвшаго посрединѣ мясистый кусокъ, величиною съ рубль, откуда постоянно выходила густая моча, стекавшая въ привязанный для этого пузырь. Все это было страшно отвратительно, тѣмъ болѣе, что экземпляръ распространялъ отъ себя невыносимый запахъ; для него былъ не шкафъ, но особая комната. Экземпляру предоставлялись развлеченія: онъ рубилъ дрова; но готовъ былъ дать 100 руб., такъ говоритъ очевидецъ, чтобъ только вернуться на родину, въ Сибирь, откуда его прислали по царскому указу.

[1]) См. Голиковъ. Т. I, стр. 580, 581.—Т. VI, стр. 101, 198, 199, 200, 201, 226, 255, 261, 597. — Т. VIII, стр. 67, 69. — Т. X., стр. 25, 41, 43, 402. Указъ 1718 г. февр. 3 и 1721 г.—Штелинъ 1787 г., стр. 89—95.—Бергольцъ. Ч. I. стр. 52, 153—157.—Богдановъ. „Описаніе Спб“ 1751 г., стр. 101—104.—„Кабинетъ Петра Великаго“, описаніе О. Бѣляева. Спб. 1793 г. Ч. I, стр. 42—45, 64, 72, 141.—Ч. II, стр. 135—138, 147—148. Изд. 1800 г. Ч. II, стр. 4, 10, 19, 31, 32. Основанная въ 1714 году кунсткамера находилась въ Кикиныхъ палатахъ, бывшихъ близъ нынѣшняго Зимняго дворца.

Въ кунсткамерѣ же жили нѣсколько живыхъ мальчиковъ-уродовъ (einige lebendige Jungen)... [1]).

Всего сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть какъ тщательно и многосторонне обогащалъ свою коллекцію курьезовъ великій Петръ; слѣдовательно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ послалъ туда на храненіе и снятыя имъ головы первой, по времени назначенія въ Россіи, камеръ-фрейлины и любимѣйшаго его супруги Екатерины камергера.

Но вотъ что странно: Дашкова, какъ извѣстно, внимательно занимавшаяся дѣлами академіи наукъ вообще и нѣкоторыми отдѣлами (минералогическимъ кабинетомъ) кунсткамеры въ особенности; Дашкова, оставившая въ своихъ запискахъ подробный и весьма обстоятельный разсказъ объ этомъ періодѣ ея жизни—ничего не говоритъ ни о своей находкѣ, ни о докладѣ о немъ императрицѣ, ни о приказѣ ея закопать головы Гамильтонъ и Монса въ землю.

Находка ея не такъ была обыкновенна, чтобъ не сказать ни слова, либо забыть о ней.

Да еслибъ княгиня Дашкова и забыла голову фрейлины, то о ней напомнила бы фамилія ея задушевнаго друга—леди Гамильтонъ, дочери туанскаго архіепископа [2]).

Леди Гамильтонъ много путешествовала съ княгиней Дашковой во Франціи, пріѣхала, въ 1784 г., для свиданія съ нею въ Петербургъ въ то время, когда Екатерина Романовна стояла уже во главѣ академіи наукъ.

Президентъ показывалъ своему другу всѣ рѣдкости столицы. Показывалъ, разумѣется, и кунсткамеру. Одну изъ новыхъ деревень своихъ Дашкова назвала, въ честь дорогой гостьи, Гамильтонъ. Наконецъ, по просьбѣ двоюродной сестры леди Гамильтонъ, миссъ Уильмотъ, посѣтившей Дашкову въ Россіи въ 1803 г., Екатерина Романовна написала свои въ высшей степени драгоцѣнныя для исторіи XVIII-го вѣка записки.

Всѣ эти обстоятельства должны были часто наводить ее на мысль о головѣ однофамилицы ея друга... Тѣмъ болѣе непонятно со стороны Дашковой молчаніе о головѣ фрейлины (если только голова эта была найдена и проч.), что она вносила въ записки множество мелочей,

---

[1]) Множество экземпляровъ петровскаго времени погибло въ пожарѣ 5-го декабря 1747 года. Въ этотъ день сгорѣли всѣ почти вещи, хранившіяся во 2-мъ и 3-мъ этажахъ кунсткамеры.

[2]) О ней см. въ Зап. Дашковой, стр. 107, 117, 165, 221, 222, 225, 290, 353.

въ особенности все то, что вызывало у нея какія-нибудь сношенія съ императрицей; а не сочувствуя Петру, она разумѣется, не упустила бы записать новый эпизодъ, подкрѣплявшій ея мнѣніе о его жестокости [1]).

Итакъ, вопросъ о томъ, вѣрно или невѣрно сказаніе Гельбига объ отысканіи и погребеніи головы Гамильтонъ, остается нерѣшеннымъ; но что голова хранилась въ академіи—о томъ свидѣтельствуютъ, кромѣ печатныхъ извѣстій, и устныя преданія, повторявшіяся еще въ 1860 г.:

„Лѣтомъ 1830 г. я былъ въ кунсткамерѣ", пишетъ г. Эндогуровъ [2]). „Нѣсколько посѣтителей, должно быть изъ купцовъ, осматривали монстровъ, въ сопровожденіи чичероне-сторожа, который объяснялъ имъ все, по своему разумѣнію. Услышавъ ахапье и охапье купцовъ, я подошелъ къ нимъ и со мною вмѣстѣ очень почтенный человѣкъ съ орденомъ на шеѣ. Сторожъ, указывая на банку съ головой, объяснялъ: „при государѣ Петрѣ I была необыкновенная красавица, которую какъ увидѣлъ государь, такъ и приказалъ отрубить ей голову и поставить въ спиртъ въ кунсткамерѣ, на вѣчныя времена, чтобъ всѣ и во всѣ времена могли видѣть, какія красавицы родятся на Руси". Почтенный человѣкъ, съ орденомъ на шеѣ, выслушавъ разсказъ, возвысилъ голосъ и сталъ выговаривать сторожу, что онъ разсказываетъ нелѣпости, и, обратясь ко всѣмъ окружающимъ его, сказалъ: „какъ можно, чтобъ такой великій и провосудный государь, каковъ былъ Петръ I, поступилъ такъ съ невинною красавицею! напротивъ, это голова придворной особы, которая дѣвицею разрѣшилась отъ бремени, и изъ желанія скрыть свой стыдъ, убила ребенка, что и было открыто; судъ же приговорилъ ее къ смертной казни. А такъ какъ она была красавица, то государь повелѣлъ хранить голову ея въ спирту вмѣстѣ съ прочими монстрами". „Не помню", продолжаетъ г. Эндогуровъ, „про кого изъ преемниковъ Петра I онъ говорилъ, что, увидѣвъ голову красавицы, онъ приказалъ выставить ее къ кунсткамерѣ на видное мѣсто, чтобъ простой народъ, имѣвшій доступъ въ музей во время святой недѣли, могъ видѣть голову женщины, рѣшившейся на такое злодѣяніе, разсказывать исторію ея, а съ тѣмъ вмѣстѣ, что будто бы участь этой

---

[1]) Не умолчала ли Дашкова о Гамильтонъ изъ приличія? Не нашла ли она, какъ женщина, неудобнымъ передавать скандальный эпизодъ и помѣщать его въ запискахъ, писанныхъ для дѣвицы? Но эти предположенія остаются неудовлетворительными, если вспомнить, что княгиня Е. Р. Дашкова, не вдаваясь въ подробности, могла ограничиться небольшою замѣткою о Гамильтонъ.

[2]) „Сѣверная Пчела" 1860 г., № 91. „Письмо къ издателю".

красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный домъ и прiемъ въ оный, секретно, незаконнорожденныхъ дѣтей".

„Въ 1833 году я опять былъ въ кунсткамерѣ", продолжаетъ г. Эндогуровъ, „и тотъ же сторожъ поспѣшилъ разсказать намъ свою прежнюю исторiю. Я напомнилъ ему о томъ господинѣ, который остановилъ его въ 1830 году, но ветеранъ, махнувъ рукою, сказалъ: „гдѣ имъ знать! мы не мало лѣтъ живемъ здѣсь, такъ ужъ лучше знаемъ".

Какъ почтенный господинъ съ орденомъ, такъ и словоохотливый чичероне—оба дѣлали довольно важную ошибку: за голову убитой красавицы они принимали голову мальчика.

„Эта голова", по описанiю О. Бѣляева (1800 г., ч. 2, стр. 31), „дѣйствительно принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ предметовъ собранiя; съ нея снятъ черепъ, но мозгъ, съ объемлющею его сорочкою и множествомъ простирающихся на немъ тончайшихъ нервъ, сохраненъ прекрасно. Искусство, съ какимъ сохранено лицо головки и всего сплетенiя мозговыхъ жилокъ, есть такая тайна, которую природа открыла одному только Рюйшу, изъ собранiя котораго и поступила эта голова въ кунсткамеру въ 1717 году"

Бѣляевъ прямо говоритъ, что „сiя головка извѣстна нынѣ публикѣ подъ названiемъ головы одной дѣвицы-красавицы 15 лѣтъ, о которой плетутся разныя басни и нелѣпости. Какимъ образомъ сiе случилось", заключаетъ Бѣляевъ, „поистинѣ, недоумѣваю!"

Посѣтивъ въ 1860 году анатомическiй кабинетъ академiи наукъ, мы уже не нашли одного изъ усердныхъ разсказчиковъ этихъ басней: унтеръ-офицеръ Якокъ Андреевъ лѣтъ восемь предъ тѣмъ опочилъ на Смоленскомъ; онъ унесъ съ собою и басню, которую не могъ передать намъ ни одинъ изъ оставшихся сторожей [1]); что же касается головы мальчика, такъ долго состоявшаго въ подозрѣнiи, что она принадлежала дѣвицѣ, мы ее видѣли, благодаря обязательной услужливости К. И. Иванова.

Голова, дѣйствительно, сохранилась прекрасно; мальчикъ лѣтъ 12—15 былъ замѣчательный красавецъ: свѣжiя, полныя щечки, маленькiй ротъ, прекрасный подбородокъ, прямой носикъ, немного приплюснувшiйся отъ банки, русые волосы, такiе же брови, пра-

---

[1]) Вмѣсто нея мы имѣемъ басню, напечатанную въ видѣ исторической повѣсти Солоницынымъ: „Царь—рука Божья, быль временъ Петра Великаго". Разсказы Штелина и Голикова авторъ былъ дополнилъ вымыслами собственной фантазiи. См. „Москвитянинъ" 1841 г., ч. IV, № 7, стр. 23—105.

вильно очерченныя, надъ закрытыми глазами, длинныя рѣсницы — все это и красиво, и сохранилось такъ, что, глядя на головку, въ голову не придетъ, что она лежитъ въ банкѣ полтораста лѣтъ! Кровеносные сосуды налиты чрезвычайно искусно, и во всей головѣ только на лѣвой сторонѣ отсталъ лоскутокъ кожи [1]).

Велико было преступленіе Марьи Даниловны Гамильтонъ, жестоки и безчеловѣчны были истязанія ея, страшна была и казнь, ее постигшая. Тѣмъ-то болѣе должны мы радоваться, что наше современное законодательство заявило себя, по обыкновенію, прогрессивнымъ въ вопросѣ о наказаніи матерей, ради стыда посягающихъ на жизнь незаконнорожденныхъ своихъ дѣтей.

„За убійство предумышленное—читаемъ мы въ проектѣ новаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ [2]) — винов-

---

[1]) Голова хранится въ банкѣ „С. № 10“. Въ каталогѣ противъ этого нумера записано: Caput pueri, cujus cranium cum dura matre ablatum est; cerebrum vero, arteriis Piae matris materia caeracer injectis superbiens, et situm et magnitudinem ordinariam servat: facies, obcolorem naturalem, non sine jucunditate spectatur. Подъ № 27-мъ въ банкѣ хранится другая голова, немного менѣе. Всѣ остальныя четыре или пять еще меньше. Въ сосѣдней залѣ мы видѣли маски съ двухъ разбойниковъ, наказанныхъ въ 1840 году., Чайкина и Быкова; онѣ изображены съ полувыбритыми головами. Скелеты ихъ хранятся въ музеѣ казанскаго университета. Осматривая нашу кунсткамеру, невольно сравниваешь ее съ заграничными; какъ незначительна она въ сравненіи, напримѣръ, съ парижскимъ музеемъ! Можно ли подумать, что это кабинетъ рѣдкостей необъятной Россіи? Да и этотъ кабинетикъ многіе ли знаютъ! Любопытный долженъ дождаться извѣстнаго времени года, извѣстнаго дня, выхлопотать билетъ, но и съ билетомъ случается, что предъ нимъ заперты двери: ныньче-де передѣлываютъ, пускать не велѣно. Подобныхъ отказовъ я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1860-мъ году, когда и написаны эти строки. Съ тѣхъ поръ, однако, прошло двадцать-три года, порядки и въ кунсткамерѣ измѣнились къ лучшему, а музеи академіи обогащены весьма многими новыми пріобрѣтеніями и цѣлыми научно собранными коллекціями.

[2]) Изд. 1844 г., Спб., стр. 14 и 1202—1203, статья 21, 22 и 1856. Уложеніе о наказ. уголов. и исправ. изд. 1845 г., статья 1922. Замѣчательное мнѣніе Щербатова о дѣтоубійствѣ см. Чт. Об. Ист. 1860 г., кн. I, стр. 72. Изъ литературы сочиненій о дѣтоубійствѣ на русскомъ языкѣ укажемъ на изслѣдованіе доктора Г. I. Блосфельда: О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ вообще, и объ умерщвленіи и умышленномъ изгнаніи плода въ особенности. Казань, 1856 г., стр. 78. Въ юридической части сочиненія ученый авторъ разсматриваетъ: узаконенія различныхъ народовъ относительно правъ новорожденныхъ; преступленіе убійства и умышленнаго изгнанія плода, по нынѣшнему взгляду уголовнаго права; наконецъ дѣлаетъ критическій разборъ преступленій дѣтоубійства, убійства и плода и зародыша. Во II части изслѣдованія, въ меди-

ный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока; а буде онъ по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ — и наказанію плетьми чрезъ палачей: сто ударовъ, съ наложеніемъ клеймъ.

„Наказаніе смягчается тремя степенями: въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ, сына или дочери, совершено матерью отъ стыда или страха, при самомъ рожденіи младенца: виновная подвергается работѣ въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ и наказанію плетьми отъ 60 до 70 ударовъ“ [1]).

1860 г. августа 9-го дня.
Спб.

По дѣйствующему (въ 1883-мъ году) „Уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ —

по статьѣ 1451: Лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока подвергается виновный въ убійствѣ предумышленномъ... сына своего или дочери.

„Наказаніе смягчается тремя степенями въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха при самомъ рожденіи младенца, если однако-жъ при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ-же преступленіи. Когда же дѣтоубійство сего рода было непредумышленное, виновная въ ономъ женщина, особенно, если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ, подвергается токмо:

„лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири“.

цинской, г. Блосфельдъ говоритъ о правахъ плодовъ вообще, объ опредѣленіи и доказательствахъ беременности, о предшествовавшихъ родахъ; о возрастѣ, жизнеспособности и причинахъ смерти плодовъ; въ заключеніе говоритъ объ участіи судебнаго врача при раскрытіи и опредѣленіи субъективнаго состава дѣла. Кстати укажемъ также на весьма интересную исторію воспитательныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ съ открытія оныхъ по 1851 г., напечат. въ II т. Чтен. Общ. Исторіи, 1860 г., стр. 94—160.

[1]) „Мы признали необходимымъ въ этомъ случаѣ смягчить наказаніе— сказано въ проектѣ—потому, что положеніе виновной въ томъ женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдомъ, страхомъ, угрызеніями совѣсти и изнуренная тѣлесными страданіями, почти лишается разсудка, слѣдственно, покушается на ужасное преступленіе безъ яснаго объ ономъ предъ самой собою сознанія. Смягченія сего рода допускаются во всѣхъ лучшихъ иностранныхъ законодательствахъ“.

Сны Петра Великаго

1714—1719.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ЕГО СНАХЪ

въ 1714—1719 гг.

Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра І-го, въ Государственномъ Архивѣ, находится нѣсколько имъ собственноручно записанныхъ „сновидѣній“; нѣкоторыя изъ этихъ записокъ тщательно перебѣлены его деньщиками и секретарями. Видимо, что нѣкоторые сны, какъ нѣчто курьёзное, интересовали государя, разсказывались имъ своимъ приближеннымъ, вызывали разныя замѣчанія и проч. Эти обстоятельства достаточно показываютъ, почему не безъинтересно остановиться и на такомъ странномъ, повидимому, предметѣ, каковы: „сны Петра Великаго“.

Преобразователь Россіи, какъ извѣстно, былъ врагъ суевѣрій и предразсудковъ; нѣтъ свидѣтельствъ и о томъ, чтобы онъ придавалъ какое-либо серьезное значеніе снамъ, и находилъ бы въ нихъ какой-либо таинственный, знаменательный смыслъ; если же онъ ихъ записывалъ иногда, то только ради курьеза, какъ любитель всего особеннаго... Извѣстно, что по большей части и во снѣ мы видимъ то, чѣмъ особенно заняты, либо о чемъ думаемъ на-яву; отсюда еще интереснѣе знать каковы же должны были быть сны суроваго монарха?

1714 г. ноября съ 9-го на 10-е: „сонъ видѣлъ: (корабль?) въ зеленыхъ флагахъ, въ Петербургѣ“.

1715 г. января съ 23-го на 24-е: „видѣлъ сонъ: звѣрей — льва да бобра“.

1715 г. января съ 28-го на 29-е число: „будучи на Москвѣ, въ ночи видѣлъ сонъ: господинъ полковникъ ходилъ на берегу, при

рѣкѣ Большой, и съ нимъ три рыбака, и волновалася рѣка, и большія прибивали волны. И идетъ волна, и назалъ отступала, и такъ били волны, что покрывало ихъ (т. е. полковника съ тремя рыбаками). И назадъ (рѣка) отступила, а онѣ (они?) не отступили. И такъ меньше, меньше и уступила вода въ старое состояніе свое".

..... „Въ Яворовѣ: пришелъ къ башнѣ высокой, и съ той башни спущена была веревка, по которой онъ туда взлѣзъ. И взошедъ на башню и хотѣлъ взойти на шпицъ, но было мягко—и ноги вязли и взойтить нельзя и онъ, сдѣлавъ лыжи, и на тотъ шпицъ на тѣхъ лыжахъ взошелъ, на которомъ шпицѣ было яблоко поставлено; а на яблокѣ, въ сторонѣ, царской гербъ двоеглавной орелъ; — а въ срединѣ яблока стержень; потомъ факсу (не флагъ-ли?) съ лѣвой руки постановилъ на тотъ стержень".

1715 г. февраля съ 19-го на 20-е число: „въ ночи видѣлъ сонъ: въ подобіи и въ лицѣ Клакачова, и казался (онъ) съ большими морщинами и онаго (я) покололь шпагою".

1715 г. февраля на 25-е число: „видѣлъ: волы и солнце".

..... „Апрѣля на 26-е число: видѣлъ сонъ: яко бы орелъ сидѣлъ на деревѣ, а подъ него подлѣзъ или подползъ какой звѣрь не малый, на подобіе крокодила или дракона, на котораго орелъ тотчасъ бросился, (и) изъ затылка у онаго голову отъѣлъ, а именно переѣлъ половину шеи и умертвилъ. И потомъ, какъ много сошлось людей смотрѣть, то подползъ такой же другой звѣрь, у котораго тотъ же орелъ отъѣлъ и совсѣмъ голову, что яко бы было уже явно всѣмъ".

1715 г. октября съ 20-го на 21-е число: „сновидѣніе. Море покрыто какъ лѣсомъ цвѣтетъ, на которомъ буеръ ходилъ в которомъ вакарбартъ і другава народа. Г. (государь?) в синемъ кафтанѣ потомъ другой буеръ пришолъ в которомъ левенъ-еръ оба хотѣли авантажъ нѣкоторой (чего не помнютъ) здѣлать, но не могли к чему звали і насъ, і какъ мы пришли то учинилось, а именно зелень густую отъѣхали отъ правава берега і к землѣ пристали" [1]).

---

[1]) Писано рукой Петра, также сохранилась и современная копія. Помѣта: „отдано въ 21 день октября 1721 г.", т. е. отдано въ кабинетъ для храненія.

1716 г. апрѣля на 24-й день, въ Гданскѣ: „видѣлъ государь сонъ, что у турокъ на барабанахъ были жемчуги".

1716 г. октября на 9-е число въ Копенгагенѣ: „видѣлъ его царское величество сонъ: яко бы онъ послалъ фельдъ-маршала Шереметева и велѣлъ оному съ войскомъ пройти мимо каланчей тихо, не нарушая съ турками мира. Но потомъ, когда самъ его царское величество къ каланчамъ приблизился, когда увидѣлъ ихъ, сдѣланныхъ хорошею архитектурою и украшенныхъ знаменами, и турки мечутъ съ нихъ знамена. И когда на одну изъ нихъ вшелъ, то показалось въ нихъ также гораздо убрано картинами и прочимъ, и увидѣлъ турковъ въ платьѣ разныхъ націй и говорятъ разными языки, между которыми и съ его величествомъ говорилъ одинъ по голландски; и убраны (турки) зѣло богато, въ сабляхъ и поясахъ съ каменьями разными, и было изъ нихъ нѣсколько побитыхъ. И началъ (государь) говорить фельдъ-маршалу, яко бы съ гнѣвомъ: для чего тѣ каланчи онъ взялъ и тѣмъ миръ съ турками разорвалъ? На что онъ (Шереметьевъ) сказалъ: для того, что турки добровольно ихъ не пропустили. На что онъ (государь) сказалъ: (такъ какъ), что они (турки) его безъ бою не пустили, и для того онъ принужденъ съ ними биться. Однако-же хотя бой и былъ, но немногихъ побилъ".

1716 г. ноября на 9-е число въ Шверинѣ: „видѣлъ его царское величество сонъ о туркахъ, яко бы оныхъ много видѣлъ въ Петербургѣ на лугу въ богатыхъ одеждахъ, въ томъ числѣ былъ и визирь, который, пришедъ къ его величеству, нѣчто говорилъ и рукою тогда держалъ..... [1]) за крыжъ [2]); также и прочіе (турки) за визиремъ слѣдовали въ сабляхъ же. И поясы, на которыхъ сабли, у многихъ богатыя каменьями вкладены, и послѣ визирь, также и другихъ (другіе), снявъ съ себя сабли съ тѣми богатыми поясами, отдали царскому величеству".

..... „Сонъ видѣлъ, тогда какъ въ Померанію вошли: что былъ (я) на галіотѣ, на которомъ мачты съ парусы были не по препорціи; на которомъ (галіотѣ) поѣхали и обратъ (т. е. бортомъ), его оборотило на бокъ и воды захлебнулось, съ котораго (га-

---

¹) Не разобрано,—кажется, „за саблю"....

²) Латинскій крестъ.

ліота) попадали и поплыли къ другому борту и оборотно къ дому и поле (полегоньку?) поѣхали и у себя приказалъ воду выливать....".

Попадись выписанные нами сны Петра I-го велерѣчивому Крекшину, трудолюбивому Голикову или красноглаголивому Н. А. Полевому—и мы бы по поводу этихъ сновъ имѣли удовольствіе прочитать не одну дюжину громкихъ фразъ съ восклицательными знаками: „воззрите, о благосклонный читатель, на ироя нашего? Великій духъ отца отечества бодрствуетъ и во снѣ!... И во снѣ, въ тѣ немногіе часы, когда преславный монархъ предавался отдохновенію отъ неизрѣченныхъ, громадныхъ трудовъ, геній его сражался съ турками, бралъ крѣпости, виталъ надъ морями, казнилъ крамольниковъ [1]). Великій преобразователь,—но что я говорю—безсмертный возродитель, создатель нынѣ преславной монархіи россійской,—о монархъ приснопамятный,—и со внѣ входитъ на недосягаемыя вершины! Державный работникъ — онъ самъ дѣлаетъ лыжи, наставляя и подвизая тѣмъ своихъ вѣрноподданныхъ, боготворящихъ его россіянъ, на трудъ непрестанный? Россіяне воз...." и т. п.

Но если въ нынѣшнее время не совсѣмъ ловко разразиться столь велелѣпными рѣчами, то что же вмѣсто нихъ можно сказать о курьезныхъ снахъ Петра I-го?—То, что и въ сонныхъ, безсвязныхъ видѣніяхъ, — видѣніяхъ, находившихъ можетъ быть послѣ хмѣльно законченнаго дня какой-нибудь попойкой-вечериной, и въ этихъ видѣніяхъ мы узнаемъ характеръ дѣятельности и постоянныхъ думъ Петра: катанья по водѣ... корабли... прилаживанье на нихъ парусовъ по препорціи... строгость наказанія какого-то... война... осада крѣпости... (эти каланчи напоминаютъ его Азовскіе походы)... плѣненіе визиря, столь досадившаго ему на берегахъ Прута, и проч... Всѣ эти обстоятельства, помимо ихъ фантастической обстановки, какъ бы выхвачены спящимъ Петромъ изъ думъ и стремленій Петра бодрствующаго...

Совсѣмъ другіе, но опять-таки не безъинтересныя видѣнія являются во снѣ его супругѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

„1719 г. января съ 13-го на 14-е число, такъ писалъ комнат-

---

[1]) На этотъ разъ крамольники разумѣлись бы въ Клокачовѣ, дерзнувшемъ предстать съ морщинами предъ царскія очи, за что и пронзенъ шпагою.

ный секретарь Екатерины, — ея величество государыня царица, передъ свѣтомъ на 14-е число, изволила видѣть сонъ, что яко бы въ огородѣ-какомъ [1]) у палатъ былъ прикованъ одинъ звѣрь, бѣлъ шерстью, на подобіе льва и зѣло сердитъ; на всѣхъ бросался и переѣлъ зубами у цуковой ея величества соловой лошади ногу. — Между тѣмъ же были въ огородѣ министры и множество людей. — И у женщинъ юбки или самары вѣтромъ подымало на головы; и были бѣлыя знамена, о которыхъ говорили, что (то) мирные знаки. — И кричалъ тотъ сердитый звѣрь часто: салдореѳъ! салдореѳъ! А другой такой же (звѣрь) ходилъ на волѣ на какомъ (то) будто дворѣ; только сей послѣдній (звѣрь) зѣло былъ ласковъ; у него же была корона на головѣ и въ коронѣ зажженыя три свѣчи; и оной ходилъ за его величествомъ и ласковъ къ нему былъ".

„1719 же года, января съ 14-го на 15-е число передъ утромъ, какъ значится изъ другой записки ея секретаря, — государыня царица (вновь) во снѣ слышала, что кричали вышеописанное слово: салдореѳъ!"... Весьма вѣроятно, что странное видѣніе звѣрей, „бѣлыхъ шерстью, бродящихъ въ какомъ-то огородѣ" — приснилось Екатеринѣ при воспоминаніи о бѣлыхъ медвѣдяхъ, стражей московскаго двора князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Екатеринѣ не разъ случалось видѣть, какъ медвѣди Ромодановскаго подносили гостямъ на золотомъ блюдѣ большой кубокъ водки; если кто отказывался отъ нея, медвѣдь вцѣплялся въ парикъ или въ волосы гостя, раздиралъ платье и вообще трепалъ нещадно, „своимъ обычаемъ". Этихъ медвѣдей, послѣ смерти Ѳ. Ю. Ромодановскаго, ихъ царскія величества вытребовали къ себѣ въ Петербургъ.

„Алексѣй Васильевичъ — государь!" писалъ по этому случаю къ кабинетъ-секретарю Макарову оберъ-фискалъ Нестеровъ... „по письму вашему къ ближнему стольнику, князю И. Ѳ. Ромодановскому, о присылкѣ медвѣдей съ учительми ихъ... два медвѣдя со учительми ихъ двумя человѣками, которые обрѣтались въ Москвѣ, при дворѣ его сіятельства, отправлены съ Мельгуновымъ 8-го февраля, и на ихъ кормъ, и на подводы, прогоны даны изъ преображенскаго приказу; а другихъ такихъ ученыхъ медвѣдей и учителей медвѣжьихъ по ихъ сказкамъ учителей, которые посланы изъ мясныхъ рядовъ ста-

---

[1]) Подъ словомъ огородъ разумѣлся садъ для гуляній.

ростъ и тѣхъ рядовъ купеческихъ людей въ Москвѣ нѣтъ. А его сіятельство кн. Иванъ Ѳедоровичъ отъ Москвы отлучился на Олонецъ къ водамъ 1720 г.“ [1]).

Говоря о снахъ ихъ царскихъ величествъ, вообще любопытно бы было прослѣдить, какія обстоятельства предшествовали имъ въ ближайшіе дни, такъ какъ зачастую содержаніе сновъ составляется подъ видѣніемъ недавнихъ происшествій, разговоровъ, понятій и размышленій; но мы оставляемъ другимъ толковать объ этомъ интересномъ предметѣ.

[1]) Государств. Архивъ, Каб. дѣла, полов. II-я, кн. XLVII, стр. 398.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ

1682—1725.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Примѣчаніе. Тщательно вновь провѣрено съ подлинными рукописями.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ.

...Отрѣшаемъ васъ отъ шумства и отъ кабаковъ, дабы не ходить!..

(Шут. посланіе князь-папы къ царю Петру).

Въ 1861 году, въ малораспространенномъ, хотя и весьма почтенномъ и интересномъ научно-литературномъ журналѣ „Свѣточъ“ (кн. IX) помѣщено было нами собраніе подлинныхъ документовъ, ярко освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ въ характерѣ Петра Великаго: его юморъ. Документы эти, сочиненные и собственноручно написанные Петромъ, суть шутливые обряды избранія и поставленія князь-папы, шутливыя возглашенія, грамоты, отписки, росписи церемоніаловъ, и т. п. Нынѣ дополнивъ это любопытное собраніе матеріаловъ вновь найденными, мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести всю статью изъ журнала, составляющаго едва-ли не библіографическую рѣдкость.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что въ настоящее время, когда взглядъ на дѣятельность и характеръ Петра Великаго вполнѣ выяснился, когда вновь открытые и обнародованные матеріалы устранили всякую односторонность въ сужденіяхъ о личности и царствованіи Петра, никто не заподозритъ насъ въ желаніи унизить этого величайшаго изъ монарховъ всей Европы XVII и XVIII вв. Никто, надѣемся, не осудитъ насъ за изданіе матеріаловъ, въ которыхъ все принадлежитъ самому Петру I, а потому, такъ или иначе, но есть достояніе исторіи и подлежитъ ея критикѣ. Если же сарказмъ шуточныхъ произведеній Петра Великаго бросаетъ темный свѣтъ на его забавы и развлеченія, то не нужно забывать, что Петръ, при всемъ своемъ геніи, былъ прежде всего человѣкомъ своего времени.

Широкій, грубый разгулъ, которому предавался Петръ среди своихъ „птенцовъ“-сподвижниковъ въ часъ отдыха послѣ всеобъемлющей дѣятельности,—этотъ разгулъ не долженъ насъ поражать. „Богатырскимъ силамъ,—скажемъ словами историка С. М. Соловьева,—соотвѣтствовали страсти, не умѣренныя правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ. Мы знаемъ, какъ могъ разнуздываться сильный человѣкъ въ древнемъ русскомъ обществѣ, не выработавшемъ должныхъ границъ каждой силѣ; могло-ли такое общество сдерживать страсти человѣка, стоявшаго на самомъ верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отозвалась совершенно справедливо о Петрѣ, что это былъ „очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной человѣкъ“... („Исторія Россіи въ эпоху преобразованія“. Соч. Соловьева, т. VI, Москва, 1868 г., стр. 259) [1]).

25-го мая 1872 г.

I.

Всепьянѣйшій соборъ.

Въ характерѣ великаго преобразователя Россіи, между прочими его особенностями, есть черта въ высшей степени интересная, рѣзкая, не ослабѣвавшая въ теченіи всей его жизни, и очень часто проявлявшаяся то въ письмѣ, то въ пиршествѣ, то въ какомъ нибудь маскарадѣ, то наконецъ въ цѣломъ учрежденіи.

Мы говоримъ про юморъ Петра Великаго.

На эту особенность никогда и никто не обращалъ надлежащаго вниманія; а между тѣмъ, кто не согласится, что для полнаго и яснаго представленія характера Петра нельзя обойти ту его сторону, которая служила для него источникомъ удовольствія и отрады.

Прослѣдить всѣ случаи, въ которыхъ проявился юморъ Петра, нѣтъ возможности; намъ пришлось бы пересмотрѣть массу его писемъ, записокъ государственныхъ и домашнихъ распоряженій. Въ громадной корреспонденціи Петра надо бы обратить особенное вниманіе на письма къ Ромодановскому. Сколько юмору во многихъ изъ нихъ, сколько насмѣшки злой и остроумной въ санѣ князь-кесаря,

[1]) Нѣкоторыя интересныя соображенія по поводу статьи нашей: „Петръ Великій какъ юмористъ“ см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1874 г. томъ XI, въ статьѣ покойнаго Ивана Носовича, стр. 734—739.

которымъ облечены были, одинъ за другимъ, оба Ромодановскіе! Въ лицѣ ихъ Петръ смѣялся надъ внѣшностью, надъ обстановкою, надъ атрибутами этого импровизированнаго имъ сана; князь-кесарю отводили первыя мѣста во всѣхъ церемоніяхъ, князь-кесарю отдавались особенныя почести, къ нему приближались иначе, съ нимъ не говорили, въ присутствіи его не сидѣли такъ, какъ говорятъ и сидятъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, однимъ словомъ, все, что Петръ находилъ въ своемъ царскомъ положеніи скучнаго, натянутаго — все предоставлялъ Ромодановскому; именуя себя „холопомъ и послѣднимъ рабомъ“ его, получая отъ него чины и повышенія, Петръ всю сущность власти удержалъ за собой. Ромодановскій, по одеждѣ, обычаямъ и роду своей жизни, былъ пародіей власти; это была подставная кукла, кукла весьма комичная. Но этого комизма не замѣчалъ онъ, не замѣчали и его окружающіе, мало замѣчали и потомки въ лицѣ писателей, останавливавшихъ свое вниманіе на личности князь-кесаря. Мы не говоримъ, чтобы Ромодановскій не имѣлъ власти, не имѣлъ другой дѣятельности, кромѣ постояннаго разыгрыванія невеселой роли государя, нѣтъ — ему предоставлена была значительная доля въ административномъ управленіи, еще бо́льшая доля въ совершеніи жестокостей, которыя, съ точки зрѣнія того вѣка, не должны поражать нынѣшняго изслѣдователя... А что за дѣятель былъ на отведенномъ ему полѣ князь Өедоръ Юрьевичъ! Въ поэтическомъ увлеченіи, въ какой-то восторженности отъ кнута и застѣнка онъ доходилъ до такого паөоса, что поражалъ усердіемъ даже самого Петра... Однажды государь рѣшился, наконецъ, намекнуть кесарю на то, что тотъ слишкомъ заработался.

— „Звѣрь! Долго-ль тебѣ людей жечь?... Перестань знаться съ Ивашкою (т. е. пьянствовать). Быть отъ него рожѣ драной!“

Впрочемъ, угроза какъ бы противъ воли сорвалась у Петра; спустя четыре дня (31 декабря), онъ вновь уже именуетъ себя и своихъ приближенныхъ: „холопами государскими“, и пишетъ къ князю-кесарю Ө. Ю. Ромодановскому почтительное письмо.

Внимательно разсматривая подобныя письма и вникая въ отношенія переписывавшихся, нельзя въ то же время не послушать устныхъ бесѣдъ, разсужденій и замѣчаній Петра на торжественныхъ обѣдахъ; прослѣдить за нимъ въ его разъѣздахъ по Россіи и Европѣ; отправиться на всевозможныя свадьбы, крестины, маленькіе и большіе балы-ассамблеи и тому подобныя увеселенія, не обхо-

дившіеся безъ его присутствія; нельзя не полюбоваться на него въ походахъ, на бивуакахъ, въ сраженіяхъ; мало того, заглянуть два—три раза въ застѣнокъ, либо осторожно выйти, вслѣдъ за нимъ, на мѣсто казни... Будьте увѣрены, что во всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ, обстоятельствахъ жизни Петра, при небольшой внимательности, вы найдете черты его юмора, его сарказма, не всегда удачныя, но всегда замѣчательно бойкія и своеобразныя.

Но не вдаваясь въ столь обширныя розысканія, мы прямо остановимся на „князь-папѣ" и его „сумасброднѣйшемъ, всешутѣйшемъ и всепьянѣйшемъ соборѣ". Это учрежденіе есть созданіе петровскаго юмора. Съ молодыхъ лѣтъ до конца своей жизни Петръ постоянно измѣнялъ его уставъ новыми добавленіями и всевозможными варіяціями; къ нему онъ обращался, когда хотѣлъ отпраздновать торжество побѣды, празднество мира, спускъ корабля, чье-нибудь тезоименитство, либо святки; къ нему же обращался въ черныя минуты, чтобъ разсѣяться, освѣжиться, стряхнуть съ себя тяжкія думы и государственныя заботы.

Шутливыя записки, инструкціи, уставъ для „всепьянѣйшаго собора", „чины", т. е. обряды избранія и поставленія новаго главы, либо новаго члена — все это Петръ сочинялъ, составлялъ и собственноручно писалъ—все до послѣдней замѣтки. Собраніе этихъ документовъ есть цѣлая литература юмористическаго содержанія,—матеріалъ, драгоцѣнный для знакомства съ духомъ времени, матеріалъ, необходимый для знакомства съ характеромъ Петра.

Но прежде, нежели станемъ перечитывать произведенія бойкаго (и кстати замѣтимъ—до крайности неразборчиваго) пера Петра Великаго, скажемъ нѣсколько словъ о времени основанія „сумасброднѣйшаго собора" и о его первомъ предсѣдателѣ.

Государь очень рано возложилъ этотъ шутовской санъ на дядьку и перваго воспитателя своего—Никиту Моисеевича Зотова.

Зотовъ былъ человѣкъ вполнѣ ему преданный. Служебное его положеніе состояло въ томъ, что онъ былъ начальникомъ ближней, походной канцеляріи государя и именовался: „Ближней совѣтникъ и ближней канцеляріи генералъ-президентъ". Старый опытный излагатель царской воли—Зотовъ далеко не пользовался такимъ значеніемъ, какъ молодой кабинетъ-секретарь Макаровъ, и былъ сановникъ ума недальняго. Досуги отъ возложенныхъ на него должностей Зотовъ „со всеусердіемъ" посвящалъ „служенію Бахусу и честному

обхожденію съ крѣпкими напитками"; этою особенностью своего характера „тайный совѣтникъ" Зотовъ пріобрѣлъ званіе князь-папы, т. е. главы самыхъ отборныхъ пьяницъ и обжоръ.

Уже въ 1690-хъ годахъ государь въ письмахъ своихъ зачастую посылаетъ поклоны „всешутѣйшему", и всешутѣйшій рано начинаетъ „благословлять" одну изъ овецъ своей паствы. „Геру протодіакону П. А. (т. е. Петру Алексѣевичу), пишетъ Зотовъ 23-го февраля 1697 года,—со всею компаніею посылаю миръ и благословеніе!"

Титулъ протодьякона, а еще болѣе слѣдующее письмо Зотова показываетъ, что уже въ эти годы „соборъ всешутѣйшаго" сформировался и получилъ тотъ видъ и назначеніе, которые не измѣнялись до конца дней одного за другимъ опочившихъ отъ многопитія членовъ „шумнаго собора".

„23-го февраля 1697 года. Нашего смиренія сослужителю, геру протодіакону П. А. со всею компаніею о Господѣ здравствовати! Благодарствую вашей любви за возвѣщеніе путешествія вашего (за границей) при добромъ здравіи (о чемъ увѣдомленъ отъ азовскаго владыки), и впредь о семъ намъ вѣдомо чините. Зѣло удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, т. е. масляницу, за товарища приняли, не взявъ у насъ о томъ свободы; только вѣдайте: есть при ней иные товарищи Ивашка (т. е. пьянство) и Еремка (распутство), и вы отъ нихъ опаситесь, чтобъ они васъ отъ дѣла не отволокли; а мы ихъ дружбу знаемъ больше вашего. Сего числа поѣхали къ вамъ иподдіаконы Готовцевъ и Бехтѣевъ, съ которыми наказано отъ насъ подати вамъ словесно миръ и благословеніе; а масляницу и товарищевъ ея отлучати: понеже при трудѣхъ такіе товарищи непотребны; а къ симъ посланнымъ нашимъ иподдіаконамъ будьте благопріятны. При семъ миръ Божій да будетъ съ вами, а нашего смиренія благословеніе съ вами есть и будетъ. Smirenni Anikit власною рукою".

Съ этого времени переписка смиреннаго Никиты съ Петромъ, не всегда смиреннымъ, велась большею частію въ одномъ и томъже родѣ, въ одномъ и томъ-же тонѣ; самыя остроты всешутѣйшаго зачастую цѣликомъ повторялись въ письмахъ различныхъ годовъ. Изъ нихъ видно, что годъ отъ году іерархія всепьянѣйшаго увеличивалась новыми чинами; онъ имѣлъ достойныхъ сотоварищей; достойнѣйшіе изъ нихъ носили званіе „владыкъ" различныхъ городовъ; ихъ окружали протодіаконы, діаконы и прочіе мелкіе чины...

Занятый въ обыкновенные дни различными дѣлами, всешутѣйшій соборъ только въ праздники и въ особенно торжественные дни являлся въ полномъ своемъ блескѣ.

Такъ, напримѣръ, въ извѣстной свадьбѣ царскаго шута, Шанскаго, въ 1702 году, соборъ былъ въ полномъ сборѣ. Свадьба совершена была съ выполненіемъ мельчайшихъ обычаевъ старины; опаивали между прочимъ горячимъ виномъ, пивомъ и медомъ съ неотступными просьбами и поклонами. „Ваши предки, шутилъ Петръ, обращаясь къ поборникамъ старины, употребляли эти напитки, а старинные обычаи всегда лучше новыхъ" и т. п. [1]).

Главныя роли въ сатирическомъ спектаклѣ Петръ предоставилъ князю Ромодановскому и Никитѣ Зотову. Первый былъ въ одѣяніи

---

[1]) Исторія Петра I, изд. въ Венеціи, перевед. въ Спб., ч. I, л. 268. Въ моей библіотекѣ есть современная интересная гравюра, изображающая эту свадьбу. На ней изображенъ пиръ въ большой двухъ свѣтлой залѣ, съ восемью зеркалами, большою люстрою посреди, изразцовою печкою въ лѣвомъ углу и большимъ образомъ распятія въ правомъ. Десять столовъ уставлены въ четыре линіи покоемъ; за отдѣльнымъ столомъ на возвышеніи, въ глубинѣ зала, сидятъ именитѣйшія лица. Каждый столъ пронумерованъ и внизу, подъ соотвѣтствующимъ нумеромъ, мы находимъ слѣдующія объясненія: „Описаніе свадьбы остроумнолютнаго Ѳеофилакта Шанскаго, который державнѣйшаго великаго монарха многоутѣшный шутъ, смѣхотворецъ; бывшей (т. е. свадьбы) 1702 г., февраля въ 1-й день, въ палатѣ бывшаго господина генерала Франца Лефорта: 1) Столъ, при которомъ сидятъ въ облаченіи, подобно монаршескаго, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. При нихъ-же (съ лѣвой стороны), въ видѣ патріарха, Никита Моисѣевичъ Зотовъ. 2) При семъ столѣ: новобрачный Ѳеофилактъ Шанскій. Царевичи Сибирскій, Касимовскій, да Тимоха. 3) При семъ столѣ ближніе боляра, гетманъ, офицеры морскіе и земные, между которыми и самодержавнѣйшій монархъ. 4) Гдѣ сидятъ иноземцы торговые. 5) Гдѣ сидятъ окольничіе, думные дворяне и дьяки. 6) Гдѣ сидятъ дьяки, гости и иныхъ торговыхъ чиновъ люди. 7) Гдѣ сидятъ разныхъ чиновъ люди. 8) Гдѣ сидятъ дворовые люди. 9) Средь палаты пѣвчіе державнѣйшаго государя поютъ. 10) Поставъ съ серебрянной и золотой посудой".

Пирующихъ насчитывается болѣе 300 фигуръ съ прислугой, которая суетливо подаетъ кушанье. Фигуры сдѣланы очень грубо,—за портретнымъ сходствомъ художникъ не гнался; по строгій исторической истинѣ событія, представилъ почти всѣхъ въ монашескихъ платьяхъ, съ капишонами, откинутыми назадъ, но безъ клобуковъ. Столы покрыты яствами, высокими кубками съ виномъ и громадными канделябрами съ зажженными свѣчами; на первомъ планѣ можно отличить какую-то, должно-быть, важную особу, которая нещадно деретъ за вихры брата-послушника—слугу, вѣроятно за нерасторопность. Женихъ-карликъ чинно сидитъ за столомъ на правой сторонѣ, какъ объяснено подъ вторымъ нумеромъ.

Петръ I, устраивая это забавное торжество всенародно, въ то же время

русскаго царя XVII вѣка, послѣдній—въ облаченіи патріарха [1]). Это сопоставленіе двухъ именитыхъ лицъ въ двухъ различныхъ роляхъ вполнѣ подтверждаетъ намъ, что титулъ князь-кесаря былъ приданъ Ромодановскому не столько изъ уваженія, какъ это увѣряютъ позднѣйшіе писатели, сколько изъ шутовства, ради насмѣшки; но съ княземъ шутить было опасно, смѣяться надъ его званіемъ и разсуждать о его значеніи мало кто рѣшался, и вотъ почему въ письмахъ, реляціяхъ и всевозможныхъ форменныхъ бумагахъ, либо о немъ, либо къ нему писанныхъ, мы нигдѣ не видимъ какой-либо остроты надъ его званіемъ, и только два-три слова, да общій тонъ нѣкоторыхъ къ нему писемъ Петра разоблачаютъ предъ нами настоящее значеніе сего званія.

Что касается до Зотова, то къ нему относились смѣлѣе; царскіе любимцы позволяли себѣ иногда шутить надъ нимъ, хотя не безъ риску, ибо, если въ вѣдѣніи Зотова не было застѣнка, въ рукахъ кнута, а на дворѣ медвѣдей, готовыхъ, по мановенію господина, помять дерзкаго (какъ это было при Ромодановскомъ) [2]), то за нимъ была власть опоить или не опоить лицо, его прогнѣвившее.

Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Неплюевъ, хорошо знавшій Зотова. Полковникъ Блеклый имѣлъ съ князь-папой тяжбу, рѣшалась она въ сенатѣ. Блеклый былъ правъ; Яковъ Долгоруковъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но, вопреки данному имъ слову, Блеклый былъ обвиненъ, и между прочими сенаторами, подписавшими неправый приговоръ, былъ Яковъ Долгоруковъ. Это обстоятельство поразило Блеклаго. Онъ съ негодованіемъ жаловался всѣмъ и каждому на такой странный поступокъ. „Что ты правъ, то я вновь повторяю, говорилъ Долгоруковъ, и совѣтую подать аппеляцію на сенатское рѣшеніе, а на меня челобитную къ государю".

Блеклый такъ и сдѣлалъ. Государь разсмотрѣлъ тяжбу и нашелъ, что челобитчикъ правъ. Призываютъ кн. Долгорукова. Петръ спрашиваетъ: какъ онъ могъ подписать такое рѣшеніе? „Блеклый правъ, а Зотовъ виноватъ,—вновь повторилъ правдивый сенаторъ,—

печатаніемъ гравюры давалъ возможность всѣмъ отдаленнѣйшимъ жителямъ Россіи познакомиться съ юмористической затѣей. Въ соотвѣтствіе этой гравюры есть другая: шутовской обѣдъ въ другой залѣ того же дома женщинъ

[1]) Послѣдній патріархъ Адріанъ скончался незадолго до этого: 16 ноября 1701 года.

[2]) О пересылкѣ его ученыхъ медвѣдей въ Спб. въ моихъ бумагахъ есть документъ 1720 г.

но сильная рука Зотова превозмогла; нынѣ наступили святки, а онъ брата моего, по злобѣ на него, уже опоилъ [1]), то если бы я обвинилъ Зотова, мнѣ предстояла бы та же участь. А какъ ты, государь, заключилъ водкобоязливый сановникъ, передѣлаешь и насъ обвинишь, такъ не на кого будетъ и сердиться Зотову"...

Этотъ владыка мощный, между прочими титулами, носилъ званіе всесвятѣйшаго. „Мы здѣсь, пишетъ государь въ 1705 г. изъ Митавы къ Головину, великое несчастіе имѣемъ, понеже господинъ Леингоптъ, яко Нарцисъ отъ Эхо, отъ насъ удаляется. Пожалуй, поклонъ отдай всесвятѣйшему и прочимъ, за котораго благословеніе всѣ до лица земли челомъ колотимъ, или бьемъ".

Отъ военныхъ бурь, походовъ и непріятностей бивуачной жизни, государь, при первомъ досугѣ, спѣшилъ отдохнуть въ лонѣ любимаго собора; такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Головину изъ Минска, отъ 12-го марта 1706 г., дѣлая распоряженія о присылкѣ въ порубежный городъ Великія Луки желѣзныхъ пушекъ, дробовиковъ, ядеръ и дроби, государь тутъ же отмѣчаетъ: „пожалуй, доложи, паче же побей челомъ, чтобы всесвятѣйшій (Зотовъ) изволилъ конечно къ празднику быть въ Нарву и съ собою взялъ (владыкъ) Казанскаго и Муспна (Пушкина); тако-жъ изволь имъ придать Гаврилу Меншикова, чтобъ скорѣе ѣхали, и конечно къ празднику стали въ Нарву".

Скучалъ государь безъ собора, скучалъ и соборъ, въ лицѣ своихъ шуточныхъ представителей, безъ шумнѣйшаго протодьякона.

„Прелюбезнѣйшему сыну нашему и сослужителю нашея мѣрности, протодіакону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!—такъ писалъ Петръ Бутурлинъ государю.

„Понеже мы веселимся въ Санктъ питербургѣ, однако-же мы имѣемъ печаль великую, что вашу святость не имѣемъ при себѣ въ милости, а коли-бъ милость ваша и святость нашей епархіи была персона при насъ, веліе-бы веселіе.

„Пожалуй, отдай благословеніе отъ меня всешутѣйшему Киръ... Никитѣ пресбурскому [2]), за яускому отъ великихъ Мытищъ и до... патріарху и всему сумасбродному собору.

---

[1]) Дѣянія Петра I-го, изд. 1843 г., т. XV, стр. 124—125.

[2]) Пресбургъ, бывшій въ 1691 году стольнымъ градомъ Ромодановскаго, былъ не что иное, какъ земляное укрѣпленіе, сооруженное Петромъ близъ Преображенскаго села, подъ Москвою, для его юношескихъ военныхъ потѣхъ.

„Смиренный, царствующее и великого града Санктъ питербурха, ижерской и кроншлотской Инъерманландіи, митрополитъ Петро... благословеніе посылаю".

(На оборотѣ: господину протодіякону Петру Михайлову).

Петербургскимъ владыкою съ 1706 до 1717 года былъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ († 23 авг. 1723 г.). Этотъ сановитый и престарѣлый бояринъ принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ фамилій въ Россіи. Его близкій родственникъ, Петръ Васильевичъ Бутурлинъ, женатый на Анисьѣ Михайловнѣ Самариной, былъ окольничьимъ († 1716 г.), братъ палъ въ 1708 г. въ сраженіи подъ Лѣснымъ, въ чинѣ капитана гвардіи; его родные племянники были любимцы Великаго Петра: изъ нихъ Иванъ Ивановичъ, генералъ-аншефъ и гвардіи подполковникъ, заявилъ себя какъ искусный военачальникъ и суровый членъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи; другой, Александръ Борисовичъ — красивый, расторопный деньщикъ Петра, приближенное лицо къ цесаревнѣ Елисаветѣ, былъ впослѣдствіи графъ, фельдмаршалъ и противникъ Фридриха Великаго. Двадцать девять Бутурлиныхъ въ 1699 году были богатыми помѣщиками.

Итакъ, на сторонѣ Петра Ивановича Бутурлина были: знатность рода, богатство, большія связи — и все это не спасло его, какъ жаркаго поклонника Бахуса, отъ ближайшаго участія въ „всепьянѣйшемъ соборѣ"; да и не видать, чтобы онъ тяготился своимъ избраніемъ; напротивъ, изъ его писемъ видно полное довольство. Рано начавъ службу въ свитѣ всешутѣйшаго, онъ довольно быстро подвигался по іерархической лѣстницѣ шутовскихъ чиновъ. Мы встрѣчаемъ его въ 1702 году на потѣшной свадьбѣ князя Шанскаго; встрѣчаемъ здѣсь и супругу его въ костюмѣ русской царицы стараго времени [1]); затѣмъ ни одно торжество, т. е. ни одно пьянство не обходится безъ его участія. Съ основаніемъ Петербурга государь далъ ему большее назначеніе, сдѣлалъ его, впрочемъ отъ лица собора и предсѣдателя, „владыкой" новаго города. Въ Петербургѣ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ окружилъ себя новыми членами: то были, по большей части, лица знатныя — по происхожденію, бо-

---

[1]) Эта шутиха-царица со всѣмъ синклитомъ женскимъ изображена, по повелѣнію царя Петра, на особой большой гравюрѣ, 1702 г. См. примѣч. выше.

гатыя—по состоянію, вѣчно пьяные — по душевной склонности и царскому назначенію.

Чадолюбивый пастырь довольно часто извѣщалъ государя о себѣ и о своемъ соборѣ.

„Сыну нашему и сослужителю, любезнѣйшему протодьякону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!

„Понеже мы просимъ васъ, дабы приказали отписать о своей святости до насъ, чего желаемъ повсячасно слышать, повторяе просимъ отдать отъ насъ поклонъ брату моему, всешутѣйшему князь-папѣ и духовнику Козмѣ, архидіякону Гедеону и всему шумному собору. При семъ азъ, смиренный, царствующаго и великого града Санктъ-Питербурха, митрополитъ Петро... благословеніе посылаю. Изъ Санктъ-Питербурха, дня 19-го іюля" (годъ не означенъ).

Государь милостиво отвѣчалъ Бутурлину, и тотъ спѣшилъ благодарить за вниманіе, при чемъ давалъ отчетъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, не совсѣмъ для насъ понятныхъ, такъ какъ мы не отыскали еще всей коллекціи его писемъ:

„Сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе и молитвы моеи да будутъ вамъ!

„Благодарство за твое писаніе, изъ котораго выразумѣли, что скорое къ намъ пришествіе твое не будетъ; о семъ много имѣю печаль. Разумѣю же, что нѣсть вашего желанія къ намъ; причину показуешь намъ непріятнаго сосѣда (Карла XII), могъ бы, ваша милость, чрезъ другихъ удовольствовать сосѣду возданіе за его дѣло. Мы же долготерпѣливы суще, еще никакого на кельи, и сады, и фонтанахъ (нападенія) не учинимъ. Аще ли же не имѣете нужды, коя бы возбранила прибытію къ нимъ, то сотворимъ, еже писахъ въ первомъ письмѣ; алеутовыхъ внучатахъ, по прошенію ризничаго, учинимъ (?).

„Прошу вашего велебность, господине протодьяконъ, буди помощникъ и заступникъ, и обо мнѣ челобитчикъ всешутѣйшему патріарху, которой крестьянинъ мой сбѣжалъ и получилъ монашескій чинъ, а нынѣ уже митрополитъ Казанской[1]), прошу дабы по правиломъ отданъ былъ во крестьянство по прежнему. Смиренный Пе-

[1]) Эта просьба была не болѣе какъ шутка, а владыка Казанскій—ни кто иной, какъ одинъ изъ подчиненныхъ Бутурлину, членъ спб. пьянаго собора.

тро... Ижерской и Санкъпитербурской. Съ Москвы января въ 5 д. 1709 года“.

Годъ, означенный на посланіи, краснорѣчиво указываетъ на то, что даже во время войны съ Карломъ XII, въ борьбѣ тяжкой и упорной, когда всей Россіи грозила большая опасность, Петръ не измѣнялъ своему характеру.

Почти стоя предъ врагомъ, онъ обращаетъ взоръ къ пьянымъ отцамъ, отвѣчаетъ на ихъ письма и весело пробѣгаетъ ихъ курьезныя посланія. Отвѣчать однако на нихъ часто не позволяло время, не позволяли тяжкіе труды; тогда Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, пародируя папскія отлученія отъ церкви, посылалъ Петру за его молчаніе грозную грамоту:

„Отъ прешутѣйшаго и отъ пьянѣйшаго, отъ Петру... митрополита великого царствующаго града Санктпитербурха и Эрмоландіи, и всѣхъ принадлежащихъ городовъ, любезнѣйшему нашему сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе наше есть и будетъ съ вами! Послана отъ насъ къ вамъ грамата и по той грамотѣ мы отъ васъ письма не получили, и за то отрѣшаемъ васъ отъ шумства и отъ кабаковъ, дабы не ходить. А объ насъ изволишь вѣдать, и мы въ частыхъ трудахъ во всенешной пребываемъ; а паче печалимся, что васъ при себѣ не имѣемъ. Пожалуй, отдай поклонъ брату моему меньшому всешутѣйшему Киръ... князь-папѣ Аникитѣ и духовнику Козьмѣ, и архидіакону Гедеону, и дьякономъ Александру, и Кіевскому Гаврилу, и Санктъ-Питербурскому дьякону Василью. При семъ смиренный царствующаго и великого града митрополитъ Петро... и со служительми, миръ и благословеніе посылаю. Сентября въ 20-й день“.

Грамота отлучительная скрѣплена красною вензелевою печатью и для полноты шутки писана на большомъ листѣ.

Случалось (да и не рѣдко) петербургскому владыкѣ провиниться; тогда онъ просилъ у „отлученнаго“ прощенія и заступничества, причемъ облекалъ свою просьбу въ грубую форму тогдашней юмористики.

„1708-го февраля въ 15 день. Преосвященный Петро..., карчага провинился въ томъ, что противъ своего обѣщанія, уже въ другой рядъ занялъ дворъ, противъ указу, и нынѣ въ томъ проситъ прощенія, съ такимъ закладомъ: ежели паки также провинитца, то отдаетъ онъ въ послуженіе, на нѣсколько времени, во

всякую волю жену свою Аксинью Михайловну[1]), которую предъ тѣмъ въ крайнемъ угожденіи имѣлъ околничей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, не смотря на то, что она ему невѣска была. Петръ Бутурлинъ".

†

„Нашія высокопочтенныя мѣрности: сыну и сослужителю, священно-протодіакону, всероссійскому императору, непобѣдимому Августу, великому государю, царю Петру Алексѣевичу и всему его христолюбивому воинству, обоихъ путей, какъ преславному флоту морскому, такъ и сухопутной арміи, отъ всемогущаго Бога, мира, здравія многолѣтнаго, со пріумноженіемъ всякихъ благъ, всеусердно желаемъ, и наше благословеніе преподаемъ.

„Сего настоящаго сентября 21-го дня, отъ вашего величества, за подписаніемъ собственныя вашея руки, получили мы писаніе, и отмѣнное намъ неизреченныя радости о благополучной побѣдѣ на враговъ и о взятіи преславнаго града Абова, со всею финскою провинціею; о чемъ радостными душами Господа Бога молимъ, дабы и впредь оружіе ваше благословилъ, и на враги ваша побѣду даровалъ; и сею викторіею васъ поздравляемъ.

„А отъ великія радости, за преумножительные ваши воинственные труды, кую вамъ хвалу принесемъ? понеже ваше дѣло превосходитъ всякаго разума; но токмо едино совокупно со святою церковію, еже поютъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, и мы торжествуемъ днесь спасеніе міру, яко всероссійскому народу, воскреси Христосъ, и нынѣ даруетъ всякихъ благъ исполненіе свободное и отъ враговъ нашихъ безстрашное житіе.

---

[1]) П. П. Бутурлинъ женатъ былъ впослѣдствіи на графинѣ Аннѣ Еремѣевнѣ Зотовой, рожденной Пашковой (Род. кн., ч. 2, стр. 158); но кто была упомянутая здѣсь Аксинья Михайловна, была-ли она первая жена Бутурлина, или онъ въ шутку ее называетъ женой — неизвѣстно. Нашъ вопросъ (1861 и 1872 гг.) получилъ отвѣтъ въ томъ же 1872 г. отъ Петра Θеодоровича Самарина; Аксинья Михайловна Самарина была замужемъ за окольничимъ Петромъ Васильевичемъ Бутурлинымъ († 1716 г.). Князь-папа въ шутку называлъ Аксинью Михайловну своею женою. „Аристократка"—Аксинья Михайловна грамоты однако не знала; въ первомъ бракѣ она была замужемъ за Ив. Ив. Чаадаевымъ. См. „Русскую Старину" изд. 1872 г., т. VI, стр. 559—560.

„При семъ просимъ и благонадежно ваше величество, и все воинство молимъ, для сей великой радости сотворите, яко же и мы сотворихомъ, чашу спасенія душевнаго и тѣлеснаго пріимите и имя Господне призовите; потомъ, утѣшенія ради, употребите по немалой красовулѣ отъ приключившагося питія, и нашего смиренія не забывайте. За сіе и паки, благодаря Господа Бога, миръ и благословеніе всѣмъ вамъ преподаемъ. Smirennui Anikit, властною рукою“.

„Изъ Москвы, сентября 22-го дня, 1713 г.“.

На оборотѣ: „Всемилостив. государю, его царскому величеству“.

Читатель приведенныхъ документовъ, можетъ быть, замѣтитъ, что въ нихъ не видать собственно петровскаго юмора; всѣ эти письма не его руки, не его сочиненія; такъ, но они писаны въ духѣ и тонѣ Петровомъ, и, какъ ниже увидимъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначальная форма посланій Бутурлина и графа (съ 1710 г.) Зотова съ товарищи указана самимъ Петромъ; такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, имѣя предъ собой цѣлый рядъ шуточныхъ объявленій и посланій, которыя составлялись отъ лица князь-папы, но всегда съ черновыхъ, собственноручныхъ писемъ великаго государя.

Кромѣ того, одинъ взглядъ на письма Бутурлина достаточно показываетъ, что ихъ изложеніе, манера писавшихъ, вступленіе и заключеніе есть ни что иное, какъ пародія на русско-старинныя грамоты, разсылавшіяся отъ различныхъ лицъ; подобную форму писемъ Бутурлинъ съ товарищи не иначе могли взять, какъ по указанію, либо изъ угожденія государю.

А юморъ Петра проявлялся не въ одной только перепискѣ. Онъ заявлялъ себя въ поступкахъ громадныхъ и всенародныхъ. Къ числу подобныхъ проявленій Петрова юмора мы относимъ свадьбу князь-папы.

Къ этой свадьбѣ подалъ поводъ старикъ графъ Зотовъ тѣмъ, что вздумалъ отпроситься въ Москву съ цѣлію поступить въ монастырь. Петръ, вмѣсто этого, указалъ ему въ Москвѣ выбрать жену,— 70-ти лѣтній старикъ былъ вдовъ. „Генералу-президенту Ближней канцеляріи“ и верховному жрецу Бахуса любо показалось это предложеніе, и онъ поспѣшилъ обратиться къ государю съ слѣдующимъ письмомъ:

†

„Премногомилостивый государь, царь Петръ Алексѣевичъ! Доношу вашему величеству, яко самому Богу: получилъ я отъ вашихъ государскихъ устъ изволеніе ваше со утвержденіемъ истиннымъ, что въ монастырь меня отпускать и монахомъ быть не изволите; а указалъ мнѣ, для домоваго осмотрѣнія, имѣть въ супружествѣ жену, избравъ добрую, средовѣчную, дабы старость мою покоила; и нынѣ, по вашему царскому милостивому призрѣнію, для покоя старости моей, указано мнѣ пожить на Москвѣ до зимняго пути, а если, государь, въ сихъ числахъ обрящется жена, къ супружеству моему годная, позволь, милостивый нашъ государь, мнѣ здѣсь въ Москвѣ супружество принять не разглашательное, и отъ разбивки злыхъ человѣкъ петербургскимъ жителямъ сокровенное; а впредь, государь, мнѣ къ тому такого удобнаго времени не получить; а въ пріѣздѣ, государь, нашемъ въ Петербургъ, какую изволишь для увеселенія вашего государскаго публику учинить, то радостною охотою васъ, государя, тѣшить готовъ, только-бъ бабу супружествомъ изъ Москвы уволочь, а безъ того никакая вдова съ женихомъ безъ супружества ѣхать не похочетъ, по замерзѣлому своему стыду.

„Сіе все да будетъ въ волѣ вашей государской, о семъ прошу вашего царскаго милостиваго извѣстія. При семъ благонадежно пребываю, и миръ и благословеніе вамъ преподаю. Smirennыi Anikit, властною рукою“.

„Изъ Москвы, октября 2-го дня 1713 г.“

„Пожалуй, государь, прикажи сына моего Конона отпустить къ Москвѣ для свиданія съ братомъ его, Иваномъ, на одрѣ смертномъ лежаща, также и платьишкомъ обносился, дабы вновь что сдѣлать, и чтобъ меня засталъ на Москвѣ“.

На оборотѣ: „Великому государю, его царскому величеству“.

Свадьба была совершена въ 1715 году; мы не станемъ передавать ея подробностей, такъ какъ у Голикова напечатано довольно обстоятельное ея описаніе [1]); но нельзя не упомянуть объ этой интересной церемоніи.

[1]) Дѣянія Петра, изд. 1843 г., т. VI, стр. 277—290. Мы сочли не безъинтереснымъ перепечатать въ прилож. (№ 1) разсказъ Голикова, основанный на подлинныхъ документахъ.

Приготовленія къ ней начались еще въ сентябрѣ 1714 года.... Но здѣсь необходимо остановиться на слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ. У Зотова отъ перваго брака были дѣти; изъ нихъ старшій сынъ, Кононъ Никитичъ, съ отличіемъ служилъ капитанъ-лейтенантомъ и исполнялъ многія важныя порученія государя. Свѣдавъ про предстоявшую шутовскую свадьбу отца, Кононъ Зотовъ глубоко огорчился. Устрашила-ли его мысль, что отъ новаго брака могутъ быть дѣти, которыя оттѣснятъ его и брата Ивана отъ отцовскаго наслѣдства; быть можетъ обидѣло его и поруганіе, на которое, впрочемъ, мы какъ видѣли, самъ старикъ Зотовъ напрашивался. Какъ бы то ни было, но Кононъ Никитичъ ударилъ государю слѣдующимъ челобитьемъ:

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Смѣлости иже пріемлю въ приношеніи сего, не есть иная причина, только единое упованіе въ премилостивое призрѣніе вашего величества, яко суще образъ Божій, видимъ его неизмѣнно свѣтящася божескими добродѣтельми.

„Умилосердись, государь! предвари искушенію діавольскому, и хотящей намъ быти наглой напасти: подлежитъ убо сіе вашей премудрости и милости. Такимъ-ли вѣнцомъ пристоитъ короновать конецъ своей жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой чрезъ искушеніе? Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трехъ вещей возмердѣ его совѣсть, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть предъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслу. По сей пунктъ отдаю послѣдній мой сыновской долгъ, душевнымъ плачемъ моля ваше величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному о себѣ расположенію.

„А что я вмѣняю себѣ въ напасть, и то есть, что онъ такъ долго не можетъ жить, какъ бы еще могъ безъ сей женитьбы продлить свою жизнь. Я въ его здоровьѣ оной (мачихѣ) весьма не вѣрю, но чаю, что, польстя себя наслѣдствомъ по смерть его всего, получити свободу, какъ можно будетъ радѣть; есть бо противъ натуры желающему съ недовольствуемымъ жить: крайняя же моя погибель, что я отъ него ничего не имѣю, во опредѣленіе къ моей грядущей въ службѣ вашей жизни; конечно еще я вѣрю, что она для того идетъ въ замужество, чтобъ ей насъ, дѣтей его, лишить отъ Бога и отъ васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства, которымъ вы удостоили отца нашего, чая по немъ отъ насъ заслуги;

для покоя старости его довольно будетъ, если укажетъ ваше величество брату моему, Ивану, быть при немъ, который такъ долгое время за его же волю коснѣлъ, и милости вашей былъ удаленъ; однако нынѣ; изволитъ говорить намъ отецъ нашъ: „я бы и радъ отречься моей женитьбы; но не смѣю царское величество прогнѣвать, столько-де старцовъ собрано для меня, и платья надѣлано“. Все сіе разсудя, помилуй и его старость, и насъ сиротъ, которыхъ такъ долгое время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ, хотя нынѣ одинъ изъ насъ и обнесенъ предъ вашимъ величествомъ, что надлежитъ до его настоящаго дѣла; понеже въ прочемъ предъ Богомъ и предъ вами, кто постоитъ или оправданъ можетъ быть, аще вся беззаконія наша назрите. А когда уже сему положено быть непремѣнно, то можешь показать Богоподобное милосердіе, приказать отцу нашему закрѣпить старую духовную, и пункты къ нашему равноразздѣленному и безвраждебному житію. Онъ изволитъ говорить, что „я-де васъ не оставлю“, однако тому не вѣримъ, ибо онъ же говорилъ: „когда-де вы чрезъ волю мою по своему желанію производитесь, то вамъ такова чорта на шею навяжу, что вы своему животу не будете рады“.

„Я надѣюсь, что ваше величество не въ той образъ нашу фамилію милостиво призрѣлъ, дабы мы отъ пришедшія внезапу утѣснены и разорены были. А сію прискорбность держалъ на сердцѣ моемъ такъ долго, какъ могъ, не хотя быть въ лицѣ навѣтниковъ отцу моему, а нынѣ крайняя нужда и видимая напасть принуждаетъ тако дерзать предъ вашимъ величествомъ прямою совѣстію, яко предъ самимъ Богомъ, усмотрѣвая весьма, что онъ женится нарочно для особливаго, намъ невѣдомаго его (аще и неповинны), немилосердія. Не прогнѣвайся, государь, что такъ дерзнулъ трудить ваше величество; помысли, государь, яко кійждо имать ожидать милосердіе отъ трехъ, отъ Бога, отъ царя, и отъ отца. Нынѣ отецъ меня, близко того, что оставляетъ; вы, государь, призрите, хотя и не заслужилъ вашего милосердія, но помилуй яко Богоподражательный царь. Его-жъ величества есмь вѣчный рабъ Кононъ Зотовъ“.

„Спб., 14 генваря 1715 года“.

Слезное моленіе Конона Зотова осталось неуслышаннымъ. Приготовленія къ свадьбѣ продолжались безостановочно.

Еще въ декабрѣ государь сдѣлалъ смотръ всѣмъ лицамъ, назначеннымъ въ свадебный маскарадъ, т. е. осматривалъ ихъ курьезныя

платья, экипажи и проч. Все до послѣдней мелочи было назначено самимъ Петромъ; по его повелѣнію, именитѣйшія лица, начиная съ его супруги до послѣдняго деньщика, всѣ должны были принять участіе въ потѣхѣ. Въ рукахъ у каждаго былъ какой-нибудь инструментъ: гудокъ, балалайка, мѣдныя тарелки, колокольчики, скрипицы, собачьи свистки, охотничьи дудочки, варганы, трещотки, пузыри съ горохомъ и т. п. Въ числѣ „дамскихъ персонъ" была „архіерейша" Бутурлина въ нагольной шубѣ и лѣтникѣ; князь-игуменья Ржевская—въ шубѣ и тѣлогрѣѣ. Приглашеніе гостей предоставлено было отборнѣйшимъ заикамъ и совершалось по особому объявленію, составленному самимъ Петромъ. Въ этомъ документѣ [1]) много юмору; но большая часть саркастическихъ выходокъ теперь непонятна, такъ какъ неизвѣстны лица, противъ которыхъ онѣ направлены.

Молодые только по роли, а не по возрасту, были обвѣнчаны въ Архангельскомъ соборѣ девяностолѣтнимъ священникомъ. Въ храмъ и изъ храма процессія шла съ музыкою; къ дикимъ звукамъ свистковъ, гудковъ, тарелокъ и. т. п. инструментовъ присоединялся колокольный звонъ всѣхъ церквей. Почти весь январь 1715 года проведенъ былъ въ пиршествахъ, въ церемоніальныхъ прогулкахъ по улицамъ столицы, въ выполненіи всевозможныхъ смѣшныхъ церемоній, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ I былъ неистощимъ. Безчисленныя толпы народа тѣснились по улицамъ и площадямъ московскимъ; чернь, щедро угощаемая виномъ да пивомъ, по словамъ Голикова: „толико уважавшая достоинство патріарха, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялась насчетъ онаго" (Изд. 1843 г., т. VI, стр. 289).

Если-бъ можно было перенестись въ эту толпу, побродить между зрителями, мы бы услышали, безъ сомнѣнія, не одинъ смѣхъ, не одно глумленіе. Нѣтъ! русскій простолюдинъ не могъ такъ скоро оторваться отъ завѣтныхъ преданій, не могъ такъ быстро отказаться отъ привычнаго уваженія патріарха, чтобы сочувствовать странной и не совсѣмъ понятной насмѣшкѣ надъ нимъ; были, вѣроятно, и въ толпѣ такія лица, которыя съ затаеннымъ недовольствомъ и ропотомъ смотрѣли на таковыя шутки. Но высказывать недовольство

---

[1]) См. въ приложеніи № 1. Голиковъ ошибочно говоритъ, что князь-папа, приглашенный на свадьбу, былъ Бутурлинъ. Бутурлинъ, какъ увидимъ ниже, возведенъ въ это званіе въ концѣ 1717 года, а до этого года, какъ самъ же Голиковъ на стр. 373 правильно указываетъ, Бутурлинъ именовался с.-петербургскимъ архіереемъ.

было дѣломъ щекотливымъ: каждый берегъ и спину, и голову, хулили и роптали одинъ на одинъ, за замкомъ, робко озираясь, нѣтъ ли извѣтчика; здѣсь же на улицахъ все покрывалось общимъ крикомъ пьянѣйшихъ изъ пьяныхъ: „Патріархъ женился! Патріархъ женился!" Новые ковши вина и пива придавали еще болѣе восторженности, и лишь только одинъ возгласъ замиралъ, какъ раздавался новый крикъ: „Патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей" [1]). И возгласы народа, подобно волнамъ морскимъ, переливаясь отъ толпы до толпы, долго не замолкали въ столицѣ россійскаго государства!.... [2]).

II.

Чинъ избиранія.

Въ концѣ 1717 года было зрѣлище не столь публичное, но не менѣе интересное: то были избраніе и поставленіе новаго князь-папы, на мѣсто умершаго Зотова [3]).

Прежде всего для насъ въ высшей степени важно время, въ кото-

---

[1]) Дѣянія Петра Великаго, т. VI, стр. 289.

[2]) Приведя въ приложеніи подробный разсказъ Голикова о свадьбѣ князь-папы и сужденія того-же писателя, основанныя на разсказахъ современниковъ, о причинахъ и цѣли этой потѣхи, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на отзывъ о той же забавѣ историка Соловьева: „Свадьба Зотова заслужила особенное вниманіе: одни вооружаются противъ неприличія этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотятъ видѣть здѣсь насмѣшку надъ патріаршествомъ, желаніе унизить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи,—игра, понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій шутовской патріархъ вздумалъ жениться, и свадьбу его отпраздновали приличнымъ его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ посмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ посмѣяться и надъ своею собственною царскою властью, потому что у него былъ и шутовской пресбургскій король, впослѣдствіи кесарь; со смертью старика Зотова шутовское патріаршество упразднилось, но остался князь-папа въ соотвѣтствіе князю-кесарю („Исторія Россіи въ эпоху преобразованія", С. Соловьева, М., 1866 г., т. IV, стр. 284).

[3]) Зотова женили въ потѣшной свадьбѣ Аннѣ Еремеевнѣ, рожденной Пашковой, въ первомъ замужствѣ за капитаномъ-поручикомъ Стремоуховымъ. Предчувствія Конона Никитича—о томъ, что у него съ братьями явится разладъ съ мачихой—оправдались. По смерти его отца, сенатъ присудилъ вдовѣ—

рое совершилось это торжество: то былъ декабрь мѣсяцъ 1717 года [1]).
Государь въ лихорадочномъ нетерпѣнии ждалъ первенца-сына; ца-
ревича уже захватили сыщики, его везли въ отчизну, для него
готовилась роковая встрѣча. Страшась упустить жертву, Петръ по-
сылалъ письмо за письмомъ, то къ царевичу, то къ Толстому и
Румянцеву; первому посылалъ прощенія, позволялъ жениться на
крѣпостной дѣвицѣ Ефросиньѣ Ѳедоровнѣ; послѣднихъ же всячески
торопилъ привозомъ сына. И въ эту-то эпоху, въ виду безконеч-
ныхъ пытокъ и казней московскихъ, суздальскихъ, преображенскихъ,
петербургскихъ, Петръ находитъ досугъ и исписываетъ цѣлые листы
бойко-юмористическими предписаніями о порядкѣ предстоящаго избра-
нія и поставленія новаго князь-папы. Черновые списки перебѣли-
ваются; онъ просматриваетъ и выправляетъ переписанное, затѣмъ
на новомъ спискѣ дѣлаетъ новыя поправки; такимъ образомъ по
три, да по четыре раза переправлена и передѣлана имъ почти каждая
записка, относящаяся до всепьянѣйшаго собора.

Избраніе новаго главы началось просьбой собора къ князь-кесарю:
„Великій Г. К. Ц. имя. Извѣстно в. в., пишетъ Петръ отъ
лица собора, что отецъ вашъ и богомолецъ [2]), в. князь-папа, все-
шутѣйшій Аникит отъ житія сего отъиде, и насъ, сумазброднѣй-
шій соборъ, остави безглавенъ; того ради, просимъ в. в. призрѣти
на вдовствующій престолъ избраніемъ Бахусоподражательнаго отца“ [3]).

Князь-кесарь соизволилъ разрѣшить избраніе, послѣ чего при-
готовленія быстро начались:

„1) Сбору, приказывалъ Петръ, быть на старомъ дворѣ и от-
туда иттить церемоніею въ палаты.

2) Сдѣлать лаговицы (вѣроятно,—мѣста для членовъ собора) по
образцу, и обить аксамитами самой лучшей лухской работы.

четвертую часть имѣнія; Кононъ Зотовъ обратился, въ 1719 г., съ просьбой
къ Петру и просилъ защитить его „отъ обиды наглой, безбогобоязливой и
безстыдной“..... Любопытно, что А. Е. Зотова, овдовѣвъ, вышла замужъ за
новаго князь-папу, П. П. Бутурлина.

[1]) Время избранія и поставленія новаго князь-папы обозначено въ письмѣ
. Бутурлина къ игуменьѣ Ржевской: декабрь 1717 г. Це ремонія совершалась
и новомъ князь-кесарѣ, Иванѣ Ѳедоровичѣ Ромодановскомъ, возведенномъ
это званіе по смерти отца, 17-го сентября 1717 года.

[2]) Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто.

[3]) На подлинникѣ замѣчено: „и когда соизволитъ. Потомъ доложить, когда
лекціи быть“; т. е. Петръ отмѣчалъ, что нужно вписать въ бѣловую просьбу,
оторой при дѣлахъ нѣтъ.

3) Окна забить войлаками до половины, снизу.

4) Надъ лаговищемъ у каждаго повѣсить по флягѣ или иному судну, которое хозяинъ пришлетъ.

5) Въ дверяхъ сдѣлать бочку поворотную, чрезъ чтобъ подавать потребное.

6) Караулъ для осмотру съ одною духовною особою (т. е. съ членомъ шуточнаго собора).

7) Въ залѣ уготовить мѣсто для избиранія и поставленія папы.

8) Камора, гдѣ быть архи-игуменьѣ и князь-игуменьѣ съ балами".

Какъ дѣятельно хлопоталъ государь о предстоящемъ торжествѣ, видно изъ его отрывочныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ на различныхъ бумагахъ; напримѣръ: „посовѣтовать—когда изберутъ (папу), какой знакъ дать вмѣсто пушекъ?" Либо такого рода отмѣтки для памяти: „1) Докладъ. 2) Мѣсто. 3) Время. 4) Платья Макарову. 5) М... Яну (т. е. Ивану Ромодановскому)".

Уставъ или чинъ избиранія долго занималъ Петра; онъ составлялъ и дополнялъ его раза четыре,—наконецъ чинъ избиранія выразился въ слѣдующей формѣ:

„I. Собравшимся на старомъ дворѣ папы и сѣдшимъ архижрецамъ, начинаютъ оные пѣть пѣснь бахусову, потомъ восходитъ князь, великій ораторъ, на высокое мѣсто и чинитъ предику, увѣщевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по какимъ факціямъ, но ревностнымъ по опомъ сердцемъ избирали. И потомъ иттить всѣмъ въ каменный домъ, по учрежденной конклавіи, по приложенному реэстру".

На реэстрѣ и двухъ отдѣльныхъ спискахъ съ графою для числа участниковъ процессіи, порядокъ былъ обозначенъ такимъ образомъ:

„1) Весна [1]. III
III
III

2) Сvнодальные (пѣвчіе). III
III
III
III

[1]) Такъ назывались свистуны, набранные изъ различныхъ мѣстъ, мастера высвистывать по птичьи. По свидѣтельству Нащокина, на свадьбѣ князя-шута М. А. Голицына, въ 1740 г., тверскіе ямщики безподобными высвистами являли весну. Объ этихъ же свистунахъ говоритъ Третьяковскій въ извѣстномъ стихотвореніи на дурацкую свадьбу, бывшую въ ледяномъ домѣ.

3) Пѣвчіе государевы. . . . .

4) Подстѣнная братія. . . . .

5) Діаконы. . . . .

6) Попы . . . .

7) Монахи знатные . . . .

8) Архимандриты и Суѳреганы. . . . .

9) Князь-папежскіе служители	III
	III
	III
	III
	III
	III
	III
	III
	III
	III
10) Бахусъ, несомый монахами великой обители.	I
	I
Ковшъ, несомый отъ плѣшивыхъ . . .	I
	I
	I
11) Архижрецы по одному	I
	I
	I
	I
Архижрецы по одному	I
	I
	I
	I
	I
	I
	I
	I

„II. Пришедъ въ домъ каменный [1]), вышнимъ жрецамъ и заключиться въ оной конклавіи, дому князь-папину (т. е. его служителямъ) въ другую, прочимъ чинамъ въ третій апартаменты, а народу въ залу. И тако пощеденствіе сотворить, прилежно подвизаяся, яже о отцѣ Бахусѣ, дабы явилъ избраннаго подражателя себѣ, пастыря же намъ, и избираютъ трехъ персонъ кандидатовъ“.

Какъ видно изъ отдѣльной записки, это избраніе дѣлалось по особой просьбѣ цесаря: „Проводя отцевъ цесарь въ опредѣленное мѣсто и поклонясь, прося (проситъ) ихъ о прилежныхъ людяхъ Ба-

[1]) Мы обозначаемъ разрядкой тѣ слова, которыя вставлены, либо измѣнены Петромъ на послѣднемъ, бѣловомъ спискѣ. Это слово подчеркнуто, но оно писано переписчикомъ.

хусовыхъ и о исправленіи настоящаго дѣла, дабы избрали трехъ особъ; и потомъ заточаетъ ихъ двери замкомъ и печатью, и отходитъ".

„III. Утру бывшу, его князь-цесарское величество придетъ на мѣсто свое и сядетъ; тогда изъ конклавы и прочихъ мѣстъ придутъ всѣ по чину, и поклонясь, сядутъ на своихъ мѣстахъ.

„Во утріе, въ часу (?),—объясняетъ государь въ отдѣльной запискѣ,—приходитъ князь-цесарь (къ) собраннымъ уже внѣ всѣмъ. И отверзаетъ двери къ отцѣмъ; и повелитъ исходити на учрежденныя имъ мѣста, и прочимъ съ ними; самъ же садится на свой тронъ; назначенные же поклоняются и отходятъ въ особливое мѣсто".

„IV. Пошлется отъ князь-цесаря и отъ собора ключарь къ архи-игуменьѣ, дабы балы прислала съ князь-игуменьею.

„V. Пришедъ князь-игуменья носящимъ за нею балы діакониссамъ съ музыкою и, поклоняся, сядетъ противу князь-цесаря; балы же поставятся предъ нею на столѣ.

„VI. Избранные-же кандидаты да посадятся въ особой каморѣ на прорѣзанныхъ стулахъ.

„VII. Тогда отъ собора посылаются папины архидіаконъ, ключарь и протодіаконъ свидѣтельствовать ихъ крѣпкимъ осязаніемъ. Они же, осязая, воскликнутъ: „габетъ, габетъ, габетъ—ѳораменъ!"

„Князь-цесарь,—объясняетъ государь въ особой запискѣ,—повелѣваетъ служителямъ князь-папы осматривать избранныхъ, которые служителя, (по) его указу, осматриваютъ: аще совершенное естество имѣютъ? Сіе чинятъ тако: сѣдящу оному или онымъ на прорѣзанномъ стулѣ, и окрытъ епанчею; тогда подъ покрывало протягиваетъ руку, ему-же (т. е. кому-же) повѣрено отъ кесаря; и щупаетъ по подобію: и аще обрящетъ довольно, да возгласитъ велегласно: „Габетъ, габетъ!" аще-ли же ни то: „нонъ габетъ" [1]).

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ избирательнаго чина пародируется обычай, нѣкогда существовавшій въ Римѣ при избраніи папы. „Возведеніе на престолъ римскаго первосвященника, разсказываетъ Вольтеръ, сопровождалось весьма странными обрядами, дань тогдашней простотѣ и невѣжеству. Такъ, напримѣръ, избраннаго папу сажали на прорѣзной стулъ, называемый Stercorarium, потомъ на тронъ, крытый порфирою" и т. д. Voltaire. Essai sur les moeurs, t. II. Разсказываютъ, что этотъ странный обычай возникъ съ того времени, когда на престолъ папскій возсѣла женщина. Это была папесса Іоанна, будто бы возведенная на престолъ въ 855 году, подъ именемъ папы Іоанна VIII. Она была родомъ нѣмка изъ Майнца, называлась Гильбертою, и послѣ долгаго странствія въ монашескомъ платьѣ, пришла наконецъ въ Римъ. Здѣсь ея необыкновенный умъ и благочестіе привлекли къ ней вниманіе достопо-

„VIII. По семъ свидѣтельствѣ, архижрецы и протчіе сидящіе въ соборѣ идутъ по чину и берутъ балы, по единому, отъ руки князь-игумены по два: бѣлое и черное, цѣлуя оную въ перси. Потомъ возгласитъ ключарь имя перваго кандидата.

„IX. Потомъ первая діакониса примаетъ ящикъ и ходитъ ко взявшимъ балы. Они же по ряду кладутъ въ оной ящикъ: хотящій — въ бѣлой, а нехотящій въ черной. И когда всѣ положатъ, тогда оные принесетъ предъ князь-цесаря, гдѣ записываетъ (ктонибудь) изъ его бояръ, кому повелитъ. И сіе творитъ на каждое имя по единожды, восклицая оное, предъ положеніемъ баловъ“.

Порядокъ баллотировки совершался однако съ бóльшими церемоніями, нежели какъ изложено въ IX пунктѣ „чина избиранія“. Въ дополнительной запискѣ государь постановилъ слѣдующее:

„Князь-цесарь повелѣваетъ принести яйца... для выбиранія (они замѣняли шары), и служители раздаютъ по два каждому; на каждое имя едино натуральное и другое обшитое, отцѣмъ же сидящимъ въ епанчахъ и... тайно держащимъ. Потомъ князь-цесарь осматриваетъ чашу (или ящикъ) покрытую и заключаетъ оную своею печатью и повелѣваетъ гласити перваго имя и носити на его имя, поднося чашу къ каждому. Отцѣмъ же подобаетъ класти яйца [1]), аще кого соизволяетъ, то натуральное (вѣроятно — курное), ащеже кого не соизволяетъ, то обшитое да кладетъ.

чтенныхъ отцевъ церкви, властію которыхъ и возведена она на тронъ первосвященника. Мнимый мущина правилъ наслѣдіемъ ап. Петра и Павла 2 года, 5 мѣсяцевъ и 4 дня. Процарствовалъ бы и дольше, еслибъ только не забеременилъ отъ одного кардинала, которому, разумѣется, хорошо было извѣстно, какого пола былъ св. отецъ. Разрѣшеніе отъ бремени совершилось посреди Рима, во время крестнаго хода, при стеченіи безчисленнаго народа. Разсказываютъ, что мать-папа тутъ же умерла, по другимъ-же, вскорѣ послѣ родовъ. Увѣряютъ, что обычай, осмѣянный Петромъ еще въ началѣ XVIII в., сохранился и по настоящее время; говорятъ, что онъ былъ даже исполненъ при избраніи папы Пія IX, но что вѣрно—это то, что обрядъ удостовѣренія „въ годности папы“ исполнялся еще въ XVII вѣкѣ, доказательство этого см. во II-мъ приложеніи къ настоящей главѣ.

О папессѣ Іоаннѣ писано было много и въ стихахъ, и въ прозѣ; англичанинъ Егбертъ Гримъ посвятилъ разсказу о ней цѣлую книгу, въ которой приводитъ свидѣтельства 135 различныхъ авторовъ; но многіе писатели, даже нѣкоторые изъ протестантовъ, отвергаютъ существованіе мать-папы. Въ русской литературѣ позднѣйшихъ годовъ есть особое любопытное изслѣдованіе г. Бильбасова о папессѣ Іоаннѣ, изд. въ Кіевѣ, въ 1870 г.

[1]) Поправлено: м...

„Когда же всѣмъ яйцы уже положившимъ, тогда приносятъ чашу предъ цесаря, онъ же отверзаетъ предъ всѣми и сыплетъ на столъ предъ собою и раздѣляетъ, сколько натуральныхъ, и сколько обшитыхъ, и повелитъ записать. Потомъ паки пустую чашу заключаетъ и равнымъ же образомъ на другова имя и третьяго балотируютъ. Потомъ же, когда уже на всѣ имена балатировано, тогда архидіаконъ велегласно читаетъ предъ князь-цесаремъ, сколько на кого вынялось, и на комъ болѣе натуральныхъ будетъ, тотъ да наречется".

Затѣмъ по

X-му п. „чина": „Когда изъ трехъ, на кого болѣе баловъ падетъ, тогда по онаго пошлется ключарь и архидіаконъ. И приведши постава(тъ) прямо (предъ) лицомъ князь-цесаревымъ, среди собора. Первый изъ жрецовъ говоритъ рѣчь новоизбранному.

XI. „По окончаніи же рѣчи, одѣнутъ его папиною мантіею, и (надѣнутъ на него) шапку. А плѣшивые подъемлютъ на главы свои, и несутъ на его престолъ, и поютъ князь-цесарю и новоизбранному многолѣтіе.

XII. „Потомъ цѣлуютъ его всѣ въ руку, держащую орла[1]) такожъ и въ яя..., подъ лономъ и піютъ изъ десницы въ знакъ присяги въ вѣрности закона.

XIII. „Потомъ приносятся столы князь-цесарю и новоизбранному, такожъ архижрецамъ и протчимъ знатнымъ; гдѣ никакая ядь (т. е. кушанья) не становится, токмо оные балы съ ихъ долгими и ихъ гнѣздами. И тако совершившуся, посаждаютъ новоизбраннаго въ ковшъ (громадныхъ размѣровъ) и провождаютъ всѣмъ соборомъ къ дому его и опускаютъ (князь-папу) въ чанъ [какъ и прежде бывало], наполненный пивомъ и виномъ[2]) и пивъ изъ онаго расходятся[3])".

[1]) Извѣстно, что этимъ именемъ названъ былъ чудовищной величины кубокъ, который должны были осушать сановники, а иногда и сановницы, въ видѣ шуточнаго наказанія за несоблюденіе нѣкоторыхъ обычаевъ, напримѣръ за невниманіе къ князь-цесарю, къ князь-папѣ и т. п.

[2]) Отдѣльная записка Петра, приведенная выше, заключается слѣдующимъ варьянтомъ: „Два первые отъ сидящихъ отцовъ идутъ. И приводятъ нареченнаго предъ цесаря, который поздравляетъ ему, такожъ и вси. И поютъ многолѣтіе князь-цесарю и новоизбранному. Потомъ повелитъ (цесарь) на особомъ стулѣ близъ себя сѣсти оному (т. е. новоизбранному). И потомъ бываетъ орлочитаніе за радость избраннаго (т. е. пьютъ). Когда же все совершится, тогда князь-цесарь повелѣваетъ новоизбранному и прочимъ идти къ столу, гдѣ во очію поставляются яйца, бывшія на избраніи, прочее же ничто (?)".

[3]) „Чинъ избиранія" имѣется въ нѣсколькихъ спискахъ, и каждый изъ нихъ представляетъ больше или меньше варьянтовъ.

За чиномъ избиранія слѣдовалъ чинъ поставленія; это уже было какъ-бы посвященіе новаго главы на поприще многотрудное, въ санѣ высокомъ и знаменательномъ. Обрядъ поставленія былъ важнѣе, значительнѣе обряда избранія, почему производился еще торжественнѣе; здѣсь было больше церемоній, одна другой своеобразнѣе; больше пѣли, больше говорили, наконецъ пили, пили и пили. Нѣкоторыя мѣста сего чина, отъ перваго до послѣдняго слова составленнаго „протодіакономъ шумнаго собора — Петромъ", блещутъ неподдѣльною веселостью... Не смотря на чрезвычайную грубость формы, съ которою волею-неволею миришься, вспоминая время сочиненія, многія слова, обороты, цѣлыя рѣчи и предписанія до того остроумны, что даже и въ настоящее время срываютъ улыбку. Справедливость нашихъ словъ вполнѣ подтверждается текстомъ любопытныхъ документовъ.

III.

Чинъ поставленія.

1) „Когда всѣ уже собраны и сядутъ на своихъ мѣстахъ, тогда приходитъ поставляемый, предъ нимъ-же несутъ двѣ фляги, одна вызолочена, другая высеребрена, и два блюда, одно съ огурцами, другое съ капустой [1]).

2) „Когда придетъ предъ поставляющаго, тогда поклонится, и оные дары едино по другомъ вручаетъ поставляющему, говоря краткій комплементъ о своемъ поставленіи; потомъ сядетъ противъ поставляющаго.

3) „Тогда поставляющій вопрошаетъ его разные вопросы и отвѣты. На что избранный и отвѣщаетъ. Потомъ поставляющій паки говоритъ [2]). Вопрошаетъ поставляющій: „что убо брате пришелъ еси и чесого просиши отъ нашея немѣрности?"

[1]) Чинъ поставленія мало измѣнялся при пріемѣ въ соборъ жрецовъ и другихъ меньшихъ членовъ; перемѣнялись только нѣкоторыя слова. При представленіи цесарю о поставляемыхъ жрецахъ или владыкахъ говорилось: „приводятся бахусолюбезнѣйшіе избранные (поминаты имя рекъ) поставлятися бахусовозлюбленнымъ — городамъ". Цесарь отвѣчалъ: „Сила Бахусова да будетъ на васъ!"

[2]) На одномъ изъ списковъ противъ этого пункта рукою Петра отмѣчено: „вписать вмѣсто сего подлинные вопросы и отвѣты". Тѣ и другіе, имъ же составленные и пронумерованные, написаны на особомъ листѣ, съ котораго мы и переносимъ ихъ въ соотвѣтствующее мѣсто.

4) „Отвѣщаетъ поставляемый: „еже быти сыномъ и сослужителемъ вашея немѣрности[1])". А ежели папа поставляется, то глаголетъ: „еже быти крайнимъ жрецомъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса".

5) Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою[2])".

Еще вопрошаетъ: „Како содержиши законъ Бахусовъ, и во ономъ подвизаешися?" [3]).

6) Поставляемый отвѣщеваетъ:

„Ей орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тьмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ или три чарки испиваю, и продолжающуся времени не туне оное, но симъ же образомъ препровождаю. Егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой; такожде перемѣняющимся брашнамъ всякій рядъ не пустъ препровождаю, но каждой рядъ разными питьями, паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ (питіемъ) чрево свое, яко бочку, добрѣ наполняю; такъ что иногда и ядѣмъ (кушанья), мимо рта моего носимымъ отъ дрожанія моея десницы, и предстоящей во очесахъ моихъ мглѣ, и тако всегда творю, и учити мнѣ врученныхъ обѣщаюсь. Инако же мудрствующія отвергаю, и яко чужды творю, и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ. Но яко же, выше рѣхъ, творити обѣщаюсь до скончанія моея жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движемся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю тебѣ, отцу моему, и всему нашему собору получити. Аминь[4])".

---

[1]) Варьянтъ: „Еже сумаслитися въ бахусовозлюбленныхъ кабакахъ, имерекъ городамъ".

[2]) Въ другихъ спискахъ вмѣсто пьянство сказано обжорство. На приведенномъ нами спискѣ выставленъ 1721 годъ. Не только точно, но и приблизительно опредѣлить время составленія каждаго документа невозможно, такъ какъ на нихъ время не обозначено, въ печати же до сихъ поръ ничего или почти ничего не было о предметѣ настоящаго разсказа. Такъ, напримѣръ, трудолюбивый Голиковъ всего раза два или три упоминаетъ о Петрѣ Бутурлинѣ, и то сбивается и путаетъ факты. Безъ сомнѣнія, списки разбираемыхъ нами чиновъ составлялись въ разное время, вслѣдствіе новаго избранія въ жрецы или папы, подновлялись, являлись вставки и проч.

[3]) Варьянтъ: „Како пьете? Явите своя сиршая?" и т. д.

[4]) Эта рѣчь нѣсколько разъ и весьма старательно передѣлывалась Петромъ Великимъ. Укажемъ на важнѣйшіе варьянты противъ приведеннаго

7) „Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее и безумствующее тя во вся дни жизни твоея".

8) „Потомъ поставляемый клекнувъ (т.-е. упавъ на колѣни), ляжетъ персями, руками и главою на предлежащею делву; а жрецы поютъ пѣснь Бахусову".

Какъ кажется, пѣснь эта ни что иное какъ слѣдующее воззваніе, сохранившееся въ двухъ отдѣльныхъ замѣткахъ: „О чеснѣйшій отче Бахусе, отъ сожженныя Семиллы рожденный, и въ Юпитеровомъ индрикѣ возращенный, изжателю винограднаго веселія, и проведшему оное сквозь огнь и воду, ради вящыя утѣхи намъ, возслѣдователямъ вашимъ! Просимъ убо тебе со всѣмъ симъ всепьянѣйшимъ соборомъ: умножи сугубо и настави сего вселенскаго князь-цесаря Іоанна (Ромодановскаго) стопы во еже тещи вслѣдъ тебѣ! И не точію тещи сему, но и во власти сущихъ вести таможе, да вси послѣдуютъ стопамъ твоимъ! И ты, всеславнѣйшая Венусъ, множа умножи отъ своего..... къ сего заднему! Аминь!"

9) „Потомъ поставляемый, ставъ, приходитъ къ поставляющему, гдѣ облачаютъ его архижрецы во всѣ одежды, кромѣ шапки".

Облаченіе сопровождалось слѣдующими возгласами архижрецовъ:

При возложеніи одежды: „облачается въ ризу невѣденія своего!"

Возлагая наплечники: „возлагаю, яко жерновъ сельскій о выи твоей!"

Флягу возлагая: „сердце исполнь вина да будетъ въ тебѣ!"

Нарукавники возлагая: „да будутъ дрожащи руцѣ твои!"

текста двухъ другихъ списковъ: „Ей орлоподражательный всепьянѣйшій владыко! Вопрошенное тобою, по силѣ моей, исправляю. Аще егда утреннее, еже выше рѣхъ, еще не минуется, а обѣду уже настоящу времени, пью по чашкѣ не малой" и т. д. Послѣ словъ: „въ очесахъ моихъ мглѣ"—чит.: „паче же тщуся, чтобъ отъ оныхъ питей мозгъ мой и умъ непрестанно въ густыхъ туманахъ, и въ пьяной мглѣ пребывалъ" и т. д.

Въ другомъ спискѣ варьянтъ значительнѣе; „Еще не точіо утро единое, яко же изрекохомъ препровождаемъ, но въ полдни вяще испиваемъ; на вечеръ же великую смошницу употребляемъ. Такожде въ средонощіе и въ первое, второе и третье куратшеніе творимъ. Яко мѣху или делвѣ (т. е. бочкѣ) надутися утробамъ нашимъ, опухлѣти очесамъ, осинѣти лицу, трястися рукамъ и протчее. Сіе же обѣщаемся не точью самимъ творити, но и врученнымъ намъ стадамъ такожде являти; противужемудрствующихъ отвергаемъ и... матствуемъ".

Отдая жезлъ: „дубина Дидана вручается ти: да разгоняеши люди твоя!“

10) „Первый жрецъ помазуетъ крѣпкимъ виномъ главу его и около очей образъ круга, глаголя: „тако да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными виды, да предстанутъ очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего“. Тако-жъ (помазуетъ) и обѣ длани, и четыре перста, ими же чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: „тако да будутъ дрожати руцѣ твои во вся дни жизни твоей“ [1]).

11) „Потомъ налагаютъ руки архижрецы; первый (изъ нихъ) читаетъ: „рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго: во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ, во имя всѣхъ каразиновъ, во имя всѣхъ брагъ, во имя всѣхъ бочекъ, во имя всѣхъ ендовъ, во имя всѣхъ ковшей, во имя всѣхъ плошекъ, во имя всѣхъ чарокъ, во имя всѣхъ стакановъ; тако-жъ во имя вкупѣ собранныхъ канарейки, синицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ“ [2]).

12) „Потомъ налагаютъ шапку, съ возгласомъ: „вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянствѣ твоемъ!“ Послѣ чего поютъ аксіосъ!“

13) „Потомъ сядетъ на свой престолъ и вкушаетъ орла, и прочимъ подаетъ. И тако оканчивается“ [3]).

По желанію Петра, соизволенію князь-цесаря и большинству голосовъ членовъ собора, въ князь-папы избранъ былъ извѣстный уже намъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, столь долго и безупречно правившій петербургскою эпархіею пьяницъ, обжоръ и шутовъ.

Церемонія эта однако не могла быть совершена въ Петербургѣ;

[1]) Варьянтъ: Поливая виномъ на главу, архижрецъ восклицаетъ: „помазуется помазаніемъ пьянства. Да будетъ вину затемнѣвающее, и дрожащее, и безумствующее во вся дни жизни твоея“.

[2]) Эти названія носили разнокалиберные сосуды, назначенные для питья; вѣроятно, они имѣли форму тѣхъ птицъ и животныхъ, имена которыхъ носили. При составленіи этого рукоположенія Петръ Великій безпрерывно вставлялъ новыя имена, перемѣнялъ порядокъ прежнихъ и т. д.; это видно изъ черновыхъ собственноручныхъ его замѣтокъ.

[3]) Приведенный нами списокъ поставленія имѣетъ много вставокъ и варьянтовъ; на важнѣйшія изъ нихъ мы указали.

Петръ спѣшилъ въ Москву, въ сердце Россіи, чтобъ кончить свое дѣло съ сыномъ: тамъ отрѣшить его отъ престола, тамъ зачать его судъ, тамъ, наконецъ, казнить главнѣйшихъ изъ его совѣтниковъ и друзей.

15-го декабря 1717 г. государь поскакалъ съ своею свитою въ Москву, за нимъ на другой день выѣхала государыня и дворъ ея. 23-го числа оба они были уже въ Бѣлокаменной.

А 28-го декабря, со всею церемоніею и точнымъ выполненіемъ мельчайшихъ предписаній, данныхъ Петромъ, совершено было избраніе Бутурлина [1]).

Вскорѣ послѣ избранія, а именно 10-го января 1718 года, совершенъ былъ обрядъ поставленія. Гдѣ былъ совершенъ обрядъ— изъ документовъ не видно, но если судить по подписи Бутурлина на письмѣ 29-го декабря: „Прешбургъ", то надо думать, что оно было совершено близь Москвы, въ Преображенскомъ. Тамъ развлекался государь въ ожиданіи подвоза сына и его сторонниковъ.

О благополучномъ совершеніи важнаго обряда возвѣщено было длинною реляціею; въ ней подробно изложенъ весь порядокъ церемоніи. Сочиненіе это не было напечатано, но за то видѣнный нами списокъ переписанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ уставцемъ, по линейкамъ, церковно-славянскими буквами, между тѣмъ какъ всѣ остальные документы переписаны обыкновенною скорописью. Всѣ заглавныя литеры на этомъ спискѣ тщательно разукрашены киноварью. Безъ всякаго сомнѣнія, такая тщательная переписка сдѣлана была по волѣ Петра: въ этомъ видна его острота и насмѣшка надъ нелюбимой имъ старинной орѳографіей.

Вотъ эта интересная реляція [2]):

„О чинѣ князь-папы постановленія въ епископы въ 1 недѣлю по крещеніи, января 10.

1) Повелѣно того дни жрецамъ, и всѣмъ прочимъ неосвященнаго собора чинамъ съѣхатца на князь-папинской каменной дворъ пополудни въ 3-мъ часу.

---

[1]) Надо думать, что въ началѣ подобныхъ церемоній дѣйствующія лица пили немного; въ противномъ случаѣ рождается вопросъ: какъ могли говориться затверженныя рѣчи, какъ не путались поставляющіе и поставляемые, въ то время, когда языкъ не ворочался и ноги плохо держали?

[2]) Она имѣетъ довольно много варьянтовъ противъ приведеннаго нами „чина поставленія". Притомъ здѣсь сведено все въ надлежащій порядокъ, между тѣмъ какъ тотъ списокъ составленъ нами по отдѣльнымъ вставкамъ, дополненіямъ, замѣткамъ и проч.

2) Когда всѣ собрались въ князь-папинъ домъ, тогда въ князь-папинской палатѣ жрецы и другіе достойные сѣли на своихъ мѣстахъ.

Тогда посланные по новоизбраннаго отъ всего собора: ключарь старой, да кардиналъ протодіаконъ, и изъ уединенной его палаты, ввели его почтенно въ собранную палату.

Предъ нимъ несли двѣ фляги, наполненныя виномъ пьянственнѣйшимъ; едина фляга позлащенная, другая высеребрена, и два блюда—едино съ огурцами, другое съ капустою.

Поставили предъ его кесарскимъ величествомъ, на изрядномъ, постланномъ, аксамитномъ луховскомъ коврѣ.

3) Архижрецы на высокомъ тронѣ сидѣли по степенямъ, справую и слѣвую стороны.

4) Тогда новоизбранный поклонялся его цесарскому величеству и жрецѣмъ сѣдящимъ трижды.

И вышепомянутые дары, едино по другомъ, подносилъ поставляющему, говоря краткій комплиментъ о своемъ поставленіи.

И потомъ сѣлъ на стулѣ прямо поставляющаго.

5) Тогда поставляющій вопрошалъ его: „что убо брате пришелъ еси и чесого отъ нашея немѣрности просиши?“

6) Тогда отвѣщалъ поставляемый: „еже быти крайнимъ жрецемъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса“.

7) Поставляющій глаголалъ: „пьянство Бахусово да будетъ съ тобою!“

8) Оный-же поставляющій еще вопрошалъ: „како содержиши законъ Бахусовъ и воономъ подвизаешися?“

9) Поставляемый отвѣщавалъ:

— „Ей орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ или три чарки испиваю, и продолжающуся времени не туне оное, но симъ же образомъ препровождаю; егда же пріидетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой, такожде перемѣняющимся брашномъ, всякой рядъ не пустъ препровождаю, но каждой рядъ, разными питьями, паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ, чрево свое, яко бочку добрѣ наполняю, такъ что иногда и ядѣмъ мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моея десницы, и предстоящей во очесахъ моихъ мглѣ; и тако всегда творю, и учити мнѣ врученныхъ обѣщаюсь, инакоже мудрствующія отвергаю, и яко чужды и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ; но якоже

выше рѣхъ, творити обѣщаюсь до скончанія моея жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движемся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю отцу моему, и всему нашему собору получити. Аминь".

10) Поставляющій глаголилъ:

„Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее тя во вся дни жизни твоея".

11) Потомъ поставляемый кленкнувъ на колѣна и легъ, и преклонился персями, и руками, и главою, на предлежащую делву, и тогда жрецы пѣли пѣснь Бахусову.

12) Потомъ поставляемый вставъ, пришелъ на высокій амвонъ къ поставляющему, гдѣ облачали его архижрецы во вся одежды его, кромѣ шапки.

13) Тогда же первый жрецъ помазывалъ его крѣпкимъ виномъ, на главѣ его, и около очей, образъ круга, глаголя: „тако да будетъ кружитися умъ твой, и такіе круги, разными виды, да предстанутъ очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего"; тако-жъ и обѣ длани, и четыре перста, ими же чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: „тако да будутъ дрожати руцѣ твои, во вся дни жизни твоей".

14) Потомъ налагали руки архижрецы, и первый читалъ рѣчь такову:

„Рукополагаю азъ старый пьяный сего нетрезваго:

Во имя всѣхъ пьяницъ,
Во имя всѣхъ скляницъ,
Во имя всѣхъ зернщиковъ,
Во имя всѣхъ дураковъ,
Во имя всѣхъ шутовъ,
Во имя всѣхъ сумазбродовъ,
Во имя всѣхъ лотровъ,
Во имя всѣхъ водокъ,
Во имя всѣхъ винъ,
Во имя всѣхъ пивъ,
Во имя всѣхъ медовъ,
Во имя всѣхъ каразиновъ,
Во имя всѣхъ сулоевъ,
Во имя всѣхъ брагъ,
Во имя всѣхъ бочекъ,
Во имя всѣхъ ведръ,
Во имя всѣхъ кружекъ,
Во имя всѣхъ стакановъ,

Во имя всѣхъ чарокъ,
Во имя всѣхъ картъ,
Во имя всѣхъ костей,
Во имя всѣхъ бирюлекъ,
Во имя всѣхъ табаковъ,
Во имя всѣхъ кабаковъ,
Яко жилище отца нашего Бахуса
Аминь!

15) Потомъ наложили на главу его шапку и пѣли: аксіосъ!

16) Потомъ оный новопосвященный сѣлъ на свой престолъ, на великую покрытую бочку, и вкушалъ вина изъ великаго орла и прочимъ всѣмъ подавалъ, пѣвцы же въ то время пѣли многолѣтіе кесарю и новопоставленному.

И оное окончавъ, вси распущены въ домы свои, князь-папа же, разоблачася отъ своея одежды, пошелъ въ свои покоевы палаты, и остался въ томъ домѣ".

По совершеніи чиновъ избранія и поставленія, новый князь-папа поспѣшилъ возвѣстить подвластныхъ ему пьяныхъ вѣрноподданныхъ о своемъ восшествіи:

„Понеже, по изволенію великаго государя князь-цесаря Іоанна Ѳ. (И. Ѳ. Ромодановскаго), и соизволеніемъ всего сумазброднаго собора избранъ есмь азъ недостойный митрополитъ на превысочайшій сей князь-папы престолъ, того ради нынѣ паки подтвержаю свое обѣщаніе, еже изрекъ при хиротоніи моей [1]), предъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти тогда отцемъ моимъ, нынѣ же братомъ, великимъ господиномъ киръ-Никитою Прешбургскимъ, Яузскимъ и Калужскимъ отъ самыхъ м...дищихъ и предъ всѣмъ сумазброднымъ соборомъ. Нынѣ же къ прежнему обѣщаю еще, обѣщаюсь вяще и вяще законъ Бахусовъ не точію исполнять, но и врученное мнѣ стадо денно и нощно тому поучать, еже да поможетъ мнѣ чюднѣйшій отецъ нашъ Бахусъ, предстательствомъ антицесаревъ моихъ Милак (?) и Аникиты, дабы ихъ даръ духа былъ сугубъ во мнѣ. Аминь" [2]).

Такимъ образомъ „всешутѣйшій и всепьянѣйшій" въ одно и то же время объявлялъ о своемъ восшествіи на князь-папинъ престолъ и подтверждалъ данный собору завѣтъ: оправдать ихъ лестный выборъ и пить, пить, да смотрѣть, чтобъ другіе пили до положенія ризъ. Но новопоставленный хотѣлъ, чтобъ всѣ ликовали по случаю

[1]) Т. е. когда поставлялся въ архіэрецы.

[2]) Писано рукой Петра.

его великаго торжества поставленія и потому спѣшилъ властною рукою разсыпать милости и возвысить въ высшія званія лицъ, ему подчиненныхъ.

Одну изъ первыхъ и самыхъ лестныхъ милостей удостоилась получить князь-игуменья:

„Всешумнѣйшая и всешутѣйшая мати, писалъ къ ней князь-папа, возлюбленная о Бахусѣ тщи!

„Объявляемъ вамъ, что сего мѣсяца, въ 28 день, изволеніемъ вселенскаго князь-цесаря и всего сумазброднаго собора, избранъ есмь я недостойный, а въ 29 день возведенъ на превысочайшій князь-папинъ престолъ; и понеже наша неумѣренность всегда паству свою добрѣ смотрѣти и во оной пещися обѣщахся, того ради и о васъ, яко древней, монах... не и великой наставницѣ не препомнихъ, но его величеству князь-цесарю и всему собору предъявилъ ваши подвиги, чего ради его величество и соборъ соизволи. Азъ же, аще и тѣломъ отстоимъ, обаче духомъ присутствуя, данною мнѣ отъ Бахуса властію произвожду тя отъ степени князь игуменьиной во архи-игуменіи, и яко присутствуя возглашаю: „аксіосъ, аксіосъ, аксіосъ!“ По учиненіи же сего вамъ возвышенія, на мѣсто ваше возведена монахиня, изъ дальнихъ пустынь пришедшая, Анастасія. Данъ въ Прешбургѣ. Мѣсяца декабря въ 28 день. 1717 года. Вселенскій князь-папа.

Петр ...“ [1]).

Необходимо замѣтить, что князь-игуменьей издавна уже была Ржевская, разбитная, смѣлая и угодливая старуха [2]). Съ этимъ титуломъ она нѣсколько разъ встрѣчается въ разсказѣ Голикова при описаніяхъ различныхъ церемоній. Въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (№ III) мы приводимъ нѣсколько ея писемъ къ государю; кромѣ того одно изъ писемъ Ржевской, отъ 8-го іюля 1714 г. къ

---

[1]) Черновой списокъ руки Петра, бѣловой—Бутурлина.

[2]) Князь-игуменьей, а потомъ архи-игуменьей была Дарья Гавриловна Ржевская, дочь Гаврилы Петровича Соковнина, родного дяди замученнаго Петромъ окольничаго, Алексѣя Прокофьевича Соковнина, пылкаго сторонника царевны Софьи. Анастасія, пожалованная званіемъ игумены — есть княгиня Анастасія Петровна Голицына, дочь и наслѣдница знаменитаго боярина Петра Ивановича Прозоровскаго. Она родилась въ 1655 г., скончалась въ 1729 г., на 74 году отъ рожденія; была статсъ-дамою, носила портретъ Петра I-го и исправляла должность придворной шутихи (См. „Русскую Старину“, изд. 1870 г., т. I, стр. 507; т. II, стр. 479 и 482).

Петру о Шарлотѣ-Софіи напечатано Устряловымъ (т. VI, стр. 322). На немъ также, какъ и на всѣхъ письмахъ Ржевской, подпись: „Князь-игуменья Санктпитербургская, Бога молю и челомъ бью". Фактъ любопытный: шутиху бабу пьяную и грубую приставили къ женѣ наслѣдника престола для надзора и тайныхъ доносовъ о ея поведеніи. Несчастная Шарлота нѣсколько разъ заявляла свое неудовольствіе, но надзирательницу не смѣняли.

Впрочемъ, нельзя думать, чтобъ новый архи-владыка былъ человѣкъ вполнѣ милосердый и правитель слабый, нѣтъ: по инструкціямъ самого государя, онъ долженъ былъ тщательно наблюдать, чтобъ весь его достойный штатъ былъ въ сборѣ и славилъ Бахуса питіемъ непомѣрнымъ. Нарушители сего строго наказывались; тѣ же изъ его подчиненныхъ, которые уклонялись отъ высокихъ обязанностей, тѣхъ, по особымъ предписаніямъ, вновь высылали ко двору князь-папы.

Такъ, напримѣръ, въ 1723 году всешутѣйшій представилъ слѣдующій

„Реэстръ архіереямъ, которые учинились ослушны святѣйшему князь-папѣ и нынѣ обитаютъ въ Москвѣ своеволіемъ, также и прочіе, а именно:

Архіереи:

Θедоръ Шереметевъ .
Князь Юрій Щербатовъ .
Матвѣй Колычовъ .
Михаилъ Собакинъ .
Князь Яковъ Лабановъ .
Матвѣй Головинъ +
Василій Ржевской
Антонъ Савеловъ
Архидіаконъ Строевъ .

Ключари:

Иванъ Денисовъ, сынъ Субота, онъ же Даниловъ.
Θедоръ Протасьевъ.

Попы:

Князь Михайла Оболенской .
Иванъ Стрешневъ .

Василій, онъ же Самойла Глѣбовъ.
Діаконъ Левъ Воейковъ .
Крестова попа Ивана Чирикова. Галагтена Бунакова.
Подписалъ: Святѣйшій князь-папа и патріархъ Петро...".

Нечего и говорить, что представленный списокъ былъ составленъ и написанъ ни кѣмъ другимъ, какъ самимъ государемъ; имъ дѣланы отмѣтки противъ именъ ослушниковъ, по его же распоряженію писано, 23-го апрѣля 1723 года, къ московскому вице-губернатору Воейкову о немедленной высылкѣ членовъ собора въ Петербургъ [1]).

Такимъ образомъ и тутъ, въ дѣлахъ шутовскаго собора, желѣзная рука Петра крѣпко тяготѣла надъ всѣми; князь-папа распоряжался собой и своими подчиненными не иначе, какъ по собственноручнымъ предписаніямъ и уставамъ своеобычнаго протодіакона. За то аристократическая гордость князь-папы совершенно была удовлетворена. Вокругъ него блистали представители древнѣйшихъ, знатныхъ и славнѣйшихъ фамилій, нѣкогда честь и гордость Россіи.

Вотъ составъ всепьянѣйшей коллегіи по списку, далеко, впрочемъ, не полному:

„Архи-князь-папа.

При немъ служители:

Протокопай ... Мухановъ.
Духовникъ Иринар ...
Архидіаконъ иди на ... Строевъ.
Протодіаконъ Пахомъ пихай ... Михайловъ [2]).
Діаконъ Іонъ попирай ... Бутурлинъ.

Ключари:

Почини ... Апраксинъ.
Ери ... Хилковъ.
Иосиі... Суббота.
Ризничій изымай ... Мусинъ-Пушкинъ.
Уставщикъ неэманъ ... Рѣпнинъ.
Попъ Өеофанъ ... Шушеринъ.

[1]) Въ приложеніяхъ (№ IV) приводимъ образчикъ того, какъ люди стараго до-петровскаго закала старались уклоняться отъ участія въ шутовскихъ потѣхахъ.

[2]) Т. е. государь царь Петръ Алексѣевичъ.

Діаконы:

Иосаднилъ ... Головинъ.
Лови ... Воейковъ.
Ропь ... Роновъ.
Дунь на ... Шемякинъ.

Иподіаконы:

Филаретъ ярится на ... Прозоровскій.
Посошники: медвѣдь ... вытащи.
Благочинной: Акати ... Юшковъ.
Грозные: Сомни ... Тургеневъ.
Кречетникъ изымай ... Колтовскій.
Ломпатчики: Азлу ... Палибинъ.
Звани ... Губинъ.
Розмани ... Васильевъ.
Возьми ... Тимашевъ.
Комисарсуи ... Ключаревъ.
Имай ... Лихаревъ.
Новгородскій подьячій паси ... Козыревъ.
Сибирской комендантъ Григорій Калеминъ.
Разломи ... Траханіотовъ.

Дьяки: Иванъ Лосевъ.
Осипъ Метлинъ".

Конклавъ, кромѣ непремѣннаго засѣданія на всѣхъ полуторжественныхъ и торжественныхъ пирахъ, кромѣ участія во всѣхъ процессіяхъ и маскарадахъ, имѣлъ особыя занятія. Онъ посвящалъ свои досуги на наѣзды къ разнымъ лицамъ. Предъ всешутѣйшими все и вся отворялось; хозяева и хозяйки, едва-ли довольные, спѣшили однако оказать нежданнымъ гостямъ всевозможное гостепріимство...

Неизвѣстность времени пріѣзда членовъ конклавіи естественно вводила въ издержки хозяевъ, такъ какъ они всегда должны были быть готовыми къ ихъ встрѣчѣ. Вотъ почему всемилостивѣйшій князь-папа, со словъ государя, обнародовалъ слѣдующій указъ:

„Указъ всешутѣйшева и всепьянѣйшева князь-папы.

„Объявляетъ наша немѣрность, что мы иногда такъ утруждены бываемъ, что съ мѣста двинутися не можемъ; отчего случается, что не всѣ домы посѣтить можемъ, которые того дня обѣщали; а хозяева оттого въ убытокъ входятъ, ради другова пріуготовливанія. Того

ради, симъ объявляемъ и накрѣпко заповѣдуемъ, подъ наказаніемъ великаго орла: дабы ядей никакихъ никто не готовилъ; но точію слѣдующее по семъ. А буде у кого соизволимъ трапезу снѣсть, и тому заранѣе будетъ указъ нашъ объявленъ.

„И для вящаго увѣренія, сей указъ нашею рукою подписали и великою Гавріиловскою печатью запечатать повелѣли“.

При указѣ приложено объявленіе“ [1]): „что имѣть въ домѣ, въ оны же входимъ“:

„Хлѣбъ, соль, калачи, икра, сельди, окорока, сухія куры или зайцы, ежели случится; сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капуста, яйцы и табакъ.

„Надъ всѣми же сими превозлюбленныя наши вины, пива и меды, сего что вяще, то намъ угоднѣйшее будетъ, ибо въ томъ живемъ, и не движемся, и есть мы или нѣтъ, не вѣдаемъ“.

Въ минуты, когда превозлюбленные напитки болѣе и болѣе оживляли перваго жреца Бахусова, когда языкъ его лепеталъ бойче, рѣчь пересыпалась выраженіями болѣе фигурными, болѣе пряными, нежели слова „шумнаго протодьякона“, когда руки князь-папы двигались свободнѣе, въ подобныя минуты, казалось бы, что всешутѣйшій и всепьянѣйшій могъ бы возжелать власти неограниченной: начать крушеніе зубовъ вѣрноподданныхъ ошую и одесную, украшать очеса фонарями неподобными, тузить спины неповинныя и трепать за власы манеромъ, нещадно своеобычнымъ; однимъ словомъ, князь-папа могъ предаться полному разгулу властителя неограниченнаго, просвѣтителя самовластнаго, алчущаго не единаго назиданія словомъ, но и дѣломъ рукъ своихъ. Но нѣтъ! Все это провидѣлъ остроумный учредитель всешутѣйшаго собора и ограничилъ папскую власть даже и на время восторженнаго состоянія достойнаго главы собора.

Это ограниченіе состояло въ томъ, что заблаговременно отбиралась отъ новопоставленнаго слѣдующая подписка: „Всешутѣйшій князь-папа даетъ сіе письмо протодіакону, что во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно. И для того подписалъ сіе письмо своею рукою и чинить по сему письму“ [2]).

---

[1]) Указъ и объявленіе написаны вчернѣ самимъ государемъ.

[2]) Приведенная записка Петра подписана „Smirennый Anikit“ и проч.; безъ сомнѣнія, такія-жъ подписки отбирались и отъ его славныхъ преемниковъ; впрочемъ, это было не болѣе какъ форма. Петръ, не выжидая никакихъ подписокъ, усмирялъ какъ словесно, такъ и ручно.

Всѣ уставы шутовской конклавіи пребывали въ полной силѣ до самой смерти Петра Великаго [1]).

Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1723 г., въ маскарадной компаніи соборъ занималъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ длинной шутовской процессіи.

Въ интересномъ описаніи этого маскарада, напечатаннаго княземъ М. А. Оболенскимъ (прилож. къ 3-й части Дневн. Берхгольца, изд. 1860 г.), подъ № 46-мъ мы читаемъ: „Неусыпаемая обитель“: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ (прапорщикъ) Аѳанасій Татищевъ. Князь ярославскій отъ гвардіи фендрихъ Василій Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своей фамиліею и синклитомъ.

„При оной обители служащихъ всякаго званія въ разныхъ духовныхъ, арликинскихъ, въ нищенскихъ и въ протчихъ странныхъ уборахъ, какъ мужеска, такъ и женска полу.

№ 50. Въ одеждѣ царской: князь-цесарь—князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій.

№ 51. Бахусъ: пѣвчій Кононъ Карповъ.

№ 52. Архіереи: Иаликандръ..., митрополитъ санктпетербургской Морай..., митрополитъ кроншлоцкой и котлинской, Тарай..., митрополитъ великаго Нова... и великихъ...; Яковъ Прыткой..., митрополитъ дербенской и мидской; Гнилъ..., митрополитъ сибирской и тобольской; Бибабръ, митрополитъ рѣки охтинской и седмимельницкой; М...—....., митрополитъ псковской и изборской, Ѳеофанъ Красной..., митрополитъ смоленской и дорогобужской; архидіаконъ Иди на... Строевъ; ключарь Ѳормасовъ... Протасьевъ. Итого 10 человѣкъ“.

Въ числѣ знатнѣйшихъ дамъ были: ея величество государыня князь-цесарева Ромодановская; архи-игуменья—Стрешнева, заступившая мѣсто покойной Ржевской; князь-игуменья—княгиня Голицына; госпожа адмиральша краснаго флага—Михайлова, т. е. императрица.

Въ этомъ печатномъ спискѣ мы не находимъ князь-папы. Рев-

[1]) Въ дневникѣ Берхгольца 1721, 1722, 1723 и 1724-хъ годовъ разсѣяно множество преинтересныхъ подробностей о князь-папѣ, его соборѣ и участіи ихъ въ пирахъ, всякаго рода празднествахъ и публичныхъ маскарадахъ. Мы не цитируемъ Берхгольца, такъ какъ дневникъ его напечатанъ на русскомъ языкѣ (Москва, 4 ч., 1857 — 1860 гг.) и извѣстенъ всѣмъ любителямъ отечественной исторіи.

ностное служеніе Бахусу сломило, наконецъ, его здоровье; опившійся и обожравшійся сановникъ всешутѣйшій слегъ въ постель и умеръ въ первой половинѣ 1723 года [1]).

На вдовствующій престолъ былъ избранъ новый князь-папа; но еще за мѣсяцъ до своей смерти Петръ Великій вновь былъ озабоченъ „чиномъ новаго избранія". Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая помѣтка на одномъ изъ списковъ чина:

„Писано 19-го декабря 1724 года, а съ сего копія дана графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ 20-й день декабря 1724 года" [2])

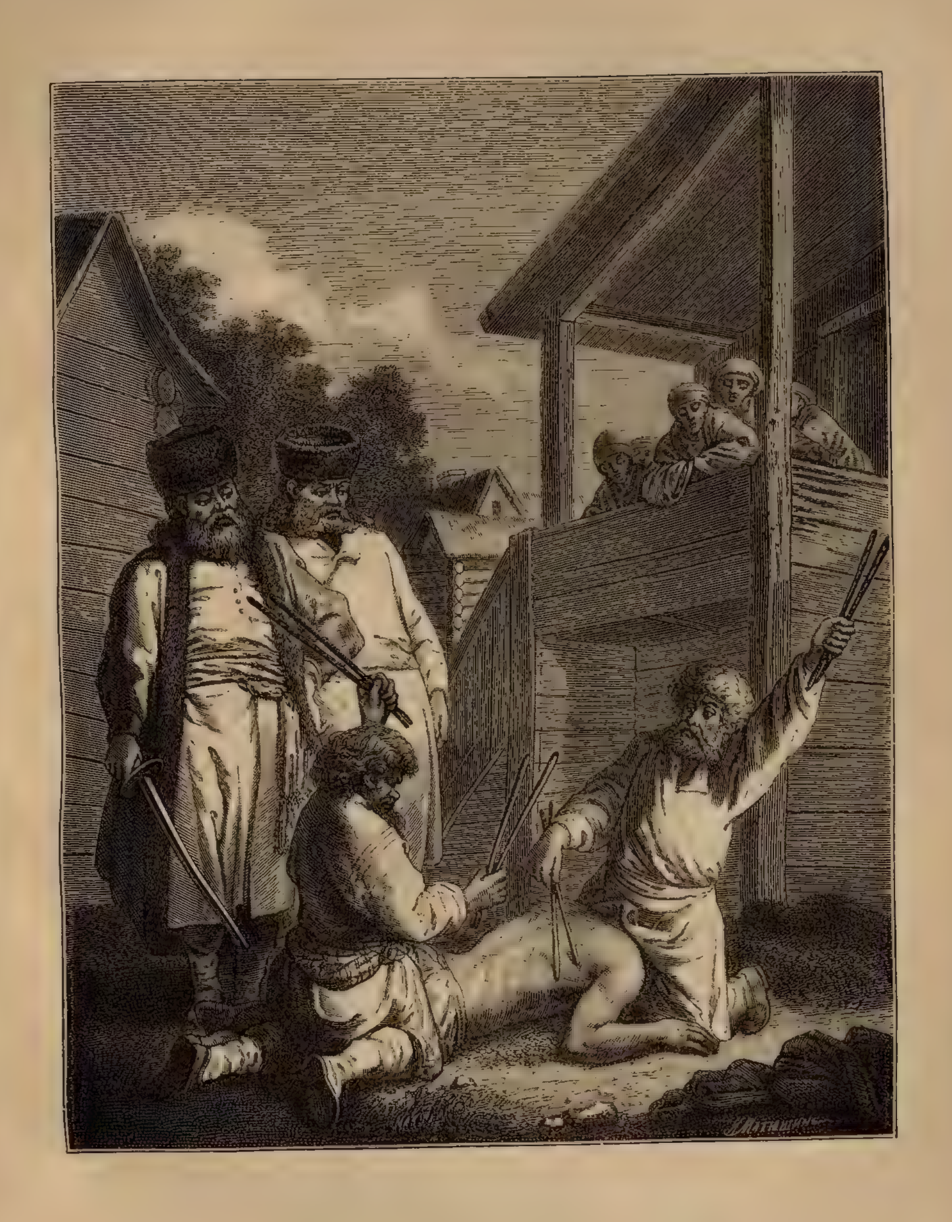
---

[1]) Въ родословной книгѣ, изд. кн. П. В. Долгорукимъ (1855 г., ч. II, стр. 158, № 128), годъ смерти П. И. Бутурлина показанъ 1724 г.; но это невѣрно, ибо въ сентябрѣ еще мѣсяцѣ 1723 г. государь принялъ на себя заботы о передачѣ деревень племяннику покойнаго, деньщику Александру Бутурлину. Петръ приказалъ сдѣлать справки въ помѣстьяхъ Петра Бутурлина: какимъ образомъ и по сколько сбираютъ съ его крестьянъ подати и проч. Голиковъ, т. IX, стр. 449, 526; т. XI, стр. 488 и проч.

[2]) Вотъ опись документовъ того сборника подлинныхъ собственноручныхъ бумагъ Петра Великаго въ Государ. Архивѣ м-ства иностран. дѣлъ, въ Спб., на основаніи которыхъ почти исключительно составлена настоящая статья:

„Реэстръ нѣкоторымъ увеселительнымъ письмамъ о князь-папѣ и собора онаго, писаннымъ рукою государя императора Петра Великаго и другихъ:

„Объявленіе, какому быть прошенію къ князь-цесарю отъ собора отцевъ, о избраніи имъ въ отца князь-папу, л. 1. Чинъ избранія и съ оныхъ списки съ пополненіемъ, лл. съ 3 по 18. Обѣщаніе отъ князь-папы о законѣ и о содержаніи онаго, л. 18. Чинъ поставленія въ князь-папы чрезъ баллотированіе съ нѣкакимъ осязаніемъ; съ росписаніями рукоположенія и одежды, съ вопросами ко избранному, и отвѣтами его и къ тому съ принадлежностями, лл. съ 20 по 47. Два письма князь-папы къ протодіакону Петру, писанныя въ іюлѣ и въ сентябрѣ мѣсяцахъ безъ годовъ, на которыя требовалъ себѣ отвѣту и увѣдомленія въ С.-Петербургъ, будучи и пишучись въ оныхъ митрополитомъ, лл. 50—52. Подписка Петра Бутурлина извинительная съ написаннымъ въ ономъ (ежели впредь провинится) не какимъ закладомъ, л. 53. Письмо отъ митрополита къ протодіакону Петру Михайлову, писанное съ Москвы, генваря въ 5 день 1709 года, л. 54. Письмо отъ него-жъ вышепомянутому-жъ протодіакону, л. 55. Двѣ записки или загадки, лл. 59—60. Нѣкоторая подписка Дмитрія Сибиряка, Автомона Дубасова, князя Дмитрія Щербатова, л. 61. Подписка князь-папы своему протодіакону, чтобъ во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно (писано до окончанія рукою государя Петра Великаго), л. 62. Два указа князь-папы, всешумнѣйшей мати, возлюбленной о Бахусѣ тщи, что произведена (на отъ степени князь-игуменьи, въ архи-игуменьи (изъ коихъ первой руки е. в.), писанныя 1717 года, декабря въ 28 день, лл. 64, 65. Два указа отъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго князь-папы: къ объявленію хозяевамъ, о пищѣ и питьяхъ, какія въ славленьи

НАКАЗАНІЕ БАТОГАМИ ВЪ РОССІИ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

М. И. Семевскій: «Слово и Дѣло», изд. третье.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 февраля 1885 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Приложенія.

I.

Разсказъ Голикова о свадьбѣ князь-папы.

(Дѣянія Петра Великаго, М., изд. 1792, т. X, стр. 232; изд. второе, М., 1838, т. VI, стр. 277).

Въ концѣ 1714 года начались пріуготовленія къ свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, называвшагося князь-папою.

Читатели, конечно, не поскучаютъ, ежели я оную, яко достойную любопытства, опишу съ подробностями, какія только могъ я собрать, но прежде за нужное почитаю сказать, или паче повторить уже сказанное мною въ разныхъ мѣстахъ исторіи монаршей, что всѣ его величества забавы и шутки имѣли цѣлію своею какую нибудь пользу и намѣреніе. Сія же забава, о которой мы говорить намѣрены, имѣла цѣлію своею весьма важный предметъ.

Мудрый государь, дабы мечтаемую папою власть надъ христіанствомъ и самую его особу въ бóльшее привесть у подданныхъ своихъ презрѣніе, наименовалъ бывшаго учителя своего, реченнаго г. Зотова, папою; наряжалъ его смѣшнымъ образомъ въ его папскіе уборы, представлялъ многіе обряды папскіе въ такомъ же смѣшномъ видѣ, и проч.

Равнымъ сему образомъ приводилъ онъ мало-по-малу въ неуваженіе патріарха россійскаго. Мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, что великій государь, рѣшившись отъ самой смерти послѣдняго патріарха Адріана упразднить патріаршее достоинство въ Россіи, но

имѣть имъ въ домахъ своихъ (первый писанъ, а другой правленъ рукою его величества), лл. 68—70. Реэстръ архіереемъ и прочимъ, обитающимъ въ Москвѣ, которые учинились ослушны святѣйшему князь-папѣ, 1723 года, апрѣля 33-го дня, л. 72. Роспись имянная того собора сослужителемъ и ключаремъ, діаконамъ, подъдіаконамъ, грознымъ, лампадчикамъ и другимъ между оными, л. 73».

Изъ всего сборника мы оставили безъ вниманія двѣ непонятныя загадки, да слишкомъ сальную росписку пьяныхъ членовъ всепьянѣйшаго собора, князя Дмитрія Сибиряка, Автамона Дубасова и кн. Дмитрія Щербатова; документы эти не важны и не имѣютъ прямого отношенія къ нашему разсказу.

29-го ноября 1860 г. С.-Петербургъ.

что вѣдая привязанность народную къ сей верховной главѣ духовенства, предоставилъ оное времени, пока то есть нѣсколько предразсудки народные придутъ, такъ сказать, въ ослабленіе, наименовавъ между тѣмъ рязанскаго митрополита Стефана блюстителемъ патріаршаго престола.

Но наконецъ видя, что народъ, дворянство и самыя даже знатныя особы все еще съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидали посвященія новаго патріарха: тогда-то уже монархъ, а именно, въ концѣ минувшаго года, рѣшился открыться, что ожиданіе ихъ есть тщетно; онъ собралъ первѣйшихъ духовныхъ имперіи своей и другихъ знатныхъ особъ, объявилъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ начальникомъ россійской церкви, и предоставляетъ учредить духовное собраніе, состоящее изъ просвѣщеннѣйшихъ въ государствѣ особъ духовныхъ, дабы принимать ихъ совѣтъ въ дѣлахъ, до церкви касающихся, и съ которымъ вмѣстѣ будетъ онъ стараться объ уничтоженіи вкравшихся въ церковь, къ великому соблазну народа, разныхъ злоупотребленій, присовокупя къ тому, что сіе собраніе состоять будетъ подъ именемъ святѣйшаго синода, и которое откроется такъ скоро, какъ окончится настоящая война, и проч. А дабы къ сему приготовить умы, то восхотѣлъ государь напередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя положилъ онъ учинить въ правленіи церковномъ; на сей-то конецъ того-жъ князь-папу преобразилъ въ патріарха; онъ одѣвалъ его иногда въ подобное патріаршему платье; сей послѣдній, когда представляющій патріарха садился на лошадь, держалъ стремя коня его, по примѣру нѣкоторыхъ царей россійскихъ, при возсѣданіи патріарха на коня въ назначенные дни[1]). Сему же концу соотвѣтствовала и выдумка монаршая толь смѣшной церемоніи свадебной сего мнимаго патріарха; и такъ, опишемъ мы оную.

Еще въ минувшемъ году, а именно 21-го сентября, данъ былъ слѣдующій приказъ: „По указу великаго государя объявить нижеписаннымъ, чтобъ быть имъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, всесвѣтнаго манера въ платьѣ каждаго манера по три человѣка, и въ томъ согласясь, и о платьѣ, кто какое возмнитъ сдѣлать, объявить государственному канцлеру и кавалеру

[1]) Такъ описываетъ безъименный сочинитель исторіи Петра Великаго, въ Голландіи напечатанной, подобное же и служащее сему подтвержденіемъ слышалъ я и отъ стариковъ тогдашнихъ временъ. Г.

графу Гаврилу Ивановичу Головкину, сего сентября 22-го, дабы однимъ образцомъ больше трехъ платьевъ и другихъ не было, и конечно-бъ оное платье въ готовности было сентября къ 29 числу.

Сіе объявленіе касалось до обоего пола и разослано ко всѣмъ знатнымъ особамъ, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ, имена которыхъ увидимъ мы ниже.

Всѣ тѣ, которымъ сіе сообщено, должны были подписаться, какое они себѣ избрали платье.

Октября 6-го монархъ, прочтя подписку сію, многое перемѣнилъ и назначилъ именно кому въ какомъ быть нарядѣ.

Декабря 10-го того-жъ 1714 года его величество повелѣлъ всѣмъ симъ въ назначенномъ имъ уборѣ быть на смотръ въ домъ секретаря Волкова, на Васильевскомъ острову. Но чтобъ народъ онаго не видалъ, то покрыться имъ епанчами и проч., а головные уборы, не надѣвая на себя, такъ бы привезли. Князь Меншиковъ, сообща сіе монаршее повелѣніе къ графу Головкину, заключаетъ такъ: „Также при семъ прилагаю роспись его царскаго величества собственной руки[1]), по которой извольте тѣмъ персонамъ объявить, чтобъ каждый изготовилъ къ тому браку сани, а именно линеи такія, какова у царскаго величества, на которой бы можно десяти персонамъ сѣсть, а на полозья кріули брать изъ адмиралтейства“.

Въ силу сего повелѣнія и по разосланнымъ ко всѣмъ повѣсткамъ, въ показанный домъ явились къ монарху пополудни во 2 часу, декабря 12-го.

По осмотрѣ должны были всѣ подписаться, въ какомъ кто платьѣ неотмѣнно явится въ назначенный день свадьбы.

Потомъ монархъ далъ всѣмъ слѣдующую роспись:

Реэстръ, кому господамъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова быть въ какомъ платьѣ и съ какими играми.

Женихъ въ кардинальскомъ.

Кесарь въ царе-давыдовскомъ.

---

[1]) Роспись сія такова: „Реэстръ линеямъ: жениховы, царскаго величества, господина губернатора князя Меншикова, господина адмирала графа Апраксина, господина графа Головкина, господина графа Мусина-Пушкина, князя Якова Өедоровича Долгорукова, князя Григорья Өедоровича Долгорукова, митрополита новгородскаго, господина генерала Брюса, господина генерала Вейде“. Г. (1790 г.).

Платье гамбургскихъ бурмистровъ. Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ). Адмиралъ графъ Апраксинъ. Генералъ Брюсъ, генералъ Вейде. Графъ Фицтумъ. (Игра рылѣ).

Разной манеры. Господинъ вице-адмиралъ. Господинъ генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Господинъ Трубецкой. Господинъ Скляевъ. (Барабаны).

Въ китайскомъ. Графъ Головкинъ. Князь Яковъ, князь Григорій Долгорукіе. Князь Петръ, князь Дмитрій Голицыны. (Дудочки).

Въ венецкомъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ. Генералъ князь Рѣпнинъ. Князь Василій, князь Михайло Долгорукіе. Сава Рагузинскій. (Черныя удочки)[1]).

Скороходское. Баронъ Шафировъ. Баронъ Левольдъ. Комендантъ Чемесовъ. Князь Григорій Прохоровичъ Долгорукій. (Палки скороходскія).

Арцибискупское. Алексѣй Петровичъ Салтыковъ. Тихонъ Никитичъ. Бояринъ Бутурлинъ. Окольничій Бутурлинъ. Андрей Корсаковъ. (Роги большіе).

Турское. Господинъ Толстой. Господинъ Бестужевъ. (Тарелки мѣдныя).

Рудокопное. Баронъ Лось. Фалкъ. Егужинскій. Макаровъ. (Цытра. Скрыпицы).

Нѣмецкое пастушье. Цесарской резидентъ Блеэръ. Господинъ Веберъ[2]). Господинъ Ахенбахъ. Голландскій резидентъ. (Флейты).

Ассесорское. Генералъ Чернышевъ. Князь Алексѣй Черкаской. Василій Зотовъ. Иванъ Зотовъ. Кононъ Зотовъ. (Съ соловьями).

Въ золотѣ. Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, яко маршалъ съ штатомъ.

Въ терликахъ. Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихаревъ. Михайло Ивановичъ Глѣбовъ. Князь Петръ Лукичъ Львовъ. Петръ да Никита Хитровы. Борисъ Ивановичъ Лихаревъ. Андрей Крефтъ.

Сіи безъ игръ для того, что отъ старости своей не могутъ ничего въ рукахъ держать.

Въ веницейскомъ. Господинъ Щукинъ. Иванъ Чередѣевъ. Иванъ Губинъ. (Съ урны).

---

[1]) По списку архивскому показано по парѣ свирѣлей.

[2]) Ганноверскій министръ.

Г.

Американское. Князь Осипъ Щербатой. Алексѣй Волковъ. Авраамъ Веселовской. Левольдъ молодой. Лефортъ. (Вилы деревянныя).

Лифляндское старорыцарское. Господинъ Шлипенбахъ. Господинъ Нироть. (Верхи отъ флейтъ).

Офицеры.

Однорядки. Лутковскій. Киселевъ. Ѳедоръ Синявинъ. (Гудки).

Докторы.

Докторское. Красныя епанчи какъ въ процессіяхъ живетъ. Арескинъ, Блюментросъ, Поликола. (Книги).

Матросское. Матвѣй Олсуфьевъ, Василій Олсуфьевъ. Янъ Кохъ. Данило Чевкинъ. Родіонъ Кошелевъ. Дмитрій Шепелевъ. (Трещотки).

Охабни. Царевичъ Сибирской. Князь Ѳедоръ Голицынъ. Панкратій Сумароковъ. Алексѣй Юшковъ. (Тулумбасы).

Въ охабняхъ. Михайло Самаринъ. Князь Юрья Хилковъ. Степанъ Нелединскій. (Набаты).

Венгерское. Касимовской царевичъ. Иванъ Родіоновичъ Стрѣшневъ. Василій Глѣбовъ. Иванъ Пушкинъ. Князь Ѳедоръ Волконскій. (Сковороды).

Польское. Ѳедоръ Бутурлинъ. Иванъ Потемкинъ. Ѳедосей Мануковъ. Петръ Тарбѣевъ. (Скрыпицы).

Норвежскихъ мужиковъ. Маршалъ Биберштейнъ. Ціэзеръ. Будберхъ. Михайло Бестужевъ.

Калмыцкое. Иванъ Строевъ. Иванъ И. Стрѣшневъ. Князь Оболенскій. Михайло Голенищевъ. (Балалайки).

Въ шубахъ. Князь Засѣкинъ. Семенъ Чебышевъ. (Тазы).

Секретари.

Пасторское Лютерское. Василій Степановъ. Петръ Курбатовъ. Андрей Остерманъ. Капитанъ Роде. Капитанъ Кнутовъ. (Съ перепелочными дудками).

Китоловное. Баронъ Гизенъ. Секретарь Григорій Волковъ. (Пикульки).

Шипорское. Генералъ-маіоръ Головинъ.

Корабельные мастера: Козенцъ. Броунъ. Най. Гаврило Меншиковъ. (Собачьи свисты).

Поповское. Князь Юрья Щербатой. Иванъ Ржевской. Князь Михайло Шаховской. (Пастушьи рога).

Дьяки.

Въ армянскомъ. Иванъ Молчановъ. Иванъ Позняковъ. (Флейты).

Въ японскомъ. Александръ Докодовскій. Василій Казариновъ. Иванъ Ларіоновъ. (Флейты).

Почталіонское прусское. Семенъ Васильевъ. Лука Тарсуковъ. (Почтовые рожки).

Егерское. Государь царевичъ. Өедоръ Глѣбовъ. Михайло Матюшкинъ. Князь Григорій Юсуповъ. Герасимъ Кошелевъ. (Егерскіе рога).

Въ Никонскомъ. Семенъ Салтыковъ. Князь Григорій Долгорукой. Князь Михайло Щербатовъ. (Габои).

Въ Нѣмецкихъ кирейкахъ. Капитанъ Соловой. Капитанъ Мавринъ. Капитанъ Тишинъ. (Съ трубами).

Въ Тунгусскомъ. Григорій Писаревъ. Богданъ Писаревъ. Петръ Татариновъ. (Колокольчики).

Турецкихъ дровосѣковъ. Илья Орловъ. Василій Парсуковъ. Семенъ Пискарской. (Варганы).

Офицеры морскіе.

Трелемарскихъ мужиковъ. Шхелтинъ. Сиверсъ. Змаевичъ. (Артиллерійскіе рога).

Гондулярскіе. Василій Салтыковъ. Егоръ Пашковъ. Александръ Лукинъ. Алексѣй Леонтьевъ. (Новогородскія трещотки).

Баурское. Капитанъ Лихаревъ. Князь Г. Урусовъ. Капитанъ Сухотинъ. (Ложки съ колокольчиками).

Македонское. Капитанъ Өедоровъ. Капитанъ Измайловъ [1]). Капитанъ Бредихинъ. (Свирѣли черныя).

Въ сѣрыхъ кирейкахъ. Капитанъ Бахтіоновъ. Василій Головинъ. Алексѣй Бибиковъ. (Пузыри съ горохомъ).

---

[1]) По другому списку — Румянцовъ.

Въ бернардинскомъ. Аврамъ Бухольцъ. Θедоръ Митрофановъ. Капитанъ Карповъ. (Дудочки глиняныя).

Лопарское. Подполковникъ Савенковъ. Маіоръ Аничковъ. Капитанъ-поручикъ Синявинъ. (Горшки хивинскіе).

Шубы короткія на выворотъ. Ермолай Скворцовъ. Капитанъ-поручикъ Гослеръ. (Сиповки старинныя).

Въ матросскомъ. Иванъ Кочетъ. Филиппъ Пальчиковъ. Василій Шипиловъ. (Волынки).

Въ рудокопномъ. Анисимъ Моляровъ. Шпаковской. Францъ Кичилъ. (Органныя трубы).

Рыболовское. Маіоръ Заборовской. Капитанъ Дмитрій Лихаревъ. Капитанъ Никита Бегичевъ. (Одни литавры. Двое накры)[1]).

Дамскія особы.

Ея величество, въ фрисландскомъ, при ней восемь персонъ. Царица Марθа Матвѣевна, въ польскомъ. Царица Праскевія Θедоровна, въ польскомъ. Принцессы дѣти ея, въ шпанскомъ. Пять дѣвицъ (фрейлинъ), въ шубахъ, въ лѣтникахъ и въ шубахъ нагольныхъ. Государыня царевна, въ польскомъ, при ней три дамы. Государыня кронъ-принцесса. Принцесса Фрисландская. Гофъ-дама фонъ-Брисеніенъ. Всѣ въ старонѣмецкомъ платьѣ. При нихъ три дамы въ страсбургскомъ. Княгиня Меншикова, генеральша Брюсша, въ испанскомъ. Графиня Мусина-Пушкина, госпожа Головкина и госпожа Неронова, въ китайскомъ.

Супруги царевича Сибирскаго, Головина, Чернышева и Пушкина, въ польскомъ.

Госпожа архіерейша (Бутурлина), княгиня Оболенская и Хилкова, Сумарокова и Чебышева, въ шубахъ и лѣтникахъ.

Госпожа князь-игуменья (Ржевская) и госпожи Бутурлина и Глѣбова, въ шубахъ и тѣлогрѣяхъ.

Госпожи Стрѣшнева, Бутурлина, Волконская и Потемкина, въ венгерскомъ.

Голенищева и Юшкова, въ новгородскомъ.

---

[1]) Я имѣю у себя списокъ оригинальный; разрядкой означенныя слова писаны, кажется, собственною его величества рукою. Я говорю „кажется", ибо не смѣю заподлинно утвердить, но весьма однако же на его руку похожее; оный сообщенъ мнѣ отъ господина Курбатова. Г. (1790 г.).

Въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ находится позывная къ сей свадьбѣ бумага; я оную здѣсь также помѣщаю, яко показывающую, что монархъ иногда любилъ шутить, и что въ самыхъ сихъ шуткахъ усматривается намѣреніе; вотъ она:

„Позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не торопясь, тово, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта“ (то-есть оберъ-корсицкаго Маразина).

„Лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ Бѣлохвастова, который, кромѣ души, весь въ заплатахъ“.

„Тово, кто съ похмѣлья гораздо прытокъ...и бѣлая дорогая“.

„Тово, кто всѣхъ обидитъ смѣхами и хохотаньемъ“.

„Сумозбродныхъ и спорливыхъ по именамъ, и немного ихъ и всѣ въ лицахъ“.

„Древняго старшинаго архимастера; тово, кто немного учился и ничего не вѣдаетъ; тово, кто не любитъ сидѣть, а все похаживаетъ“.

„Сосѣдовъ тѣхъ, которые по глазамъ и по платью не затѣйнаго содружества и сосѣдства, надъ всѣми бочками коменданта, и пьяницу, и ѣдуна, старова оберъ-боярина, старова князь-дворянина“.

„Тово-бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискивалъ, да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ-ли онъ и тó сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются, и торжество приготовляется; тово человѣка, кто въ Алепѣ родился; тово, кто кушать пріуготовить умѣетъ; тово, кто не по силѣ борца сыскалъ“.

„Къ тому брачному торжеству гости: полковникъ Преображенской, полковница Преображенская, дѣти ихъ величествъ, великаго и великія, и со внучаты немалыми“.

Къ тому-жъ звать:

„Государя князь-кесаря“.

„Всепренеосвященнѣйшаго князь-папу [1]) архіоберъ скосыря.

„Тово, кто именуетъ гостей, благороднаго Толстаго, благородныхъ Кантемировъ“.

---

[1]) Не должно сего князь-папу принимать за г. Зотова; сей другой былъ, и также именовался, по увѣренію нѣкіихъ писателей, г. Бутурлинъ. Сіе послѣднее подтверждается и хранящеюся въ собственномъ его величества кабинетѣ запискою. Въ реэстрѣ дѣлъ онаго записка сія внесена такъ: Нѣкоему сержанту гвардіи въ подтвержденіе, какимъ образомъ пожитки князь-папы Петра Ивановича Бутурлина описать и отдать. Г.

„Тово, кто неусыпаемаго сумозбродства президентъ; тѣхъ, которымъ со двора отлучиться нельзя (то-есть деньщиковъ)“.

„Тово, ково князь чортъ Смоленской изъ яйца вынялъ хуже прежняго, а и до того была Шпанская мушка, ни яманъ, ни якши средней руки“.

Чаятельно таковую насмѣшку всѣ тѣ разумѣли, до кого оная касалась. Къ позыву опредѣлены четыре человѣка, которые были великіе заики.

15 января повѣщено всѣмъ, чтобъ по утру 16-го числа по выстрѣленіи изъ трехъ пушекъ съѣхались мущины въ домъ графа Головкина, а женщины въ домъ князь-игуменьи, въ платьѣ, изготовленномъ на бракъ для смотра.

А линея и сани большія, въ чемъ дамамъ ѣхать, были-бы въ то же время къ тѣмъ домамъ, и стали на Невѣ противъ оныхъ, и чтобъ каждый былъ съ назначеннымъ всякому инструментомъ, а женскому полу имѣть дудочки красныя.

Въ день свадьбы весь сей кортежъ, въ предшествіи жениха, шествовалъ въ домъ канцелярскій съ своею музыкою. Знатныя ѣхали въ большихъ линеяхъ, каждая о шести лошадяхъ; такихъ-же было 16 линей для поѣзжанъ. Изъ онаго съ невѣстою шествовали въ церковь. Четыре престарѣлые человѣка (придаютъ къ сему иностранные писатели) вели обрученную чету, и которые заступали мѣсто церемоніймейстеровъ; предъ ними шли въ скороходскомъ платьѣ четыре-же претолстые мужика, и которые были столь тучны и тяжелы, что имѣли нужду, чтобъ ихъ самихъ вели, нежели чтобъ бѣжать имъ предъ мнимымъ патріархомъ и его невѣстою. Самъ монархъ между поѣзжанами находился въ матросскомъ платьѣ. Собора Архангельскаго священникъ, вѣнчавшій обрученныхъ, имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. Изъ церкви тѣмъ-же порядкомъ весь кортежъ сей слѣдовалъ, съ тою-же музыкою и тѣмъ-же порядкомъ [1]), въ домъ новообвѣнчавшагося мнимаго патріарха, гдѣ имѣли и обѣденный столъ; молодые [2]) впродолженіе онаго непрестанно подчивали гостей своихъ разными напитками. На другой день по утру тѣмъ-же порядкомъ,

[1]) Иностранные писатели, въ числѣ коихъ и самъ бывшій въ семъ праздненствѣ г. Блееръ, къ сему придаютъ, что, во время шествія кортежа, къ чрезвычайному шуму толь смѣшныхъ орудій присоединялся и колокольный въ церквахъ звонъ.

[2]) Изъ коихъ первому полагаютъ около 70-ти лѣтъ. И. Г.

въ тѣхъ-же уборахъ и съ такою-жъ смѣшною музыкою весь кортежъ сей шествовалъ въ домъ сего князь-папы или, какъ на то время называли его, князь-патріарха; и съ пресмѣшными обрядами поднявъ ихъ, слѣдовали въ домъ адмирала Апраксина, а по другому списку вице-адмирала, въ которомъ отобѣдавъ, возили молодыхъ, въ предшествіи всего-же кортежа, по всему городу.

Въ первый день брака угощенъ былъ и весь народъ, стеченіе котораго было безчисленно; для него выставлены были многія бадьи съ виномъ и пивомъ и разныя яства. Сей народъ, толико уважавшій достоинство патріаршее, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялся на счетъ онаго [1]).

Забавы сіи продолжались по самый февраль мѣсяцъ.

Читатели не оставятъ, надѣюсь, сдѣлать заключеніе о всей забавѣ сей монарха, толико впрочемъ исполненнаго твердости и благоговѣнія къ закону; а я съ своей стороны въ забавѣ сей ощущаю еще и послѣдній, такъ сказать, ударъ остаточному предразсудку, какой еще имѣли къ старинному мѣстничеству.

Ив. Голиковъ.

1879 г.

II.

Удостовѣреніе въ годности папы въ IX—XII вв.

При разборѣ библіотеки виленскаго Музея, между сваленнымъ въ уголъ разнымъ печатнымъ хламомъ, найдена въ 1867 году латинская книга, весьма любопытная по своему содержанію, подъ заглавіемъ „Roma Triumphans“, объ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ особенности Климента X. Книга печатана въ 1645 году, и иллюстрирована многими рисунками. Въ числѣ другихъ обрядовъ и церемоній выбора и посвященія главы римской церкви, описывается здѣсь и та сцена, гдѣ римскій конклавъ удостовѣряется въ годности избраннаго на папство. На приложенной

[1]) Народъ говорилъ тогда съ великимъ смѣхомъ: Патріархъ женился! Патріархъ женился! Другіе съ ковшикомъ вина или пива кричали: „да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!“ и проч. Г.

къ тексту картинкѣ [1]) представленъ новоизбранный папа, уже въ тройственной тіарѣ, стоящимъ въ „прорѣзномъ мраморномъ сѣдалищѣ“, около его по обѣ стороны кардиналы; одинъ изъ нихъ, стоя на колѣняхъ около сѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; отъ рта его идутъ слова: „Pontificalia habet“ (первосвященническое имѣетъ). Приводимъ цѣликомъ латинскій текстъ книги объ этомъ обрядѣ съ русскимъ переводомъ.

„Послѣ сего (врученія папѣ ключей и цѣлованія ногъ) его понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи, чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его половые органы, какъ объ этомъ я упоминалъ уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ этомъ: извѣстно достовѣрно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное; также достовѣрно извѣстно, что новоизбранные папы, прежде чѣмъ допускались до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и сами католики: Platin & Sab. in. vit. Joh. VIII. Stella sacerd. Venetin ejusdem vit. Marian. Schot qui vixit circa annum 1000. Raph. volater. Anthrop. lib. 22 pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontix. Petr. Greg. Tholoss. sintagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23.

„Дѣвица изъ Майнца, по имени Ангелика, скрывшая свой полъ, за свою необыкновенную ученость и способности ума, по смерти Леона IV, была избрана папою римскимъ, и названа Іоанномъ VIII. Потомъ, отправившись однажды въ латеранскую базилику, между театромъ, называемымъ Колизеемъ, отъ колоссальной статуи Нерона, и церковью св. Климента, родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на второмъ году своего папства, 1-го мѣсяца 4-го дня, около 857 года по Р. X. Platin in ejus vita Raph. Volat. anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vita Pontif. Joann. Stell. in Joann. VIII Tholoss. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita. Потому на этомъ мѣстѣ даже до нашего времени находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и по этой дорогѣ къ базиликѣ намѣренно никогда не ходятъ папы, хотя она

[1]) Фотографическій снимокъ съ этой любопытной картинки, снятый въ величину подлинника, подаренъ въ нашу библіотеку въ 1867 г. бывшимъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, тайн. сов. Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ. М. С.

короче другихъ и столь же удобна. И послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ многіе, не возводить папу на первосвященническую каѳедру, пока въ сѣдалищѣ съ отверстіемъ, нарочно для сего приготовленномъ, не ощупаютъ его половыхъ органовъ. Platin & Sabel. dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23".

III.

Письма архи-игуменьи Ржевской.

1708—1717.

†

1) „Всемилостивѣйшій государь полковникъ, поздравляемъ васъ съ полученною вашею викторіею, о которой увѣдомясь отъ васъ здѣсь, воздавъ хвалу Вышнему, съ удовольствомъ веселились, а чѣмъ

Стран. 387. „Postea, ab usdem ad sedem Marmoream perforatam, quae non procul inde collocata fuit, portatus ut super cadem positus, ejus virilia attrectarentur, veluti supra pag. 91 notavi. Nec dubitandum quin res ita habeat; etenim certissimum est, sellam illam mormoream & perforatam in eadem Basilica Lateranensi servari, quam multoties nos ipsi vidimus. Certissimum quoquae est, noviter creatos Pontifices ante, quam ad seculare reginem Lateranense admittantur, super eadem sellà reponi & collocari, veluti salis probant inter alios, ipsi quoquae Catholici. Platin & Sabel. in vit. Joh. VIII. Stella sacerdos venetus, in ejusdem vita. Marianus Schotus, qui vixit circa annum 1000. Raphael. Volaterranus Antrop. lib. 22, pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontif. Petrus Gregorius Tholoss. Syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23".

Стран. 90—91. „Moguntina puella, Angelica nomine, sexum ementita, ob doctrinam singularem & alias ingenii dotes, mortuo Leone IV summus Pontifex Romanus est facta, & Joannes VIII nominata. Post modum vero compressa, dum ad Lateranensem Basilicam proficiscitur, inter Theatrum quod colosseum nominant a Neronis colosso, & S. Clementem peperit, eoquae loco mortua est, pontificatus sui anno 2, mense 1, die 4, irca annum Christi 857. Platin in ejus vita. Raph. Volater. Anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vit. Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII. Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita. Hinc eo loco, ad nostra usquæ tempora fuit ejus statua cum puero, & viam hanc, ad eam Basilicam tendentes consulto praetereunt & declinant tifices, licet ea brevior sit, nec minus commoda, quam aliæ. Post ejus vero mortem, cautum est, veluti plerique scribunt, ne post illum tempus, summus Pontifex, in Pontificalem proveherunt cathedram, neve confirmaretur, quin prius in sella, ad id parata & perforata, existens, positusve, ejus virilia perspicerentur & attrectarentur. Platin & Sabell. dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23". Sabell.

наипаче желаемъ добраго окончанія слышать, а по добромъ окончаніи ея желаю душевно очи ваши видать въ своей святой обители въ санктпетербургской.

Также прошу объ отданіи моего нижайшаго поклона его сіятельству принцу Меншикову и съ княгинею; а я къ вамъ другое письмо пишу, а отъ васъ къ себѣ ни одного не получу.

Многогрѣшная санктпетербургская игуменья съ сестрами Бога молю и челомъ бью".

„Отъ Санктпетербурга, октября 2-го дня 1708 года".

На оборотѣ: „Всемилостивѣйшему государю".

†

2) „Дорогой нашъ батюшка господинъ, господинъ полковникъ. Поздравляю васъ съ преизрядною викторіею, какую ни праотцы наши не слыхали, а нынѣ за помощію великаго Бога и вашею премногою службою мы сподобились слышать.

И за такую нечаянную радость хвалу Богу воздали, и за ваше здоровье ей-ей изрядно веселились съ великимъ громомъ пушечнымъ.

Дай, дай Боже, намъ очи ваши видѣть въ твердомъ камени въ Санктпетербургѣ и также при васъ веселиться.

Ей государь, вельми печальна, что я не порадована отъ васъ на письма, только за нынѣшніе труды служивые Богъ проститъ.

Также поздравляю свѣтлѣйшаго князя господина, господина Меншикова, съ тою же вышеписанною викторіею, которую получили іюня 27-го.

Грѣшная игуменья санктпетербургская съ сестрами Бога молю и челомъ бью".

„Отъ Санктпетербурга, іюля 17-го дня 1709 года".

†

3) „Всемилостивѣйшій государь! У насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Истинно, всемилостивый государь, великую печаль имѣю, что отлучены отъ вашего величества и непрестанно прошу: Боже! дай ваше вели-

чество намъ видѣть въ добромъ здоровьи и во всякомъ счастливомъ случаѣ.

Доношу вашему величеству о домѣ своемъ старомъ разорила, а новый не зачинала за малолюдствомъ работныхъ людей, и если, государь, вы меня въ своей милости въ томъ моемъ строеніи оставите, и я совсѣмъ приду въ скудость.

Денегъ на палаты собрано семь сотъ восемдесятъ рублевъ. Племянниковъ подписалъ девяносто рублевъ, не далъ ни копѣйки и неколи ему было считать: по отъѣздѣ вашемъ скоро побѣжалъ къ Москвѣ, и я чаю, что онъ въ такомъ мнѣніи, что ему вишь не быть въ Санктпетербургѣ.

Не мало печалюсь, что при нынѣшнемъ случаѣ не имѣю у себя мужа своего Ивана Ивановича; онъ бы управилъ лучше меня.

Грѣшная монахиня санктпетербургская, князь-игуменья, Бога молю и челомъ бью.

Пожалуй, всемилостивѣйшій государь, заступи свѣтлѣйшему князю, чтобы пожаловалъ на строеніе палатъ, что воля его надлежитъ".

„Отъ Санкпетербурга, іюня 20-го дня 1712 года".

†

4) „Всемилостивѣшій государь! Иного къ доношенію не имѣю то, что у насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ все благополучно состоитъ.

Ваши государскія дѣти и внучата, а наши государи, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Отъ сердца желаю и прошу, дабы я не оставлена была милостивымъ вашимъ письмомъ властной вашей руки, въ чемъ бы имѣла въ болѣзни своей великую радость.

Доношу о себѣ, для великой болѣзни мужа моего, съ благословенія отца нашего князь-папы дерзнула изъ обители своей отъѣхать къ мужу своему и съ проѣздомъ въ пути была два мѣсяца и въ томъ прошу прощенья.

А мужу моему учинился параличъ и въ памяти помѣшаніе есть.

Прошу милости, поблагодари свѣтлѣйшаго князя въ письмѣ, что ко мнѣ добръ.

Грѣшная санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бою".

„Санктпетербургъ, февраля 18-го дня 1717 года".

†

5) „Всемилостивѣйшій государь! У васъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Всемилостивѣйшая наша государыня царица Екатерина Алексѣевна въ добромъ здоровьи, изволила пойтить въ Сарскую мызу.

Поздравляю васъ съ новополученнымъ чиномъ, котораго во истину съ немалымъ трудомъ воспріяли; дай Боже и выше воспріять. Пожалуй, отдай услужливый мой поклонъ вашему флагману, изволь ему попенять, что къ намъ не пишетъ, во истину не диво въ дальнемъ разстояніи можно уничтожить.

Санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бью".

„Августа 20-го дня".

„И, если изволишь видѣть сіятельнѣйшаго адмирала, извоь, по своей ко мнѣ милости, ему попенять, что къ намъ не пишетъ и въ томъ намъ печаль приноситъ!"

IV.

Просьба дьяка Протопопова о небытіи въ машкарадѣ

1722 г.

Императорскаго величества въ кабинетъ. Доношеніе дьяка Алексѣя Протопопова.

Написанъ я въ машкарадъ, а по указу изъ государственной юстицъ-коллегіи, президентъ спрашиваетъ многихъ дѣлъ и репортовъ, да къ тому-жъ многихъ прибудущихъ господъ и царедворцевъ противъ прошлыхъ лѣтъ, въ Москву непрестанныя сдѣлки и

прочія крѣпости, по которымъ много пишущихъ крѣпостей, а у того дѣла я одинъ, а великія крѣпости безъ подписки моей быть не могутъ, отъ чего я опасенъ, чтобы отъ того пошлинамъ утраты и въ дѣлахъ бы остановки и требующимъ писать волокиты не было. О семъ требую его императорскаго величества указу. Дьякъ Алексѣй Протопоповъ.

— —

V.

Петръ Великій о ханженствѣ и лицемѣріи.

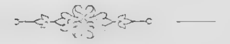
Неоспоримо, что подъ формою насмѣшки надъ князь-папою и его конклавомъ императоръ Петръ бичевалъ и темныя стороны быта современнаго ему духовенства, какъ бѣлаго, такъ въ особенности черпаго. Положеніе того и другого было завѣщано древнею Русью съ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, рѣзко засвидѣтельствованномъ церковнымъ и гражданскимъ правительствами. „Мѣры, принятыя преобразователемъ", пишетъ историкъ Сергѣй Мих. Соловьевъ (т. XVIII, стр. 200 — 201), „для исправленія зла — не имѣли успѣха". Возгорѣлась вражда противъ него духовнаго чина, царь отвѣчалъ тѣмъ же чувствомъ.

— „Отъ 1722 г. осталось написанное рукою Петра толкованіе заповѣдей; на одной сторонѣ написаны заповѣди, на другой—какіе грѣхи противны тому. Противъ 1-й заповѣди написано: „идолопоклонники и атеисты". Противъ 2-й: „Кто страха Божія не имѣетъ и все почитаетъ легко, другіе отъ незнанія ученія". Противъ 3-й: тѣ-жъ, о которыхъ во второмъ пунктѣ писано, и презорцы и лѣнивые. Противъ 4-й то-жъ, что во 2-мъ и 3-мъ. 5 — Разбойники и имъ подобные. 6—Есть отъ тѣхъ же страха Божія неимущихъ, есть отъ нужды, есть отъ великаго вожделѣнія. 7—Тати. 8—Бездушники. 9—Ябедники. 10—Они-жъ. Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, единъ токмо нахожу грѣхъ лицемѣрія или ханженства необрѣтающійся—чего для? Того ради, понеже заповѣди суть разны и преступленія разны противъ каждой, сей же грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ. Противъ первой: грѣхъ есть атеиство (атеизмъ), который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ

дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса все вымышленныя; и когда сами они вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая же вѣра въ оныхъ, а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ второй: страха Божія неимущіе, понеже когда лгутъ на Бога, какой уже страхъ Божій въ нихъ обрѣстися можетъ? Противъ третей: сія равна второй, къ томужъ прилагается: святи его, сирѣчь молися; молитва же отъ ханжей пріятна ли Богу, которая во лживыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мѣстахъ и атеистовскою совѣстью исполнена. Противъ четвертой: можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ, но сіе на удачу, но пастырей, иже суть вторые по натуральныхъ отцы отъ Бога опредѣлены, какъ почитаютъ? когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобы по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть, а вяще тщатся бѣдство имъ приключить подчиненныхъ пастырей оболганіемъ у вышнихъ, и вышнихъ всѣяніемъ въ народъ хульныхъ про оныхъ словъ, подвизая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на кольяхъ свидѣтельствуютъ. Противъ пятой: который на свѣтѣ разбойникъ только можетъ людей погубить какъ заводчикъ бунта, и все то чинятъ образомъ святыни, подъ видомъ агнца, прикрытые его кожей. На шестую: какъ бы могъ мужъ незнакомаго человѣка къ женѣ допустить, и особливо добраго и хорошаго, а ханжу еще и подъ руку принявъ, отведетъ для благословенія и пророчества, и провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и наклоняется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына въ свояки себѣ принялъ. На седьмую: не токмо одною рукой, но духомъ и обоими все крадутъ. На восьмую: въ семъ ихъ и мастерство состоитъ, какъ выше писано. На девятую и десятую: сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ питаться какъ слѣдуетъ? Скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. И тако сей грѣхъ все въ себѣ содержитъ, а изъ грѣховъ прочихъ не каждый можетъ, напримѣръ коли-бъ разбойникъ сталъ ханжить, кто-бъ его въ артель принялъ? Когда-бъ изъ шумницъ (пьяницъ) кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ-бъ отъ него побѣжали; когда-бъ охотникъ молодой до Венуса пришелъ

бы въ компанію дѣвицъ въ ханжескомъ образѣ, то ни у одной бы дружбы не сыскалъ. Когда-бъ тать такъ себя учинилъ, товарищей бы не нашелъ, понеже чаяли бъ, что ихъ искушаетъ. Наконецъ Христосъ Спаситель ничего апостоламъ Своимъ боятися не велѣлъ, а сего весма велѣлъ: блюдитеся, рече, отъ кваса фарисейскаго, еже есть лицемѣріе" [1]).

Петръ.

[1]) Государ. архивъ мин ин. дѣлъ, кабинетъ перв. половина, кн. № 31.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1720.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1720 г.

На той самой сторонѣ Лѣтняго сада, на которой сдѣлано было преступное покушеніе 4-го апрѣля 1866 года — почти полтораста лѣтъ тому назадъ совершено было покушеніе на жизнь императора Петра Великаго.... Такъ какъ эпизодъ этотъ едва-ли многимъ извѣстенъ, то мы считаемъ не безъинтереснымъ привести о немъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, впрочемъ, довольно неполныя свѣдѣнія.

Въ углу Лѣтняго сада, при отдѣленіи фонтанки изъ Невы, стоитъ и до сихъ поръ небольшой дворецъ. Онъ выстроенъ Петромъ Великимъ въ 1711 году и извѣстенъ былъ всегда подъ названіемъ „Лѣтняго". Великій Петръ любилъ этотъ домикъ, для своего времени и красивый, и удобный, и здѣсь проводилъ весну и лѣто, когда только былъ въ своемъ неоцѣненномъ „парадисѣ", какъ онъ обыкновенно называлъ Петербургъ. Въ этомъ же лѣтнемъ дворцѣ императоръ Петръ Великій работалъ съ своими министрами, здѣсь составлялъ онъ регламенты, отсюда разсылались его указы.

Доступъ къ государю, какъ извѣстно, всегда былъ чрезвычайно легокъ, хотя, впрочемъ, Петръ I въ послѣднюю половину своего царствованія неоднократно издавалъ строжайшіе указы о томъ, чтобы никто не дерзалъ подавать ему челобитныя, а представлялъ бы ихъ въ подлежащія и имъ учрежденныя коллегіи и другія мѣста. Какъ бы то ни было, но независимо отъ подачи челобитень, доступъ къ государю былъ легокъ. Этимъ и воспользовался злодѣй.

Въ 1720 году, однажды вечеромъ, — такъ разсказывалъ профессору Штелину, уже послѣ смерти Петра I, бывшій его деньщикъ, по нынѣшнему — флигель-адъютантъ, графъ Александръ Борисовичъ Бутур-

линъ: — у государя въ Лѣтнемъ дворцѣ собрались на совѣтъ министры. Въ это время, пользуясь темнотою и невниманіемъ слугъ и деньщиковъ — въ переднюю прокрался какой-то незнакомецъ; подъ пазухой у него виднѣлась киса, сшитая изъ разныхъ лоскутковъ. Киса та была въ родѣ тѣхъ, въ какихъ секретари и писцы того времени приносили къ разсмотрѣнію или подписи своимъ начальникамъ различныя дѣла. Никто изъ деньщиковъ и слугъ, бывшихъ въ то время во дворцѣ, не обратилъ вниманія на незнакомца; вѣроятно они приняли его за подьячаго или писца изъ какой-нибудь коллегіи, явившагося къ государю съ дѣлами; незнакомецъ тѣмъ скорѣе не обращалъ на себя вниманіе служителей, что стоялъ совершенно равнодушно и покойно, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ кисой подъ мышкой терпѣливо ждалъ выхода государя. Наконецъ совѣтъ кончился. Царь Петръ I, по обыкновенію, пошелъ проводить своихъ министровъ въ прихожую. Въ это мгновеніе незнакомецъ обернулся къ стѣнѣ и незамѣтно вынулъ что-то изъ кисы и вынутую вещь завернулъ въ кису..... Государь, между тѣмъ, обернулся и пошелъ было уже назадъ къ себѣ въ комнаты; незнакомецъ такъ смѣло и рѣшительно послѣдовалъ за нимъ, что окружающіе могли подумать, будто бы самъ государь приказалъ ему идти за собой; но такъ какъ подобнаго приказанія никто не слышалъ, то одинъ изъ служителей побѣжалъ за незнакомцемъ и въ дверяхъ передней загородилъ ему дорогу. Когда же послѣдній сталъ проталкиваться, служитель толкнулъ его и спросилъ: „кто ты такой, и что тебѣ надобно?“ Тотъ, не отвѣчая, продолжалъ проталкиваться вслѣдъ за государемъ. Петръ услышалъ шумъ и, обратясь, спросилъ: „что тамъ?“

Должно быть могучій голосъ и грозный видъ Петра испугали злодѣя: у него вывалилась изъ-подъ пазухи киса, а изъ-подъ нея выскочилъ „превеликой ножъ“. Преступникъ палъ на колѣни и признался въ своемъ умыслѣ.

Государь самъ схватилъ его и спросилъ:

— „Что ты хотѣлъ съ ножемъ сдѣлать?“

— Тебя зарѣзать, отвѣчалъ преступникъ.

— „За что? продолжалъ спрашивать Петръ съ совершенно спокойнымъ духомъ: — развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ?“

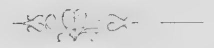
— Нѣтъ, отвѣчалъ злодѣй, оказавшійся раскольникомъ: — ты мнѣ никакого зла не сдѣлалъ, но сдѣлалъ нашей братіи и нашей вѣрѣ....

— „Хорошо, отвѣчалъ Петръ: — разсмотримъ это“.

Государь велѣлъ взять преступника подъ караулъ и ничего съ нимъ не дѣлать, пока онъ его завтра самъ обстоятельно не разспроситъ.....

Къ сожалѣнію, ни профессоръ Штелинъ, поселившійся въ С.-Петербургѣ въ 1735 году и, слѣдовательно, знавшій, и притомъ весьма многихъ, „птенцовъ Петра Великаго", отъ которыхъ, большею частію, и слышалъ всѣ разсказы, внесенные имъ въ его книгу: „Любопытныя и достопамятныя сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ", ни Голиковъ, повторившій, со словъ Штелина, это же сказаніе, ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ дерзкаго преступника, не называетъ его даже и по имени. Между тѣмъ, это тѣмъ болѣе было бы интересно, что въ дѣйствительности событія едва ли можно усумниться, такъ какъ Штелинъ прямо ссылается на то, что событіе передано было ему „фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ, который при Петрѣ Великомъ былъ деньщикомъ"; дѣлать же ложную ссылку на лицо, сынъ и ближайшіе родственники котораго были еще живы въ то время, когда книга Штелина была напечатана, авторъ „Сказаній" едва ли бы рѣшился.

4-то апрѣля 1866 года

Батоги и виска на дыбѣ,

пытки въ Россіи въ XVIII в.

Два рисунка, приложенные къ настоящей книгѣ, составляютъ вполнѣ точное воспроизведеніе гравюръ изъ извѣстнаго сочиненія „Voyage en Siberie“, совершеннаго въ этотъ край чрезъ Европейскую Россію въ 1761 г. par M. l'Abbé Chappe d'Auterroche, de l'Academie royale des Sciences. Paris, 1768, tome premier, стр. 224, грав. № 12 и стр. 227, гравюра № 14. Рисунки исполнены тогда же съ натуры въ Россіи, художникомъ M. le Prince.

Первый изъ воспроизведенныхъ нами, въ гравюрахъ художника И. И. Матюшина, рисунокъ представляетъ весьма обычную сцену на Руси въ XVIII вѣкѣ: это supplice des batogues—наказаніе батогами или палками—самое обыкновенное, самое обыденное, въ то суровое гремя, исправительное, хотя зачастую и полное самой свирѣпой жестокости наказаніе.

Незабвенный Царь-Освободитель Александръ II, державною волею своею разбивъ цѣпи крѣпостнаго ига, снялъ позоръ и палочнаго избіенія русскаго человѣка.

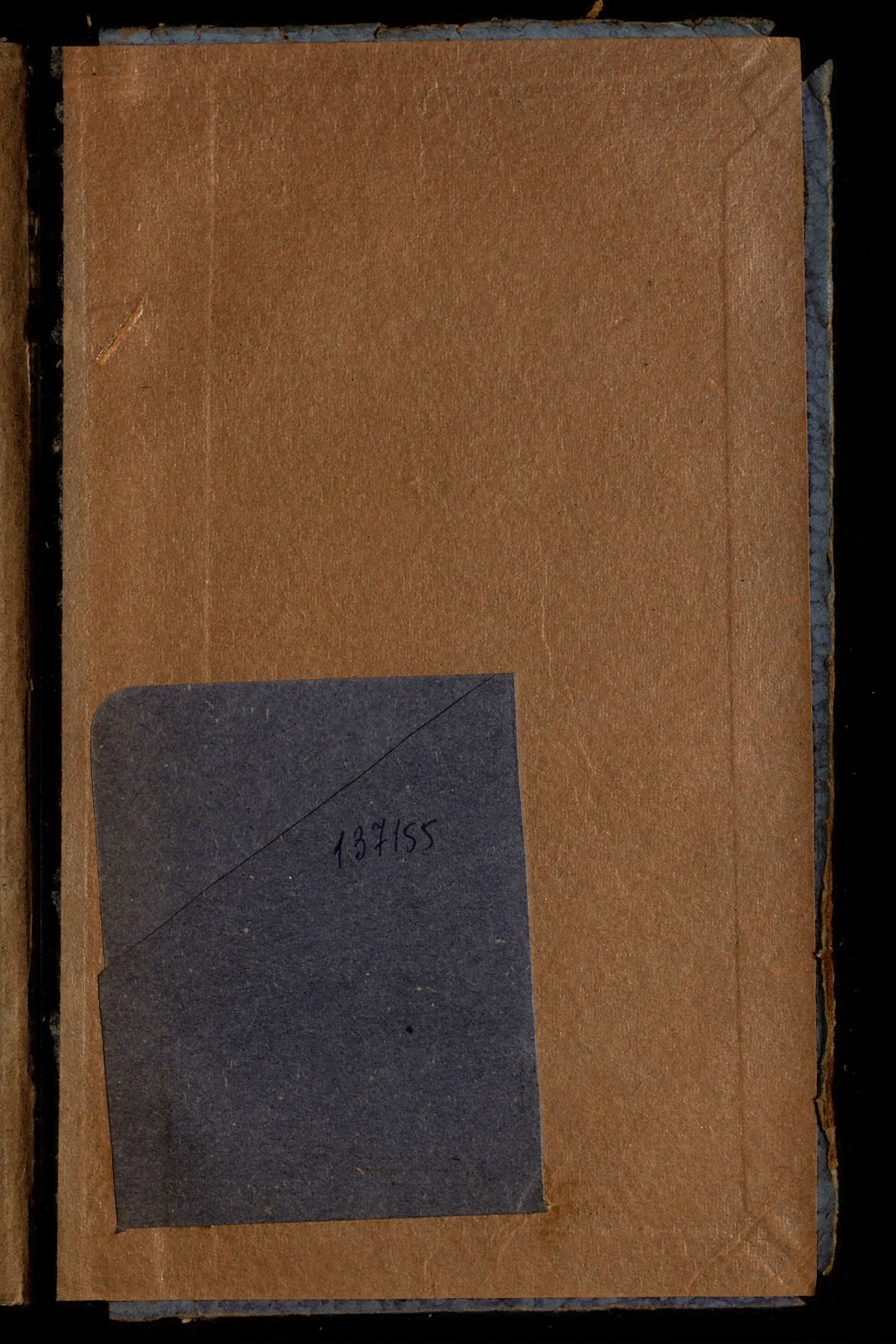
Другой рисунокъ, который читатель находитъ въ этой же книгѣ, это supplice du grand knout,—такъ называетъ этотъ видъ истязанія ученый путешественникъ. Но въ дѣйствительности это не казнь, а лишь подготовка къ казни; это тотъ допросъ съ пристрастіемъ въ Россіи XVIII-го вѣка, эта та виска или дыба, на которой, кромѣ массы лицъ, былъ истязанъ до смерти царевичъ Алексѣй Петровичъ, которую старался уничтожить Петръ III, противъ которой была Екатерина II, но окончательно уничтожилъ лишь Александръ I въ 1801 аоду. Съ того времени если въ нашемъ отечествѣ и истязывали койкого при допросахъ, то уже это было увлеченіе не только незаконное, но и преступное, преслѣдуемое, по обнаруженіи его, закономъ,—увлеченіе мелкихъ властей при разныхъ дознаніяхъ и допросахъ.

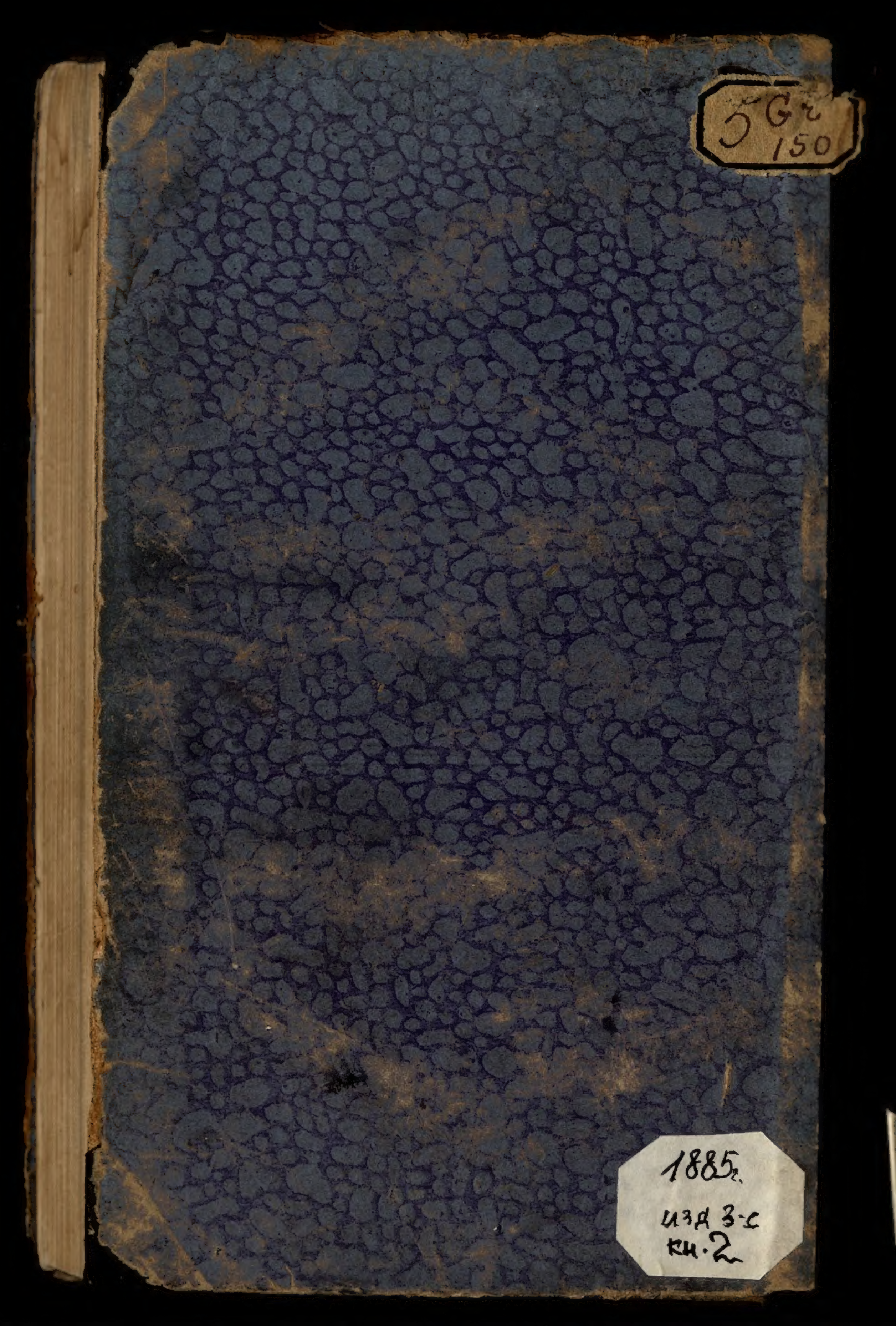
Это также вычеркнуто и смыто съ страницъ исторіи Россіи тѣмъ Державнымъ Вождемъ русскаго народа, кто даровалъ ему „Судебные уставы“ 1862—1864 гг.

Михаилъ Семевскій.

1860—1866 гг.

5-го сентября 1883 и 1884 гг.
С. Мерекюль.

137155

5 Gr
150
1885г.
изд 3-е
кн. 2